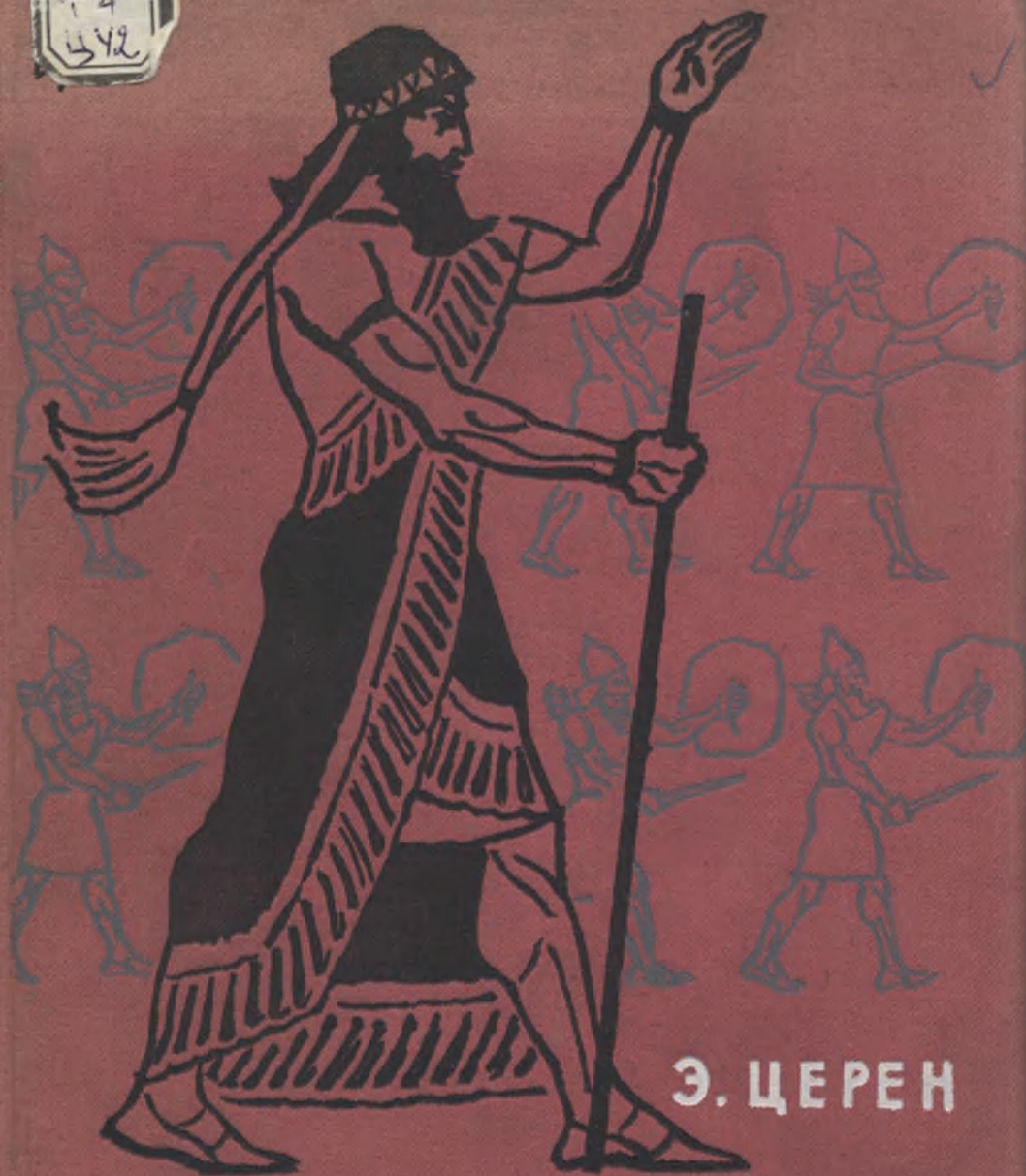

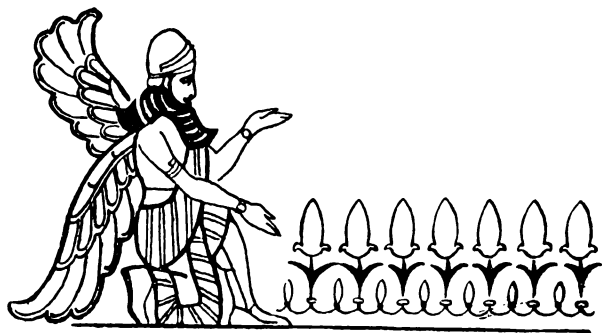
Э. ЦЕРЕН

БИБЛЕЙСКИЕ ХОЛМЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

E. Z E H R E N

DIE BIBLISCHEN HÜGEL

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Э . Ц Е Р Е Н

БИБЛЕЙСКИЕ ХОЛМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА 1966

Перевод с немецкого
Н. В. Шафранской

Редакция, предисловие и примечания
Д. П. Каллистова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Эриха Церена «Библейские холмы» вышла в 1961 году в Западном Берлине. Это не первая книга зарубежных ученых по истории великих древних цивилизаций, переведенная на русский язык. За последние годы советские читатели познакомились с рядом таких книг — М. Габба, Л. Вулли, А. Лота, К. Керама, Дж. Пендлбери и др. «Библейские холмы» отличаются от всех них (может быть, за исключением работы К. Керама) одной своей особенностью. Не ограничиваясь, как другие авторы, какой-либо определенной темой, Церен дает в своей книге историю археологических исследований и открытий за последние полтора столетия во всех странах Ближнего и Среднего Востока, кроме, пожалуй, только Ирана. По его выражению, он приглашает своих читателей совершить «долгий путь».

Начинается этот путь у первых раскопок древнего Вавилона и Ассирии, на территории между Евфратом и Тигром, оттуда идет на юг, в таинственную страну древних шумеров, потом на северо-запад, в Малую Азию, где находилась воспетая Гомером Троя и жили хетты, отсюда снова на юг, через территорию нынешней Сирии, Израиля, Иордании к Мертвому морю; заканчивается он на территории Египта и в «счастливой Аравии» — владениях царицы Савской. Это именно те места, где зародились и потом расцвели наиболее древние в истории человечества цивилизации, сыгравшие исключительную роль в многотысячелетнем процессе формирования мировой культуры.

Интерес к прошлому — и близкому и более далекому — закономерен. Человек нашего времени, вступив в век атомной энергии, электроники, освоения космических пространств, крупнейших исторических сдвигов в общественной жизни людей всего земного шара, на каждом шагу продолжает встречаться со словами, представлениями, понятиями, вещами, прочно вошедшими в современный быт и в то же время уводящими нас в далекое прошлое. Двадцатое столетие со всем тем, что оно принесло, было подготовлено девятнадцатым, а девятнадцатое — восемнадцатым.

Эвклид жил в античную эпоху. В античную же эпоху сложился и миф о Дедале и Икаре, воплотивший мечты о покорении человеком воздушной стихии. Через многие века эти мечты воодушевили К. Э. Циолковского, претворившего их в научное предвидение.

Многие ценности (особенно в области искусства), доставшиеся в наследство современному человечеству от его предков, не утратили своего значения и продолжают оказывать воздействие на культурную жизнь нашего времени. За небывалым еще в истории человечества прогрессом XX века кроется своего рода цепная реакция между прошлым, настоящим и будущим. Ибо прошлое вошло необходимым ингредиентом в тот сложный комплекс окружающих нас явлений и процессов, который мы обобщаем в понятии действительность. Чтобы найти отправной пункт для дальнейшего поступательного движения, нужно прежде всего достигнуть ясности в восприятии окружающей действительности — и материальной и духовной. Нужно оглядеться широко вокруг, чтобы достигнуть этой ясности, ибо именно в ясности мышления залог успеха во всех сферах творческой деятельности людей, то есть в движении их вперед, в будущее.

Интерес к прошлому в наше время проявляют многие. Он давно уже вышел за пределы узкого круга специалистов. Не только книги, повествующие о давно пережитых человечеством эпохах, завоевывают достаточно большое число читателей, но на эту тематику живо откликается и пресса. В газетах и журналах всех стран мира время от времени появляются заметки о тех или иных археологических открытиях. Они воспринимаются с неизменным интересом даже в тех случаях, когда речь идет не только о римской «спящей красавице», не тронутые временем останки которой сравнительно недавно были обнаружены неподалеку от Рима.

Читатели нашей газеты «Известия», например, могли прочитать 7 марта 1965 г. одну из таких заметок под обычным, скромным заголовком «Находка археологов». Американская археологическая экспедиция обнаружила в 150 милях от Багдада, вблизи города Дивания, 180 глиняных таблиц с клинописным шумерским текстом середины третьего тысячелетия до н. э. Специалисты считают это археологическое открытие уникальным: «С ним могут лишь сравниться работы немецких археологов на заре XX века в Телль-Фара, на раскопках древнего шумерского города Шуруппак».

Естественно, возникают вопросы. Что это за город Шуруппак? Когда его раскапывали? Чем прославили себя немецкие археологи на заре XX века в Телль-Фара? Почему находка шумерских текстов — событие такого большого научного значения?

Книга Церена дает ответы на все эти вопросы. И не только на эти. С большим знанием дела и обстоятельностью описывает Церен поиски археологов, ход проводимых ими исследований, обнаруженные в результате раскопок памятники. Материал для этих описаний он безусловно черпает из первых рук, а не из всякого рода обзоров компилятивного харак-

тера, которыми так богата археологическая литература Запада. Данные, которыми пользуется Церен, научно обоснованны. Широта охвата, таким образом, не привела автора «Библейских холмов» к скольжению по поверхности, хотя некоторые, может быть, иной раз и небезытересные для читателя подробности, повествующие о раскрытых археологами памятниках, он опускает. Это относится главным образом к разделам книги, выходящим за пределы ее основной темы, то есть уж действительно не имеющим ровно никакого отношения к «библейским холмам», даже если понимать это наименование так же условно и широко, как его понимает Э. Церен.

Холм Гиссарлык, под которым были погребены развалины эпической Трои, или тот холм в Арголиде, на котором и в нашу эпоху красуются руины древних Микен, «библейскими» уж никак не назовешь. И вот именно в описании этих замечательных памятников глубокой древности на поллитре Церена почему-то иссякают краски. Было бы несправедливым сказать, что Церен допустил здесь какие-либо фактические погрешности или существенные отступления от имеющихся данных. Однако рассказ об этих памятниках сжат до такого предела, что у читателя остается лишь весьма общее и поверхностное впечатление о многослойной Трое и замечательных микенских погребениях.

Вызывает сожаление, что столь же сжато описывает Церен и раскопки иудейского поселения в Хирбет-Кумране, имеющие уже прямое отношение к его главной теме. Раскопки эти, производившиеся в 1951—1957 годах французской археологической школой в Иерусалиме, Иорданским департаментом древностей и Палестинским археологическим музеем под руководством патера де Во и Л. Хардинга, привлекли к себе огромное внимание во всем мире и породили обширную литературу. Между тем Церен отводит им всего лишь несколько строк. Поэтому его же собственное определение этих раскопок как весьма «поучительных» по существу повисает в воздухе.

Однако, по мудрому выражению небезызвестного Козьмы Прутова, «нельзя объять необъятное». Остальные разделы книги освещают избранную автором тему более подробно. Последовательность этих разделов и их содержание подчинены у Церена не хронологическому, а локальному принципу. Начинает он поэтому с Двуречья и Ниневии. Местоположение этой древней столицы ассирийских царей — тогда, когда начались ее поиски, то есть в 40-х годах XIX века, — начисто выпало из памяти человечества.

И вот Церен подробно рассказывает, как летом 1842 г. на левом берегу Тигра, против Мосула, под палящими лучами солнца, парализовавшими всякое желание заниматься какой-либо работой, начались поиски забытой столицы, как в дальнейшем эти поиски, оказавшиеся совершенно безрезультатными, были перенесены в другое место — в 20 километрах к северо-востоку от Мосула, как здесь из-под земли были вырыты колос-

сы-быки с крыльями и человеческими головами. Последующими раскопками на этом месте был раскрыт целый комплекс дворцовых, храмовых и оборонительных сооружений, без всяких колебаний признанных тогдашним ученым миром руинами Ниневии. Но прошло еще некоторое время, и стало очевидным, что раскрытый памятник не Ниневия, а «Версаль ассирийского царя Саргона II... Дур-Шаррукин». Церен продолжает свой рассказ о поисках Ниневии, и читатель с напряжением следит за всеми их перипетиями, разделяя волнения, радости и разочарования археологов.

Подобным же образом излагается в «Библейских холмах» история других поисков, исследований и археологических открытий: Калаха, Вавилона, Ашшура, Шуруппака, Ура, палестинских и египетских памятников. Порой автор останавливается на подробностях, на первый взгляд, может быть, и незначительных, но играющих очень существенную роль в полевой археологии. Читатель узнает, с какими трудностями приходится иногда сталкиваться при получении в официальных инстанциях разрешения на проведение раскопок, при найме подсобных рабочих, доставке оборудования, производстве самих работ, устройстве жилья для участников экспедиции, организации питания, снабжения водой и т. д.

Церен во всем этом хорошо разбирается. В то же время ему в полной мере знакома романтика полевых археологических исследований с ее радостями, опасностями и бедами. Вне всякого сомнения, он принадлежит к числу людей, до крайности и даже самозабвения увлеченных археологией. Согласитесь, что не каждый день в наше время можно встретить человека, который совершенно серьезно станет утверждать, что «никакие законы современной химии или физики, искусство или техника нашего времени не изменили так наших представлений о мире, как археология» и что «археологи в большей мере содействовали изменению наших воззрений, чем Эйнштейн и все физики-атомники, вместе взятые!» (стр. 24).

Вряд ли существует необходимость обсуждать эти смелые, чтобы не сказать больше, высказывания по существу. Конечно, это своего рода гипербола. Да позволено будет и автору настоящего предисловия поделиться с читателями некоторыми, может быть, чересчур смелыми соображениями. Да, гипербола! Но иногда она может в некоторых отношениях иметь и свои положительные стороны: она увлекает. Только человек, сам увлеченный по-настоящему, может увлечь и других.

Тут невольно приходят на память полки в книжных магазинах с так называемыми уцененными изданиями, откуда часть книг потом переключивается в соответствующие цехи бумажных фабрик. Встречаются на этих полках, к сожалению, и книги археологического характера. Перелистывая их, нельзя не подумать: эх, да если бы вот этот же самый материал попал в руки к Церену! Как бы он его препарировал и преподнес читателю! Ведь археология может быть захватывающе интересной, а Церен

умеет писать. Можно не сомневаться в том, что русский перевод «Библейских холмов» не разделит печальной участи уцененных изданий, хотя воззрения их автора далеко не всегда совпадают с положениями, принятыми нашей наукой.

По ходу изложения Церен в ряде мест книги обстоятельно рассматривает проблемы дешифровки древней письменности, посвящая этому кругу вопросов целые главы и параграфы. «Как научиться читать и разбирать что-либо, написанное... на абсолютно незнакомом языке при помощи также незнакомой системы письменности?» Четкая постановка вопроса! И Церен на него отвечает. Отвечает в такой форме, которая не предполагает, не требует от читателя особой подготовки, предварительных специальных познаний в области лингвистики. Нередко эти ответы оказываются содержательнее, яснее и уж во всяком случае интереснее того, что можно прочесть в соответствующих разделах некоторых официально рекомендованных и принятых в наших вузах учебников.

В «Библейских холмах» повествуется, как еще в XVII веке первые клинописные таблицы попали из рук одного любознательного итальянского купца в римский музей в виде дара, и этот музей не знал, что с ними делать, так как тогда в Европе не было еще ни одного человека, который сумел бы понять эти знаки, скорее походившие на следы ног вороны или неумелый орнамент.

Всего три с половиной столетия тому назад! А если отсчитывать время от того года, когда состоявший на датской службе молодой инженер-лейтенант Карстен Нибур перерисовал надписи с камней на развалинах Персеполя и потом стал ими заниматься,— то и того меньше. Всего два столетия. Срок по масштабам известной нам истории человечества ничтожный. Какой поистине титанический труд за эти два века был выполнен людьми науки, которые теперь, располагая первоклассными справочниками, словарями и грамматиками, совершенно свободно читают клинописные тексты! Шаг за шагом шли они к своей цели. И Церен фиксирует каждый из этих шагов. Перед нами возникает своего рода эстафета, передававшаяся из рук в руки от одного поколения ученых к другому. На чем останавливались одни, то продолжали другие, добиваясь все новых и новых успехов в своем трудном деле.

Заслуга — и немаловажная — Церена в том, что он очень четко и конкретно формулирует каждую из тех исследовательских задач, которые приходилось одну за другой решать в сложном и длительном процессе дешифровки незнакомой письменности. Благодаря этому читатель «Библейских холмов» ясно ощущает всю эту цепь взаимосвязанных умозаключений и выводов, которая в конечном счете привела к столь блистательным результатам.

В этом отношении страницы книги, посвященные дешифровке клинописи, оставляют у читателя более яркое и целостное впечатление, чем раздел о письме древнего Египта. Излагаемая Цереном классификация

египетского письма (стр. 357), очевидно, нуждается в некоторых уточнениях и во всяком случае в дополнительных пояснениях.

Итак, Церен умеет заинтересовать своим материалом. Он пишет так, как и нужно писать научно-популярные книги, равняясь на достаточно широкие круги читателей. Однако сказать, что Церен обладает даром научно-популярного изложения, значит сказать про него еще далеко не все. Ведь он пишет историю науки на одном из очень важных и интересных участков ее многогранной деятельности. А наука — это и люди науки. Церен это хорошо понимает. В его изложении биографии ученых и их достижения, двигавшие науку вперед, органически сплетаются. Перед глазами читателей проходит длинная галерея портретов. Начинается она с биографий людей, которые никогда не бывали на Ближнем Востоке, но которых тем не менее с полным правом можно назвать прямыми родоначальниками целой плеяды последующих исследователей этой территории, наиболее богатой на земном шаре памятниками глубокой древности.

Действительно, если бы Винкельман и Цозга не внесли своих коррективов в существовавшие до них представления о давно канувших в Лету эпохах, в самое восприятие и понимание этих эпох, если бы Вильям Джоунз и Шлегель не углубились в изучение санскрита, огромный интерес последующих поколений ученых к истории и памятникам великих древних цивилизаций не имел бы под собою достаточно твердой и глубокой почвы.

Те, кто оставил после себя заметный след в истории археологии, при всех своих индивидуальных особенностях и различии судеб обладают одной общей чертой: огромным, самозабвенным интересом к своей профессии, к своим научным поискам и исследованиям. «Редко можно встретить профессию, — пишет Церен, — более безрадостную, чем профессия полевого археолога, работающего в пустыне, среди диких скал, в полной удаленности от всякой цивилизации, в тяжелых климатических условиях» (стр. 29). «Многие из них, — продолжает он далее, — неизлечимо больными покидали страну, в которой они рассчитывали найти славу... Непривычные к тяжелому тропическому климату возвращались одни из них на Запад, измученные малярией и болотной лихорадкой. Другие встречали смерть вдали от родины и семьи, в чужой стране...», но «они продолжают работать, как будто условия их труда — нечто само собой разумеющееся. Ибо для них во всем мире не существует более интересной профессии, чем избранная ими» (стр. 29).

Целый ряд приводимых в книге Церена фактов, почерпнутых из биографий многих археологов-исследователей, подтверждает эту характеристику.

А упорство в достижении поставленных целей!

Восемнадцать лет своей жизни посвятил Роберт Кольдевей вавилонским курганам. Ему не везло. Только ценой исключительного напряжения сил Кольдевею удалось в конце концов преодолеть огромные трудности и

добиться успеха. Восемь лет безрезультатно искал и Говард Картер знаменитую гробницу Тутанхамона. В «Библейских холмах» мы найдем много подобных примеров упорного и самоотверженного труда археологов.

Поучительны и интересны эти примеры. Не только для истории археологии, но и для истории науки вообще. Потому что в истории всех отраслей научного творчества можно легко найти такие же примеры самоотверженного труда. Именно на этой основе был заложен фундамент и возведено грандиозное здание современной науки, в котором по праву заняла свое место археология. То, что написал Э. Церен об ученых-археологах, таким образом, выводит нас за пределы его «библейских холмов».

Но вот странное дело! Почему в этом перечне славных имен у Церена отсутствуют имена русских и советских ученых? Разве не внесли они вклада в общее дело? Разве не трудились они на археологических нивах того же Египта; в частности, в самые последние годы на тех территориях, которые частично залиты водами Нила? Разве не принимали русские, советские ученые непосредственного и активного участия в международных конгрессах востоковедов? Об этом следящий за литературой Церен, конечно, не мог не знать.

На стр. 197 «Библейских холмов» читаем: «Русские ученые взялись за исследование своего родного края». Из контекста вытекает, что произошло это в 20-х годах нашего века и что, следовательно, до этого они таким полезным и важным делом, как археологическое изучение собственной территории, вовсе не занимались.

И это все! Все, потому что единственное у Церена упоминание русского имени (на стр. 251) в счет идти не может, ибо звучит оно следующим образом: «В Дура-Европос на Евфрате, севернее Каркемиша, в течение многих лет копали англичане, потом французы и, наконец, американцы, которые послали туда профессора Иельского университета Михаила Ростовцева, уроженца России».

Дальнейшие комментарии представляются здесь излишними.

Как же все-таки получилось, что из поля зрения несомненно хорошо эрудированного автора «Библейских холмов» начисто выпала не только целая плеяда русских археологов и востоковедов, развивавших энергичную деятельность начиная еще с первой половины XIX века, но и такие их институты, как Российское археологическое общество, Археологическая комиссия, Одесское общество истории и древностей и др.? Ведь все эти организации на протяжении многих десятков лет периодически выпускали свои «Отчеты», «Известия», «Труды» и «Записки», прекрасно известные тогдашним соотечественникам Церена, которые иной раз и сами помещали в этих изданиях свои работы. И неужели Церену неизвестны прославившиеся на весь мир восточные коллекции нашего Эрмитажа и ценнейшие собрания папирусов и других древнейших документов в наших библиотеках, возникшие не без участия русских ученых-востоковедов?

Странно все это! Странно, но не удивительно. Это очень хорошо и достаточно давно уже нам знакомая тенденция замалчивать достижения русской и советской науки. Она появилась на свет около полувека назад. Конечно, уже после Великой Октябрьской социалистической революции, но в прямой и причинной с ней связи. В течение многих лет она типична для умонастроения определенной части буржуазных ученых и связанной с этими кругами исторической и археологической литературы. Та же тенденция наблюдается за рубежом в литературе и по другим отраслям научных знаний. Только тогда, когда успехи нашей науки становятся в подлинном смысле достоянием обитателей всего земного шара, видящих их собственными глазами, приходится волей-неволей о них писать, отвечая на запросы самых широких кругов общественности.

Мы хорошо понимаем, что подобного рода методами умолчания победного шествия нашей науки не остановишь. Они вызывают у нас поэтому не чувство раздражения, а скорее сожаления. Так и в данном случае. В самом деле! Перед нами автор хорошей, полезной, увлекательно написанной научно-популярной книги по истории археологии, прекрасно осведомленный в своем предмете. И вдруг вот этакое!..

Впрочем, в какой-то мере это истораживает. Что это? Злой умысел, за которым кроется враждебное отношение к советской археологии и востоковедению только потому, что они советские? Порожден ли этот злой умысел непримиримостью к нашим теоретическим воззрениям или, может быть, это только следование неумной моде, получившей распространение на Западе в годы обострения холодной войны и находящейся в вопиющем противоречии с подлинной наукой и здравым смыслом?

Выяснение этих вопросов в значительной мере предreshает для нас оценку книги в целом. Лакмусовой бумагой в данном случае должно прежде всего явиться отношение ее автора к Библии. В так называемом «свободном мире» в изобилии сейчас издаются специальные журналы и выходят брошюры и книги по библейской археологии, главная цель которых состоит в том, чтобы «подтвердить священное писание» археологическим материалом. Многочисленные археологические общества, институты, всякого рода «фонды» и просто богатые меценаты — преимущественно американские — тратят огромные средства на организацию археологических экспедиций и раскопок библейских мест.

Пока у нас создалось впечатление, что Церен, включивший в свою историю археологических открытий на Ближнем Востоке целый ряд памятников, имеющих лишь весьма косвенное отношение — а то и никакого — к библейской традиции, не может быть отнесен к числу тенденциозно настроенных ее ревнителей.

Но все же как относится он к Библии?

Это нетрудно понять из текста книги. «Библия,— пишет Э. Церен,— представляет собой прежде всего собрание различных религиозных сочинений, которые нередко противоречат друг другу. Она появилась не как

законченное произведение, но сложилась в результате векового процесса развития со всеми его компромиссами и взаимовлияниями, возникшими под действием различных мировоззрений» (стр. 25).

Церен, таким образом, отдает себе полный отчет о характере этого произведения и его исторических судьбах. Из ряда других его высказываний в различных местах книги с неоспоримостью вытекает, что он считается и с подчас нарочито запутанным языком Библии, и со своеобразием стиля библейского повествования, и с теми изменениями текста, которые пережила Библия, особенно в пору ее канонизации, то есть начиная с Эзры и законоучителей из Синедриона в Ямнии и кончая масоретами, деятельность которых относится уже к VII—IX векам н. э. Иными словами, Церен подходит к Библии критически, как к памятнику письменности, в большей или меньшей мере отражающему реальные события, пережитые еврейским народом в различные периоды его исторической жизни.

На одном из таких периодов Э. Церен специально останавливается (стр. 297). Речь здесь идет о многовековой, по его выражению, драматической борьбе между народными верованиями, выливавшимися в форму культа золотого тельца, и тем вероучением, которое стремилось привить народу кастовое еврейское духовенство. Основываясь на I книге Царей (12, 28), Церен считает, что борьба эта шла с переменным успехом и многие цари Израиля и Иудеи принимали сторону народа. Конечная победа духовенства по существу означала утверждение нового вероучения в противовес прежним, уходящим в глубокую древность традициям. «То, что считали отпадением... от религии отцов,— пишет Церен,— на самом деле было упорной приверженностью к древней традиции» (стр. 298).

Что же собой представляла эта древняя традиция?

На этот счет у Церена существует совершенно определенное мнение. «Подлинно религиозное творчество,— пишет он,— имело место, вероятно, лишь в ледниковом периоде, в каменном веке или в последующие тысячелетия, но уж во всяком случае не при «учителе праведности» или Иисусе из Назарета и подавно не во времена Авраама и Моисея» (стр. 325). Во многих местах своей книги Церен останавливается на этих древнейших религиозных представлениях, уходящих своими корнями далеко в глубь дописьменного периода. Поэтому они находят свое выражение преимущественно в памятниках религиозной символики: изображениях животных — быков, львов, змей, рыб, смешанных, синкретических существ.

Церен пытается осмыслить эту древнюю символику, связать ее с наблюдениями небесных явлений, лунных циклов, Млечного пути и древнейшими представлениями о загробном мире. Через всю книгу красной нитью проходит у него мысль, что эти древнейшие символические образы повторяются в религиозной символике ряда исторически нам известных народов древней эпохи — шумеров, вавилонян, ассирийцев, хеттов, древних евреев.

Во многих местах книги Церена мы встречаемся с довольно произ-

вольными сопоставлениями. Так, на стр. 119 змея и голубь сравниваются с Луной и Венерой, а также с Адамом и Евой; на стр. 143 луна становится «то серпом, рогом или ладьей, то чашей или кубком», на стр. 158 бык и лев олицетворяют ущербную и полную луну, на стр. 273 дерево становится Млечным путем, на стр. 407 образ господя отождествляется с Сетом и т. д.

Вряд ли эта концепция звездной или лунной «религии» может найти себе какое-либо научное оправдание. Однако параллели Церена идут еще дальше — вплоть до сопоставлений древних верований и представлений с приметами и поверьями, бытующими и в наши дни у крестьян Европы. То же можно сказать и о всякого рода попытках объяснить имя Авраам, связывая его со словом «ибрим» — «потустороннее» (стр. 134).

Как и многие другие ученые капиталистических стран Запада, автор «Библейских холмов» не декларирует своей принадлежности к какому-либо определенному направлению и высказывает свои теоретические взгляды лишь мимоходом и попутно. При таких условиях правильнее будет говорить лишь о влиянии на него тех или иных существующих на Западе течений. Так, он придает преувеличенное значение так называемой сфере подсознательных явлений и связанной с ними символике.

То ли потому, что Церен задумал свою книгу как популярную, предназначенную для весьма широкого круга читателей, то ли по другим соображениям, но он оставляет этого рода свои взгляды без всякой аргументации. Постоянно давая, так сказать в подтексте, понять читателю, что область подсознательного в жизни уже ушедших с исторической сцены народов, как и в современной жизни, для него не «книга за семью печатями», он, по сути дела, ограничивается высказываниями чисто декларативного характера, лишь иногда поясняя их конкретными примерами.

К сожалению, далеко не всегда эти примеры для нас вразумительны. Вот, со слов Чиера, он рассказывает (стр. 32), как в одном из современных американских университетов был воздвигнут памятник ректору этого университета, видному ученому-физику нашего времени. На пьедестале он изображен во весь рост, левая нога ученого выдвинута несколько вперед и попирает рептилию — ящерицу необыкновенной величины, в данном случае символизирующую невежество, суеверия и глупость.

Почему выдвинута вперед именно левая нога статуи и именно левой ногой попирается эта рептилия?

«Конечно, — повторяет вслед за Чиера Церен, — современный скульптор не знал этого. Откуда ему было знать?» Вряд ли было это известно и ученым сотрудникам университета, по инициативе которых был воздвигнут памятник, и самому ученому, «ум которого без затруднения справлялся с самыми трудными физическими формулами». А вот археологи наверняка это знают, ибо в древних памятниках Египта «боги и цари всегда выступают левой ногой вперед». В памятнике, стоящем во дворе американского университета, поэтому присутствует нечто такое, что «очень

охотно присвоили бы своим богам древние народы, отделенные от нас тысячелетиями».

А рептилия? Именно «боги вели в те далекие времена борьбу с большими и маленькими драконами, рептилиями всех видов и победили их в этой борьбе».

Конечный свой вывод Церен формулирует так: «На пьедестале современного памятника... стоит, очевидно, наследник древних богов... наследник престола вавилонских богов Энлиля и Мардука, ассирийского бога Ассура и святого Георгия». Таким образом, от наших далеких предков к нам перешли «не только строение костей и группы крови, но и их душа... и часто их понятия и представления», хотя по большей части это доходит до нас «облаченным в современные одеяния, и мы считаем идеи их новыми, нашими собственными творениями... Какое заблуждение!».

Можно с уверенностью сказать, что попытки объяснить наши современные понятия и представления понятиями и представлениями наших предков не могут убедить подавляющее число читателей Церена, особенно тех читателей, в руках которых будет советское издание его книги, переведенной на русский язык.

Не более убедительными покажутся этим читателям, воспитанным на подлинно научных принципах научного мышления, и некоторые другие высказывания Церена, разбросанные — к счастью, не в больших дозах — по всей его книге. Например, о «пальцах Ашираты» из древнего Таанака (стр. 269). Речь идет о клинописном тексте, найденном венским археологом Эрнстом Зеллиным в 1901 г. при раскопках в Телль-Таанаке, на территории Палестины. В этом тексте, представляющем собой письмо, есть фраза: «Когда покажется палец Ашираты, надо это учесть и действовать, как положено».

Что это за «палец Ашираты» — богини звезд Ханаана, подобной Иштар и Инанне? Церен приводит вполне убедительное истолкование этого знака: в те времена еще не было календаря в нашем смысле слова и даты определялись по местоположению небесных светил. Следовательно, «палец Ашираты» — это дата. Казалось бы, на этом можно было счесть вопрос исчерпанным и поставить точку. Не тут-то было! Далее следует рассуждение о том, что тот же палец встречается и в Библии, «в рассказе о том, как на глазах египетских чародеев жезл Моисея превратился в змею». Но в том библейском рассказе, который имеет в виду Церен, ни слова не говорится о пальце. Это немаловажное обстоятельство, однако, его несколько не смущает: «потому что сама змея была пальцем».

Позвольте! — вправе воскликнуть читатель. Почему змея вдруг стала пальцем? Какие у нас основания предполагать столь необычную метаморфозу?

Церен оставляет этот естественно возникающий у читателя и вполне законный вопрос без всякого ответа. Видимо, для него это превращение пальца в змею нечто само собой разумеющееся. Далее следуют еще менее

понятные сопоставления «пальца» с «пальцами» из крестьянских поверий современной нам Европы (стр. 270). Заканчиваются все эти рассуждения фразами, которые некоторым образом проливают бальзам в душу недоумевающего и взволнованного читателя: «Мы уже не воспринимаем сейчас стиля библейских выражений... Мы читаем в Библии нечто такое, что либо уже не понимаем совсем, либо, в лучшем случае, понимаем неправильно». Вот с этой мыслью Церена, учитывая приведенную выше его интерпретацию библейского рассказа о посохе Моисея, есть все основания полностью согласиться.

Из всего сказанного о взглядах Церена с неоспоримостью вытекает, что его никак нельзя отнести к той достаточно многочисленной — кстати сказать, и наиболее реакционной по своим воззрениям — группе археологов, которые работают в так называемых библейских странах и прежде всего руководствуются стремлением во что бы то ни стало доказать историческую правоту Библии. В глазах этих археологов воззрения Церена не могут не выглядеть почти что еретическими.

Нет, Церен не принадлежит к их числу. Для того чтобы окончательно убедиться в этом, достаточно перелистать те страницы его книги, которые имеют непосредственное отношение к археологическим поискам и раскопкам на «святой земле». Священная гора Гаризим для Церена «образцовый пример» того, как одно и то же место на протяжении многих веков может считаться святыней у последователей совершенно различных религий. Здесь была воздвигнута храмовая башня Ваала, и здесь же потом находились святилища евреев, самаритян, христиан и, наконец, мусульман (стр. 276). Там, где в «Библейских холмах» идет речь о «святой земле» в собственном смысле слова, то есть о памятниках Иерусалима, Самарии, Назарета и т. д., Э. Церен показывает себя прежде всего археологом. С грустью констатирует он, что «всякий, кто рискнул бы, основываясь на исторических данных, провести грань между средневековыми и даже античными легендами и реальной исторической действительностью и начать раскопки „лобного места“ на Голгофе, неизбежно натолкнулся бы на ненависть и презрение. Возможности для подлинно научных археологических исследований были здесь весьма ограничены» (стр. 302).

С иронией рассказывает он о стремлении знатоков Библии найти пещеру в Вифлееме, поисках места на Голгофе, где стоял крест, опровергает традиционную топографию и т. д. Палестина сама по себе интересует Церена прежде всего потому, что археологическое изучение ее территории может помочь выяснению очень важного и трудного вопроса о древнейших миграциях и населении Европы и Палестины в первобытную эпоху («Переселились ли наши предки из Европы в Ханаан или наоборот?», стр. 278).

Так почему же в таком случае Церен постоянно использует в своих хронологических определениях имена легендарных библейских персонажей («это было задолго до Авраама и Моисея», «во времена Авраама» и т. д.)? Скорее всего Церен отдает тут дань распространенной на Западе традиции,

потому что его отношение к Библии как историческому источнику вряд ли может вызвать какие-либо серьезные сомнения. Оценивая степень исторической достоверности ее показаний, Церен обычно пользуется приемами сопоставления Библии с другими источниками — папирусом Гарриса, данными о нашествии гиксосов и т. д., то есть подходит к ней как историк. Присущие некоторым буржуазным ученым взгляды отражаются и на отношении Церена к простому народу тех стран, о которых он так увлеченно рассказывает. Перед нами возникают образы нищих и забытых феллахов и бедуинов. И не всегда автор относится к ним сочувственно. Зачастую они у него «воры» и «убийцы», «невежественные» и «глупые» люди.

Книга Э. Церена — научно-популярная. Она не претендует на точное и подробное описание археологических открытий в странах Востока. Далеко не всегда положения и выводы автора могут быть нами приняты и все же его книга — интереснейший, увлекательный рассказ об археологах и археологии — науке, постигающей прошлое.

Книга переведена с незначительными сокращениями. Библия цитируется по изданию Московской патриархии (М., 1956).

Д. П. Каллистов

«НАУКА ЛОПАТЫ»

В этом смысл всего того, что когда-либо было в прошлом; того, что это прошлое не остается мертвым грузом, но возвращается к нам, чудесным образом глубоко в нас воплощаясь.

Р. М. Рильке 1

Кто-то полвека назад назвал ее «наукой лопаты». Но в этих сказанных с легкой иронией словах звучало и нечто другое. Ведь имелась в виду археология, которая... а ну, откроем-ка словарь!

В одной почтенной энциклопедии среди статей, отражающих бег времени, напечатано: «Археология (греч.) в широком смысле этого слова — наука о древнем мире, а в более узком смысле, согласно современному словоупотреблению, — наука, изучающая изобразительное искусство и художественное ремесло классической древности».

Итак, изобразительное искусство и художественное ремесло! Не удивительно, что археология и по сей день нередко считается наукой, несколько удаленной от жизни. Тем не менее каждому поколению она дает о себе знать какими-либо сенсационными событиями: открытием гробницы фараона Тутанхамона в Долине царей, или сокровищ Приама в Трое, или царских гробниц в Уре.

Ну, а дальше?

Недавно молодые люди спросили одного профессора-археолога: «Зачем в сущности производят раскопки и для чего это нужно?».

У этого ученого уже вертелся на языке ответ: «Ради любопытства!». Но он вовремя спохватился и прочитал маленький доклад об археологии. При этом почти ничего не было сказано об изобразительном искусстве и античном художественном ремесле.

И в самом деле, почти никакая другая наука не вызывает среди широкой публики стольких споров о ее задачах и целях, как археология.

«Археологи — это люди, — сказал шведский писатель Август Стриндберг, — которые сортируют пуговицы: пуговицы с одной дыркой, пуговицы с двумя дырками и пуговицы с тремя дырками. И, кроме того, пуговицы без одной дырки, пуговицы без двух дырок и пуговицы без трех дырок. Как это скучно!»

«Археологи — это люди, — уверяет один ученый лингвист, — которые раскапывают руины, чтобы восстановить их планы, хотя ни один человек ничего не поймет в этих планах, да в сущности и не захочет понимать — лично у меня по крайней мере такого желания нет!»

«Археологи — это чертовы парни, — сказал турецкий служащий Фуад Бей, в обязанность которого входило наблюдение за археологами, когда они захотели заняться своим «колдовством» на турецкой земле. — Они меня полностью сбили с толку. Однажды они сообщили мне, что собираются раскопать в Каркемише на Евфрате очень древнее кладбище. Это меня заинтересовало, потому что в Каркемише никто и никогда не находил еще погребений. Они повели меня к старым земляным валам города на берегу реки, откуда был виден пустырь. Там, указав на многочисленные глиняные черепки, покрывающие землю, они объяснили, что эти обломки доказывают существование здесь кладбища. После короткого совещания они принялись складывать из камней небольшие кучки. Каждая такая кучка, по их мнению, означала место погребения.

Это было уж слишком, и я назвал их мошенниками.

Тогда они предложили мне побиться с ними об заклад, что под каждой кучкой камней они найдут могилу, а там, где камней нет, не будет ничего.

Я согласился и проспорил.

Целый месяц я не мог прийти в себя от удивления. Потом они мне все объяснили. Черепки, сказали они, это своего рода знаки пожелания счастья мертвым в их новой жизни. Где находят много обломков, там нередко можно обнаружить и древнее кладбище. Остальное уж зависит от умения наблюдать. В данном случае берег реки был из твердой гальки. Нанесенная ветром земля покрыла гальку лишь тонким слоем. Поэтому растительность на пустыре была очень скудной. Почти все растения имели короткие корни и не нуждались в большом слое земли. Но в отдельных местах попадались и более сильные растения с длинными корнями; росли они группами, как бы указывая на то, что под ними много земли. Группы таких растений никогда не занимали площа-

ди более двух квадратных метров. Характерный для всего берега слой гальки здесь, очевидно, отсутствовал.

Почему же его не было?

Именно потому, что там находилось погребение!»

Итак, археологи — это современные Шерлоки Холмсы. Подсобные рабочие — арабы — считают, что они связаны с самим чертом.

«Это было в Уре халдеев, в городе Авраама. Белые господа проинструктировали нас, предлагая уделять особое внимание большим глиняным конусам. Это круглые головки глиняных гвоздей, напоминающие шляпки грибов; в глубокой древности их вбивали в глиняный скрепляющий раствор между слоями кирпичей.

На таких глиняных гвоздях можно было всегда отыскать какую-либо клинописную надпись, прочитать которую мы, естественно, не могли. За каждый найденный гвоздь мы получали бакшиш. Только за один вид гвоздей никакой дополнительной платы не полагалось. На всех этих гвоздях была надпись, которую нам как-то раз прочли:

«Для Нанна, могучего небесного быка, славнейшего из сынов Энлиля, своего владыки, Урнамму, могучий муж, царь Ура, воздвиг сей храм Этеменнигуру».

Этот царь Урнамму жил почти 4000 лет назад в Уре. Но так как мы не умели читать глиняные гвозди Урнамму, то вынуждены были при каждой новой находке гвоздя спрашивать, получим ли мы за него бакшиш. Но часто, слишком часто белые господа бросали лишь беглый взгляд на наши находки и говорили: «Урнамму». И мы уже знали, что бакшиша не будет. Этот Урнамму понастроил в Уре слишком много домов. Поэтому за кирпичи с его надписями мы редко получали бакшиш. Нам сказали, что Урнамму воздвиг стены Ура, «подобные желтой горе». Точно мы не знали, когда можно рассчитывать на бакшиш. Но работать с белыми археологами было очень интересно. Правда, дела у них шли не всегда хорошо. Достаточно вспомнить об одной только этой истории с золотым сокровищем в храме Урнамму».

Здесь, очевидно, следует прекратить всякие разговоры и предоставить слово знаменитому исследователю Ура, сэру Леонарду Вулли.

Когда Вулли, проводя раскопки на площади храма бога Луны, установил, что мостовая внутреннего двора относится к персидскому, то есть более позднему, периоду, ему стало ясно (впрочем, были еще некоторые признаки), что под вымостками персидского времени должны находиться другие,

значительно более древние. Чтобы подтвердить этот факт, он приказал вынуть из мостовой 12 кирпичей и копать под ними вглубь.

«Такая работа была необычна для наших людей, — говорит Вулли, — им всегда твердили, чтобы они ни в коем случае не трогали с места ни одного кирпича. Они не могли никак понять этого неожиданного отступления от незыблемых правил. Когда же они наконец усвоили, что мое распоряжение вполне серьезно, они решили, что мы пустились на поиски спрятанного здесь золота. Они не поверили, что мы ищем здесь лишь вторую, более древнюю вымостку».

Вулли ушел, а люди продолжали работать.

«Через несколько минут прибежал ко мне один из рабочих. «Мы нашли золото!» — кричал он. Действительно, сразу же под плитами вымостки лежал целый клад — золотые бусы, серьги и подвески, золотая булава, сверху украшенная миниатюрной фигуркой женщины в длинном одеянии. Очевидно, кто-то в момент опасности спрятал здесь часть храмовых сокровищ, может быть, украшения богини, а потом так и не смог воспользоваться этим тайником». «К счастью, — добавляет Вулли, — кроме золота мы нашли и вторую вымостку!»

Бакшишей раздавали достаточно. Несмотря на это, арабы сочли бы Вулли большим обманщиком, если бы не нашли и эту древнейшую мостовую во дворе храма Ура.

Это случилось в первые дни раскопок Вулли в Уре. Арабские подсобные рабочие совсем еще не знали археолога. Они не проявляли еще никакого интереса к начатой работе. Однако эти несколько легкомысленные и безалаберные, не всегда старательные арабы постепенно превращались в ревностных сотрудников британского археолога. Конечно, и в дальнейшем они больше всего любили раскапывать те места, которые обещали находки, сулившие им бакшиш. Но их отношение к делу совершенно изменилось. Они уже чувствовали себя необходимыми для науки помощниками. Вулли рассказывает, что они работали с большой тщательностью, разбирая кирпичи; и с величайшей осторожностью очищали поверхность стены, опасаясь повредить глиняную штукатурку, хотя они знали, что не получают за это особый бакшиш. «Это делается в интересах науки», — говорили они, приветливо улыбаясь.

Когда в Эль-Обейде, на берегу Персидского залива, должна была начаться тяжелая и длительная подготовка к отгрузке найденных материалов и надо было особенно тща-

тельно упаковать статую медного быка, арабские помощники работали прямо-таки образцово. В последний момент драгоценное произведение искусства одного из самых старых храмов мира распалось на груды зеленых, ничего не стоящих обломков. Тщательная работа многих недель оказалась напрасной. Но когда один из подсобных рабочих пожаловался другому по поводу потерянного бакшиша, то тот со злостью ответил на это: «Иди ты к черту со своим бакшишем!». Он охотно отказался бы от платы за целую неделю, лишь бы успешно прошла погрузка, подготовка к которой потребовала столько времени и труда.

Черепки, надписи и историки

До самого последнего времени на Ближнем Востоке ходила молва, что все археологи занимаются колдовством.

Флиндерс Петри и Ф. И. Блисс много лет работали в Палестине, раскапывая холм, где они предполагали обнаружить остатки древнего библейского города Лахиша. Худая слава об этих раскопках передавалась бедуинами из уст в уста.

Много лет назад, говорили они, крестоносцы закопали золото в Телл-эль-Хезу, и вот это-то золото ищут сейчас неверные. При этом они применяют всякие колдовские штучки, чтобы никто ничего не заметил. Неверные умеют превращать золото в обыкновенные глиняные черепки. Поэтому-то они и собирают осколки от горшков.

Действительно! Это и была разгадка тайны! Какой нормальный человек будет собирать ничего не стоящие глиняные черепки и внимательно да еще с любовью их рассматривать?

Такими людьми могут быть только археологи! Но почему? Именно потому, что для них эти черепки и есть золото. Все ясно и просто.

Нужно быть готовым схватить их за руку, когда они уверяют, что их исследования всякому понятны. Надо взвешивать их слова, когда они клянутся, что их работы касаются не только архитектуры древности или стилей в искусстве, не только древней культуры, техники или истории войн самих по себе. Больше всего их интересует современный человек. Именно о нем и его прошлом должна идти речь.

Благодаря раскопкам археологов нам стала известна тысячелетняя история человечества. Для наших дедов история

этих тысячелетий была еще книгой за семью печатями. Можно было сочинять любые глупости, предаваться любым фантазиям, и никто не мог ничего возразить против. Теперь археологи раскрыли эту волшебную книгу. Они исследуют вещи и пользуются такими словами, которые наши деды восприняли бы как явное богохульство. Они нам показали, как тесно связаны мы со своим прошлым. Они открыли нам глаза на то, что наши чувства, наши радости и печали, наши взгляды и убеждения не только связаны с нашим собственным мышлением, но уходят своими корнями в наше прошлое. В наше неизвестное прошлое!

Археологи заставили нас отбросить привычные представления, которые мы унаследовали от своих предков и намеревались передать своим детям. Никакие законы современной химии или физики, искусство или техника нашего времени не изменили так наших представлений о мире, как археология.

Когда Генрих Шлиман открыл Трою, мир замер от удивления, но не потому, что Шлиман обнаружил «золотые сокровища Приама», а потому, что он разрушил представления о Гомере только лишь как об одаренном корифее поэтов. Когда археологи своими исследованиями древнейших культурных слоев Иерихона у Мертвого моря доказали, что доисторический человек и человек древнейших исторических эпох — задолго до Авраама и Моисея — умирал молодым и лишь редко доживал до старости (это стало известным и по многим другим погребениям), почти безмолвно рухнул один из крепчайших устоев библейской веры. Археологи в большей мере содействовали изменению наших воззрений, чем Эйнштейн и все физики-атомники, вместе взятые!

Американский ассириолог Эдвард Чиера рассказывает: «Почти после каждого доклада о вавилонской литературе кто-либо из слушателей встает и спрашивает: «Подтверждают ли клинописные тексты Библию или доказывают противоположное?»».

Какой вопрос! Сто лет назад никто не отважился бы задать его на публичном собрании. Сейчас исследователь клинописи слышит его на каждом своем докладе. И каждый раз этот вопрос ставит его в неловкое положение.

Кстати, на этот вопрос нельзя ответить ни да, ни нет. Библия представляет собой прежде всего собрание различных религиозных сочинений, которые нередко противоречат друг другу. Она появилась не как законченное произведение, но сложилась в результате векового процесса развития со

всеми его компромиссами и взаимовлияниями, возникшими под действием различных мировоззрений.

При сравнении вавилонской литературы и Библии ясно одно: вавилонская литература помогает нам понимать Библию значительно лучше, чем понимали ее наши предки. Дело в том, что язык этой литературы и язык Библии относятся к одной и той же древнесемитской группе языков. Часто значение одних и тех же выражений, которые мы не можем понять в еврейских текстах, совершенно четко вытекает из вавилонских. При этом надо иметь в виду, что кроме Ветхого завета мы не располагаем почти никакими текстами на древнееврейском языке. Несколько десятков лет назад мы не имели представления даже о том, как выглядела древнееврейская письменность первых царей Израиля.

Этим объясняется беспомощность наших лингвистов в их попытках перевести многие библейские выражения, встречающиеся не более одного или двух раз и поэтому понятные только из контекста, да и то лишь наполовину. В то же время ассиро-вавилонские тексты дошли до нас в изобилии. Они открывают возможность лучшего овладения языком.

Загадки и игра слов

Нередко авторы известных нам библейских рукописей совершенно намеренно употребляли загадочные слова и выражения, которые в наши дни приводят к неправильным толкованиям текста Библии.

Это стремление говорить загадками и прибегать к игре слов характерно не только для Библии, но прослеживается почти у всех народов глубокой древности. Для нашего времени игра слов — действительно лишь игра, но далеко не так обстояло дело в литературе далекого прошлого. Там она служила признаком образованности. «Это было требованием, так сказать, хорошего тона, — говорил знаменитый французский археолог Жорж Контеней, — придать написанному иной, более глубокий смысл, иногда нарочито затуманить и без того неясное изложение. Это не должно удивлять, если учесть, что соседний народ — египтяне — в известных случаях использовал таинопись вместо иероглифов, хотя последние, как кажется, и сами по себе достаточно трудны для понимания».

Контеней объясняет, почему человек древней эпохи так поступал: «Ассиро-вавилонская литература встречала сопро-

тивлением всякую попытку раскрыть ее тайны; но если ее вынуждали к этому, пускала в ход всевозможные средства маскировки. Даже если запись предназначалась только для священнослужителей, то и тогда, зачастую из-за опасения, что кто-либо из них может проболтаться, она заканчивалась следующей торжественной формулой: «Религиозные обряды, которые ты соблюдаешь, могут происходить в присутствии твоего ученика, но чужой, не принадлежащий к числу посвященных оракула, не должен их видеть; иначе число его дней укоротится. Посвященный может открываться только посвященному. Кто не посвящен в таинства, тот и не должен о них знать. Иначе он подвергнется ужасной каре Ану, Энлиля и Эла — великих богов». С подобным же предписанием мы встречаемся и в Библии. Только посвященный имеет право читать ее. Непосвященный даже не должен брать ее в руки. Но уж если он взял Библию, то по крайней мере он не должен ничего в ней понять. Еще во времена Иисуса по этому поводу говорилось: «Они будут смотреть и все-таки ничего не увидят, они будут слышать и все-таки ничего не поймут!»

Уже у шумеров, вавилонян и ассирийцев религиозные и научные наставления давались предпочтительно в устной форме. Самые важные поучения передавались посвященным из уст в уста. «Действительно, мы не найдем, — говорит Контеней об ассиро-вавилонской литературе, — ни одного сочинения поучительного характера, в котором бы полностью излагалась соответствующая отрасль знания. Жрецы старались, чтобы доступными для народа были только такие сочинения, которые нуждались в комментариях для истолкования их скрытого смысла. В текстах постоянно повторяется выражение: «Посвященного ты должен ознакомить с этим, непосвященный не должен этого знать!».

Таким образом, для понимания библейских текстов мало серьезных занятий, мало прилежания. Для того чтобы добиться в этом деле успеха, в значительно большей мере нужно еще и другое: именно то, что добыли нам археологи своими исследованиями могил и погребальных курганов; к этому «другому» относится и то, что написано клинописью и иероглифами. Но и этого еще мало: именно ненаписанное — да, именно ненаписанное! — может обогатить нас такими сведениями, какие не содержатся ни в одной, самой объективной древней книге... Здесь нам может помочь археология и только она! Не случайно один крупный ученый нашего времени, занимающийся изучением религий, призывал более молодых

ученых ничего не писать по истории религии, не ознакомившись предварительно с результатами работ археологов. Это, конечно, полностью относится и к Библии.

«Богословы средних веков, — говорит Чиера, — приходили к гипотезам и предположениям, которые хотя и казались весьма остроумными, но так искажали смысл многих библейских текстов, что мы теперь изумляемся, когда узнаем их действительное значение». «Я однажды слушал, — продолжает он, — проповедь очень хорошего церковного оратора, толковавшего слова, которыми воскресший Иисус приветствовал своих учеников: «Пришел Иисус, встал среди них и сказал им: мир вам!». Проповедник настойчиво обращал внимание своих слушателей на слова «мир вам!». Снова и снова пояснял он эти замечательные слова Иисуса, подчеркивая, что именно словами «мир вам» воскресший спаситель утешил своих осиротевших учеников, укрепил их веру, вдохновил их сердца. Без всякого сомнения, прихожане, с интересом внимавшие проповеди, с полным удовлетворением восприняли эти прекрасные слова «мир вам», которые их пастор вложил в уста христианского спасителя. Однако ни один человек, который хорошо знает Восток, не смог бы согласиться с таким толкованием этих слов. Дело в том, что «мир вам» означает абсолютно то же, что сегодня выражает мусульманин, когда произносит «салам алейкум». Обе эти формулы приветствия повторяют друг друга дословно. Они означают то же самое, что и принятые в Европе сухие и короткие приветствия «доброе утро» или «добрый вечер». Подумать только, что стало бы, если бы ориенталист посвятил этому проповеди!». «Таким образом, — продолжает Чиера, — глубокое изучение ассиро-вавилонской клинописной литературы раскрывает нелепости некоторых внешне доброжелательных и благочестивых, но на деле совершенно неоправданных толкований Библии».

Разорвано на тысячу кусков

Даже если бы ассиро-вавилонская (аккадская) литература не содержала ни загадок, ни игры слов и не хранила бы свои тайны, то и тогда разобраться в ней было бы совсем не легко.

Современные исследователи вынуждены проводить сложнейшую игру сопоставлений. Если нужен пример, чтобы показать, о чем тут идет речь, то, пожалуй, лучше всего было

бы взять латинскую литературу древних римлян. «Попробуйте себе представить, — говорит Чиера, — что из всех книг латинских авторов вырвали все страницы. Большую часть этих вырванных страниц потом кто-то снова разорвал на мелкие кусочки, остальные же страницы вообще уничтожил. Полученная таким путем куча бумажных обрывков была затем основательно перемешана. Наконец горсточку этих обрывков передали исследователям с любезной просьбой собрать эти обрывки бумаги вновь в одно целое и прочитать текст».

Безнадежное ли это дело?

Нет, не безнадежное! К счастью, вавилоняне и ассирийцы очень много писали. Но тут возможны и другие счастливые совпадения. В Пенсильванском университете (США) Чиера изучал как-то отрывок медицинского текста, начертанного на клинописной таблице. Текст оказался очень интересным, но таблица была повреждена и части ее не хватало. Некоторое время спустя в Турции во время случайного посещения Истанбульского музея Чиера обнаружил недостающую часть текста, причем не из другого экземпляра той же надписи, а именно часть находившейся в Америке клинописной таблицы.

Разве это не счастливое совпадение?

Да, в археологии все это связано: осмотрительность, проницательность, опыт, терпение и удача. Роберт Кольдевей, известный своими раскопками Вавилона, 18 лет своей жизни посвятил вавилонским холмам, но ему не везло. Он добился успеха, только преодолев огромные трудности. Напротив, из первых же раскопок Вулли на территории Ура во множестве покатались золотые бусины.

Но Вулли был достаточно осмотрителен. Несмотря на все просьбы рабочих-арабов, он велел тут же засыпать эти раскопы, ибо хорошо знал, что каждая неверно взятая лопата земли может разрушить что-либо важное и невозместимое для науки. Он хотел сначала организовать беспорядочную толпу только что набранных подсобных рабочих, воспитать из них старательных и надежных сотрудников. И только когда он достиг этого, были открыты царские погребения Ура.

Удача не сопутствовала Говарду Картеру, когда он искал в Египте гробницу Тутанхамона. И он, и многие другие археологи были абсолютно уверены, что гробница этого фараона должна находиться в Долине царей, так как там была погребена вся 18-я династия. Но Картеру потребовалось

8 лет, чтобы найти гробницу. 8 лет в скалах этой пустынной долины, которую всю можно спокойно обойти в течение четверти часа!

Разве это удача? Правильнее будет сказать: это результат уверенности и упорства. Редко можно встретить профессию более безрадостную, чем профессия полевого археолога, работающего в пустыне, среди диких скал, в полной удаленности от всякой цивилизации, в тяжелых климатических условиях, в условиях, способных лишить человека всякого мужества.

Часто этот успех так и не приходит совсем. Появляются змеи, гигантские пауки и скорпионы, но только не успех.

А нередко вместо него приходят лихорадка и смерть!

В наше время едва ли найдется отрасль науки, представители которой — ученые и их сотрудники — подвергаются таким опасностям, как археологи. Многие из них неизлечимо больными покидали страну, в которой они рассчитывали найти славу и почести, оказываемые первооткрывателям. Непривычные к тяжелому тропическому климату возвращались одни из них на Запад, измученные малярией и болотной лихорадкой. Другие встречали смерть вдали от родины и семьи, в чужой стране, в которую они вступили полные надежды. Болотная лихорадка или чума так и не отпустила их. Третьи утонули, были засыпаны или пострадали от несчастных случаев. А некоторых, самых лучших, убили разбойники.

И они не делают из всего этого сенсаций — эти археологи. Они продолжают работать, как будто условия их труда — нечто само собой разумеющееся. Ибо для них во всем мире не существует более интересной профессии, чем избранная ими. Они живут среди опасностей, с глазу на глаз с не раскрытой еще тайной. Не сегодня-завтра она может быть раскрыта, и тогда мировая пресса назовет их имена. Археологов ждет слава, почести, признание и удача — их счастливая удача.

За ними стоит хотя бы раз проследить

Да, это нужно было бы сделать! Пусть археологи проведут нас по времени и пространству. По своему времени, своей истории, познакомят нас со своими приключениями.

Начнем с пространства.

Мы знаем сегодня, что в недрах этого пространства скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Вернее

сказать — были скрыты. Ни в Америке, ни в Китае, ни в Италии нельзя обнаружить эти древнейшие следы деятельности человеческого гения; мы находим их на той территории, которая расположена между Тигром и Евфратом и простирается до побережья Средиземного моря, а оттуда, через Ханаан, до Нила.

Там находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений. Только небольшая область Восточной Европы составляет в этом отношении исключение. Но таинственную связь этой области с нашей прародиной на Переднем Востоке также раскрывает археология.

Из своих мертвых холмов извлекает она доказательства. Часто от них захватывает дух, и они кажутся почти невероятными.

Нет никакой нужды в том, чтобы археологи знакомили нас с основными особенностями открытых ими храмов и дворцов. Было бы также излишним изучать вместе с ними вавилонский и египетский языки, расшифровывать клинописные и иероглифические тексты. Дело совсем не в этом. Дело также и не в том, чтобы разбираться в последовательности культурных напластований, представленных грудями черепков, или заучивать новые даты, связанные с именами царей, о которых мы до сих пор ничего не слышали и история битв и низложений которых оставляет нас по существу совершенно равнодушными.

Нет, не об этом должна сейчас идти речь! За всеми этими датами, именами и названиями мест (без знания которых археологи, конечно, не могут успешно работать) стоит нечто иное, более важное. Вот это-то и нужно нам уловить. Условно назовем это иное «самым существенным»! Но пусть за каждым читателем этой книги, когда он ее прочтет до конца, останется право придумать свое название. Таких названий может оказаться немало, и некоторые из них безусловно могут быть очень удачными.

Того, кто в поисках этого «самого существенного» попытается проследить историю археологов на всех путях их деятельности от Евфрата и Тигра до Нила, ждет много удивительного.

Пути эти пойдут от первых раскопок на территории Вавилона и Ассирии в Двуречье (стране, расположенной между Евфратом и Тигром, восточнее Малой Азии и Сирии) и дальше на юг, «вниз», до Персидского залива, где в наши дни стоят нефтяные вышки, извлекающие из недр земли

«черное золото». Там и лежит древняя страна таинственных шумеров, скрытая под тянущимися на многие километры холмами.

Отсюда наш путь идет на северо-запад: в Малую Азию, где находилась не только Троя, но и основная территория государства хеттов вместе с резиденцией их царей. Владения хеттов временами распространялись вплоть до Палестины, где Авраам склонился перед ними, как перед властителями страны.

Как это ни удивительно, но сама археология своей поражающей нас историей обозначила тот легендарный путь, который когда-то, во времена всемирного потопа, с Кавказа и через Вавилон должен был пройти Ной². В Уре, недалеко от Персидского залива, жили предки Авраама³. Отсюда Авраам со своей семьей переселился в Харран, где тогда жили хетты. Оттуда он направился через Сирию в «обетованную» землю⁴ — Ханаан.

Путешествуя таким образом, мы подойдем к библейским и протобиблейским погребениям Палестины, к ее пустынным холмам и оттуда, пройдя вдоль Мертвого моря, попадем в государство царицы Савской.

Это долгий путь! На протяжении его мы встретимся с многочисленными приметами древности. Их нужно воспринять и правильно понять — каждую на свой лад.

Только тогда, стоя у ворот Египта, мы сможем вступить в эту страну, в которую пришли Авраам, Иосиф⁵ со своими братьями и Иаков⁶, их отец. Здесь появился на свет Моисей⁷ и отсюда повел он детей Израиля на Синай⁸.

Оттуда же пришел, как говорит библейская легенда, и Иисус из Назарета. Путь от Евфрата к Нилу — это, конечно, долгий путь.

На его протяжении в различных формах и образах воплощается то, что мы называли «самым существенным». На этом же пути лежат и библейские холмы, где ведут свои раскопки археологи.

Почему продолжают они свои раскопки?

Для того ли, чтобы узнать, как древний человек несколько тысяч лет назад вправлял сломанные кости, лечил воспаление надкостницы или ревматизм? Или чтобы выяснить, как он ткал свою одежду и как расписывал свои горшки? Или чтобы измерить его череп?

Все это, конечно, важно, но не настолько, чтобы из-за ответа на каждый отдельный вопрос вкладывать такие огромные средства, которые были истрачены археологами на про-

тяжении одного века. Ведь на раскопки ушло много миллионов!

Видимо, не в этом дело.

Может быть, все их труды направлены только на то, чтобы удовлетворить наше любопытство или подправить известные нам исторические даты в ту или другую сторону на несколько сот лет?

Нет, и не в этом суть!

Но в чем же тогда дело?

Несколько лет назад, пишет Чиера, один из крупнейших университетов Северной Америки решил отметить юбилей своего заслуженного ректора, знаменитого ученого. Во дворе университета был установлен памятник. Когда с него упало покрывало, присутствующие увидели фигуру великого ученого, левая нога которого попирала рептилию — ящерицу необыкновенной величины. Очевидно, памятник должен был символически показать, как ученый своей левой ногой попирает главных врагов человечества: невежество, суеверие, глупость. Причем именно левой ногой, что особенно интересно для египтологов, если вспомнить древние памятники Египта, где боги и цари всегда выступают левой ногой вперед. Конечно, современный скульптор не знал этого. Откуда ему было знать?

Значит, речь здесь идет не просто о левой ноге, с которой по причинам, неясным им самим, многие люди и сегодня каждое утро встают с постели. На самом деле в гораздо большей мере речь идет об идейном содержании современного памятника, поставленного в честь современного ученого. Было ли известно ученому, ум которого без затруднения справлялся с самыми трудными физическими формулами, какова идея этого памятника? Была ли она известна уважаемым сотрудникам университета, людям, задумавшим этот памятник? Ну, если и была известна, то все же представляется маловероятным, что они мыслили его именно таким. Ибо в позе ученого было нечто такое, что очень охотно присвоили бы своим богам древние народы, отделенные от нас тысячелетиями. Эти боги вели в те далекие времена борьбу с большими и маленькими драконами, рептилиями всех видов и победили их в этой борьбе.

Здесь, на пьедестале современного памятника, воздвигнутого в знаменитом университете, стоит, очевидно, наследник древних богов. Стоит ученый нашего века как наследник престола вавилонских богов Энлиля и Мардука, ассирийского бога Ассура и святого Георгия.

Знали это создатели памятника?

Как дилетанты, вероятно, не знали. Не знали, будучи физиками и химиками, медиками и юристами. Но археологи наверняка знали бы! Ведь археология не только пытается разыскать в мертвых холмах следы древних времен — значительно больше ее интересует сам человек: его ум, его душа и даже то, что остается не осознанным им самим.

Иными словами: археология делает довольно успешные попытки познать нас самих — в хорошем и плохом, в наивном и гениальном. Потому что археологи знакомят нас с нашими праотцами. От них к нам перешли не только строение костей и группы крови, но и их душа, их знания и часто их

Египетская похоронная процессия. Фреска из гробницы XIX династии (около 1300 г. до н. э.)

понятия и представления. По большей части все это предстает перед нами облаченным в современные одеяния, и мы считаем идеи их новыми, нашими собственными творениями, чем-то таким, что мы сами выдумали и разработали. Какое заблуждение!

Путь археологов — интереснейший путь к нам самим. Бессмысленно проходить этот путь только для того, чтобы превратиться в справочник по истории древнего мира, только для того, чтобы вызубрить даты правления сотни великих царей. Это совсем не важно! То, что надо запоминать — и что в конце концов и на самом деле запоминается, — это всего лишь некоторые символы и несколько положений. Их может понять любой, вне зависимости от языка, на котором он говорит.

Это все. Но для многих людей археология — это не просто информация о приключениях археологов. Может быть, для них археология — своего рода познание, которое приводит к моральному удовлетворению, к примирению с действительностью и даже избавляет от тревог и сомнений.

Это надо испытать!

Надо без всяких колебаний отказаться от механического

запоминания названий многочисленных мертвых холмов, имен царей и богов, даже и имен археологов. Все это служит лишь каркасом, образует скелет настоящего знания. Он не так уж и важен, его можно было бы даже заменить. Важно другое: то, что пульсирует и живет внутри этого скелета, что течет по сосудам к сердцу, к легким. Важно то, что дает нам возможность видеть и дышать.

Именно археологи показали нам, что означает жизнь, наша жизнь. За это стоило бы их поблагодарить!

СЫН САПОЖНИКА

Каждый год ученые и сотрудники Германского археологического института в Берлине торжественно отмечают 9 (а иногда 12) декабря. Некоторые другие германские университеты также считают те же самые дни праздничными. Этот праздник установлен в честь человека, который появился на свет почти два с половиной века назад. Он родился 9 декабря 1717 года в Стендале на Ухте, в самом центре Германии, в семье бедного сапожника и 12 декабря был крещен в евангелической церкви.

Имя этого человека — Иоганн Иоахим Винкельман.

Винкельман погиб 8 июня 1768 года в Триесте в возрасте 50 лет от ножа уже ранее судимого мошенника, с которым он, ничего не подозревая, случайно познакомился на пути из Вены в Рим. В Вене он был гостем императорского двора. Их величества подарили ему драгоценные золотые медали, которые Винкельман доверчиво показал этому бандиту. Из-за этого он и был убит.

В мире было немного людей, которых прославляют как святых спустя два столетия после смерти. Поэтому стоит уделить внимание жизни этого человека. Во-первых, потому что его личность в основном так же мало известна, как его творчество. Во-вторых, потому что его жизнь в некоторых своих чертах была так же примечательна, как и преждевременная, насильственная смерть.

Гёте писал о Винкельмане: «Его смерть привлекла внимание к его жизни. Да, может быть, результаты его деятельности, если бы он и продолжал ее до более пожилого возраста, не были бы такими значительными, как сейчас, когда он, как и многие другие необыкновенные люди, был отмечен судьбой, уготовившей ему неожиданный и ужасный конец».

Горько сетовал на это и Гердер. «Как многие писатели и знатоки древности, Винкельман, может быть, не только мог, но и должен был умереть для того, чтобы когда-нибудь мир обнаружил оставленные им следы».

Когда родился Винкельман, большинство пруссаков не умели ни читать, ни писать. Обязательное школьное обучение было тогда только что введено, крепостное право еще не отменено, и переселения запрещены. При таких обстоятельствах единственный сын бедного сапожника в Стендале, Винкельман, обязан был для начала овладеть профессией своего отца, семья которого к тому времени чинила ботинки уже пятому поколению своих сограждан.

Без всякого сомнения, за свою жизнь этому человеку пришлось испытать немало нужды и горя. Но его сын Иоганн Иоахим причинил отцу, как свидетельствует хроника, еще большее разочарование тем, что не проявил ни малейшего интереса к традиционной профессии своей семьи.

Кроме того, молодой Винкельман выступал — что вызывало крайнее недоумение — против некоторых привычных установлений своей среды. «С малых лет, — как рассказывает один из его учителей, — можно было заметить полное равнодушие Винкельмана ко всем высшим наукам» (прежде всего тут имелась в виду религия) «и особенно сильное влечение к языкам, к старинным книгам и к собиранию древних черепов. Летом он часто привлекал своих одноклассников к «раскопкам» песчаных холмов в окрестностях Стендала. Там они отыскивали старые битые черепки, которые Винкельман потом хранил как святыню. Ни на одном уроке он не был таким рассеянным, как на уроке закона божьего».

В самом деле: молодой Винкельман вместо молитвенника брал с собою на воскресные богослужения Гомера или других греческих авторов, чтобы во время проповеди наслаждаться ими. «Да, он был, — жаловался другой современник на необычное поведение юного Винкельмана, — одним из тех несчастных, которые не верят в бессмертие души. Но он высказывал свои взгляды только в кругу близких друзей. Внешне он соблюдал все религиозные обряды».

Винкельман был очень своеобразным человеком. В то время как другие люди используют случайно найденные ими горшки для того, чтобы готовить в них пойло для свиней или ставить с цветами на окне, он оберегал и лелеял эти горшки, как нечто исключительно ценное.

Было совершенно ясно, что сапожник из него получится очень плохой.

Первые школьные годы Винкельмана, протекавшие в доме его родителей, были омрачены нищетой. Отцу и матери трудно было его содержать. Но уже в эти первые школьные годы мальчик проявил особое пристрастие к наукам и развил кипучую энергию, чтобы осуществить свои заветные мечты. Он обеспечил себе бесплатное питание тем, что пел вместе с другими школьниками на свадьбах, похоронах и при всяких других удобных случаях.

Он брался за любую работу, чтобы получить хотя бы несколько грошей и как-то просуществовать. Он водил слепого старенького директора школы Тапперта, читал ему и оказывал всякую другую помощь.

Когда Винкельман в конце концов поселился у этого старого учителя, он стремился использовать для занятий каждую свободную минуту.

В школьной библиотеке Винкельман зачитывался классическими латинскими авторами. Щеки его при этом горели и глаза лихорадочно блестели. По греческому и латинскому языкам он имел только отличные оценки. Позднее, когда ему представилась возможность учиться в Келленской гимназии в Берлине, Винкельман стал посещать лекции в Академии изящных искусств.

Удивительно плодотворная жизнь!

Будучи в Берлине, Винкельман выпрашивал у дворян, священников и чиновников деньги для того, чтобы принять участие в гамбургском аукционе, где распродавалась одна знаменитая библиотека. Это была библиотека Фабрициуса, содержащая изумительные издания греческих и латинских авторов. На последние гроши он приобрел там несколько книг, которые привез в Берлин как величайшую драгоценность.

Когда Винкельману исполнилось 20 лет, этот серьезный и замкнутый юноша вернулся в Стендаль, но уже на следующий год, получив небольшую стипендию, он переезжает в город Галле на Заале; там в университете он слушает лекции по теологии и античной литературе.

Еще три года спустя — в 1741 году — Винкельман пополняет свое образование в Иенском университете, а на следующий год он получает место домашнего учителя в Хадмерслебене близ Хальберштадта. В 1743 году он становится заместителем директора школы в прусском городишке Зеэхаузене.

Там он прожил пять лет.

Винкельману было около 30 лет, когда он принял приглашение саксонского министра графа фон Бюнау, став его библиотекарем в Нетнице близ Дрездена.

Почти все прожитые им годы Винкельман провел в занятиях. Поэтому не удивительно, что он рано начал жаловаться на бессонницу. Да у него, собственно, и не оставалось времени на сон. «Чтобы не тратить на сон слишком много времени, — рассказывает современник Винкельмана, — он в большинстве случаев, особенно летом, совсем не ложился в постель и спал лишь несколько часов, сидя в кресле». Когда Винкельман работал школьным учителем в Зеэхаузене, он зачастую спал лишь 2—3 часа в сутки.

К этому времени его организм был уже сильно ослаблен и здоровье подорвано. И в таком состоянии Винкельман мечтал о Риме, Греции и Египте! Какой глупец! Как мог бедный школьный учитель, у которого не было даже собственной кровати, мечтать о чем-нибудь подобном! Но хотя Винкельман и отказался от сна и еды, он не отказался от своей мечты. И тут он встретил человека, сыгравшего большую роль в осуществлении его чаяний, да и во всей его судьбе.

Это был князь католической церкви. Через 7 лет после того, как Винкельман принял на себя заведование библиотекой графа фон Бюнау, на него обратил внимание папский нунций при саксонском королевском дворе, будущий кардинал Архинто. Архинто посетил библиотеку графа, где познакомился с Винкельманом, и был поражен его ученостью. Он пригласил Винкельмана, которому к тому времени исполнилось 37 лет (он все еще оставался холостым), совершить путешествие в Рим. «Там, без сомнения, — сказал Архинто, — найдется место библиотекаря для такого образованного и сведущего в своем деле человека». Когда Винкельман с радостью принял это предложение, от него — протестанта — по понятным соображениям потребовали перехода в католическую веру. Винкельман сразу же согласился.

Однако прошел еще целый год, прежде чем он смог осуществить мечту своей жизни. Аудиенция у короля Саксонии, устроенная одним расположенным к нему католическим священником, помогла Винкельману получить небольшую пенсию, которая позволила ему в конце концов покинуть Дрезден и уехать в Рим. «Пусть эта рыба плавает в своей воде», — сказал король после аудиенции, милостиво отпуская Винкельмана. И действительно, рыба нашла свою воду. 18 ноября 1755 года Винкельман приехал в Рим. Ему было уже 38 лет, когда он впервые обрел подлинное счастье.

Это было подобно яркому солнцу, выглянувшему в пасмурный зимний день из-за туч. Винкельману сразу же удалось найти в Риме высокопоставленных покровителей. Архинто, бывший папский нунций в Дрездене, успевший к тому времени стать кардиналом и государственным секретарем, обеспечил ему дружескую помощь кардиналов Пассионея и Альбани. Став явным фаворитом Альбани, Винкельман поселился в маленькой комнатке его дворца. Она быстро наполнилась древними бюстами, вазами, рельефами, манускриптами и старинными книгами.

Прежде такой невзрачный, голодный и оборванный, Винкельман постепенно расцветал. Этот человек, который в буквальном смысле слова сидел на голодном пайке, чтобы сэкономить себе на покупку книг, у которого в течение ряда лет вообще не было собственной постели, — этот тощий с жиденькими волосами Винкельман совершенно изменился. Чуть резковатый, патетически настроенный человек среднего роста с живыми черными глазами и полными губами, почерневший от южного солнца (таким описывают его в этот период), начал Винкельман свою карьеру в Риме.

Приобретя много друзей — среди них был известный художник Антон Рафаэль Менгс, — он приобрел в то же время и первых врагов. Но что человеку враги, если он впервые почувствовал, как вырастают у него крылья.

Первые раскопки античных городов Помпеи и Геркуланума, разрушенных землетрясением в 79 году и погребенных под пеплом Везувия, привлекли внимание Винкельмана, и он вскоре туда выезжает.

Римляне обычно использовали археологические раскопки Помпеи и Геркуланума главным образом для того, чтобы захватить прекрасные античные скульптуры, фрески и вазы. Так же поступали и неаполитанцы. Как только откапывали предметы, подходящие для украшения дворцов и вилл, их извлекали, а место раскопок забрасывали. Винкельман решительно выступил против таких хищнических методов. В своем «Послании об открытиях в Геркулануме» (1762 г.) и дополнительных сообщениях он объяснял итальянцам значение подобных находок для реконструкции картины развития культуры в давно забытую эпоху истории человечества.

Но его не слушали. Встретил он лишь недоверие, непонимание, врагов. Особенно в Неаполе. Там он сделал посмешищем одного инженер-лейтенанта, который запросто отломал

буквы от стены античного театра и преподнес в корзинке своему королю, «не сняв даже копии с их первоначального расположения».

Они были настоящие варвары, эти неаполитанцы!

Бессовестные, невежественные, поверхностные, глупые варвары, которые не понимали того, что в раскрытых погребениях Помпей и Геркуланума они встретились с тем самым веком, в котором жил Иисус Христос.

Не давая себе времени для отдыха, записывал Винкельман многочисленные идеи, приходившие ему в голову. В дополнение к написанным им еще в Дрездене трудам о греческом искусстве появляются одна за другой сенсационные работы об античной архитектуре, мифологии, о монетах и геммах, об истории античного искусства вообще. В то же время Винкельман становится президентом Общества любителей древности в Риме, профессором греческого языка Ватиканской библиотеки, членом Королевского научного общества в Геттингене. Летом 1767 года — за год до его убийства — в Риме была издана знаменитая работа Винкельмана «*Monumenti antichi inediti*» в двух томах с 268 гравюрами на меди и многочисленными иллюстрациями в тексте.

«В Риме выходит в свет уже давно ожидаемый читателями труд, — сообщалось в конце 1766 года, — посвященный неизвестным памятникам античности, трудно объяснимым или представляющим, с точки зрения других ученых, неразрешимые загадки... Используя множество редчайших исследований, автор сумел прийти к новым открытиям как в области античности, так и в других разделах науки; сотням мест из различных древних памятников письменности, которые до этого времени не были правильно поняты или казались совершенно непонятными, дается на основании древних трудов объяснение, вызывающее полное доверие».

Именно так все и началось!

Винкельман попытался раскрыть для своего века духовную сущность античности. Последние годы своей жизни он, не зная покоя, провел в путешествиях. Он еще раз посетил Неаполь, Флоренцию, Геркуланум, Помпею. Проехав через Венецию и Верону, прибыл он в Вену.

Но больше всего он стремился в Грецию. Туда Винкельман хотел совершить паломничество, чтобы познакомиться с древним искусством греков. Но он хотел попасть и в Египет, куда его манили пирамиды. Эти последние мечты его жизни так и остались неосуществленными. На обратном пути из Вены в Рим настигла его судьба.

То, что Винкельман оставил нам в своих работах, большей частью сегодня уже позабыто. Книги его переиздаются все реже и реже. Все современные энциклопедии, напротив, их скрупулезно пересчитывают. Для своего времени работы Винкельмана значили очень много. «Никакой художник, а тем более ученый, — так отзываются о его сочинениях современники, — никогда не рискнул бы дать такую точную характеристику и оценку древних произведений искусства. Пожалуй, никто другой не отличался такой любовью к древностям, не проявлял так много терпения, не обладал такими знаниями в этой области и не умел использовать стольких удачных возможностей».

Другой его современник пишет: «Заслуги Винкельмана в области литературы, основы изучения которой были заложены им еще в Дрездене и завершены в Риме, состоят в том, что исследование античного искусства, которое в Германии было отделено от филологии, он объединил с последней. Он уловил дух античных поэтов в произведениях античных художников, язык Гомера — в творениях древних скульпторов и таким образом извлек на свет блестящее зерно знаний, которое лежало под спудом несколько веков».

Так ли много он сделал? Да, много. Это был подвиг! Не важно то, что книги Винкельмана сегодня почти все забыты и что в некоторых вопросах он ошибался. Важно то, что сын сапожника из Стендаля на Ухте осветил дорогу Западу в сумерках слепой веры XVIII века в богов и ведьм. Есть еще одно, что заставляет нас и сегодня относиться к Винкельману с искренним уважением, — это его глубокая любовь к правде. И это тоже подвиг. Огонь, зажженный им, постепенно стал факелом, свет которого был виден издалека.

Со времени Винкельмана этот факел передается поколением сходящих в могилу исследователей в руки другому поколению с тем, чтобы он горел постоянно и никогда не гас.

Поэтому археологи и отмечают 9 декабря, день рождения Иоганна Иохима Винкельмана.

Дарвин исследователей культуры

То, что для своего времени кажется подвигом, для следующего поколения иногда теряет свое былое значение.

Когда Винкельман в июне 1768 года в Триесте истекал

кровью от ран, нанесенных кинжалом убийцы, в датской Ютландии тринадцатилетний мальчик собирал старинные вещи с такой же любовью и так же страстно, как когда-то сын сапожника из Стендаля. Как и Винкельман, он родился в декабре, а именно 20 декабря 1755 года. Звали его Иоганн Георг Цоэга, и появился он на свет в небольшом городке Далере.

Цоэга учился в Геттингенском университете, по окончании которого, увлеченный искусством и древностями Юга, как и Винкельман, отправился путешествовать в Италию. Ему было только 28 лет, когда он принял решение навсегда остаться в Риме. Там он посвятил себя изучению классической древности.

Как и Винкельман, Цоэга перешел в католическую веру, но это не дало ему той поддержки, которую нашел Винкельман у римских кардиналов. Лишь примерно десять лет спустя Дания назначила его своим генеральным консулом в Ватикане.

Уже через несколько лет после переезда в Рим появились первые работы Цоэги по археологии. Результатом дальнейших углубленных занятий были последующие работы, которые принесли Цоэге репутацию видного исследователя античности. Но тут Цоэга не пошел по пути Винкельмана. Если последний был по существу философствующим эстетом и сентиментальным поклонником искусства, то полного предчувствий Цоэгу интересовали прежде всего те силы, которые стояли за произведениями античного искусства,— он стремился постичь их дух, их историю. Другими словами, он искал факты и действительность. Эти поиски часто бывали поисками на высохшем каменистом поле, на котором редко удастся снискать славу. На такой почве можно найти скорее ненависть, негодование и отчужденность.

В 1797 году появилась книга Цоэги «*De origine et usu obeliskorum*» («О происхождении и назначении обелисков»). В ней он рассказывал о египетских обелисках, описывал культ мертвых у древних народов, их погребальные обряды и надгробные памятники. Цоэга впервые предпринял необычный для своего времени шаг, который еще долгое время спустя казался всем странным и о котором его наследники старались по возможности не упоминать, — он указал на значение доисторической эпохи для развития культуры, духовной жизни, представлений и понятий античного человека в исторически обозримом времени. Таким образом, Цоэга стал Дарвином в области изучения культурного и духовного развития человечества. Цоэга искал корни выросшего дерева

древних культур. Он не боялся высказать то, что романтизирующие мыслители Европы пытались скрыть за прекрасными изображениями греческих богов, а именно лозунг: все начинается с дикарей! Развитие античного человека идет от дикаря со всеми его примитивными представлениями, культами и религиозными обрядами — вот, собственно, та мысль, которую высказал Цоэга (основываясь больше на интуиции, чем на уверенности) перед своими удивленными и рассерженными современниками, поскольку они вообще его слушали и понимали. Цоэга смотрел на истуканов и волшебные камни древнейших людей, находя в них черты примитивного культа. В них искал он корни более высокой культуры древних греков и египтян. В то время как для его ученых современников «дерево росло над землей», Цоэга попытался заглянуть в глубь земли, чтобы найти корни, откуда дерево черпало силы и соки, которые питали его и за счет которых оно жило и процветало.

То, что удалось открыть Цоэге, имело, может быть, не больше значения, чем несколько искаженная передача древнего мифа в античной литературе. Не больше! Но, несмотря на это, он заложил основу для исследования античной культуры на всем ее трудном и длинном пути, уходящем в далекое прошлое. Цоэга был одним из первых, кто пробудил стремление искать в раскапываемых холмах и погребениях следы того, что было отражено в мифах и легендах.

Закрыв навсегда глаза в феврале 1809 года, в возрасте всего лишь 54 лет, он оставил яблоко раздора мыслителям пробуждающегося XIX столетия.

Отклик

В 1806 году, за три года до смерти Цоэги, еще один молодой ученый совершил паломничество в Рим. Родился он в гессенском Грюнберге и стал прославленным вождем в исследовательской работе по изучению классических мифов. Позднее он опубликовал свой труд «Греческая мифология», проложивший новые пути в этой области.

В Риме 22-летний ученый, Фридрих Готтлиб Велькер, познакомился с Цоэгой, труды которого произвели на него огромное впечатление. В 1808 году Велькер принял кафедру археологии и греческой литературы в Гисене. Через несколько лет после смерти Цоэги он отправился в Копенгаген, чтобы заняться там систематизацией и научной обработкой насле-

для этого знаменитого ученого. Велькер перевел труды Цоэги и почтил память ученого двухтомным описанием его жизни.

Для начала XIX века была характерна исключительная путаница в области изучения прошлого человечества. Из кабинетов ученых мужей, с кафедр университетов на головы любопытной молодежи свалилось множество гипотез, предположений и утверждений. В 1810 году в Лейпциге и Дармштадте вышел труд исследователя античности Фридриха Крейцера, профессора Марбургского и Гейдельбергского университетов, — «Символика и мифы древних народов». В нем Крейцер выдвинул теорию о единстве всех древних религий. Одним этим он вызвал бурю возмущения среди своих ошеломленных коллег. Крейцера, сумевшего предвидеть истину, которая сегодня все решительней прокладывает себе дорогу, объявили вне закона.

Но вскоре весь мир был потрясен известием, сверкнувшим, как молния на ясном небе. В 1789 году оно пришло из Лондона от англичанина сэра Вильяма Джоунза в форме шести объемистых томов. Это были переводы индийских — с древнего языка санскрита — текстов: культовых гимнов, сказок, песен и своеобразных глубокомысленных поучений. Спустя два года они были переведены на немецкий язык и сразу же заинтересовали поэтов и философов от Гёте до Шопенгауэра, которые с восторгом воспринимали неясные формулировки и необычайный ход мудрых мыслей «святых книг Востока».

И все-таки не это было самым важным. Решающую роль в значительно большей мере сыграли идеи, которые высказал Джоунз в пояснениях к своему переводу с санскрита и которые немного позднее были подтверждены англичанином Генри Томасом Кольбруком в изданной им в Калькутте в 1805 году работе о древнем языке санскрите, написанной в форме грамматики.

Грамматика делает историю

Короче говоря, это был один из самых обычных учебников по языку, которые довольно хорошо знает каждый ученик. Ранее никто и никогда не думал, что, изучив грамматику, можно онеметь. Но эта чертовская санскритская грамматика давно вымершего языка Индии фактически лишила голоса всех западных ученых. Со свойственной каждой грамматике скромностью, санскритская грамматика утверждает

ни более ни менее, как то, что европейцы должны обернуться назад и посмотреть на полное приключениями прошлое, на индийское или европейское — безразлично. Санскрит и предшествовавший ему ведийский язык, древние языки Индии, были европейскими языками!

Санскритская грамматика рассказывает невероятные истории, например:

санскрит	греческий	латинский	немецкий	английский
pitar	pater*	pater	Vater	father
pama	opoma	nomen	Name	name
napat	anepsios	nepos	Neffe	nephew
matar	meter**	mater	Mutter	mother
bhratar	phrater***	frater	Bruder	brother

произносится: * pateer, ** meteer, *** frateer.

Сомнения нет! Эта далекая Индия, берегов которой когда-то пытался достичь Колумб, плывя на запад, — эта Индия уже тысячи лет тому назад имела тесные связи с теми народами, которые сегодня живут в Европе. Пробил себе путь ко всеобщему признанию и второй вывод, ошеломивший западных филологов: авестийский язык также тесно связан с санскритом. Его можно отнести к семье индогерманских (лучше — индоевропейских) языков. Родилась наука, исследующая индоевропейские языки. Она возвысила те области науки, которые для исследователей античности с тех пор играют господствующую роль: филологию, языкознание и литературоведение.

Романтика

Первые филологи, проводя все новые и новые сопоставления, чувствовали себя так, как будто взглянули в сверкающие глаза кобры. В Париже Фридрих Шлегель углубился в изучение авестийского языка и санскрита. В 1808 году вышла его книга «О языке и познаниях индийцев». Его брат Август Вильгельм Шлегель в связи с этим создал в Бонне специальную типографию, снабдив ее санскритским шрифтом; в ней он печатал журнал «Индийская библиотека», положив начало изучению древнеиндийской литературы в Германии.

В то же время эта новая наука сразу же столкнулась и с большими трудностями. Волна чрезмерного увлечения романтикой Востока, как эпидемия, распространилась на обширные области Европы.

Фридрих Шлегель советовал всем, стремящимся найти и

постигнуть подлинную религию, ехать в Индию, так же «как едут в Италию изучать искусство».

На Востоке — в Персии, Индии — находились ее первоисточники! Там была древнейшая земля, обжитая в древнейшее время, там была родина мифологии. Иоганн Иосиф фон Геррес, католический философ-мистик из Кобленца, воскликнул: «Восток — это страна детства человечества!».

Не оттуда ли пришел к нам Ветхий завет, не оттуда ли пришло учение христианского «Спасителя»? Ведь только сейчас узнали мы о существовании священных текстов персов и индийцев!

Какие тайны будут еще там раскрыты?

Какие чудеса все еще ждут своего объяснения на Западе?

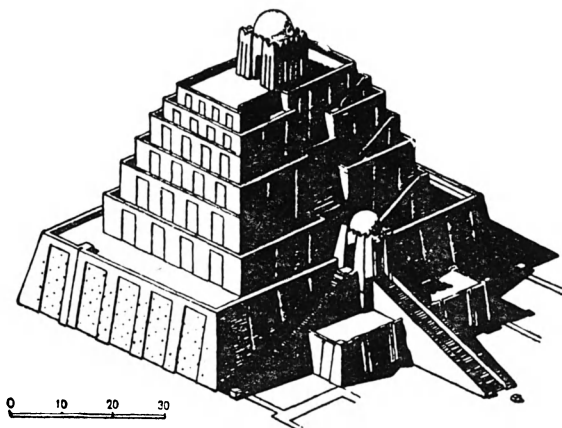
Беспокойный Гердер воскликнул: «Выходите из темных аудиторий Европы и вдохните свободный воздух незнакомо-го вам Востока!».

И началось паломничество!

Целью паломников были не только Индия и Персия, но и расположенное к западу междуречье Евфрата и Тигра — Месопотамия, со времени нашествия монголов всеми забытая страна. А это была чудесная страна тысячи и одной ночи, страна волшебников и мифических существ, где возвышались сказочные дворцы багдадских халифов, источник великой мудрости, кладезь тайн!

Туда и надо было совершать паломничества!

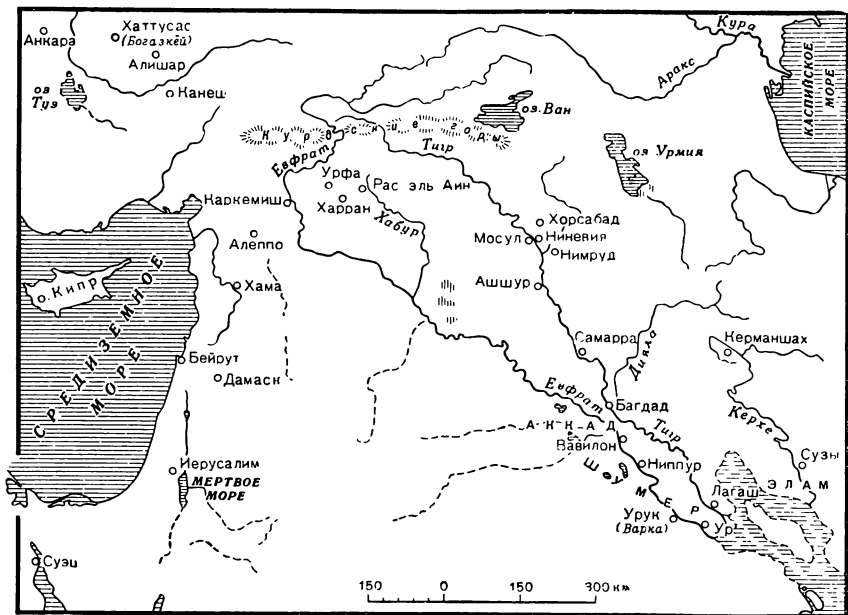
Но даже полные надежд исследователи не представляли себе, что они там найдут.

*Реконструкция храмовой башни из Ура времени
царя Набонида (VI в. до н. э.)*

I

НА ЕВФРАТЕ И ТИГРЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЗОРНАЯ КАРТА МЕСОПОТАМИИ

Когда на севере, в горах Армении, весной начинает таять снег, вода в реках прибывает. Половодье на Тигре начинается обычно в марте, на Евфрате — в апреле. В июне — июле вода достигает самого высокого уровня. Тогда-то благодатная влага обильно орошает поля и делает их плодородными.

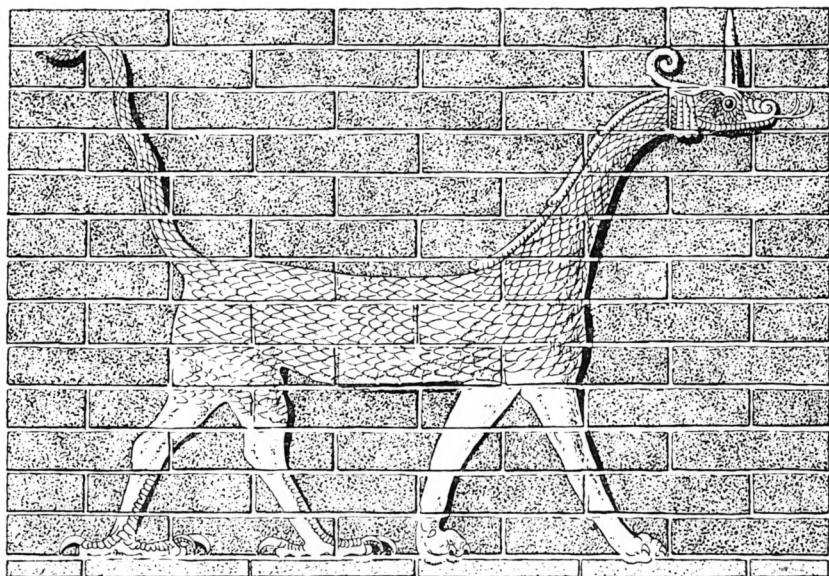
Но иногда реки неожиданно выходили из берегов, вода разрушала дамбы и уничтожала посевы. Тогда приходил голод. Умирали не только животные, но и люди. Голод наступал людям, если большая вода приходила несвоевременно или же ее было недостаточно для орошения полей. Голод наступал их и в том случае, когда вода бушующим потоком мчалась с гор, уничтожая поля, дамбы, посевы. Вода была чем-то священным, о чем надо было постоянно молиться, потому что это была вода и жизни и смерти. Нигде больше в целом мире боги не держали в своих руках сосуд со спасительной влагой так крепко, как в древней Месопотамии.

Лето в Двуречье длится долго. Оно начинается уже в середине марта и продолжается до конца ноября. Зима фактически длится не более 8 недель. Уже в феврале в оазисах зе-

ленеют луга. Климат здесь более жаркий и сухой, чем в любой другой части света. Летом жара доходит до 60 градусов, превращая страну в желтый ад — желтый песок покрывает безжизненным слоем холмы и долины. Гигантские песчаные смерчи несутся над высохшими полями, угрожая задушить людей и животных. Дожди выпадают редко. А уж если пойдет дождь, то это не просто дождь, а сильнейший ливень. Под сверканье ужасных молний превращает он землю в море грязи. Кто проезжает по стране в такое время, рискует погибнуть в топком болоте.

Природа демонстрирует здесь, в этой необычной стране двух рек, всю свою мощь. Она выразительно показывает человеку, как он беспомощен. Она в любое время играючи перечеркивает все его планы, делает его послушным и кротким. Но она делает его и терпеливым.

Весной пробуждаются целые полчища блох и кровожадно бросаются на людей. Затем, когда солнце начинает посылать палящие лучи на землю, блох сменяют облака песчаных мух, укусы которых весьма болезненны. Приходится опасаться и

*Синкретическое существо («ходячая змея»),
изображенное на воротах Иштар в Вавилоне*

финиковых ос, своеобразной разновидности обыкновенного шершня, оставляющих после укуса горящие нарывы. Ко всему этому присоединяется понос. Нередко он переходит в тяжёлую дизентерию и становится опасным для жизни.

Мучительные боли доставляет «багдадская», или «годовая шишка», как ее называют арабы. Это заболевание кожи, которое чаще всего оставляет следы на лице. Из кожных узлов образуются большие болезненные опухоли. Они гноятся и могут привести к ужасным уродствам. Лечение их продолжается почти год, отсюда и название «годовая шишка». Местные жители выжигают их раскаленным железом. Некоторые европейцы, как, например, немецкие археологи Андре и Кольдевей, испытали на себе это неприятное заболевание. Скорпионы, ядовитые змеи, гигантские пауки и легионы различных жуков отравляют жизнь.

Это страна, где когда-то возвышались роскошные дворцы ассирийцев и вавилонян. Страна, которая делала людей послушными и покорными, но в то же время жестокими и беспощадными. Страна людей необузданной породы.

Ботта ищет Ниневию

Ботта был первым. Поль Эмиль Ботта. Несмотря на опасность, что нас заподозрят в пристрастии к астрологии, приходится все же сказать, что и Ботта — дитя декабря, так же как немец Винкельман и датчанин Цоэга.

Ботта родился 6 декабря 1802 года в Турине. Его отец, известный итальянский поэт и историк, потом переехал в Париж. Там его сын, не подозревавший, что судьба избрала для него, изучал медицину. Ботта хотел стать врачом.

В 1826 году он занимает должность судебного врача и на три года отправляется в кругосветное плавание. В середине 1829 года возвращается в Париж. Здесь Ботта завершает свое образование и защищает диссертацию. Но Европа его уже не удовлетворяла. После долгого кругосветного плавания окутанные тайной дали все больше и больше привлекали его. Случилось так, что Ботта поступил в качестве военного врача на службу к наместнику Египта. Он участвовал в турецко-египетской войне за овладение Сирией, что позволило ему познакомиться со страной и ее населением.

В 1836 году Ботта получил из Парижа секретный приказ: исследовать прибрежные области Красного моря от Синайского полуострова до Йемена. Но ему так и не удалось про-

никнуть внутрь страны. Очевидно, угрюмое недоверие правнуков царицы Савской нарушило все его планы. Именно в это время культурные нации Европы стали проявлять слишком живой интерес к древней державе этой легендарной царицы.

В 1838 году Ботта вернулся в Париж. Однако ничто не говорило о том, что он собирается здесь остаться, избрав карьеру добропорядочного домашнего врача. Он уже не мог забыть таинственный Восток.

И вот в это же время французское правительство учредило должность консульского агента в Мосуле на верхнем Тигре. Как будто специально для Ботта! Специально для врача Ботта, который уже знал Восток, побывал в Сирии и владел языком местных жителей. Но эта должность консульского агента в маленьком турецком провинциальном городке была лишь декорумом. На самом деле Азиатское общество поручило Ботта решить удивительную задачу: он должен был найти для Франции сказочную Ниневию.

25 мая 1842 года Ботта приехал в Мосул. Мосул, расположенный на правом берегу верхнего Тигра, был тогда центром турецкого вилайета. Со своими полуразрушенными стенами и узкими улочками, смешанным населением, состоявшим из турок, арабов, курдов и армян, со своими сектами, церквями, мечетями, христианскими миссиями и святыми погребениями этот город жил не столько в настоящем, сколько в прошлом, словно во времена Авраама и Иакова. Каждому посетившему этот город прежде всего бросаются в глаза погребения, холмы, древности. Однако никто в Мосуле не мог с точностью сказать Ботта, где искать Ниневию, давно забытую столицу ассирийских царей. Правда, предположений можно было услышать много. Вся Месопотамия покрыта холмами. По-арабски их называют «телль», по-турецки — «хюй-юк» или «тепе». В большинстве случаев под ними скрыты остатки древнейших городов и поселений. Они служат как бы могильными холмами огромного кладбища человеческой культуры, растянувшегося на многие сотни километров.

Где же искать Ниневию?

Ботта попытал счастья, приступив с помощью нескольких подсобных рабочих к раскопкам большого холма на левом берегу Тигра против Мосула. Холм этот носил название «Куянджик». Местные жители предполагали, что там и должна находиться Ниневия, но утверждать это с уверенностью они не могли. Холм имел громадные размеры, и при пробных раскопках здесь не нашли ничего, что могло бы заинтересовать Ботта.

Лето в Мосуле невыносимо. Мучительная жара парализует всякое желание заниматься какой-либо работой. Ботта ругает себя. Какое сумасшествие! Какой идиотизм жить в этом грязном местечке на Тигре и раскапывать холмы без всякой надежды на успех!

Прошло лето, пришла сносная для работы зима; Ботта продолжает копать. Нет, он ничего не находит. Наступил март 1843 года. Ничего! Вот и весна, но Ботта все еще остается с пустыми руками. К черту этот проклятый Куюнджик!

Что делать? Сдаться? Отказаться? Вернуться в Париж? Незнакомый араб склоняется перед Ботта. Смущенно рассказывает: он знает другой «телль». Там раньше находили странные камни и плиты.

Где?

У деревни Хорсабад.

Взяв с собой незнакомца, Ботта верхом отправился в Хорсабад. Это приблизительно в 20 километрах на северо-восток от Мосула. Начали копать. И тут лопата наткнулась на что-то твердое: алебастр!

Красиво отделанная алебастровая плитка.

Ботта отбросил щебень в сторону. Плиток еще больше!

Потом стена!

Ботта знает, что ему теперь делать. Он берет своих рабочих, которые понапрасну рылись в «телль Куюнджике» под Мосулом. Он прекращает там работы и перебирается в Хорсабад.

Март 1843 года. Первые же лопаты земли приносят новые успехи; изо дня в день Ботта приобретает все большую уверенность в том, что под этим мертвым холмом у Хорсабада похоронена сказочная ассирийская столица Ниневия. Он посылает сообщение в Париж.

И тут начинается мистерия.

Еще и сегодня в солидных энциклопедиях можно прочитать, что Ботта проводил раскопки у деревни Хорсабад «на месте древней Ниневии».

Но это неверно.

Также неверно названо опубликованное в Париже в 1847—1850 годах роскошное пятитомное издание «*Mouvements de Ninivé, découverts et décrits par Botta*») («Памятники Ниневии, открытые и описанные Ботта»), так как это сочинение основано на вопиющей ошибке молодого археолога, которая даже век спустя все еще не везде исправлена.

Не будем, однако, приуменьшать роль Ботта. Он сделал сенсационное открытие — но это была не Ниневия. И когда

всего лишь несколько лет назад весьма почитаемый писатель дал одной из глав своей популярной книги¹ волнующий заголовок «Ботта находит Ниневию», археологи разочарованно развели руками, твердо зная, что в мире нет ничего более долговечного, чем ошибка. Даже целое столетие интенсивных исследований не смогло ее искоренить.

Версаль ассирийских царей

Когда Ботта впервые взял в руки чудесные плитки алебаstra, которые были найдены при раскопках холма у Хорсабада, он с ужасом увидел, что, пролежав тысячи лет в земле, они распадаются и крошатся на воздухе. Тогда он вызвал из Парижа опытного художника с тем, чтобы тот смог по крайней мере зарисовать эти замечательные находки.

Париж послал ему художника Евгения Фландена, деньги для оплаты наемных рабочих и добрые советы. В конце концов, когда Ботта сообщил о выкопанных им колоссах — огромных каменных быках с большими крыльями и бородами человеческими головами, — Париж высказал и благое пожелание погрузить эти удивительные скульптуры на паром, спустить вниз по реке на расстояние около тысячи километров вплоть до Персидского залива, где их можно было бы перегрузить на судно. Другого пути для транспортировки таких грузов тогда не было.

Ботта был в отчаянии. Как перенести эти гигантские многотонные каменные колоссы к Тигру без всяких вспомогательных приспособлений? Где разыскать ему речные суда, которые вообще способны выдержать такую огромную нагрузку?

Ничего не понимают эти господа в Париже! — ругался Ботта.

Посмотрели бы они на «келеки» местных жителей, эти построенные из бамбука паромы, которыми пользовались еще при Аврааме. Очевидно, еще со времен всемирного потопа арабы увеличивают их грузоподъемность при помощи надувных бурдюков, своеобразных воздушных подушек, которые укрепляются под бамбуковым настилом. Таким путем почтенные наследники ассирийцев и плавают вниз по Тигру — без парусов и без весел, только с длинными шестами, в какой-то степени позволяющими направлять плот в нужную сторону по течению реки до тех пор, пока через несколько недель пути он не достигнет цели. Там они продают свои

суда на слом, укладывают бурдюки на спину ослу и отправляются пешком в обратный тысячекилометровый путь.

И на такие «келеки» Ботта должен был погрузить гигантские каменные колоссы с бычьими туловищами и человеческими головами. У него не оказалось другого выхода, как только распилить эти колоссы, что, конечно, невозможно было сделать, не повредив их. Почти никто из его рабочих никогда в жизни не держал в руках инструментов: их надо было сперва обучить. Надо было также рассеять их страх перед этими чудовищами, которых Аллах и его пророк называли идолами греха, появившимися еще до всемирного потопа. К тому же пугали их — и не без оснований — странные клинописные знаки, высеченные на камнях. Это те самые кирпичи, о которых говорится в Коране! Они были обожжены в аду, и демоны их исписали! Так сказано в Коране!

Арабы вот-вот ждали несчастья, которое должно было обрушиться на этих дерзких французов. Без сомнения, все это плохо кончится, потому что то, чем каждый из них тут занимается, связано с адскими привидениями и колдовством демонов. А если и есть что-либо, чего боятся мусульмане, то это как раз демоны и привидения.

Поначалу рабочие охотно подчинялись этому могущественному Ботта. Платил он хорошо, да и аккуратно (с чем им редко приходилось сталкиваться). Но сейчас он зашел уж слишком далеко.

Когда Ботта в конце концов погрузил распиленных колоссов-быков на зыбкие, качающиеся на волнах Тигра плоты, произошло несчастье: примитивные «келеки» сначала спокойно плыли вниз по реке, но затем, неожиданно попав на быстрое течение, опрокинулись. До Парижа дошло лишь небольшое число записей, рисунков и описаний.

Верующие в Аллаха это, конечно, заранее предвидели.

Ботта копает два года. Из нагромождения покрытых эмалью кирпичей и рельефных плит постепенно стали вырисовываться пятнадцать залообразных помещений дворца. Париж был потрясен не меньше, чем арабы. Дворец в гряде мусора? Колоссы-быки с человеческими головами? Алебастровые плиты и покрытые эмалью кирпичи?

Надо направить к этому Ботта опытного знатока древностей, нужно воздать ему почести. И французское правительство назначает Ботта сначала консулом в Иерусалиме, а затем, в 1852 году, — генеральным консулом в Багдаде. Ботта возвращается в Париж как победитель. Но лишь через четыре года после его сенсационного открытия, в 1847 году, пер-

вые из этих замечательных каменных изваяний появляются в Лувре — старом, превращенном в музей дворце французских королей. Их вид вызывал изумление не только парижан и туристов, приезжавших во Францию, — весь мир воспринял открытие Ботта как сенсацию. В этом же году выходит первый том трудов Ботта об открытии «Ниневии».

В 1852 году французское правительство поручает Виктору Пласу продолжить раскопки холма у Хорсабада. Но при транспортировке каменных колоссов по Тигру опять происходит несчастье. В самом конце пути, почти у конечной гавани, плоты подверглись нападению враждебно настроенных бедуинов и были потоплены. И сейчас еще их груз лежит в глубокой тине в устье реки. Только два плота сумели избежать нападения. Небольшая часть неповторимых находок достигла в 1856 году Парижа.

Сменились поколения, пока работа, которую Ботта начал на холме у Хорсабада, была наполовину завершена, — десятилетиями лет глубокая тишина стояла над мертвым холмом, и лишь потом вновь наступили годы интенсивных исследований. Только в 1930—1935 годах американские ученые Эдвард Чиера и Гордон Лауд, работавшие по заданию Восточного института Чикагского университета и Иракского музея в Багдаде, довели это исследование до известного завершения.

Ботта не нашел Ниневии, но он обнаружил Версаль ассирийского царя Саргона II (VIII в. до н. э.) — Дур-Шаррукин².

Дур-Шаррукин

Величественный ансамбль дворцов и храмов, имевших более двухсот помещений и тридцать дворов, возвышался на искусственно созданной террасе. Она была сооружена на поперечной по отношению к городской стене линии, на 14 метров выше города ассирийских царей, города солдат и ремесленников. Весь этот комплекс построек венчала огромная четырехугольная башня, поднимавшаяся семью ступенчатыми ярусами. Стены ее были отделаны покрытыми эмалью кирпичами семи различных расцветок. До сих пор на обломках кирпичей сохранились остатки этих красок. Семь ступеней башни были окрашены соответственно в белый, черный, красный, белый, оранжевый, серебряный и золотисто-красный цвета. В основании каждая сторона башни имела длину

43 метра. Каждая ступень была 6 метров высотой, общая высота башни — 42 метра.

Широкая двойная парадная лестница и подъезды для экипажей вели к царской резиденции. Единственным входом в нее служили большие ворота. С двух сторон их охраняли четырехугольные башни и огромные быки-колоссы, увенчанные человеческими головами, которые пристально смотрели в глаза всем входящим, оказывая на них магическое действие. Перед каждой сторожевой башней стояла, охраняя ее, статуя человека, левая рука которого обхватила льва. Этим статуям в свою очередь сопутствовали два необыкновенных существа с телами быков и человеческими головами. Вокруг первого двора расположились здания царских служб и архивы. Там американские археологи в 1932—1933 годах обнаружили ценный список ассирийских царей. Он содержит имена 107 царей с указанием продолжительности их правления. Этот царский список охватывает время от образования ассирийского государства и до VIII века до н. э. Несмотря на то что список не содержит никаких дат (летоисчисления, подобного существующему сейчас, тогда еще не было), он имеет все же огромное значение для изучения истории Двуречья.

В правой части парадного двора расположен комплекс храмов с тремя святилищами. Одно из них было посвящено богу Луны — Син. Его лунный серп напоминает рог быка. Отсюда и образы огромных быков с большими крыльями. Головы людей на бычьих туловищах свидетельствуют о том, что бог быков к тому времени уже принял человеческий облик. Второе святилище было посвящено «супруге» бога Луны, богине Нигаль. В небесном пантеоне ее отождествляли с утренней и вечерней звездой, которую греки и римляне называли Венера (Афродита). Третий храм предназначался для бога Солнца Шамаша. Здесь же находились святилища меньших размеров, посвященные другим божествам.

Главные храмы Луны, Венеры и Солнца — этих наиболее почитаемых богов ассиро-вавилонского пантеона, в котором сначала Луна выступала в образе отца, Солнце — в образе сына, а планета Венера — в образе жены или дочери, — имели широкие вестибюли, за которыми находились длинные помещения, предназначенные для молитв. При входе в эти помещения были устроены высокие ниши, где, по-видимому, стояли великолепные изображения богов. За парадным двором и комплексом храмов был расположен царский дворец. К нему вели богато украшенные ворота. К северо-западному углу дворца примыкало особое здание. По всей вероятности,

Ассирийский царь Саргон II (VIII в. до н. э.) с большими крестообразными серьгами в ушах. Каменный рельеф из Дур-Шаррукина. Музей в Турине

оно служило тронным залом, предназначенным для приемов. Там когда-то перед троном повелителя были выставлены целые пирамиды из отрубленных человеческих голов. Зависимые от царя князьки или иностранные послы должны были видеть собственными глазами, чего может стоить нарушение договора или неверность.

Двор в царском дворце роскошно отделан покрытыми глазурью кирпичами голубого, зеленого и желтого цветов. На этих кирпичах встречаются изображения культовых символов — орла, льва, смоковницы, плуга. Деревянные колонны,

облицованные листами бронзы и украшенные искусной резбой, стояли у входа.

Дворец имел все, что только ни пожелал бы иметь самый могущественный владыка мира того времени, начиная от сводчатых порталов, замечательных статуй и больших рельефных изображений на алебастровых стенах до покрытых нежной глазурью кирпичей и сводов канализации.

Стены залов длиной 32 метра и шириной 8 метров были украшены рельефными изображениями из алебастра. Там нашли более 6000 квадратных метров алебастровых плиток, многие из которых крошились сразу же, как только Ботта брал их в руки. Если бы все эти плитки сложить в одну линию, она растянулась бы на 2 километра. Удивительно! Просто удивительно!

Ботта открыл ассирийский Версаль.

Весь мир насторожился.

Но где же была столица?

Где находилась проклятая пророками Ниневия?

ГДЕ БЫЛА НИНЕВИЯ?

Когда Господь совершит свое дело... скажет: посмотрю на успех надменного сердца царя Ассирийского и на тщеславие высоко поднятых глаз его...

Исайя, 10, 12.

Приблизительно в конце VII века до н. э. рухнула грозная держава ассирийцев. В 643 году до н. э. мидийские племена на востоке Месопотамии создали единое государство. Объединившись с этим государством, халдеи и вавилоняне — вековые враги Ассирии — ввергли ее в величайшую катастрофу, какую не переживала ни одна мировая держава.

Началась эта катастрофа с восстаний соседних угнетенных племен, к которым ассирийцы в течение веков успели привыкнуть. Но на этот раз — этот последний раз — восстания с силой пробудившегося вулкана вырвались из недр угнетенной земли. Они охватили коренные области Ассирии на верхнем Тигре. Горячее пламя восстания захлестнуло роскошные города-крепости на Тигре, защищенные мощными стенами и хорошо вооруженные.

Но в этот последний раз стены ассирийских крепостей оказались недостаточно крепкими. В 614 году до н. э. они были разрушены. Погиб и Версаль царя Саргона II.

Ниневия постигла та же участь. В 609 году до н. э. вся могущественная ассирийская держава с ее высокой культурой была окончательно похоронена. Все города, все поселки, все дворцы и храмы — решительно все было ограблено, разрушено и сожжено.

Враги Ассирии сторицей отплатили ей за все удары, которые она когда-либо наносила.

Тишина опустилась на огромную территорию верхнего Тигра.

Когда греческий историк Ксенофонт в конце V века до н. э. проходил со своими отрядами наемников по коренным землям бывшей ассирийской державы, он еще видел остатки огромных стен и обуглившиеся развалины храмов, но народ, который отсюда владычествовал над всем миром, исчез.

Ксенофонт не знал даже, что там жили ассирийцы. Он не знал самих имен таких городов, как Ниневия и Калах. Более того, он придерживался мнения, что в опустошенных, разрушенных городах, называемых им «Ларисса» и «Меспила», жили когда-то «древние мидийцы». Так основательно вавилоняне и мидийцы сумели более двух с половиной тысячелетий назад уничтожить следы ассирийской мировой державы.

Почти два века спустя, осенью 331 года до н. э., Александр Великий победил великого персидского царя Дария при Гавгамеллах. В то время, когда Александр нанес смертельный удар персидской державе, уже не было ни одной человеческой души, которая смогла бы объяснить молодому завоевателю, что он стоит на трагической земле Ниневии.

История! Здесь стирали с лица земли города! И Ниневию тоже! Кто же в таком случае смог указать молодому любознательному археологу место, где когда-то находилась Ниневия?

Калах, город Нимрода

Март 1840 года.

По старой части сирийского города Алеппо гуляет 23-летний англичанин со сверкающими глазами. Он весь во власти таинственного Востока. Он любит Восток — его короткую весну, его людей, его воздух, испытывает приятное возбуждение от грозящих с его стороны опасностей. И его дух. Как глубоко отличен он от духа Запада! Сколько скрывается здесь захватывающих тайн! Взять, например, историю гробницы Мохаммеда в Медине. Ее рассказывают у костров бедуинов, в сералях или безмолвных гаремах.

Гробницу Мохаммеда следовало привести в порядок: это стало необходимым. Однако каменщикам, пришедшим сюда для того, чтобы произвести нужный ремонт, объявили, что всякому, кто осмелится спуститься в погребальный склеп, как только он выйдет оттуда, отрубят голову.

Все же нашелся один желающий и спустился в ужасное место. Он отремонтировал склеп, поднялся и отдал свою голову на отсечение. Молча склонил он голову, и так же молча ему отрубили ее.

«Это было необходимо,— так объяснил рассказчик французу Эрнесту Ренану, — на этот счет существует совершенно определенное мнение. Никто не скажет, что можно было поступить как-то иначе».

Сила традиций!

23-летний англичанин также познакомился с ними. Затаив дыхание, слушает он все, что только можно узнать об этих традициях.

Его зовут Астон Генри Лэйярд.

Если Ботта родился в Турине, а жил в Париже, то Лэйярд родился в Париже, а воспитывался в Лондоне. Много лет его родители, французы, жили в Англии. Там молодой Лэйярд стал изучать юриспруденцию. Но память о незабываемом времени пребывания в Италии и горячая французская кровь мешали его дальнейшему юридическому образованию. Впрочем, может быть, он просто не выносил спертого воздуха присутственных мест, пребывание в которых было неотделимо от его профессии. Так или иначе, но он не мог выдержать жизни в туманном Лондоне. Ему нужны были тепло, солнце, сияющий свет.

Так бежит он, едва закончив свои занятия, из мира сухих параграфов к тайнам Востока, в страну, озаренную многокрасочным светом. В поисках приключений бродит он со своим спутником по Малой Азии и Сирии. Постоянно подвергаясь опасностям, смешивается с пестрой толпой арабов, турок и курдов, стараясь изучить их языки. У костров прирожденных воров и разбойников слушает он чудесные истории Востока. Вместе с гостеприимными и в то же время не внушающими никакого доверия бедуинами глотает он кофе из никогда не мытых чашек. С полным равнодушием относится он к тому, что кофе приготовлен на грязной воде и он может подхватить чуму или болотную лихорадку.

Аллах велик. А ведь Лэйярд еще так молод. Все захватывает его воображение.

В марте 1840 года он покидает Алеппо. Вместе со своим спутником едет верхом на восток, в степи и пустыни у Евфрата. После многонедельного путешествия верхом через безотрадную, вымершую страну в апреле достигает он Мосула на верхнем Тигре — за два года до Ботта. Чудеса! Ведь повсюду банды разбойников подстерегают вот таких французов, чтобы раздеть их до нитки, а при случае и убить. Ничего подобного, однако, не случилось. Лэйярд спокойно живет в Мосуле и осматривает «большие горы камня, которые, — как он позже пишет, — принимали за развалины Ниневии».

Очень ли это его интересует?

Знает ли он о задании Ботта?

Очевидно, нет. Лэйярд предпринимает длительные поездки верхом, которые приводят его в маленькую деревню. Оттуда

он может окинуть взглядом всю равнину по другую сторону Тигра. Он видит много холмов, покрывающих местность, и далеко на горизонте особенно высокую пирамидальную гору, которая возвышается над всеми холмами. Та ли это пирамида, которую более двух тысяч лет назад видел Ксенофонт и описал как большую «каменную пирамиду около города Ларисса»? Позже Лэйярд характеризует эту таинственную пирамиду как огромную бесформенную груду земли, поросшую травой, где не было никаких следов применения человеческих рук. Только там, где дождь вымыл трещины, проступали остатки стен.

Что же это за развалины?

Лэйярд не смог ответить на этот вопрос. У него не хватило денег, чтобы продлить свое пребывание в этой чудесной стране. Надо было возвращаться. С сожалением возвращается он к своей профессиональной деятельности в Лондоне. Проходит пять лет.

В 1845 году Лэйярд опять на Востоке. К тому времени Ботта уже привлек внимание к раскопкам Дур-Шаррукина — предполагаемой Ниневии. Попав в Истанбул, Лэйярд прожужжал английскому посланнику все уши, пока не добился от него небольшой финансовой поддержки, которую тот оказал под впечатлением открытий Ботта. Получив помощь Лэйярд нанимает в Мосуле нескольких рабочих. Он начинает раскопки холма Нимруд — «своей пирамиды».

Уже на третий день Лэйярд достиг успеха. Его рабочие обнаружили в мусоре огромную человеческую голову. Когда громадное изваяние из камня было полностью выкопано, перед потерявшими самообладание арабами предстал чудовищный лев с большими крыльями и человеческой головой. Широко открытыми глазами смотрели они на это страшное видение.

«О Аллах, о Аллах, — кричали они. — Это дело не человеческих рук! Это дело злых духов! Еще пророк предостерегал нас от них. А Ной перед всемирным потопом проклял их».

Пошла путаная болтовня. В конце концов все арабы пришли к убеждению: «франк» платит много денег потому, что его королева — королева на острове — молится на эти божества и хочет поставить их в своем собственном дворце.

Лэйярд не обращает внимания ни на пророка, ни на библейского Ноя, ни на всемирный потоп. Его не пугает ни скрытое недовольство, ни те мелкие и крупные затруднения, с которыми ему приходится сталкиваться. Неутомимо копает он дальше. И так в течение многих лет. С огромным

трудом ему удастся переправить в лондонский Британский музей гигантские каменные изваяния, извлеченные на свет из холма Нимруд. Это снова крылатые колоссы-быки с человеческими головами, а также крылатые львы. Если быки символизировали ущербную луну, то львы образно выражали полнолуние. Львы и быки были, таким образом, связаны друг с другом.

В 1846 году Лэйярд нашел «черный камень». Арабы рассказывали о нем, передавая древнюю легенду. Они знали, что этот камень скрыт в недрах холма Нимруд. Но никто не был удивлен больше их самих, когда Лэйярд извлек из обломков черный камень. Этот камень из базальта имел высоту более двух метров.

Со всех четырех сторон он покрыт искусными рельефными изображениями и испещрен многочисленными клинописными знаками. Но Лэйярд не мог еще тогда прочесть то, что там было написано. Прошли годы, прежде чем было установлено, что Лэйярд нашел памятник, воздвигнутый в честь победы ассирийского царя Салманасара (IX в. до н. э.).

Только тогда и выяснилось, что Лэйярд раскопал ассирийские царские дворцы IX—VII веков. Но в конце концов оказалось, что, раскапывая «свою пирамиду» на холме Нимруд, он открыл опять-таки не Ниневию, на что так надеялся, а Калах.

Однако Калах, так же как и Ниневия, — известный в древности город. О нем упоминается в I книге Моисея («Бытие»). И там сказано, что Нимруд — «начал быть силен на земле» и «был сильный зверолов перед Господом» — построил в начале своего царствования кроме Ницевии еще и Калах.

Во всяком случае все, что Лэйярд в изобилии находит на холме Калах—Нимруд, извлекает на свет и по возможности отправляет в Лондонский музей, — все это потрясает цивилизованный мир. Огромный фундаментальный материал ждет обработки и оценки. Он так обширен, что Лондон только через 25 лет разрешает продолжать дальнейшие исследования холма Калах. Лишь в 1873 году Смит и Рассам начинают там новые раскопки.

Калах раскрыл многие стороны развития культуры и истории человечества. Так из-под обломков появляется на свет белый, высотой более 2 метров известковый камень с изображением царя. Этот камень — памятник ассирийскому царю Шамшиададу V (IX в. до н. э.). Помимо типичных знаков Луны и звезды Венеры, ассирийский царь носил на груди и особый знак — крест. Этот большой красивый крест укра-

шал грудь ассирийского царя почти за тысячу лет до нашей эры.

Нет, он происходит не из Ниневии. Потому что пока еще никто на свете не знает, где лежит эта проклятая библейскими пророками Ниневия.

Иона, рыба и Ниневия

В Мосуле жили христиане. Они принадлежали к несторьянам, якобитам и различным христианским сектам. Большинство это очень набожные люди. И само собой разумеется, что они особенно интересовались теми местами Библии, где говорится о Ниневии.

Среди жителей Мосула, усердных читателей Библии, был один смысленный юноша, всерьез увлеченный древней историей своей родины. Он родился в 1826 году в Мосуле в халдейско-христианской семье. Звали его Ормузд Рассам. Он рано изучил английский язык. Обуреваемый горячим желанием помочь Лэйярду, который был старше его на 9 лет, Рассам использует для этого каждую свободную минуту, остающуюся у него после школьных уроков.

Конечно, молодой Рассам знал наизусть то место из библейского текста, где пророк Иона подробно рассказывает о Ниневии: «И было слово Господне... встань, иди в Ниневию — город великий и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня». Но Иона не захотел тогда выполнить божественное веление. Он бежал на корабле. Корабль попал в шторм и грозил пойти ко дну. И тогда Иона рассказал о своем бегстве. Корабельщики бросили его в море. Корабль был спасен. Спасся также и Иона. Господь послал ему большую рыбу, которая проглотила Иону, а через три дня извергла на сушу.

Эта история очень похожа на многочисленные мифы тихоокеанских островов, и было бы очень интересно выяснить, как подобные мифы могли проникнуть в Библию. Но молодой Рассам этого еще не понимал. Для него было важно то, что Иона после такого урока выполнил божественное веление.

Это самое главное.

Иона пошел в Ниневию. «Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы».

Прибыв в Ниневию, Иона начал проповедовать: Пройдет еще 40 дней,— сказал он,— и погибнет Ниневия! И увидел: все жители Ниневии, услышав такое предсказание, вместе со своим царем облеклись в рубище, посыпали голову пеплом

и принесли покаяние. Это отвратило гнев господен от Ниневии.

Возроптавшему Ионе господь объяснил: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более 120 000 человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?». Это была загадка для маленького Рассамы. Как следует все это понимать, если Ниневия все-таки исчезла с поверхности земли? И неужели же на самом деле такое множество людей не отличало левой стороны от правой? Может быть, Ниневия была расположена на обоих берегах Тигра?

Тайна открывается

1846 год. Лэйярд стоит перед двумя вытянутыми в цепочку холмами на восточном, левом берегу Тигра, против Мосула. Он все еще занят раскопками Калах—Нимруда и озабочен тем, как бы другие археологи его не опередили. Многие поколения ломали себе голову над тайнами этих холмов. Неясные слухи и старинные легенды, ходившие среди местных жителей, позволяли думать, что здесь, под этими двумя холмами, лежит погребенная Ниневия.

Но никто пока еще не пытался начать здесь раскопки.

Любители приключений из Европы, почтенные странствующие коммерсанты, даже дипломаты и агенты задумчиво рассматривали эти холмы последние десять лет.

А потом пришел Ботта.

Он стал копать и копать здесь, но ничего не нашел. Обескураженный Ботта прекратил наконец раскопки с тем, чтобы перейти в деревню Хорсабад. Когда там был обнаружен роскошный дворец царя Саргона II, и Ботта, и весь мир были убеждены, что Ниневия найдена.

И вот Лэйярд нерешительно стоит перед этими двумя холмами, не зная, с какого ему начать. Совершенно очевидно, что оба эти холма не естественного, а искусственного происхождения. Лэйярда больше привлекает меньший из них, Неби Юнус. Но он частично находится в болотистой местности, частично на территории мусульманского кладбища, и, следовательно, проводить здесь раскопки очень рискованно. Все местное население накинулось бы на него.

А может быть остановиться на северном холме, который уже раскапывал Ботта? Этот холм Куюнджик настолько велик, что каждый, кто начнет его раскапывать, будет обескуражен: где здесь искать памятники древности? Длина хол-

ма — 800 метров, а ширина — почти полкилометра; это один из самых больших холмов такого типа в Месопотамии.

Осмелится ли Лэйярд? Или с ним случится то же, что уже случилось с Ботта, когда он вел там раскопки? Может быть, он также найдет там лишь никчемный мусор? Итак, слева от Тигра? А может быть, справа? Нет, справа, непосредственно у реки лежит Мосул. Но что же находится за холмами? Не следы ли это древних каналов Тигра? Конечно же, это древнейшие искусственно созданные каналы!

Не значит ли это, что Ниневия была расположена слева от Тигра и справа от канала? Тогда не приходится удивляться, почему жители Ниневии не знали, что было «правым», а что «левым». Но верно ли это?

Или опять ошибка?

Лэйярд ломает себе голову; Рассам ломает себе голову. И потом они начинают копать между Тигром и каналом. Сперва из земли появляются большие ворота с остатками двух изображенных на них крылатых каменных колоссов. А год спустя сказочный дворец ассирийца Синахериба лежит почти полностью освобожденный от земли. Таким образом подтверждается убеждение Лэйярда и Рассама в том, что они на самом деле стоят у погребенной Ниневии.

Как герой

1847 год. Лэйярд спешит в Лондон, чтобы лично сообщить Британскому музею о своем открытии. Он берет с собой молодого Ормузда Рассама. Переехав из Мосула в Англию, Рассам продолжает учебу в Оксфорде. Лэйярд же вскоре возвращается из Англии к полевым раскопкам Ниневии. Британский музей предлагает ему продолжить за счет музея раскопки на развалинах ассирийской столицы.

Все заботы о деньгах теперь позабыты. Лэйярд может спокойно с новыми силами работать дальше. И все же в 1851 году он вынужден прекратить раскопки. Лэйярд болен. Мосульский климат подточил его здоровье. Карьера Лэйярда как искателя кладов для Британского музея была окончена. Но этот уход, на который должен решиться 34-летний Лэйярд, был отнюдь не печален; его уход был триумфальным.

Уже с 1848 года вся Англия читает его двухтомное сочинение: «*Niniveh and its remains*». В 1850 году эта книга выходит и в немецком переводе в Лейпциге. В 1853 году появ-

ляется следующая сенсационная книга Лэйярда «Niniveh and Babylon...». Спустя три года эту книгу, уже на немецком языке, получили в подарок изумленные обыватели Средней Европы.

Жизненный путь Лэйярда с этого времени круто идет вверх. В 1852 году он некоторое время занимает пост помощника государственного секретаря в Министерстве иностранных дел Великобритании. Затем Лэйярда выбирают в парламент. С 1861 до 1866 года он опять помощник государственного секретаря, а в 1868 году становится министром общественного строительства. Считалось, что он, раскопавший великолепные царские дворцы, должен кое-что понимать и в этом деле. Должность посланника в Мадриде дает ему возможность в 1877 году стать послом Великобритании в Стамбуле — в той стране, где взошла его звезда, после того как он сбежал из унылых канцелярий Лондона.

Уже в возрасте 70 лет Лэйярд пишет книгу о своих приключениях в Персии и Месопотамии. В «Early Adventures in Persia, Susania and Babylonia» он еще раз вспоминает о днях своей беспечной юности, когда, бросив юриспруденцию, он с одним портпледом ездил верхом через желтые пустыни и зеленые оазисы Евфрата и Тигра.

Летом 1894 года, в возрасте 77 лет, Лэйярд навсегда закрыл глаза, которые видели так много таинственного и интересного на земле. С тех пор многие поколения заслуженных и высокообразованных археологов скорбят об этом человеке, открывшем Ниневию и прославившем Англию на поприще изучения древностей.

Библиотека Ашшурбанапала

В 1852 году Рассам (который к этому времени уже закончил учебу в Оксфорде и вернулся в Мосул) взялся по поручению Британского музея за продолжение раскопок Ниневии.

Рассам знал, что он ищет. Еще никогда так много и так основательно не читались произведения античных авторов, как в XIX веке. И Рассам ищет Сарданапала, Ашшурбанапала, последнего великого царя Ассирии перед ее падением. Рассам ищет его дворец, раскапывая холм Куюнджик. Когда он обнаружил этот дворец, какое-то внутреннее чувство подсказало ему, что здесь кроется нечто значительно более ценное, чем замечательные стены из алебаstra, мощные укрепления и крылатые каменные колоссы с человеческими голо-

вами. Чутьем собаки-ищейки он в конце концов нашел то, что искал. В 1854 году Рассам стоит на пороге открытия тайны, стоит перед жемчужинской древней эпохи, скрытой во дворце Ашшурбанапала. Он находит здесь большую библиотеку, которую ассирийский царь две с половиной тысячи лет назад собрал из всех значительных городов Междуречья и разместил в архивах своего дворца. При падении Ассирии библиотека была разорена и разграблена вражескими войсками. Рассам увидел это сразу же. Но он не мог тогда еще знать об определенных опознавательных знаках, которые помогли потом привести в относительный порядок эту разоренную библиотеку и классифицировать 30 тысяч глиняных табличек, покрытых таинственной клинописью. В то время Рассам еще еле-еле мог читать то, что было написано на особых таблицах, скрепленных ассирийской царской печатью: «Того, кто посмеет унести эти таблицы... пускай покарают своим гневом Ашшур и Бэлит, а имя его и его наследников навсегда пусть будет предано забвению в этой стране». Однако даже если бы Рассам и понял это предостережение, оно ни в малейшей мере его не смутило бы. В любом случае он бы тщательно упаковывал эти таблицы и отправлял их в Лондон.

Лишь через 30 лет в Лондоне появилась возможность опубликовать — на отличной бумаге — каталог библиотеки царя Ашшурбанапала. Он вышел в пяти солидных томах как каталог клинописных таблиц Куянджикского собрания Британского музея («Catalogue of the cuneiform tablets in the Ku-yunjik Collection of the British Museum»). Издал его немецкий ассириолог Карл Бецольд из Гейдельбергского университета, которого специально пригласили для этой цели в Лондон. Бецольд уже свободно прочитал тексты, начертанные рукой царя Ашшурбанапала на двух особых таблицах:

«Я, Ашшурбанапал, постиг мудрость Набу, все искусство писцов, усвоил знания всех мастеров, сколько их есть, научился стрелять (из) лука, ездить (на) лошади (и) колеснице, держать вожжи... Я изучил ремесло мудрого Адапа, постиг скрытые тайны искусства письма, я читал о небесных и земных постройках и размышлял (над ними).

Я присутствовал на собраниях царских переписчиков.

Я наблюдал за предзнаменованиями, я толковал явления небес с учеными жрецами, я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны...

В то же время я изучал и то, что полагается знать господину; и пошел по своему царскому пути».

Нет, Рассам не смог бы прочесть это. Как и Лэйярд, он в

дальнейшем избирает дипломатическую карьеру. Он становится представителем, а потом помощником резидента британской короны в арабском Адене. В 1864 году в качестве британского уполномоченного он едет в Абиссинию. И там его настигает несчастье, о котором царь Ашшурбанапал, будь он еще жив, услышал бы с большим удовлетворением. Когда Рассам потребовал у абиссинского императора выдачи нескольких английских пленных, абиссинский властитель, не долго думая, засадил его самого.

Четыре долгих года Рассам томился в тюрьме, пока в конце концов его не освободила английская экспедиция.

С надломленным здоровьем возвращается Рассам в Лондон, он порывает с дипломатической службой и поступает на должность хранителя в Британском музее. Только через много лет вернулся Рассам в места, где он провел свою молодость, в Мосул на Тигре, чтобы еще раз в Ниневии, в Калах—Нимруде и других местах поискать следы древних ассирийцев и вавилонян. И лишь примерно в конце XIX века, когда Рассам перешагнул уже свое семидесятилетие, вышла в свет его знаменитая книга об Ассирии и стране Нимруда («Asshur and the Land of Nimrod», New York, 1897).

Но к этому времени на небосводе английской археологии давно уже появились новые звезды.

Увлечение кладоискательством

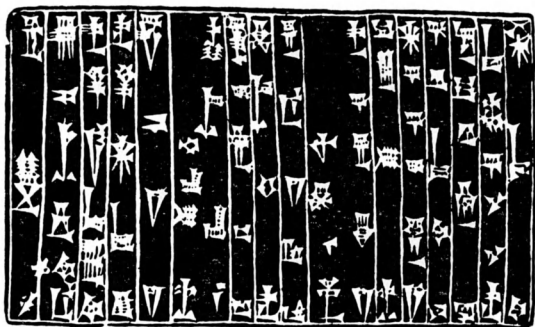
Увлечение кладоискательством охватило Западную Европу. Франция посылает Фюльгенция Френеля и своего лучшего исследователя клинописи Юлиуса Опперта. Из Англии выезжают Лофтус и Тейлор, Джордж Смит и Генри Кресвик Роулинсон, офицер британской короны.

Они едут с квалифицированными вспомогательными силами: рисовальщиками и землемерами, архитекторами и историками. Лучшие представители археологической молодежи упорно и мужественно трудятся в адской жаре нездорового климата Месопотамии, в болотах, безводных пустынях, где нет ни деревьев, ни даже кустов, чтобы разыскать холмы, под которыми должен быть погребен город,— царские города пропадали без вести так же, как и Ниневия.

При этом они еще и учились.

Так, они узнали, что месопотамские правители почти всегда оставляли сведения, имеющие для археологов-исследователей гораздо большую ценность, чем золото.

Неважно по каким причинам, то ли из стремления к славе, то ли из благоговения перед богами, то ли из тщеславия, но древние цари имели обыкновение подтверждать документами свою строительную деятельность. Собственно говоря, это не так уж удивительно, если учесть, что в стране почти нет строительного камня и совсем мало дерева!

Копия надписи на камне из Ура

Они писали на обожженных кирпичах и глиняных конусах свои имена, эпитеты и имена своих богов, писали о своих деяниях, но прежде всего — о целях своего строительства. Такими же надписями они покрывали каменные блоки, обкладывали их кирпичами, которые были для них своего рода защитой, и затем опускали их глубоко в грунт, где они служили либо устьями для дверей, либо настоящим фундаментом, какой закладывают при строительстве зданий и сейчас.

Поэтому первая задача всех археологов — это поиски таких надписей. Ведь они дают возможность установить, какое здание будет обнаружено под землей.

Такие надписи прочны и почти неуязвимы.

В противоположность большинству необожженных кирпичей, которые легко распадаются, обожженные кирпичи и глиняные конусы остаются в хорошей сохранности в течение тысячелетий. Чиера рассказывает о попытке одного археолога, гостившего в Уре, раздробить обожженный кирпич III тысячелетия до н. э. На кирпиче была нанесена надпись, свидетельствующая о назначении постройки. Этот кирпич был настолько велик (30 сантиметров в длину, 7,5 сантиметра в толщину), что гость хотел взять с собой только его часть с

надписью. С этой целью он попытался вырубить надпись при помощи топора.

Через полчаса он вынужден был прекратить работу. Кирпич топору не поддавался. Без сомнения, месопотамские цари и городская знать для подобных надписей предпочитали применять только обожженные кирпичи, чтобы таким путем обезсмертить свои постройки. Но для обжига не хватало топлива.

*Ниша в капитальной стене из Ура, где
Л. Вулли нашел камень с надписью*

В этом было все дело. Плохо ли, хорошо ли, но в большинстве случаев приходилось писать на необожженных, лишь высушенных на солнце кирпичах. Только наружные стены самых главных зданий выкладывались из обожженных кирпичей. Этот слой обожженных кирпичей во многих случаях защищал постройки от полного разрушения; его уничтожали лишь последующие поколения строителей, расхищавшие ценные кирпичи. Обожженные кирпичи служили также для защиты драгоценностей, скрытых во внутренних помещениях дворцов.

Памятники, орнаменты, скульптуры, колонны и пилястры, алебастровые плитки, алтари и амулеты, изображения царей и статуи богов, оружие и утварь, украшения и драгоценности полились потоком под руками археологов из забытой на протяжении тысячелетий земли. Находки превзошли самые смелые ожидания.

А надписи!

Бесчисленные надписи и клинописные таблицы! Пока еще их едва могут расшифровать.

Но одно уже ясно. Надо уметь их расшифровывать! Надо учиться их читать!

В то время как холмы, под которыми погребена культура ассирийцев и вавилонян, потребовали первых жертв от совсем еще молодой науки (потерявший мужество и обессиленный Френель погиб в 1855 году в Багдаде; Белл утонул, не справившись с сильным течением Тигра; многие другие, как и Лэйярд, были вынуждены покинуть страну, заболев лихорадкой), во многих кабинетах Европы засветились рабочие лампы.

КАК НАУЧИТЬСЯ ЧИТАТЬ?

Для меня было большой радостью повторять красивые, но непонятные надписи шумеров и неразборчивые аккадские тексты.

Ассирийский царь Ашшурбанапал

Как научиться читать и разбирать что-либо, написанное на глиняных таблицах на абсолютно незнакомом языке при помощи также незнакомой системы письменности?

До сих пор еще встречаются люди, которые совершенно серьезно, приводя веские доказательства, считают, что такая работа вообще безрезультатна. Никто не может прочесть текст, написанный на незнакомом языке неизвестной письменностью.

«Поэтому время от времени, — говорит Чиера, — появляется невежественный теоретик, который публикует книгу, где пытается доказать, что все дешифровщики, работавшие до него, шли по неверному пути и лишь он один нашел правильное решение».

Ассириологи обычно читают подобные заявления с большим удовольствием, а затем переходят к своим текущим делам. Они по крайней мере точно знают, что своим призванием они обязаны чистой случайности. Это была действительно лишь случайность, что первые клинописные таблицы, за расшифровку которых взялись современные лингвисты, оказались написанными на ассирийском языке. Именно клинописные таблицы, а не надписи.

Первые клинописные надписи, которые начали расшифровывать, были древнеперсидскими. Поскольку речь идет о Двуречье, ассириологов с таким же правом можно было бы назвать и вавилонологами! Потому что ассирийский и вавилонский языки являются лишь диалектами одного и того же семитского языка. Специалисты называют его «аккадским» по названию первого семитского государства Аккад (III тысячелетие до н. э.) или по названию одноименного города³. Поэтому получается так, что все языковеды наших дней, занимающиеся ассирийским и вавилонским языками, на самом деле являются «аккадистами».

Время от времени можно прочесть сообщение о том, что тот или иной старательный первооткрыватель вновь расшифровал клинопись.

Если ассириолог — извините, аккадист — случайно услышит об этом, то он по меньшей мере должен подавить в себе потребность задавать какие-либо вопросы. Ибо речь идет о подобного же рода ощущениях, которые возникают у каждого нормального человека, если кто-либо начинает утверждать, что ему удалось освоить уже давно известный способ письма, а именно изображение знаков на бумаге при помощи чернил.

Клинопись в своей основе — это метод, а не система письменности. Посредством клинописи можно образовать целый ряд различных систем письменности. Но все они будут иметь только одну общую черту: метод высечения знаков при помощи трехгранного грифеля на сырой, мягкой глине. Трехгранный грифель придает знакам характерную форму. «Клинья» указывают направление знаков, простыми штрихами показать это невозможно.

Первые известия

Известия об удивительных знаках на персидских скалах и руинах проникли в Европу уже в XVII веке. Итальянский купец Пьетро делла Валле привез с собой первые, правда еще неудачные, копии таких знаков. Он срисовал эти знаки с остатков дворцовых стен персидского Персеполя. Кроме этого побывавший в далеких краях купец подарил одному из римских музеев несколько глиняных табличек, на которых видны клинописные знаки.

Однако музей не знал, что с ними делать. Во всей Европе тогда не было ни одного человека, который сумел бы прочесть эти знаки. Причем они были настолько стары и ветхи, что походили скорее на каракули или на орнамент на камне. Раздавались голоса, высказывавшие серьезные сомнения в том, что эти знаки вообще имеют какое-либо отношение к письменности.

Персеполь в VI—IV веках до н. э. был резиденцией древнеперсидских царей. Развалины этого города в XIX веке стали местом паломничества исследователей клинописи, да и вообще археологов. Именно здесь, в Персеполе, на изящных лестницах и обрамленных колоннами террасах вновь встречаются крылатые быки-колоссы Двуречья.

Замечательные капители колонн, украшенные фигурами быков и единорогов, крылатые быки с человеческими головами, изваяния львов и змей из Персеполя настойчиво напоминают нам об единстве древней, далеко распространившейся культуры Двуречья.

Именно это и привлекало археологов в Персеполь, а вовсе не известие об Александре Великом, который велел будто бы ограбить и поджечь царскую крепость в Персеполе — окруженные тремя рядами стен дворец и сокровищницу.

Для лингвистов и исследователей клинописи не имеет особого значения и арабская легенда о том, что в сокровищнице персидских царей хранилась рукопись на 12 000 коровьих кожах, золотые буквы которой воплощают в себе мудрость Древней Персии; магически притягивала к себе именно клинопись — ее можно увидеть на отвесной скале в Персеполе, в которой вырублены гробницы.

В 1760 году молодой человек из Людингворта (Ганновер) поступает на службу к датскому правительству в качестве инженер-лейтенанта. Дания предложила ему отправиться с несколькими сотрудниками в Аравию, Персию и соседние области. Это Карстен Нибур. Уже в первые месяцы пребывания на Востоке заболевают и погибают один за другим сотрудники Нибура. Он продолжает путешествие один; длится оно почти 6 лет (1761—1767).

В Персии Нибур тщательно перерисовал надписи, которые он обнаружил в развалинах Персеполя. Вернувшись в Данию, он опубликовал свое собрание клинописей в труде «Описание путешествия в Аравию и окружающие страны» (Копенгаген, 1774—1778).

Нибур пришел к выводу, что клинописные надписи Персеполя начертаны тремя совсем разными видами письменности. Взяв наиболее простой вид, Нибур проделал над ним остроумный опыт: сопоставив отдельные знаки, систематизировал их. При этом Нибур пришел ко второму выводу — о том, что можно различить 42 знака письменности и, следовательно, здесь мы встречаем своего рода алфавит.

Во всех странах Европы сразу же зашевелились умы, пожелавшие дешифровать эту клинопись с 42 знаками. Размышляли над обнаруженной письменностью и пытались дешифровать ее не только люди, которые имели к этому призвание, но и те, которые его не имели. Однако потребовался еще почти целый век, прежде чем в этой области были достигнуты значительные успехи.

Примерно в конце XVIII века разделись два веских голоса, оспаривающих клинописную систему Нибура.

Первый голос из Ростока. Там старший библиотекарь и ориенталист Олаф Герхард Тихсен (1734—1815) пришел к выводу, что один косо поставленный и часто повторяющийся значок из 42 клинописных знаков отделяет стоящие друг за другом слова. Этот «словоразделитель», очевидно, был первым предвестником нашей запятой. Без него слова смешались бы друг с другом. Для того чтобы правильно читать, необходимо было, следовательно, учитывать этот знак.

Кроме того, Тихсен считал, что за тремя различными системами письма здесь кроются три различных языка. Но какие?

Второй голос раздался в Копенгагене. Там теолог, а в будущем епископ Зеландии, Фридрих Христиан Мюнтер (1761—1830) заявил, что надписи из Персеполя, которые переписал Нибур, относятся, вероятно, ко времени персидских царей из династии Ахеменидов, которые правили в Персеполе с VI по IV век до н. э. Мюнтер также придерживался мнения, что три различные системы письменности соответствуют трем различным языкам. Но он связал этот вывод с одним важным наблюдением, которое открыло дальнейший путь для исследования двух остальных систем письменности, а именно — все три вида надписей из Персеполя имеют одно и то же содержание.

«Словоразделитель» Тихсена и положение Мюнтера о принадлежности найденной письменности персидским царям — «царям царей» — побудили молодого помощника учителя, обучавшего мальчиков грамоте в Геттингенской гимназии, к занятиям клинописью.

Звали его Георг Фридрих Гротефенд.

Само собой разумеется, этот молодой учитель, родившийся 9 июня 1775 года в Мюндене, знал историю великих персидских царей и их имена. Конечно, он знал эти имена в греческой транскрипции. Но Гротефенд сумел, опираясь на исследования индогерманских языков, установить подлинные староиранские имена. Это дало ему основание предположить, что каждый клинописный знак обозначает букву — звук.

Дальнейшая работа над клинописными текстами привела Гротефенда к мысли, что повторяющиеся за каждым именем царя группы знаков выражают широко распространенный в Персии титул «царь царей».

Но самое интересное наблюдение Гротефенда заключалось в следующем: он установил, что одно-единственное царское имя всегда встречается без этого титула. Отсюда он сделал вывод, что имя это должно принадлежать отцу великого персидского царя Дария, который никогда не был царем.

Вот это-то и был тот рычаг, при помощи которого Гротефенд сумел установить три имени царей из династии Ахеменидов (Гистасп, Дарий, Ксеркс) и титул «царь царей». Это дало ему в свою очередь возможность определить звуковое значение двенадцати знаков древнеперсидской клинописи.

4 сентября 1802 года 27-летний Гротефенд при содействии Геттингенской академии опубликовал результаты своей дешифровки.

На этом, собственно, и заканчивается интересная и достойная уважения деятельность Гротефенда на поприще исследования клинописи. Все, что он сделал позднее, не имеет большого значения. Он вел жизнь скромного и уважаемого учителя в Геттингене и Франкфурте-на-Майне. Потом, с 1821 года и вплоть до своего ухода на пенсию в библейском возрасте (ему было уже 74 года), Гротефенд занимает должность директора лицея в Ганновере. К времени его смерти — он умер 15 декабря 1853 года 78 лет — другие исследователи не только продолжили успешную работу над дешифровкой клинописи, но и частично ее закончили.

Индогерманисты

Чем больше находилось подтверждений тому факту, что за самой простой из этих трех систем клинописи стоит древнеперсидский язык, тем быстрее дешифровка переходила в руки представителей индогерманского (индоевропейского) сравнительного языкознания.

И опять датчанин возвысил до небес научную славу своего отечества в области лингвистических исследований. Этим датчанином был Расмус Христиан Раск (1787—1832). В 1819 году Раск совершил путешествие через Россию в Персию и Индию. Два года он прожил в Бомбее и на Цейлоне, где усердно собирал буддийские и древнеперсидские (древнеиранские) рукописи древнейших времен. В 1823 году Раск вернулся в Копенгаген с ценнейшими рукописями. Там он вскоре становится профессором истории литературы и языков Востока. Выходят в свет его многочисленные статьи и капитальные труды по исследованию языков. В них Раск и дока-

зал близость древнеперсидского языка и древнеиндийского санскрита.

Его труд проложил новые пути для исследователей.

Уже ближайшее поколение ученых, опираясь на достигнутые в изучении древнеперсидского языка успехи, добивается исключительных результатов в исследовании клинописи. Особенно много сделал в области дешифровки древнеперсидской клинописи француз Эжен Бюрнуф (1801—1852), профессор санскрита в парижском Коллеж де Франс. В 1836 году вышел наиболее значительный труд Бюрнуфа — «Доклад о двух клинописных надписях».

В контакте с Бюрнуфом работает в Бонне уроженец Норвегии, профессор древнеиндийской литературы Христиан Лассен. Он пишет блестящий труд — сравнительную грамматику дочерних языков санскрита. Таким образом и Лассен принял участие в дешифровке древнеперсидской клинописи. Но чем ярче сияет имя выдающегося лингвиста, тем слабее видят его глаза. Он слепнет.

И все же в Европе в кабинетах лингвистов и языковедов продолжают гореть рабочие лампы; они горят до глубокой ночи — неделями, годами.

И снова датчанин, Нильс Людвиг Вестергаард (1815—1878), продвигает исследование вперед. Он побывал в Персии и Индии. В Персеполе — месте паломничества лингвистов — ему пришлось пользоваться биноклем, чтобы тщательно скопировать труднодоступные надписи на скалах. В 1845 году Вестергаард получает в Копенгагене кафедру древних языков Индии и Персии. Но тут появляется человек, полная приключений жизнь которого заставляет заговорить о нем как о даровитом исследователе клинописи. Это англичанин Роулинсон.

Бехистун

В иранском Курдистане на древней военной дороге, ведущей из Вавилона на восток, есть маленькая деревня, которая сохранила память о временах далекого прошлого. Она называется Бехистун (Бисотун) и расположена в 36 километрах на восток от Керманшаха. Поблизости находится гора с таким же названием. Огромная, высотой 520 метров, скала из белого мрамора круто вздымается вверх.

Приблизительно на уровне 75 метров от ее подножия в глубокой древности были высечены гигантские изображения богов и людей.

С ровной мраморной площадки размером 3,5 на 9 метров эти изображения видны достаточно хорошо, но рассмотреть их с более близкого расстояния уже нельзя. Около 2300 лет назад, когда скульпторы окончили свой труд и спустились в долину, они разрушили за собой каменные ступени, чтобы исключить всякую возможность вновь подняться к памятнику.

Не удивительно, что спустя века ни один человек толком не знал, что, собственно, изображено на этом памятнике. Врач Ктесий, живший при персидском дворе, отождествлял его с памятником мифической царице Семирамиде из Ниневии.

На самом деле эти огромные фигуры изображали древнеперсидского царя Дария I, стоящего в сопровождении двух воинов. Левой ногой царь попирает лежащего на земле противника. Перед Дарием со связанными руками и веревкой вокруг шеи стоят девять пленных правителей. Над всей группой простирается персидский бог Ахурамазда. В середине барельефа в стене скалы высечен объемистый клинописный текст. Эта надпись с магической силой привлекла к себе офицера британской короны — Генри Кресвика Роулинсона.

В 1837 году Роулинсон, находясь на временной службе в звании майора персидской армии, скуки ради искал таинственные клинописные знаки, о которых тогда говорил уже весь мир. В Бехистуне он спустился на длинной веревке к надписи и с опасностью для жизни перерисовал ее. Конечно, у него тогда не было необходимых средств, чтобы сделать точную копию. Такие средства появились значительно позднее. Даже в 1948 году остались еще кое-какие неясности, касающиеся текста бехистунской надписи; они были устранены лишь позднее одним американским исследователем.

И все-таки того, что скопировал Роулинсон, было вполне достаточно, чтобы потом, в течение долгих, однообразных лет пребывания в Персии и Афганистане, ему было над чем поразмыслить. И ему удалось сделать гораздо больше учителя из Геттингена — Гротефенда: дать правильную дешифровку надписи. С тех пор полная разгадка древнеперсидской клинописи и языка перестала быть великой проблемой.

В 1862 году Фридрих фон Шпигель, профессор восточных языков университета в Эрлангене, опубликовал эпохальный труд: «Древнеперсидские клинописные надписи. Основной текст, перевод, грамматика и глоссарий». Путь к разгадке многочисленных тайн аккадских (ассиро-вавилонских) клинописных таблиц в конце концов был найден. То, что было написано тремя видами письменности и на трех языках в

Бехистуне и Персеполе, сейчас оказалось возможным прочитывать в древнеперсидской редакции. Таким образом стал ясен и текст остальных двух надписей, начертанных при помощи еще не расшифрованных клинописных систем, хотя и не были известны языки этих надписей.

Решение задачи было теперь облегчено. Однако многие исследователи, к счастью для них, даже не подозревали, какие огромные трудности предстояло еще преодолеть. Иначе, наверное, никто не нашел бы в себе мужества и решительности когда-нибудь снова приступить к разгадке новых загадок.

Семитский язык

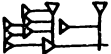
Хочу предупредить вас: по сравнению с более простой и более поздней системой древнеперсидской клинописи, содержащей около 40 звуковых знаков, аккадская клинопись гораздо более сложное образование. Она содержит приблизительно 400 знаков, то есть в десять раз больше, чем древнеперсидская клинопись.

И это еще не все: аккадская письменность со своими 400 знаками многозначна. Каждый такой знак может означать один слог, или целое понятие, или то и другое одновременно. Отсюда само собой очевидно, что письменность как в Ассирии, так и в Вавилонии не могла быть особенно широко распространена. Писать и читать могли лишь немногие. Профессия писца ценилась чрезвычайно высоко.

Конечно, справедливо будет задать вопрос, почему ассирийцы и вавилоняне сохраняли такую сложную и труднодоступную систему письменности и не упростили ее. Но через несколько тысячелетий подобные вопросы археологи могут задавать и нам, даже если они не будут касаться непосредственно письма или чтения. Короче говоря, на свете есть много вещей, которые освящены традицией, и никому не приходится в голову их упрощать.

Кроме того, когда речь идет об аккадской клинописи, имеется в виду такая система письменности, которая восходит к письму знаками-рисунками.

С самого начала нужно рассеять подозрение читателя в том, что его собираются познакомить со всеми тайнами аккадской клинописи, которую уже тысячу лет никто толком не понимает. По крайней мере здесь нелишним будет напомнить, что Роулинсон при своих попытках дешифровки этой письменности не раз был близок к отчаянию.

<i>Начальное рисуночное письмо из Ура</i>	<i>Рисуночное пись- мо, приближаю- щееся к поздней- шей клинописи</i>	<i>Ранневавилонское</i>	<i>Ассирийское</i>	<i>Начальное или производное значение</i>
				<i>Птица</i>
				<i>Рыба</i>
				<i>Осел</i>
				<i>Вол (Бык)</i>
				<i>Солнце, День</i>
				<i>Хлеб; зерно</i>
				<i>Сад</i>
				<i>Пахать, возделывать</i>
				<i>бумеранг, бросать, сбрасывать</i>
				<i>Стоять, идти</i>

*Формирование аккадской (вавилонско-ассирийской) клинописи
из древнейшего рисуночного письма*

В западных музеях находилось уже достаточно ассиро-вавилонских клинописных табличек, но никто не мог их читать. Еще в 1850 году настойчивый Роулинсон, которого не пугали никакие препятствия, откровенно говорил, что он собирается навсегда оставить эти безнадежные изыскания. В это же время над дешифровкой ассирийской клинописи работал ирландец, учитель Эдвард Хинкс. Но основная помощь пришла от исследователей, установивших, что речь здесь идет о семитском языке. Уже из Библии было известно, что семитские языки знали в Сирии, Аравии и Палестине.

И вот теперь многие лингвисты стали использовать свои знания в области семитских языков для освещения проблемы аккадского языка и письменности.

Юлиус Опперт из Гамбурга уже в 22-летнем возрасте опубликовал свой труд о «Звуковой системе древнеперсидского языка». Он работал затем во Франции учителем немецкого языка Лавальского и Реймского лицеев. В 1852 году Опперт принял участие в новой французской экспедиции в Месопотамию, возглавляемой Фульгенцием Френелем. Через год после своего возвращения Опперт публикует «Систему расшифровки ассирийских клинописей» (1854 г.). В течение следующих лет он дополняет это сочинение многочисленными научными работами. После смерти Опперта в 1905 году (он умер в возрасте 80 лет в Париже) филология и лингвистика могли зарегистрировать не менее 366 значительных работ, вышедших из-под его пера.

Продолжающаяся десятилетиями упорная работа привела к появлению многочисленных словарей, энциклопедий и грамматик.

В 1884 году Карл Бецольд основал немецкий журнал по исследованию клинописи. В 1889 году Фридрих Делич — профессор семитологии и ассириологии Лейпцигского, Дрезденского и Берлинского университетов и одновременно директор Передневносточного отделения берлинских музеев — опубликовал первую ассирийскую грамматику. В 1898 году появляется первый немецкий словарь ассирийского языка.

Эбергард Шрадер — профессор теологии в Цюрихе, Гессене и Иене — первым предложил вместо еврейского языка изучать ассиро-вавилонский. В области своих научных исследований, связанных с критикой Библии, он все в большей и большей мере переходит к аккадскому языку. Работы Шрадера «Ассиро-вавилонские клинописи», «Клинописи и Ветхий завет» (выходили с 1872 года) сыграли выдающуюся роль в изучении аккадской письменности и языка.

К началу XX века «Ассирийская библиотека» Делича уже насчитывает 17 томов в четверку. В контакте с ним работают многие ученые-ассириологи.

В Германии Хаупт, Иенсен, Циммерн и их ученики настолько продвинули вперед исследование аккадского языка, что овладели им лучше, чем еврейским языком Библии. Они стали понимать аккадский язык почти так же хорошо, как греческий и латинский.

То, что они все же не смогли овладеть этим языком в такой же степени, как обоими классическими языками, зависело уже не от лингвистов. В значительно большей степени это было обусловлено теми изменениями, какие претерпевает каждый язык в своем развитии. Это связано и с особенностями тех людей, которые «только» пять тысячелетий назад научились писать. Такие люди на протяжении многих веков должны были сначала медленно и с большим трудом научиться говорить по твердым правилам и лишь тогда уже писать.

В том, что это далось им нелегко, мы можем убедиться на примере собственных детей. В этом мы убеждаемся и наблюдая за работой ассириологов, которые нередко с изумлением находят и затем исправляют ошибки в аккадской клинописи. Удивленно качая головой, уличают они в ошибках древних ассирийцев и вавилонян⁴.

Что мы можем прочитать?

Иногда кажется, что было бы лучше, если бы мы вообще не умели читать.

Так, например, царь Тиглатпаласар I в XII—XI веках до н. э. рассказывает, что кровь убитых врагов «реками текла в долину», а отрубленные головы валялись на поле битвы, как «копны хлеба». Этот же царь сообщает об уничтожении одного из вражеских городов следующее: «Он прошел этот путь за три дня. С восходом солнца, когда их земля раскалялась, он вспарывал беременным животы, он протыкал тела слабым. Сильным он перерубал шеи».

«Со всех главарей, которые восстали, — так гласит одна надпись царя Ашшурнасирапала, — я содрал кожу. Их кожей я покрыл столбы; одних пригвоздил я к стене, других посадил на кол и велел расставить вокруг столбов... Главарям и царским военачальникам, которые восстали, я отрубил конечности...»

Ашшурбанапал, последний великий царь Ассирии, знаток письменности и основатель библиотеки, хвастался: «Я сжег три тысячи пленных. Никого из них не оставил я живым, чтобы не оказались они заложниками». О подавлении одного восстания он сообщает так: «Я вырвал языки тех воинов, нахальные уста которых говорили дерзости против Ашшура, моего бога, и которые против меня задумали злое... Остальных людей живьем принес я в жертву. Их изрубленные тела я скормил собакам, свиньям и волкам...»

«Мои боевые колесницы размалывали мужчин и животных, — говорится в другой ассирийской надписи. — Памятники, воздвигнутые мною, стоят на человеческих трупах, от которых я отрезал головы и конечности. Всем, кто попался мне живым, я отрезал руки».

На рельефах из Ниневии изображены пытаемые пленники, через губы которых продернута веревка. Один конец вождь держит в руке и в то же время копьём выкалывает пленникам глаза.

Ужасающие картины чинимых государством расправ, высеченные в зале суда Ниневии, показывают, как царь Саргон II в полном царском облачении своими собственными руками выкалывает глаза отпавшим от него вассалам.

Изображения и письменные свидетельства рассказывают о том, как людей сажали на кол, а детей ослепляли в присутствии их родителей. Взрослых заживо поджаривали на кострах, выставляли напоказ в клетках или тащили во время триумфальных шествий на веревках, продетых через нижние челюсти. Переживших все это в конце концов казнили.

Но страна между Евфратом и Тигром оставила нам и другие надписи, свидетельствующие о важнейших событиях: «Тогда: Эшшуршагкуркурра, храм Ашшура, моего владыки, который (был) построен Ушпиа, жрецом Ашшура, моим предком, разрушился, и Эришу, мой предок, жрец Ашшура, построил (его снова). Прошло 159 лет со времени правления Эришу, и этот храм разрушился, и построил (его снова) Шамши-Адад, жрец Ашшура. 580 лет (прошло). В этот храм, который был построен Шамши-Ададом, жрецом Ашшура, и простоял очень долго, попал огонь. Храм, его святилище... сгорели. В те дни я снес этот храм... достиг твердого грунта и заложил там фундамент из огромных камней, подобных тем, на каких стоят горы» (Салманасар I, XIII в. до н. э.).

Таким образом, Месопотамия раскрывает все стороны истории человечества; она показывает также историю его духовной жизни. Отсюда, из Месопотамии, Палестина была не

просто порабощена, но на нее распространилось и плодотворное культурное влияние.

Многое из того, что содержится в Библии, которая сравнительно недавно считалась единственным и предположительно самым древнейшим источником, убедительно связывается с Междуречьем. Некоторые культы, различные законы, многие представления и мифы Библии восходят к более древним месопотамским первоисточникам. Поэтому именно отсюда открываются возможности наблюдать за возникновением различных верований и религиозных представлений, формированием нравов и обычаев, которые нередко кроются в глубокой основе наших собственных воззрений и форм жизни.

Страна между Евфратом и Тигром со своими погребениями и развалинами, надписями и откровениями предоставляет нам единственную в своем роде возможность познать самих себя.

*Наскальный рельеф, изображающий богиню звезд
Иштар (III тысячелетие до н. э.)*

СМИТ И ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

И сказал Господь Ною: войди, ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным передо Мною в роде сем.

1 кн. Моисея, 7, 1.

Когда Лэйярд, первооткрыватель Ниневии, в 1851 году вернулся больным в Англию, а Рассам искал в Ниневии библиотеку Ашшурбанапала, Роулинсон, «бехистунский альпинист», взял на себя верховное руководство британскими археологическими исследованиями и раскопками в Месопотамии.

В 1844 году Роулинсон стал британским консулом в Багдаде; в 1851 году Великобритания назначает его генеральным консулом, а в 1856 году он возвращается в Англию заслуженным исследователем клинописи и археологом. В Лондоне его выбирают в парламент.

Раскопки на верхнем Тигре временно прекращены. Поистине необозримое количество материала для исследований хранится в подвалах и выставочных залах Британского музея. Еще один год (1859—1860) Роулинсон занимает пост посланника при персидском дворе в Тегеране. Но после этого он окончательно покидает Восток и уезжает в Лондон. Уйдя в отставку в звании генерал-майора, он в конце концов становится президентом Географического общества и директором Азиатского общества. Одновременно Роулинсон продолжает оставаться членом парламента. Британская корона возводит его в дворянское сословие. Так Англия чествует своего самого знаменитого после Лэйярда археолога.

Эти последние годы Роулинсон — теперь уже сэр Генри Кресвик Роулинсон — работает над своим основным трудом о клинописных текстах Переднего Востока. В 1861 году один за другим выходят четыре тома этого труда, потрясшего весь ученый мир.

Изготавливая медные доски с иллюстративными таблицами, которые должны войти в роскошное издание Роулинсона, молодой гравер по меди с воодушевлением читает все, что мог сказать Роулинсон по поводу ассирийской клинописи. Этот

гравер — Джордж Смит, и это его первая встреча с миром ассириологии, которая и определила его судьбу. Бывает, что страсть и восхищение, с которыми мы иногда отдаемся поставленной перед собой цели или задаче, отвечают, так сказать, велению уже уготованной нам судьбы. Именно так и получилось с простым гравером по меди из Лондона, который был вне себя от восторга, когда впервые прочитал рукопись Роулинсона об открытии и дешифровке клинописи.

Итак, Джордж Смит. Он родился в 1840 году в Лондоне в бедной семье и умер в цветущем возрасте, 36 лет, но умер не скромным гравером по меди, а известным своими успехами и даже более того — знаменитым археологом. Он умер во время третьего путешествия к желтым холмам на Евфрате, став жертвой вспыхнувшей в Багдаде чумы. Короткая жизнь Смита совершенно несоизмерима с той огромной, полной успехов работой, которую он выполнил.

Открытие Смита

Когда Джордж Смит решил изучить ассирийский язык и письменность при помощи книг Роулинсона, а потом стал и самостоятельно заниматься этим кругом вопросов, он еще не знал, какие великие открытия его ждут. Прилежно, с большим интересом, хотя это дается ему нелегко, читает он (далеко еще не бегло) ассирийские царские таблички того периода, когда в Палестине правили цари из Израиля и Иудеи.

При этом Смит установил, что из названных в Библии израильских и иудейских царей четыре являются современниками ассирийского царя Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.). Это было одно из первых сенсационных сведений, извлеченных из ассирийских табличек и подтверждавших достоверность библейских данных об израильских царях.

Целый ряд последующих открытий и ходатайство Роулинсона помогли граверу по меди Смицу получить должность в Британском музее. С этого времени Смит отказывается от своей старой профессии и работает вместе с Роулинсоном. С неописуемым рвением изучает Смит один клинописный текст за другим. И при этом он делает открытие, которое вскоре прославило его имя.

В 1872 году Смит обнаружил на сломанной клинописной табличке из Ниневии рассказ, содержание которого показалось ему очень знакомым. И чем больше вчитывался Смит, тем сильнее волновал его текст этой ассирийской таблички.

Человек по имени Ут-напштим сообщает, каким путем он и его супруга достигли бессмертия.

Город Шуруппак, так примерно звучит имя этого города, уже имел давнюю историю, когда боги решили покарать людской род и уничтожить все живое на земле, ниспослав страшный потоп. И лишь гуманный бог Эа, который присутствовал на этом совете богов, предупредил благочестивого Ут-напштима о грозящей опасности. Эа приблизился к построенному из ветвей, камыша и глины домику Ут-напштима в Шуруппаке. Дуновением ветра донесся его шопот: «Слушай, стена, слушай! Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всех живых существ!...»

Потом добрый бог Эа рассказал, каким должен быть корабль. И Ут-напштим построил огромный ящик с крышкой, который был разделен на несколько этажей и отделений. Этот ковчег внутри и снаружи он тщательно прошпаклевал горной смолой. Потом Ут-напштим погрузил в него своих домочадцев, свои пожитки и скот.

Когда хлынул дождь, Ут-напштим сел в ковчег и закрыл дверь. Началась буря. Засверкали молнии, загрохотал гром, кругом все потемнело, и страшный ливень обрушился на землю. Шесть дней и ночей продолжалась буря.

Когда буря утихла, Ут-напштим открыл окна ковчега и увидел остров. Это была вершина горы Нисир, восточнее Тигра. Спустя шесть дней после того, как кончилась буря, вавилонский Ной выпустил голубя. Голубь вернулся. Потом вылетела ласточка, но и она вернулась назад. В конце концов Ут-напштим выпустил ворона. Ворон не вернулся. Ут-напштим понял это как ожидаемый им знак покинуть ковчег и вступить на землю, которая уже подсыхала.

Он освободил из ковчега животных и на вершине горы принес благодарственную жертву.

Не только добрый бог Эа, но и мать всех людей богиня Иштар (или богиня звезды Венеры), очевидно, протестовала против всемирного потопа: «Неужели я затем рожала людей, чтобы они потом были пущены как рыбы под воду?» — жаловалась мать людей Иштар, названная в Библии Евой. Тогда злой бог Энлиль, зачинщик всемирного потопа, пожалел о своем непродуманном поступке и даровал вавилонскому Ною и его жене вечную жизнь в знак благодарности за то, что он сохранил жизнь на земле, построив и умело используя ковчег⁵.

Когда Джордж Смит в 1872 году опубликовал сообщение о своем сенсационном открытии ассирийской версии рассказа о всемирном потопе, все набожные и представлявшие набожными люди замолчали от удивления. Как громом пораженные, перечитывали они текст рассказа о всемирном потопе из I книги Моисея, который, как теперь стало очевидным, связан своим происхождением с Месопотамией. Конечно, библейский текст в некотором отношении отличается от вавилонского. Так, например, в Библии не идет речь ни о различных богах, ни о герое Ут-напиштиме, ни о горе Нисир, что восточнее Тигра.

Вместо этого Библия знает Ноя, рассказывает о том, что он в своем ковчеге приплыл к горе Арарат на Кавказе, то есть совсем в другую страну. Но Ной тоже «выпускал ворона, который летал, — как говорится в библейском тексте, — туда и обратно до тех пор, пока вода на земле не высохла». Ной также пытался выпускать голубя.

Итак, вторая половина XIX века ознаменовалась открытием, из которого стало очевидно, что существуют сказания древнее библейских, которые связывают Библию с языческой ассирийской и вавилонской, а может быть, и с еще более древней традицией. Это было сенсационное, потрясающее открытие. Не удивительно, что им заинтересовалась широкая общественность. Издатель крупнейшей лондонской газеты «Дейли телеграф» предоставил неимущему Джорджу Смиту средства для экспедиции в Ниневию, где Смит должен был отыскать недостающие таблички ассирийской версии о всемирном потопе.

Смит и в самом деле привез в Лондон эти таблички с текстом рассказа, известного нам под названием эпоса о Гильгамеше. Однако их содержание уже не имело ничего общего с библейским текстом. «Дейли телеграф» передала эти таблички в дар Британскому музею.

Но Джордж Смит стремился к продолжению своих исследований. По поручению Британского музея он предпринимает свое второе путешествие в Мосул. Одновременно он пишет целый ряд книг о царе Ашшурбанапале, об истории Ассирии и многом другом. Эти труды, которые повсюду привлекают к себе внимание, переводятся на иностранные языки и неоднократно переиздаются.

Маршрут третьего путешествия Смита (1876 г.) проходит вдоль Евфрата и Тигра. Ученый, не зная отдыха, спешит от одного холма к другому, будто его кто-то гонит. Он сообщает Британскому музею о новых открытиях, с энтузиазмом при-

обретает для Лондона 3000 клинописных табличек, которые ему предложили местные жители-арабы на Евфрате. Эти таблички были тщательно упакованы в большие глиняные сосуды и таким образом прошли через века почти без повреждений. Местные жители нашли их у огромного холма, который они называют «Джумджума».

«Джумджума?»

Интересно!

Три тысячи тщательно упакованных клинописных табличек из холма Джумджума! Нет сомнения, что там можно найти еще и не такие сюрпризы. И в то время, когда Джордж Смит в возрасте 36 лет умирает в сирийском городе Алеппо от чумы, археологи обращают свое пристальное внимание на холм Джумджума у Евфрата. Ибо там, в огромной куче мусора, видимо, и погребена самая большая тайна всех вавилонских холмов.

ХОЛМЫ ВРАТ БОЖЬИХ

Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там... и сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес...

1 кн. Моисея, 11.

Когда в августе 1876 г. в Алеппо угасла жизнь 36-летнего Джорджа Смита, человек, жизненный путь которого в дальнейшем был тесно связан с холмом Джумджума, занимался в Германии архитектурой, историей искусств и археологией. Ему исполнился 21 год, когда он узнал о ранней смерти Джорджа Смита. Звали этого человека Роберт Кольдевей. Родился он в Бланкенбурге (Гарц), а вырос в Брауншвейге и Гамбурге.

Сказать, что Роберт Кольдевей нашел свое призвание, раскапывая Джумджума, было бы, однако, неправильно. Более того, именно там честолюбию Кольдевея был нанесен жестокий удар, там он состарился, испортил себе жизнь.

Археологи от рождения имеют нередко нечто общее с настоящими моряками: и те и другие любят неизведанные дали, обширные пространства и большие расстояния. Археологи к этому прибавляют еще и расстояния во времени. Поэтому они ищут в прошлом ответы на вопросы, которые не могут быть разрешены в настоящем. Само собой разумеется, что археологи в этом стремлении иногда остаются одинокими.

Роберт Кольдевей сказал однажды, правда в несколько шутилой форме, что древняя стена ему дороже, чем цветущее миндальное дерево. В этой шутке скрыта серьезная истина: не настоящее, не цветущая сейчас жизнь имеет решающее значение для археолога, а темный груз далекого прошлого, ибо это прошлое предопределило цветущее настоящее. Кольдевей фактически был очень одинок. Одна проницательная женщина, которая хорошо его знала, считала, что за всю свою жизнь он не любил ни одного человека. И все-таки не был он ни женоненавистником, ни человеконенавистником. Он любил простых, неиспорченных людей. Поэтому лучше

всего он чувствовал себя среди местных жителей, вместе с которыми находил в земле следы прошлого. Когда священник Джонс из колледжа Св. Марии в Иерусалиме, пройдя один пешком 2000 километров, появился у холма Джумджума, вся немецкая экспедиция не без удивления смотрела на этого старого человека, которого охранял, наверное, ангел, нет, скорее всего — целый отряд ангелов. Путешествие пешком, продолжающееся неделями, через самые дикие области между Иерусалимом и Евфратом совсем не простое дело, даже если банды разбойников не попадают на пути.

Кольдевей отнесся к этому благочестивому человеку с исключительным вниманием и уважением. Ему даже во сне не пришло бы в голову посмеяться над ним, когда Джонс, совершив столь длинный путь пешком, усталый, в смятой старой шляпе, со сломанным зонтиком и жалкими пожитками, завязанными в носовой платок, оказался перед домом немецкой экспедиции.

Работавшие у немцев арабы не хотели даже пустить священника в дом, так как в своем ободранном виде он не вызывал у них никакого доверия. Но Кольдевей понял этого старого кроткого человека, который хотел хоть раз в жизни увидеть холм Джумджума, иначе говоря Вавилон.

Мене-текем на стене

Итак, в Вавилоне, или, если точнее сказать, среди огромных холмов щебня, в которых были погребены развалины Вавилона, Роберт Кольдевей принимал самых разнообразных гостей со всего света — как образованных и умных, так и таких, у которых прямо-таки на лбу была написана святая наивность.

Среди них были люди, которые в награду за трудности тяжелого путешествия хотели бы по крайней мере увидеть стену с письменами, начертанными на ней таинственным перстом во время торжественного пира Валтасара с тысячей его вельмож, ибо, как говорится в Библии: «В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала... мене, мене, текел, упарсин (считано, считано, взвешено, разделено)». В ту же самую ночь, как сказано в Библии, Валтасар был убит.

Однажды пять членов религиозной секты, приверженцы Библии, пришли к Кольдевею, чтобы осмотреть раскрытые

им холмы и своими глазами увидеть чудо, о котором говорила Библия. Вечером они сидели на берегу Евфрата и пели псалмы, звучавшие довольно весело. Эти люди исполняли свои религиозные обряды в комнатах, предназначенных для гостей экспедиции.

Кольдевей повел их по развалинам. Он показал своим гостям, внимательно его слушавшим, гору кирпичного шлака и сказал им, что здесь находилась «пещь огненная», куда Навуходоносор велел бросить трех отроков, которым огонь не причинил никакого вреда. Другой, более глубокий раскоп он назвал рвом львиным, куда был брошен пророк Даниил.

В конце осмотра Кольдевей повел своих восхищенных и потрясенных гостей к остаткам огромного тронного зала Навуходоносора. Когда гости подняли там один из бесчисленных кирпичей с царским клеймом Навуходоносора, Кольдевей, притворившись удивленным, объяснил им, что эта клинопись (гости, конечно, не могли ее прочитать) как раз и есть те самые письма, которые когда-то начертал таинственный палец: «Мене, мене!...».

Глубоко почитающие Библию гости не могли прийти в себя от восхищения. Но Кольдевей отказался подарить им этот ничего не стоящий кирпич с царским клеймом, хотя вокруг и валялись сотни подобных кирпичей. Такую исключительно ценную находку он ни в коем случае не мог бы отдать. Гости должны были быть удовлетворены радостью первооткрывателей. Несмотря на все просьбы, Кольдевей стоял на своем. Когда позднее сотрудники экспедиции упрекали ученого за то, что он дурачил этих бедных людей, Кольдевей вполне серьезно ответил: «Неужели я должен был лишить их радости и разочаровать? Это событие они запомнят на всю жизнь!»

Поручение

В 1898 году, когда Берлинский музей доверил Кольдевею раскопки Вавилона, он уже не был новичком в области археологии. Напротив, Кольдевей очень хорошо освоил эту специальность. В течение почти полутора десятка лет он проводил раскопки в ряде мест на территории Малой Азии. Уже в 1882—1883 годах он принимал участие в раскопках малоазийского Ассоса на южном берегу Троады, проводимых американской экспедицией. Три года спустя Кольдевей по поручению Германского археологического института раскапывал

древнейшие поселения на острове Лесбос. Вслед за тем, в 1887 году, он проводил пробные раскопки на вавилонских холмах. В 1889 году Кольдевей один, без всякой помощи, расчистил развалины Неандрии в Троаде.

В последующие годы этот не знающий усталости человек вместе с другими немецкими исследователями продолжал археологические работы на юге Италии, потом в Сицилии и в конце концов опять в Сирии. В 1895 году Кольдевей прерывает свою исследовательскую деятельность. Этот человек, который почти 14 лет провел в пути как полевой археолог, принял на три года должность преподавателя в строительном училище в Герлитце. Но это была лишь передышка.

В конце 1897 года он совершает поездку в Месопотамию, чтобы подготовиться к выполнению важного задания. Кольдевею исполнилось 43 года, и он был уже опытным археологом, когда наконец осуществилась заветная мечта его жизни. Как только берлинские музеи поручили Кольдевею раскопки Вавилона, он поставил следующие условия: раскопки должны продолжаться пять лет; в помощь ему должен быть выделен целый штат опытных немецких археологов и большой отряд местных рабочих. Общая стоимость всех работ определялась суммой в полмиллиона золотых марок. Для прошедшего XIX века это была огромная сумма, ее предоставило вновь созданное Германское восточное общество.

Вместо намеченных пяти лет Кольдевей провел на развалинах Вавилона около 18 лет. Только в 1917 году он вынужден был их покинуть, так как британские войска заняли Багдад и начали продвигаться к Вавилону. В Берлин Кольдевей вернулся уже пожилым человеком. Вавилон он больше никогда не увидел.

Подготовка

Развалины Вавилона расположены на левом берегу Евфрата, приблизительно в 90 километрах на юг от Багдада. В основном они представляют собой четыре огромных холма из щебня, которые скорее можно назвать горами, чем холмами.

Одна из этих гор — Джумджума, где Джордж Смит приобрел 3000 клинописных табличек для Британского музея. Остальные три носят названия: Каср, Бабил и Амран ибн Али.

Уже многие исследователи успели побывать на этих огромных холмах и произвести на них разведывательные рас-

копки. Это были Френель и Опперт, Лэйярд, Рассам и Роулинсон. Почти все были убеждены в том, что под этими горами щебня должен лежать Вавилон. Однако гигантская работа, которая требовалась для систематического проникновения в эти холмы и для отброса земли, отпугивала исследователей.

В древности Вавилон, согласно сообщению «отца истории» Геродота, тянулся по обоим берегам Евфрата в виде огромного четырехугольника шириной и длиной в 22 километра. Геродот говорил, таким образом, о территории города такой величины, которую можно сравнить с площадью самых больших современных городов.

Этот огромный город — Вавилон, несомненно, не имевший себе равных в древности, именуется в клинописных текстах «Bab-ily», что означает «ворота бога».

Попытки проникнуть в его тайны требовали намного больше сил и средств, чем стоили раскопки всех уже открытых городов на Евфрате и Тигре. Поэтому Роберт Кольдевей приступил к этой работе не один. Его сопровождала целая группа сменявших друг друга видных архитекторов. Ему давали советы опытейшие ассириологи и лингвисты. Они стремились найти побольше клинописных табличек, а, если возможно, то и целые библиотеки, такие как в Ниневии. Конечно же, вавилонские библиотеки должны были превзойти ниневийскую соответственно размерам гигантского города. Лучше всего, если бы эти таблички были упакованы в большие глиняные сосуды, подобные тем, какие Смит купил у арабов! Здесь, у холма Джумджума!

В конце марта 1899 г. экспедиция прибыла на место, где лежали развалины Вавилона. Она расположилась в деревне Квейреш у подножия горы из мусора и щебня, носившей название Каср. Старейшина деревни предоставил экспедиции помещение, похожее на сарай, с пальмами во дворе. Это сооружение, удобно расположенное да к тому же еще и защищенное высокой глиняной стеной, явилось базой экспедиции. Несколькими днями позже были наняты первые арабские рабочие и около Касра вырыты первые пробные шурфы.

Царская крепость Навуходоносора

Возвышающаяся прямо перед самой дверью домика экспедиции огромная гора щебня была объявлена территорией немецких раскопок. С точки зрения здравого смысла имен-

но здесь, в этой горе щебня, должна находиться царская крепость Навуходоносора.

Это, конечно, лишь предположение. В бедной камнями стране, лежащей между Тигром и Евфратом, с того далекого времени, как человек научился строить дома, обожженные кирпичи были драгоценным материалом, ценным на вес золота. Поэтому расхищение кирпичей процветало в Месопотамии в течение тысячелетий. Зафиксированные клинописью проклятия некоего царя свидетельствуют о том, что таким путем он хотел запугать своих потомков и не допустить разрушения построенного им здания. Этот документ показывает, что расхищение кирпичей было обычным делом уже три или четыре тысячелетия назад и никакие меры не могли этому воспрепятствовать. С тех пор подобные хищения стали для этой страны своего рода традицией. Не только современные поселки, расположенные вблизи вавилонских холмов, но и половина Багдада (в 90 километрах от развалин Вавилона вверх по реке) возведена из вавилонских кирпичей.

Но немцам, очевидно, везло. Уже при первых пробных раскопах на Касре они нашли улицу, вымощенную большими плитами, часть которых была покрыта надписями. Это были надписи царя Навуходоносора, свидетельствующие о том, что археологи обнаружили здесь большую священную дорогу процессий — улицу для торжественных шествий в честь Мардука, «божественного господина Вавилона». Повсеместно попадающиеся кирпичи, покрытые цветной эмалью и рельефами, ясно говорили о том, что именно здесь находилась эта искусно построенная дорога процессий.

Волна радостного возбуждения охватила экспедицию. Однако транспортировка огромных масс щебня, которые засыпали торжественную дорогу Навуходоносора, потребовала совсем других средств, чем те, какие до того времени использовались на Евфрате. Спустя четыре месяца, в июле 1899 года, из Германии водным транспортом доставили полевою железную дорогу, совершенно необходимую для транспортировки щебня. С одними корзинами здесь, конечно, нечего было делать.

Летом, как раз в самую жару, железную дорогу выгрузили на берегу Евфрата. Арабов это сбило с толку. Еще никогда в жизни они не видели узкоколейки (Багдадской железной дороги тогда еще не было). С большим трудом началось строительство дороги. С помощью совершенно неопытных арабов, которым едва ли когда-либо в жизни приходилось заниматься подобной работой, рельсы были проложены к са-

мой щебенчатой горе Каср и смонтированы, а на них поставлены вагонетки. При этом сынам Аллаха не один раз на собственном горьком опыте пришлось убедиться, какими твердыми, неуступчивыми и опасными могут быть сталь, железо, катящиеся по рельсам и опрокидывающиеся вагонетки. Ушибы, синяки и даже серьезные ранения были обычным явлением.

Не удивительно, что большинство коренных жителей смотрели на подобные странные для них «затеи» немцев с противоречивыми чувствами и растущим недоверием. В конце концов они пришли к неизбежному для себя выводу, что вся эта работа — не что иное, как злая чертовщина. Но это мнение изменилось однажды ночью. Араб, возглавлявший рабочих, которые отрицательно относились к строительству узкоколейки, неожиданно заболел и через несколько дней умер. И умер он после того, как публично высказал свое мнение!

Арабы вновь лишились дара речи. Неожиданная смерть их соотечественника еще раз заставила рабочих подумать обо всех этих делах и срочно изменить свое отрицательное отношение к узкоколейке. Если дорога находится под защитой таких могучих духов, которые могут не только наставлять синяки и ушибать пальцы, но и убивать людей, то надо хорошенько ухаживать за ней и не произносить ругательств по ее адресу.

Кроме того, арабы в конце концов поняли, что горы щебня из Касра отвозить стало легче и быстрее, чем раньше. Но уважение к узкоколейке еще более возросло, когда выяснилось, что немцам потребуется много рабочей силы и оплачиваться она будет совсем не плохо. Экспедиция в течение всего года, летом и зимой, нанимала в среднем до 200 рабочих.

Ворота богини

Все это время в Берлине с нетерпением ждали клинописных табличек. Берлин, оплот языковедов и специалистов по письменности, с явной нервозностью ожидал открытия новой библиотеки, подобной библиотеке из Ниневии, находившейся в руках англичан. Но такого открытия еще не было.

А пока, вот уже четыре года, немецкая экспедиция в Вавилоне собирала нечто такое, что могло довести до белого каления всякого, кто надеется на открытие уникальных архивов и сенсационных произведений искусства; экспедиция собирала огромные горы разбитых кирпичей. Правда, это были

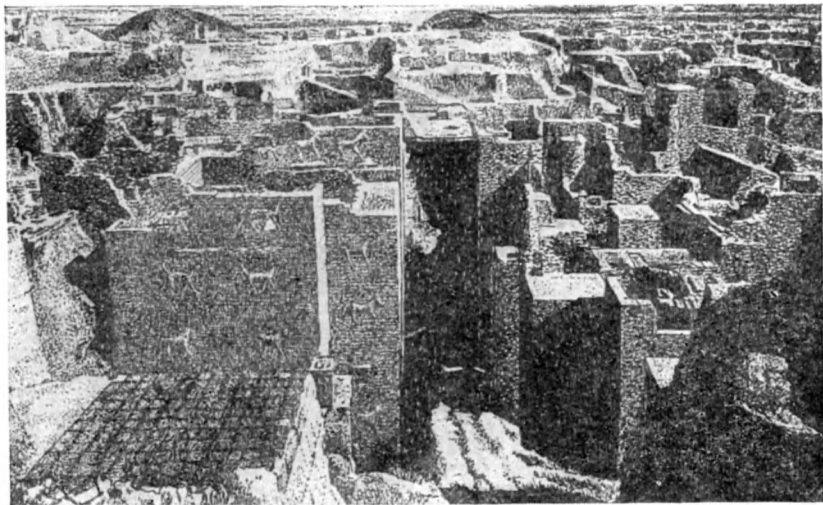
не простые кирпичи, большая их часть покрыта эмалью. Штуку за штукой извлекали из Касра эти покрытые цветной эмалью кирпичи с такой тщательностью, словно это было золото.

Кирпич за кирпичом отсортировывали и пересчитывали. В результате ими было наполнено 400 ящиков. В каждом находилось около 250 кирпичей. В целом это составило приблизительно 100 000 обломков, которые на больших речных судах были отправлены вниз по реке в Басру. Там, в Персидском заливе, их перегружали на немецкий пароход и отправляли через Гамбург в Берлин. Долгое путешествие многочисленных ящиков заканчивалось в музее в центре Берлина.

Только после первой мировой войны в Переднеазиатском отделении государственных музеев удалось начать самую странную работу, которую когда-либо производили с кирпичами в возрасте 2500 лет. Каждый из этих ста тысяч кирпичей промывали в течение нескольких недель в проточной воде, чтобы приостановить разрушающее действие селитры. После этого их долго сушили. В заключение кирпичи покрывали парафином в специальных ваннах, чтобы они акклиматизировались.

И только после всего этого в мастерских и лабораториях берлинских музеев был осуществлен один из труднейших археологических экспериментов. Этот эксперимент потребовал от его участников концентрации всех умственных сил и использования всего богатого опыта, накопленного исследователями. Кирпичи, сделанные из местной бранденбургской глины, обжигали, примешивая различные краски. Таким путем в Берлине как бы вновь открывали искусство обжига, которым владели древние вавилоняне, соорудившие стены из цветного кирпича. Три берлинские керамические мастерские принимали участие в этих долгих и сложных опытах, цель которых состояла в том, чтобы попытаться — ни много ни мало — имитировать постройки Вавилона в Берлинском музее. С использованием подлинных кирпичей из Вавилона в конце концов было воссоздано это изумительное сооружение — ворота Иштар, развалины которых тщательно изучались опытными археологами при раскопках нагромождений из щебня в Касре.

Это ворота царицы неба Иштар, матери всех людей, прообразом которой служила утренняя и вечерняя звезда — планета Венера. Через ворота Иштар каждый год проходила торжественная процессия в честь богов Вавилона. Развалины ворот еще и сегодня на 12 метров возвышаются над руи-

Общий вид развалин ворот Иштар и окружающих их построек в Вавилоне

нами Вавилона. А их копия в натуральную величину стоит в огромном зале Берлинского музея, досконально повторяя первоначальный облик.

Там же воспроизведена часть дороги процессий около ворот Иштар в том виде, как она когда-то выглядела в действительности: шириной 16 метров, окруженная на расстоянии 200 метров стенами из глазурованного кирпича, с которых глядели 120 львов, изображенных на голубом фоне, образуемом цветной керамикой.

Ворота Иштар также украшали различные фигуры зверей: изображения быков (или носорогов) и фантастического существа «Сирруш». Это существо состояло из четырех частей различных животных: орла, змеи, некоего четвероногого и скорпиона. По крайней мере трое из перечисленных животных ассоциируются с древней религией луны.

Обе фигуры — быка (или носорога) и фантастического существа — равномерно перемежаются, покрывая весь фронтон, внутреннюю поверхность ворот и заднюю сторону всей постройки.

Сами ворота были двойными: внутренние, главные, ворота в два раза больше наружных. Ни один музей мира не смог бы поместить их под своей крышей. Поэтому берлинская ре-

конструкция ограничивается лишь воспроизведением наружных ворот.

Из обломков кирпичей Касра в Берлине была сооружена также копия тронного зала Навуходоносора II (VI в. до н. э.) шириной 60, высотой и глубиной — 20 метров. Когда-то этот тронный зал защищали шестиметровые стены, также отделанные цветными глазурованными кирпичами. Цветные кирпичи были украшены орнаментами. На голубом фоне выделялись желтые колонны с белыми розетками и ромбовидными украшениями. Широкий многоцветный настенный фриз получал свое завершение на потолке.

Две с половиной тысячи лет назад в этот тронный зал вступали, конечно, лишь самые знатные люди вавилонского царства. Еще и сегодня его торжественная тишина волнует каждого посетителя.

Вполне понятно, что архитекторов немецкой экспедиции в Вавилоне все больше и больше интересовали роскошные дворцы вавилонских царей, извлеченные из мусорных гор Касра, интересовали дворцовые стены, толщина которых доходила до 17 метров. Лингвисты же в Берлине, напротив, все чаще и чаще с плохо скрытым раздражением требовали других драгоценностей Вавилона — табличек с письменами. Поэтому в апреле 1900 года Роберт Кольдевей решает не только продолжать раскопки на Касре, но и начать новый раскоп другой горы щебня — огромного холма Амран ибн Али.

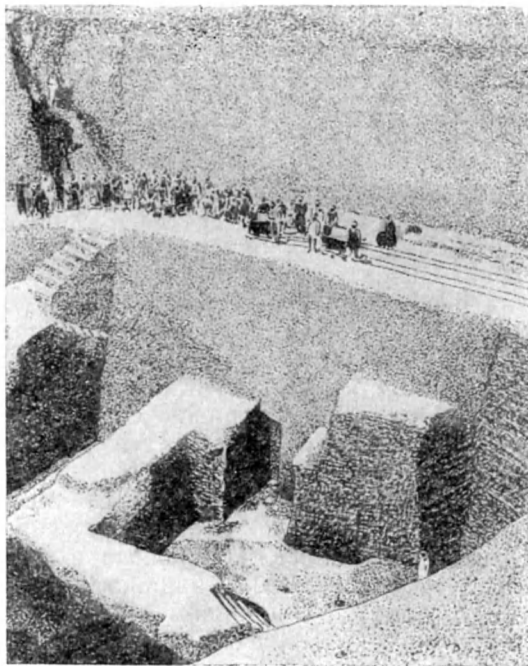
В районе храма

Когда немецкая экспедиция начала раскопки на Амран ибн Али, развалины были покрыты слоем щебня толщиной от 7 до 10 метров. Этот смешанный с золой щебень постоянно грозил обвалиться и похоронить под собой археологов. С другой стороны, и арабская священная могила (от которой произошло название горы), расположенная на 21 метр выше исследуемых развалин, доставляла немало хлопот.

Конечно, ее нельзя было трогать. Также не рекомендовалось вывозить мусор в больших количествах, так как при этом можно было повредить священную могилу.

Поэтому немцы вынуждены были раскапывать эту гору щебня, применяя целую систему глубоких штолен и шахт. Подвергаясь постоянной опасности, прокладывали они эти шахты и штольни у самого основания стен, которые, очевидно, были стенами храма.

Шахты все глубже уходили в землю. На определенных расстояниях в них устраивали ступенчатые ниши, из которых рабочие подавали наверх корзины, заполненные щебнем, землей и золой. Здесь узкоколейка уже не могла помочь. Надо было обдумать, как поднять каждую лопату земли.

*На раскопках района храмов Э-Сагила
в Вавилоне*

Постепенно среди длинных ходов штолен вырисовывались контуры гигантской постройки. С помощью обнаруженных строительных надписей в конце концов оказалось возможным установить, что под горой щебня Амран ибн Али сохранились остатки святилища. В огромном четырехугольнике размером 450 на 550 метров лежал храм божественного «владыки Вавилона» и «владыки богов» — Бел-Мардука. Из многочисленных клинописных текстов царя Навуходоносора было известно о внутреннем устройстве этого святилища.

Там находилось особое помещение Э-Куа.

Это была камера, где, по-видимому, стояла драгоценная статуя бога. Камера имела мраморные стены, украшенные золотом и лазурным камнем. Разрушенный потолок из кедрового дерева ранее, вероятно, был покрыт чистым золотом. По свидетельству Геродота, в этом помещении и находилась огромная, высотой 6 метров, сидящая фигура бога.

На протяжении веков камеру неоднократно грабили. В первой половине II тысячелетия до н. э. статуя бога была похищена хеттами. Через некоторое время касситский царь Агумкакрим вернул ее на место. В его время статуя имела, по-видимому, золотую тиару и была украшена различными драгоценностями. Двери помещения, в котором она находилась, были сделаны из кедрового дерева и украшены бронзовыми пластинками. На этих пластинках были изображены священные вавилонские драконы, рыбы-козы и собаки (атрибуты Мардука и его отца Эа). Именно в образе рыбы-козы (или козы-рыбы) как в смешении образов луны-рыбы и луны-козы следует видеть характерное для Вавилона слияние символов двух различных культов луны. Собаку, напротив, мы встречали и в Египте как воплощение Сириуса. Во времена Гомера греки называли эту планету «звездой собаки».

Однако и образ вавилонского бога Мардука — хотя этот образ и не связан с обожествлением луны — также оказался подверженным закону времени. Его изображение в течение веков непрерывно изменялось. Найденные в Вавилоне священные печати с посвятельными надписями IX века до н. э. изображают Бел-Мардука в длинном одеянии, украшенном звездами, на его шее — ожерелье с тремя по-разному гравированными дисками. Уши бога необыкновенно велики (у древних вавилонян не мозг, а именно уши считались вместилищем разума и духа). На голове Мардука высокий головной убор с короной из перьев. В правой, опущенной руке он держит бумеранг, в левой — знаки своей власти: палку и кольцо. Ноги Мардука погружены в бушующий океан. Рядом с ним стоит священный фантастический зверь, очевидно «дракон Вавилона».

Вавилонская башня

Вблизи храма Э-Сагила раскинулся район Э-Теменанки, храм «краеугольного камня неба и земли», во внутреннем дворе которого стояла известная всему миру Вавилонская башня.

Раскопки в шахтах и штольнях обнаружили хорошо сохранившийся фундамент башни — четырехугольник со сторонами размером 91,55 метра и остатки трех лестниц. В основном, по-видимому, подтвердилось сообщение Геродота: Вавилонская башня — это сооружение, где башни возвышались «одна над другой». Всего, по данным Геродота, было 8 башен. Вокруг «всех башен» по наружной стене поднимались лестницы. В самой верхней башне находился «большой храм» и в нем «большое, отлично убранное ложе» и «золотой стол».

«Но там, — продолжает Геродот, — не было статуи бога, туда не имел доступа никто, кроме местной женщины, которую избрал себе бог из всех (женщин). Так считают халдеи — жрецы этого бога».

Клинописные же тексты, найденные в самом сооружении, сообщают, что Вавилонская башня состояла из 7 (а не 8) суживающихся кверху ступенчатых террас и самая нижняя башня представляла собой квадрат, каждая сторона которого равнялась приблизительно 90 метрам. Раскопки подтвердили эти данные. Башня возвышалась над окружавшими ее другими помещениями, предназначенными для жрецов и паломников. В ее основе лежал кирпичный фундамент, снаружи она была облицована обожженным кирпичом.

Хотя в Библии и упоминается о том, как бог, разгневавшись на людей за их намерение построить в Вавилоне башню до самых небес, смешал их языки и рассеял вавилонян по всему миру, однако о разрушении башни в Библии не говорится ничего. Но то, что предстало перед глазами немцев, производивших раскопки, было грудой кирпичей, разбитых на тысячи кусков. Это была неопишуемая картина города, неоднократно опустошаемого и сжигаемого в течение его трехтысячелетней истории.

Несчастный Вавилон

Тот Вавилон, который раскапывали Кольдевей и его сотрудники в течение многих лет, был построен на развалинах и останках многих городов; последний раз его восстанавливал Навуходоносор II в VI веке до н. э. Только в отдельных местах раскапываемой площади удавалось обнаружить более древние слои. В большинстве случаев они перекрыты последующими постройками, при сооружении которых более ранние обычно уничтожались.

Попытки копать глубже привели к появлению грунтовых

вод. Они били ключом, заполняя шахты и штольни, и заставили археологов отступить.

Под этими грунтовыми водами лежали недоступные для исследования остатки того города, который не раз был осквернен врагами, сожжен до основания, уничтожен. Это были остатки того Вавилона, который на протяжении всей долгой своей истории не покорился ни ассирийцам, ни каким-либо другим врагам. Там, под грунтовыми водами, лежали развалины того Вавилона, который когда-то — за пятьсот лет до Моисея и за тысячу лет до Навуходоносора — был резиденцией прославленного вавилонского царя Хаммурапи.

От этого царя современные исследователи истории и культуры получили драгоценнейший документ: высеченный на камне кодекс законов.

Приблизительно в XII веке до н. э. эламиты⁶ перетащили этот огромный камень из побежденного Вавилона в свою столицу Сузы, за 300 километров отсюда. Он был обнаружен в Сузах французскими археологами почти в то же самое время (1901/1902), когда немцы рыли свои штольни и шахты на вавилонском холме.

Этот огромный кусок диорита высотой 2,25 метра имел, очевидно, форму фаллоса, на котором знаками вавилонской клинописи были выгравированы законы царя Хаммурапи. За торжественным введением, в котором Хаммурапи обращается к различным божествам, следуют приблизительно 290 параграфов кодекса, датируемого XVII веком до н. э., т. е. временем библейского Авраама.

Из этих законов стало известно о варварских телесных наказаниях, присуждаемых даже за малейшие проступки. Осужденным прокалывали или отрезали уши, губы, пальцы, а иногда даже обливали лицо кипящей смолой.

Стало известно также об униженном положении женщины и ее бесправии в браке. Так, женщину, которая осмеливалась требовать развода, разрешалось утопить. О наказаниях плохих хозяек сообщалось следующее: «Если она много болтала, если пренебрегала своим домом и не воспитала своих детей порядочными людьми, то надлежит бросить ее в воду!»⁷.

Религиозный Вавилон

Вавилон не был городом греха — это был кладезь глубочайшего благочестия. Одна из надписей упоминает, что Вавилон имел 53 храма великих богов, 55 святилищ бога Мар-

дука, 300 святилищ земных и 600 — небесных божеств, 180 алтарей Иштар, 180 алтарей Нергал и Адад и 12 других алтарей.

Это, конечно, лишь простое перечисление культовых сооружений, некие символические цифры, но результаты раскопок бесспорно подтверждают, что народ Вавилона большую часть своих жизненных и творческих сил отдавал сооружению посвященных богам зданий. Много прилежных рук было занято изготовлением различных предметов культа, картин и амулетов, бус и крестов, молитвенных табличек и украшений, которые с того времени стали широко применяться при исполнении различных религиозных обрядов искренне верующими людьми, обращавшими свои взоры к небу.

Немало дней в году вавилонская «звездная религия» отводила для принесения жертв богу Луны Син и его жене или любовнице Иштар, не говоря уже о бесчисленных процессиях и церемониях. Только позднее вавилонский пантеон пополнился еще царем богов — Мардуком, напоминающим греческого Зевса и римского Юпитера. Его происхождение основано, вероятно, на религиозных представлениях, связанных с культом звезд и результатами астрономических наблюдений или открытий. Мардук отождествлялся с планетой Юпитер и в конце концов как всемогущий бог неба получил все прежние атрибуты, символы и титулы побежденного бога Луны.

Правда, старинное преклонение перед луной исчезает не сразу. В праздник нового года по Евфрату плавал священный «корабль процессий». Он был похож на лунный корабль, плывущий по Млечному пути, ибо вавилоняне стремились перенести на землю все небесные явления. Нос этого лунного корабля был украшен змеей головой. Это была та же голова змеи, которая в Египте и других местах являлась древнейшим символом луны. Вавилонский «корабль процессий», украшенный золотом и драгоценными камнями, по сведениям клинописных текстов, так «сверкал на солнце, как звезда на небе».

Его звезда опускается

Роберт Кольдевей провел в Вавилоне 18 лет. После первых лет раскопок при определении направления стен, идущих от ворот Иштар, у него возникли серьезные разногласия с директором Переднеазиатского отделения берлинских музеев Фридрихом Деличем. Эти разногласия очень сильно повлияли на Кольдевея. Считая, что он глубоко ошибся, ученый забо-

лел и начал быстро стареть. Его отношения с берлинскими лингвистами в течение ряда лет также были крайне напряженными. Эти люди не могли ему простить, что в холмах Вавилона он не нашел такой же большой библиотеки, какую два поколения назад обнаружил Рассам в Ниневии. Хотя Вавилон и не был раскопан до конца, но уже стало ясно, что большой библиотеки в этом городе не найти.

В 1917 году, в конце первой мировой войны, Кольдевей вынужден был покинуть Вавилон, бросив много интересных находок. На территорию Двуречья вступили англичане. Когда десятью годами позже, в конце 1926 года, немецкие археологи вновь вернулись в Вавилон, чтобы забрать оставленные там находки, Роберт Кольдевей был уже мертв.

Он умер 5 февраля 1925 года в Берлине; и друзья проводили его до кладбища Паркфридхоф в Лихтерфельде, где он нашел вечный покой.

Этому медлительному и одинокому человеку выпала не легкая доля. Ему не суждено было увидеть реконструированные в Берлине в 1928—1930 годах ворота Иштар, улицу процессий и тронный зал Навуходоносора — самый замечательный монументальный памятник, который, как сказал ближайший сотрудник ученого Вальтер Андре, «смог бы увенчать труд Кольдевея в Вавилоне».

АШШУР

Чист и светел тот князь,
который боится тебя...
Взгляни, владычица, на преданное тебе око,
чтобы сердце твое возликовало
и возрадовалось!

*Молитва Ашшурнасирпала, обращенная
к Иштар*

Невдалеке от Вавилона расположены развалины Борсиппа. Первые исследователи считали их частью городской территории Вавилона.

Там, в Борсиппа, возвышались остатки храма, которые наилучшим образом рассказывают о том, каким способом вавилоняне и ассирийцы воздвигали когда-то свои башни. В бурные годы становления археологии возникло представление о том, что эту башню из Борсиппа можно отождествить с известной всему миру Вавилонской башней, которая упоминается в Библии. Поэтому в Борсиппа английские исследователи сменяли французских, а французские—немецких. В 1902 году немецкая экспедиция предприняла кратковременную поездку в Борсиппа.

В составе этой экспедиции находился и 27-летний архитектор из Лейпцига Вальтер Андре, с 1899 года работавший вместе с Кольдеевым в Вавилоне. Его можно отнести уже к третьему поколению, которое ломало голову над многочисленными тайнами месопотамских холмов.

В Борсиппа немцы разбили свои палатки прямо у башни, среди развалин храма, который полвека назад с бóльшим или меньшим успехом раскапывал Ормузд Рассам. Теперь немцы смотрели на огромные культовые помещения храма и его необыкновенно мощные стены. С давних времен остались на них следы пожара—катастрофы, до тла разрушившей храм.

Совсем рядом с палатками круто вздымалась храмовая башня. Эта башня также сильно пострадала во время пожара.

Нельзя найти объяснения тому, откуда взялся такой жар, который не просто раскалил, но и расплавил сотни обожжен-

ных кирпичей, опалил весь остов башни, все ее глиняные стены.

Когда это случилось? Сколько лет прошло? Было ли это во времена Авраама или во времена мифического Нимрода? И кому удалось разжечь такой пожар?

Арабские предания о демонах и страшных духах ничего не говорят ни о времени этого события, ни о его причинах.

О башне из Борсиппа было сказано, что семь ее ступеней, поднимающихся вверх, соответствуют планетам небесной сферы, и потому она окрашена семью красками: черной, белой, пурпурно-красной, синей, ярко-красной, серебристой и золотистой, то есть в цвета семи планет, включая Солнце и Луну.

Золотой шпиль башни был обращен к солнцу, серебряный — к луне и т. д. Таким образом, начинающаяся от шпилей башни из Борсиппа небесная сфера и находящиеся на ней планеты обозначали уже обычную для нас сегодня семидневную неделю.

С раздумьем смотрели немцы, так же как полвека назад француз Френель и англичанин Роулинсон, на развалины башни. В 1852 году, оба они, и француз и англичанин, считали необходимым под всю постройку, сплавившуюся от пожара в плотную массу, подобную расплавленному стеклу, подложить «мину, взрыв которой расколет башню и вскрыет ее изнутри». Для них этот путь казался самым простым, дающим возможность раскрыть тайну башни, сэкономив при этом средства и время. Однако впоследствии они сами отказались от этого смелого плана.

А сейчас немцы ломали голову у башни из Борсиппа. Арабы утверждали, что это Бирс Нимрод, башня Нимрода, могучего властителя и охотника, который основал вавилонское царство таким, каким его знает Библия. Иосиф называет его строителем Вавилонской башни, преступником перед богом. Нет почти никакого сомнения в том, что еврейский историк Иосиф, как задолго до него и Геродот, имел при этом в виду большую храмовую башню из Борсиппа — Бирс Нимрод. На мощном основании некогда поднималось семь суживающихся кверху башен. Вместе с основанием их было восемь. Еще и сегодня остатки этой огромной, по-видимому самой большой храмовой башни в Месопотамии, поднимаются из развалин на 46 метров в высоту.

Отчего начался этот ужасный пожар? Библия ничего не говорит об этом. В ней сообщается лишь, что господь «сошел вниз» и «смешал» языки всех строителей башни. Они пере-

стали строить башню и были рассеяны по разным странам (I кн. Моисея, 11).

Заставил ли их бежать этот гигантский пожар, охвативший башню? Наверное, так оно и было. Катастрофа, очевидно, и «смешала» их языки. Строители башни пытались найти слова, но больше уже не смогли понять друг друга.

Итак, катастрофа пришла с неба. Был ли это разряд молнии страшной силы, поразивший башню? Все говорит в пользу объяснения, которое дал Вильгельм Кениг (член немецкой экспедиции в Варка); оно представляется наиболее вероятным: «Обычные строительные кирпичи могут расплавиться только в очень сильном огне. Но как это могло случиться на открытом воздухе? Что же послужило причиной? Где был источник энергии, которая смогла расплавить кирпич? Даже если поступить совершенно безрассудно, а именно: обложить весь зиккурат⁸ легко воспламеняющимся материалом и потом поджечь его, то как же все-таки могла бы расплавиться внутренняя часть этой массивной кирпичной постройки? И все-таки случилось именно так. Свидетели этого еще и сегодня, через тысячелетия, открыто лежат на земле... Я невольно подумал о мощных, обычных для этой страны разрядах молний — и спутанные предположения постепенно принимали определенную форму: да, это был как раз тот самый источник энергии, которая смогла бы расплавить массивный зиккурат до основания, что соответствует и нашим сведениям из области естественных наук. Разряды электричества, образующиеся в результате скопления водяных паров или облаков пыли, характерны для Ирака в определенное время года. Электрические разряды в воздухе там зачастую настолько велики, что, например, у лошадей, которые имеют естественные изоляторы — копыта из рогового вещества, — во время грозы длинные хвосты стоят подобно щеткам для мытья бутылок. Следовательно, при каких-то неизвестных обстоятельствах атмосферный заряд вызвал огромную молнию, которая попала в башню, где высокая степень влажности создала подходящие условия для возникновения электрического разряда. При этом влага оказала гигантское сопротивление, способствующее возникновению такой температуры, что внутренняя кирпичная обшивка массивной постройки расплавилась, а вода, скопившаяся на стенах башни, испарилась и вызвала многочисленные взрывы. Взрывы разрушили большую часть каменной кладки, которая обрушилась с высокой террасы, и горящее расплавленное ядро переместилось вверх».

От этого времени, то есть приблизительно с VII века до н. э., сохранились остатки высоких стен, расщепленных сверху донизу так, словно исполнилось предсказание пророка Иеремии (51, 25—26): «Вот я на тебя, гора губительная, говорит Господь, разоряющая всю землю, и простру на тебя руку Мою, и низрину тебя со скал, и сделаю тебя горою обгорелою. И не возьмут из тебя камня для углов и камня для основания, но вечно будешь запустением...»

Иеремия жил во времена вавилонского пленения. В то же время археологии известно, что во времена Навуходоносора, который разрушил Иерусалим и обрек детей Израиля на изгнание, строительство башни в Борсиппа продолжалось. Пророчество Иеремии, таким образом, относится к событию, которое произошло в VI веке до н. э. Восходит ли библейский текст о построении башни в Вавилоне к столь позднему времени? Действительно ли ее поразила молния?

Об этом и размышляли немцы у подножия Вавилонской башни. Далеко на горизонте, там где простирался Вавилон, лежали бесконечные цепи холмов щебня, которые они раскапывали уже в течение трех лет без тени надежды на какой-либо серьезный успех!

Следовало попытаться счастья в другом месте!

Может быть, в этом случае успех придет быстрее? Нельзя, конечно, совсем отказаться от раскопок Вавилона, но что им помешает начать раскопки севернее города, в основной области обитания ассирийцев?

Хотя Ниневия, Дур-Шаррукин и Калах были уже открыты, до сих пор не найден еще город, от которого получили свои имена Ассирия и ее главный бог Ашшур. Где же лежит Ашшур?

В лунном краю

В ста километрах ниже по реке от Мосула и Ниневии лежит на широкой излучине Тигра пустыня Калат Шергат. Здесь расположен один из тех заманчивых для исследователя холмов, которые безжалостно скрывают блеск и нищету далекого прошлого. Под этим холмом из Калат Шергата еще Рассам, открывший библиотеку в Ниневии, искал документы и скульптуры ассирийцев, но он вскоре бросил эти раскопки.

Скопища мух днем и скопища комаров ночью, жаловался Вальтер Андре, сразу же отравляют жизнь в этом «лунном краю, лишенном растительности». Только изредка проходят

здесь караваны из Мосула или из Багдада. Кто хочет жить и работать в этой пустыне, должен запастись всем, вплоть до куска хлеба и капли воды. Он должен запастись терпением и проявлять огромный интерес к своей работе. Он должен научиться переносить весной, летом и осенью мучительные укусы песчаных мух, вызывающие сильный зуд; от этих мух не защищает ни одна противомоскитная сетка. Он должен преодолеть возникающую от этих укусов лихорадку, которая сопровождается болями в суставах, сильной потливостью и температурой выше 40 градусов. Он должен, наконец, перенести ужасную болезнь — так называемую багдадскую шишку, которая продолжается не менее года и начинается, вероятно, под влиянием тех же укусов песчаных мух. Багдадская шишка появляется большей частью на открытых частях тела, на руках, ногах и лице. Для начала болезни характерно фурункулезное воспаление, сама шишка вырастает лишь через несколько месяцев.

Боли, жажда, потливость, укусы, лихорадка (чаще всего малярия!), воспаление глаз — все это приносит с собой пустыня. Археологи не могут сбежать от нее, ибо как раз в пустыне, в мертвом уединении этого лунного края, выполняют они свою основную задачу. Вальтер Андре провел здесь одиннадцать лучших лет своей жизни — с 1903 года до начала первой мировой войны 1914 года. За это долгое время пребывания в чужой стране он, наверное, не один раз рассказывал удивленно слушавшему его арабу о том, что на его родине есть деревья, зеленые деревья, даже целые леса и луга, покрытые зеленью почти в течение всего года, и тихие ручьи, по берегам которых растут белые и красные цветы.

Только привыкнув к однообразию пустыни, где нет ни кустика, ни деревца, по-настоящему начинаешь понимать, что такое рай на земле. В пустыне знают цену зелени. И знают, что такое настоящий ветер. В раскаленном мерцающем воздухе по твердой глинистой земле несет он облака пыли из мелкого красного песка пустыни. Этот горячий и сухой ветер, насыщенный пылью, проникает под одежду, в волосы, в глаза, нос и рот. Он приносит с собой не только болезни, но и жажду, вечную жажду.

Это страна фата-морганы. «Я вижу перед собой воду, — говорит Вильгельм Кениг, — прекрасную голубую сверкающую воду. Но только на короткое время, потом она появляется где-то в другом месте, исчезает, опять приближается ко мне, издеваясь над умирающим... Нарушается способность определения и восприятия расстояний, глаза больше не видят.

Нежные спокойные очертания холмов расплываются в тумане мелкого несущегося песка пустыни, увеличиваются, грозят исчезнуть — проходит совсем немного времени и этот таинственный мираж пропадает, все вновь принимает свой прежний вид. Фантастический великан растворяется в воздухе, превращается в маленький камень; козы, овцы оказываются кучками засохшей глины».

Безуспешные вначале раскопки Вавилона привели Кольдевея к решению копать в Калат Шергате. В начале 1903 г. вместе с семьями арабских рабочих он отправляется из Вавилона за 400 километров от него, к новому месту раскопок. В это же время возвращается из Германии, где он проводил свой отпуск, отдыхая после Вавилона, Вальтер Андре. Вместе с ним приехал молодой Эрнст Герцфельд.

Оба они относятся уже к тому поколению археологов, которое изучало, как надо проводить раскопки. От них-то и пошло меткое выражение: «Ничто так недолговечно, как яма».

Ничто так не долговечно, как яма

Для этого нового поколения стало ясно, что не так уж важно раскопать среди щебня древних развалин возможно большее число экспонатов, которыми потом в прохладных залах музеев будут по воскресеньям любоваться посетители. Гораздо важнее наблюдать в самой земле за ходом развития культуры и истории. Эти молодые археологи критически и даже с неудовольствием смотрели на поспешные и беспечные «копания» своих предшественников; они считали, что такие «копания» принесли не меньше вреда, чем варварские разрушения, причиненные столетия и тысячелетия назад ордами жестоких и беспощадных врагов, усугубленные позднее грабительским кладоискательством. Оно, это молодое поколение, уже знало, что каждое неосторожное движение лопатой в этом мертвом, погребенном мире навсегда разрушает что-либо ценное и поэтому должно быть сделано с максимальной осторожностью.

Это новое поколение специалистов-архитекторов училось читать следы на земле, которые неспециалист никогда не смог бы заметить; они развивали методы консервирования, которые напоминают приемы работы современных криминалистов, изучающих следы на месте преступления. Они знали, что даже там, где время и климат обратили работу человеческих рук в пыль, да, именно там, где ни один осколок не

напоминает о бывших деревянных постройках или о забытых столбах, можно обнаружить следы этих построек путем тщательного исследования земли. И что там, где однажды слон земли по какой-то причине были нарушены — потому ли, что здесь строилась стена или вбивался столб, — следы человеческих рук не могли исчезнуть, ибо ничто на свете так не долговечно, как яма.

Эти молодые архитекторы умели читать клинопись. У них было известное преимущество перед кабинетными учеными; приблизительно такое же, какое имеют солдаты на фронте по сравнению с тыловиками. Они в какой-то мере были воспитанниками Роберта Кольдевея и понимали, так же как и он, что время беззаботных приключений прошло. Они археологи по призванию, они знают свои научные задачи еще до того, как сделают свое первое движение лопатой. Они усвоили, что выполненные ими задания будут потом тщательно проверяться внимательным взором многих поколений ученых.

В этой обстановке 28-летний Вальтер Андре в конце октября 1903 года получил из рук Кольдевея задание начать раскопки Ашшура в пустыне Калат Шергат на Тигре.

В склепах царей Ашшура

Как и в Вавилоне, Вальтер Андре интересовался здесь в основном раскопками и исследованиями крупных общественных зданий. Потому что не в жилых районах, а лишь во дворцах и храмах Ашшура можно было по-настоящему познать дух и культуру прошлого, а может быть, даже и объяснить их.

В течение одиннадцати лет Вальтер Андре пытался разыскать эту культуру в холмах желтого ада Калат Шергата на верхнем Тигре.

Он обнаружил стены дворцов, облицованные большими алебастровыми пластинами и окрашенные в пурпурно-красный цвет с перемежающимися черно-бело-черными полосами на углах. На рельефах были изображены крылатые существа с орлиными или человеческими головами. Человеческие головы опять-таки, как мы это часто видели в Двуречье, несут на себе бычьи рога.

Одна из этих удивительных фигур держит на руках молодого козла, а может быть, козу или барашка. На культовом столбе, датируемом XIII веком до н. э., Андре прочитал имя ассирийского царя Тукульти-Нинурта I. Здесь же были изо-

бражены человеческие фигуры, несущие знамена и колеса с восемью спицами. Изумительный мир! Какие идеи кроются за этими символами?

Это должны были быть именно идеи! Идеи, с которыми мы встречаемся во многих местах! Идеи, к разгадке которых, если их вообще можно разгадать, имеется лишь один-единственный путь — путь сопоставлений во времени: через Библию.

Разве не встречались нам в Ветхом завете такие же золотые быки? Разве не было там бога, который вознес свой народ на крыльях орла?

Поразительно!

Потом Андре нашел вход в склепы «дворца отцов». Это подземные погребальные камеры с куполообразными потолками. Монументальные и в то же время простые, они занимают площадь, представляющую собой квадрат со сторонами по 7 и высотой 4 метра. Полукруглые своды облицованы долеритовыми пластинками. В стенах устроены ниши для ламп. На долеритовых пластинках восемнадцать раз выбито имя царя.

В одном из этих подземных склепов Андре нашел остатки гроба. Все его содержимое бесследно исчезло из погребальной камеры. Сам гроб разлетелся на многочисленные куски.

Андре собрал остатки гроба и отослал их в Берлин. Там его с трудом восстановили. Некогда этот гроб состоял из единой восемнадцатитонной долеритовой глыбы длиной 3,85 и шириной около 2 метров. Этот сверхпрочный каменный гроб имел высоту приблизительно 2 метра и на одну треть был вкопан в землю царского склепа в Ашшуре.

Очевидно, его облили нефтью, а затем подожгли, чтобы раскалить камень. Потом лили на него холодную воду, и гроб раскололся. Техника! Техника трехтысячелетней давности.

После того как в Берлине восстановили царский гроб, археологи Берлинского музея прочитали последнюю из начертанных на нем надписей: «Дворец Ашшурнасирпала, царя Вселенной, царя Ашшура, сына Ададнирари, царя Вселенной, царя Ашшура».

Ничего, даже как будто совершенно несокрушимого восемнадцатитонного каменного гроба, не осталось от всего этого.

Вероятно, гробница была ограблена в период крушения ассирийской державы в конце VII века до н. э.; царский труп сожгли или бросили в Тигр, гроб взорвали и сам склеп в конце концов разрушили.

В таком виде, разграбленными и разрушенными, нашел Андре гробницы некоторых ассирийских царей, перед которыми когда-то трепетал весь мир. И не один раз у исследователей Ашшура в пустынной излучине Тигра возникала мысль: так проходит брменная слава в этом мире.

Город храмов

В течение тех долгих лет, которые Вальтер Андре провел на выжженных солнцем мертвых полях Ашшура, постепенно выявлялся план застройки города. В Ашшуре тоже была ступенчатая башня. К ней примыкала пристройка, тянувшаяся до берега Тигра.

Там находились священные барки, на которых в праздник Нового года во время торжественных процессий приносили изображения богов из храмов Ашшура. На барках боги покидали город, чтобы через несколько дней снова вернуться в свои святилища. Для этой цели от берега Тигра до храмов была проложена «дорога процессий».

Перед городскими воротами находилось культовое помещение, до которого доходила процессия верующих. Это здание украшалось на особый лад на протяжении жизни нескольких поколений вплоть до падения державы. На площадке размером 16 000 квадратных метров в каменистом грунте по приказу Санхериба были вырублены глубокие ямы, которые потом соединили подземными каналами. Затем всю площадку засыпали землей и посадили деревья, получавшие обильную влагу из подземных каналов. Двор храма с колоннадой озеленили таким же способом.

Как Бел-Мардук для Вавилона, так и Ашшур для Ассирии стал национальным богом. Однако не Ашшур, а богиня звезд Иштар почти целое тысячелетие господствовала в ассирийском пантеоне.

Самое древнее святилище, которое, очевидно, существовало уже с самого начала ассирийской истории, было посвящено Иштар. Крутой въезд вел к большому двору. К нему примыкало длинное прямоугольное святилище, в котором находились изображения богов и небольшие алтари. В середине двора был бассейн.

Древнейший храм Иштар был варварски разрушен. Неизвестно, сделали ли это враги, временно подчинившие Ашшур, или сторонники веры, враждебной культу богини Венеры.

Во всяком случае, в конце XIII века до н. э. — приблизительно во времена библейского Моисея — царь Тукульти-Нинурта I велел сравнять остатки древнего храма Иштар с землей. Вместо того чтобы сохранить комплекс святилищ на традиционном месте, как это было принято, царь заменил древнее святилище новой большой постройкой.

Примерно через 400 лет — в IX веке до н. э. — царь Салманасар III восстановил храм Иштар. Он поместил его на старое место, но строил по образцу святилищ четырехсотлетней давности. Три века спустя на развалинах этого храма последний царь Ашшурбанапал еще раз построил храм, достойный богини Иштар.

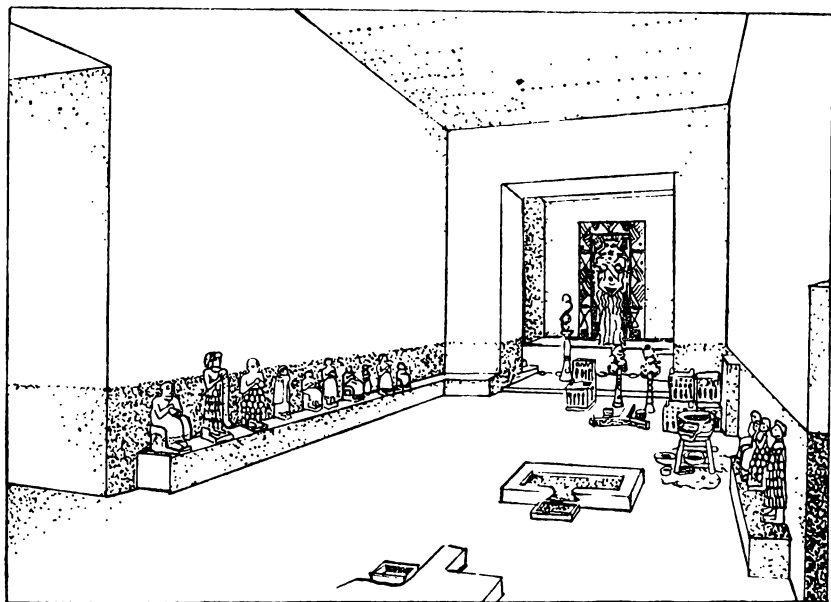
В то время как пророки Израиля проклинали звезду Венеру — мать всех людей Иштар — и эти проклятия проникали в сердца детей Израиля, ассирийские цари продолжали ей благоговейно поклоняться. Гимнов и молитв Иштар было великое множество. Но в ассирийском пантеоне существовали и многие другие боги. Их культ сохранялся главным образом потому, что религии была еще чужда нетерпимость. Ни одного прежнего бога не изгнали из пантеона, ни одну богиню не подвергли опале. Хотя священный гимн царя IX века до н. э. Ашшурнасирпала II и начинался словами «Владычице страны, самой великой госпоже, первой на небе и на земле, царице всех богов», подобные же пышные эпитеты и атрибуты относили и к другим богам, не придавая этому никакого значения.

И все-таки нельзя не заметить, что в ассирийской религии Венере-Иштар уделялось особое внимание. Амулет богини — изображение нагой женщины с косами, ниспадающими на грудь, — часто попадался археологам на земле Ашшура.

Археологи нашли также следы существовавшего некоторое время особенного культа животных. Он отличался — по крайней мере тот, признаки которого обнаружили в залегавших на значительной глубине древнейших слоях, — от хорошо известного культа крылатых лунных быков и львов.

Хотя при раскопках в Ашшуре и были найдены деревянные скамьи, ножки которых напоминали копыта, а на самих скамьях были изображены быки, козы и овцы, но в последующую эпоху в религиозном культе им на смену, видимо, пришло совершенно иное животное — змея.

Змеи в росписи на керамике, змеи на культовых предметах и жертвенниках, один из которых был также еще и украшен изображениями голубей.

*Реконструкция культового помещения в храме Иштар (Ашшур),
относящегося приблизительно к III тысячелетию до н. э.
На заднем плане алтарь*

Итак, змея и голубь. На нашем языке — Луна и Венера, библейские Адам и Ева.

Ассирийцы называли их Син и Иштар.

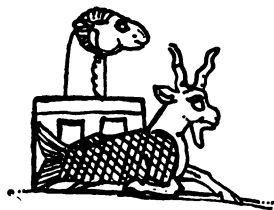
Только тогда, когда знаешь, что змея — это лишь иной символ лунного серпа, подобного бычьим рогам, — так же, как рыба, — становится ясно, как народная фантазия на протяжении истории культуры видоизменяет и преобразует свои верования и представления. К этой истории, полной таинственности, относится смешение священных символов, появление синкретических существ⁹ — козы-рыбы, рогатых львов и рогатых змей и, наконец, быков с человеческими головами, львов, змей, рыб и «драконов».

Такие синкретические существа объединяют трех или четырех различных символических животных той же самой лунной религии в единый священный образ.

Человек, по крайней мере в Месопотамии, еще не дошел до такого состояния, чтобы убивать своего соседа, если тот почитает рыбу, а не рогатого быка, а может быть, змею или

овцу, козу, льва или орла. Более того, он объединяет эти образы. Он еще терпим в своей вере.

Таким образом, становится понятным, почему в Ашшуре одно время почитали не только змею, но и равную ей рыбу. У святилища Ашшура, близ храмового колодца, находился четырехугольный бассейн из долерита. На его наружных стенах (надписи датируют бассейн VIII в. до н. э.) изображены боги, окруженные жрецами в рыбьих масках. Тела этих жрецов покрыты рыбьей чешуей.

*Пограничный камень из
Суз, изображающий
«рыбу-козу» и голову
барана (ок. 1200 г.
до н. э.). Британский
музей. Лондон*

РАЗВИВАЮЩАЯСЯ НАУКА

Полный радости взирай на мои деяния,
дабы сотворенное моими руками осталось
зримым на все времена!

Строительная надпись царя Набуполасара

Между тем в Европе и Америке создаются лаборатории, музеи, семинары по истории Востока. Шкафы для документов и книжные полки высших учебных заведений заполняются словарями, трудами лингвистов, архитекторов, историков искусства, этнографов, теологов и психологов. Ученые всех наций и вероисповеданий объединяются в лоне новой науки — археологии.

В 1829 году возник Германский институт археологии в Риме, поставивший своей задачей «оживить и координировать деятельность в области археологии и филологии, подвергнуть подлинному научному исследованию древнее искусство и науку». В 1874 году в Берлине открылся Центральный отдел этого института. Возникли филиалы в Риме, Афинах, потом в Истанбуле и Каире.

Подобные же задачи поставила перед собой открывшаяся в 1844 году Французская археологическая школа. В 1875 году этому примеру последовал Рим. Греция в 1837 году основала Археологическое общество в Афинах. В Соединенных Штатах Америки, в Австрии, России, Италии и во многих других государствах мира открываются подобные же школы, институты, объединения или общества. Несмотря на то что Евфрат и Тигр во время половодья поглощают не один тяжелый ящик с драгоценными находками археологов и хоронят его в речном иле, несмотря на то что фанатически настроенные местные племена из-за суеверий или по религиозным побуждениям всячески сопротивляются, иногда даже применяя оружие, «богохульным» раскопкам (при этом их нередко поддерживают европейские филантропы, организуя письма читателей или протесты обывателей), — несмотря на все это, все больше и больше выявляется сверкающая всеми цветами радуги, удивительная картина человеческого прошлого.

Человек, ищущий приключений, сенсаций и, может быть,

славы, превращается в ученого-археолога. В аудиториях университетов и исследовательских институтов он изучает письменность, язык, архитектуру, историю искусств, культуры и религии. Его зачисляют в экспедиции на правах молодого стипендиата, чтобы он мог формировать свои знания на переломном участке науки.

Сейчас раскапывают всюду!

И молодое поколение археологов теперь копает уже глубже, чем раньше, осторожней, обдуманней, по заранее разработанному плану и усвоенным законам новой «науки лопаты». Дело уже не в том, чтобы просто выкопать из земли поразительные произведения искусства. Археологи ставят своей задачей показать весь ход развития человечества. «Наша задача, — говорил Вулли, — осветить историю страны, а не наполнять витрины музеев многочисленными редкостями».

Тепе-Гаура

Есть, например, Тепе-Гаура! Он лежит в часе ходьбы от Хорсабада, где начались приключения археологов, связанные с открытием Ботта в Дур-Шаррукине.

Тепе-Гаура в 1849 году был исследован Лэйярдом, но вскоре ученый покинул это уединенное место, так как перед ним стояли другие, более важные задачи.

Столетием позже, в 1927 году, там начал проводить раскопки по поручению американских исследовательских институтов Е. А. Шпейзер. В 1930—1932 годах эти работы были продолжены и велись уже в течение многих лет.

Для того чтобы составить себе правильное представление о событиях, происходивших в Тепе-Гаура, нужно учесть, что раскопки проводились в уединенном, выжженном, неплодородном крае; в том месте, где человек на каком-то историческом этапе перестал строить святилища и дворцы, где он перестал хоронить покойников, потому что сама земля здесь уже умерла, высохла и стала бесплодной. Только в желтой пустыне археологи могут беспрепятственно искать и раскапывать, ибо современная жизнь не вносит туда свои поправки, разрушающие памятники прошлого.

В Тепе-Гаура речь уже идет не об отдельных дворцах, башнях и храмах, речь идет о попытке восстановить всю таинственную историю этой земли. Один культурный слой вскрывается за другим. Незадолго до второй мировой войны американская экспедиция насчитывала уже 26 вскрытых ею

культурных напластований, и при этом только в отдельных местах дошла до не тронутых рукой человека слоев земли.

В слоях VIII—X (счет идет всегда сверху вниз) в Тепе-Гаура исчезают всякие письменные знаки. Здесь как бы проходит граница эпохи, знакомой с письменностью. Но земля в Тепе-Гаура имеет свой собственный язык: в тех же самых слоях, в которых исчезают письменные знаки, появляются фундаменты обширных храмов и дворцов. Обнаруженный в то же время богатый погребальный инвентарь позволяет думать, что открытие письменности не всегда играет заметную роль в исторической жизни народов.

Чем глубже проникали лопаты в мертвую землю Тепе-Гаура, тем яснее становилось, что на протяжении многих эпох драматическая борьба между возвышением и упадком, борьба между волеутверждающим и пассивным началом происходила еще в весьма примитивных формах. И если картина жизни людей того времени может быть нарисована лишь в самых общих чертах, то все следы деятельности их рук показывают, что эти люди существенно отличались друг от друга.

По восточному берегу верхнего Тигра тянется граница, которая оставила заметные следы на земле еще четыре или пять тысячелетий назад. Эта граница в эпоху каменного и медного веков, очевидно, отделяла восточные области, расположенные на территории современного Ирана, от западных. В областях, лежащих восточнее верхнего Тигра, ничто не говорит о каком-либо преклонении перед богами в этот период, и там, в слоях, относящихся к ранним эпохам, не найдено никаких следов храмов. Здесь жили племена кочевых охотников, создавших восточнее Тигра собственную культуру.

В Тепе-Гаура украшенные свастикой каменные амулеты достигают XX слоя, следовательно, они существовали задолго до первого царя Месопотамии. Подобные лунным серпам амулеты, печати с изображениями рогатых животных (в том числе собак или волков) свидетельствуют о наиболее древних формах религии в Тепе-Гаура. В могилах около черепов лежат осколки посуды. Из VI слоя происходит чаша из алебастра с рельефным изображением змеи.

Новые открытия

В нескольких часах пути к северу от Ашшура Вальтер Андре нашел еще одну резиденцию ассирийских царей: Кар-Тукульти-Нинурта. Там, у современного Тулуль-аль-Акра, в

XIII веке до н. э. некий царь отстроил себе свой собственный Версаль. Вероятно, чувства злобы, презрения и разочарования побудили этого царя (Тукульти-Нинурта I), который вел Ассирию к первой вершине ее господства, оставить столицу, где царили политические и культовые интриги. В этом отношении в общественной жизни человеческого общества мало что изменилось и в то время, когда рядом с Парижем был построен Версаль.

Вальтер Андре обнаружил остатки многоцветной настенной живописи: розетки, пальмовые листья и стилизованные изображения священного дерева. Дерево окружено фигурами людей с орлиными головами.

В это время Эрнст Герцфельд вел раскопки в Самарра на Тигре, старинном городе халифов. Там, где когда-то сыновья Гарун-аль-Рашида возводили свои сказочные дворцы, в глубоких раскопах были найдены интересные керамические чаши, которые на 2—3 тысячелетия старше, чем превратившиеся уже в пыль дворцы халифов.

На этих древнейших керамических чашах оказались стилизованные изображения скорпионов и змееподобных существ с ногами и расчлененными на три части птичьими хвостами. Если исходить только из замысла этой росписи (и на время забыть, что змея — это символ ущербной луны), тогда станет очевидной связь ее с более ранним «драконом из Вавилона» или «бегающей змеей». Вероятно, в Самарра обнаружены более древние их предшественники.

Змея из Самарра с ногами и птичьим хвостом еще не слилась со смертельно жалящим скорпионом в единое целое. Оба они лишь изображены вместе. Эта пока еще не скорпион, а змея, которая ходит ногами по земле, ее птичий хвост показывает, что она может и летать: «Это та змея, которая живет и на небе и на земле». Более ясно с помощью письма-рисунка трудно было бы это выразить.

Очевидно, скорпион должен подчеркивать способность змеи к ядовитым укусам. Змея приносит смерть. Это богиня смерти. Она сама раз в месяц умирает на небе, но (как и серп луны) возрождается вновь.

Именно в форме таких религиозных представлений приблизительно 5 или 6 тысяч лет назад размышлял человек о Вселенной, жизни и смерти. «О ты, которая в небе и на земле, ты, которая смерть и воскресение!»

Нет сомнения, что археология подошла уже вплотную к истокам религиозных верований человека.

В 1912 году француз Анри де Женильяк раскопал в Кише, вблизи Вавилона, храмовую башню. Были найдены многочисленные рельефные изображения, фигуры и погребения.

Нестерпимая жара и песчаные бури. Несмотря на изнурительный зной, француз самоотверженно раскапывает храм «владыки страны» и «царя богов» Энлиля, пытаясь раскрыть тайны царского дворца. Начавшаяся мировая война положила конец этим раскопкам.

В 1923 году, когда арабы уже грабили заброшенные раскопки и продавали многочисленные таблички с письменами частным коллекционерам, в Киш к двум группам разрытых холмов по заданию Оксфордского университета и Чикагского музея приехал Стивен Ленгдон и приступил к раскопкам, длившимся десять лет.

Десять лет в безотрадной пустыне! Какая несокрушимая твердость живет в душе исследователя-археолога! Англичане и французы поддерживали Ленгдона.

В погребениях из Киша, по-видимому, обнаруживалась некая связь с рогатыми и змееподобными богами Месопотамии. Эти люди из Киша четыре или пять тысяч лет назад, очевидно, до своего последнего вздоха сохраняли твердую веру в воскресение из мертвых в будущем или в загробную жизнь в ином мире. Руки скелетов держали перед лицом сосуды.

В Кише были также раскопаны погребения, в которых вместе с господином находились и многие его слуги. Около погребенных лежала упряжь для колесницы и некоторые другие предметы, а именно: медная пила и долото.

Зачем они нужны мертвым? Должны ли они что-то пилить? И для чего долото? Должны ли они обрабатывать камни или даже долбить скалу и с какой целью?

Могины восходят к середине III тысячелетия до н. э.

Символы?

Имел ли человек III тысячелетия до н. э. понятие о символах? Мыслил ли он абстрактно? Почему, как правило, обруч всегда украшал левую ногу покойника? А правую — очень редко? Вопросы и вопросы. Почти ни на один из них нельзя ответить только на основании раскопок одного холма или погребения.

Если идти от Тепе-Гаура на восток, вверх по течению Тигра, то через два часа откроется целое поле развалин. В 1930 году по поручению американских институтов сюда — в Телль-

Билла приехал Е. А. Шпейзер. Здесь же еще в 1845 году побывал Лэйярд, но не принял никакого решения. Под холмом Телль-Билла погребен древний город Шибаниба.

Многолетняя работа Шпейзера позволила ему обнаружить следы жизни персов, слоем ниже — ассирийцев, еще ниже — хурритов, о которых часто упоминает Библия, и под этим слоем II тысячелетия до н. э. еще четыре более древних культурных слоя, восходящих к III тысячелетию до н. э.

В ассирийском слое был найден еще один храм богини звезд Иштар. Когда его раскопали, то нашли знак богини.

Археологи уже давно привыкли к этому знаку — звезде Иштар, дочери или возлюбленной Луны, с восемью расходящимися лучами. Этот знак нередко символизирует понятие божества вообще. Эта звезда с восемью лучами как путевой знак проходит через всю стратиграфию¹⁰, через все археологические слои — век за веком, тысячелетие за тысячелетием. Точно эти века и тысячелетия хотят сказать: смотрите, мы видели ее звезду, звезду Венеры, утреннюю и вечернюю звезду, мать всего живого.

Огромная и сверкающая, сияет она в небе Месопотамии в том или ином облики; ее прекрасный свет озаряет раскрытые погребения, развалины дворцов, храмов и жалкие домишки из тростника, в которых археологи стремятся познать смысл далекого прошлого.

Четверть миллиона документов

У Хафатши, в 15 километрах на восток от Багдада, американские исследователи столкнулись с хищническими раскопками бедуинов-кочевников. С явным интересом наблюдали бедуины за тем, что делали чужеземные господа у древних холмов. В какой-то степени этих бедуинов стимулировали заниматься хищническими раскопками предприимчивые коммерсанты, рассчитывавшие с большой для себя выгодой использовать мертвые холмы в расцветающей торговле древностями. Богатые снобы из Нью-Йорка, Лондона или Парижа не жалели средств и платили хорошие деньги за удовлетворение своих антикварных страстей, за которыми нередко скрывался современный фетишизм.

Для них-то грабители, недолго думая, и разрушали последние следы древней культуры и истории; во имя науки их необходимо было отогнать от этих холмов.

С 1930 года американцы вели раскопки для Восточного института в Чикаго, потом для Филадельфийского университета и, наконец, для Американской школы восточных исследований.

В чужой стране, полной блох, клещей и мух, они выполняли свои задачи. Днем назойливые мухи забивали им глаза, уши, ноздри. При вдохе они попадали в горло, их проглатывали во время еды. Это были опасные возбудители заболеваний, против которых археологи были совершенно беспомощны. Нельзя же бегать с утра до вечера со шприцем Флитта. Все продукты питания, фрукты и посуда были покрыты этими ужасными паразитами. Ночью к лагерю приближались голодные и измученные жаждой шакалы; в палатки проникали большие скорпионы, до 10 сантиметров длиной. Они сначала охотились за паразитами, а потом заползали в одежду и обувь. Там они засыпали, и нелегко было обнаружить их отвратительные черные или желто-белые тела. Археологи должны были привыкнуть к тому, что каждую вещь, которую они брали в руки, всякую одежду и каждый ботинок надо внимательно обследовать, чтобы не пострадать от неожиданного укуса.

В Хафатши были вскрыты культурные слои нескольких тысячелетий. Вместо глиняной посуды в древних захоронениях неожиданно появились плетеные сосуды (подобные же сосуды встречаются в погребениях средне- и южноамериканских индейцев). В более глубоких слоях нашли обуглившиеся трупы.

Вызывающие все больший и больший интерес исследования сосредоточились теперь на предыстории и наиболее ранней истории человечества.

На местах, которые десятки лет назад уже исследовались, археологи продолжили раскопки, идя от более поздних слоев к более ранним, вплоть до древнейших напластований каменного и медного веков.

Невзирая ни на что, английские археологи снова раскапывали Ниневию. В 1925—1931 годах в Иорган-тепе самостоятельно работали пять известных археологов из Соединенных Штатов. Появились новые имена, новые звезды на небе археологии.

Целое поколение молодых ученых из Америки устремилось к холмам Месопотамии. Они стали вести раскопки близ Багдада, в Эшнуна, в Арпачийа около Ниневии. Эти работы финансировали богатые университеты, исследовательские институты и большие музеи Соединенных Штатов.

Во время раскопок в Арпачийа на большой глубине были обнаружены многочисленные статуэтки доисторического времени. Эти статуэтки из глины или кости обычно изображали нагих женщин, головы которых были лишь едва намечены скульптором, а груди и половые органы чрезмерно подчеркнуты. Эти женские фигурки часто изображались в согнутом положении, характерном еще и сейчас для изображения роженец на Востоке.

Доисторический человек при помощи таких фигурок хотел, видимо, отобразить чудо рождения и жизни, а также прославить богиню-мать.

В Хорсабаде, на верхнем Тигре, копали американцы; южнее Мосула работали иракские ученые совместно с англичанами и американцами. Немцы вели раскопки в Сиппаре и открыли там древневавилонскую школу писцов.

В Телль-Хармале иракские археологи обнаружили в 1948/1949 году таблицы с аккадскими законами начала II тысячелетия до н.э. Эти законы оказались старше законов Хаммурапи времен Авраама, то есть они были составлены приблизительно за несколько столетий до того легендарного времени, когда Моисей получил заповеди на горе Синай.

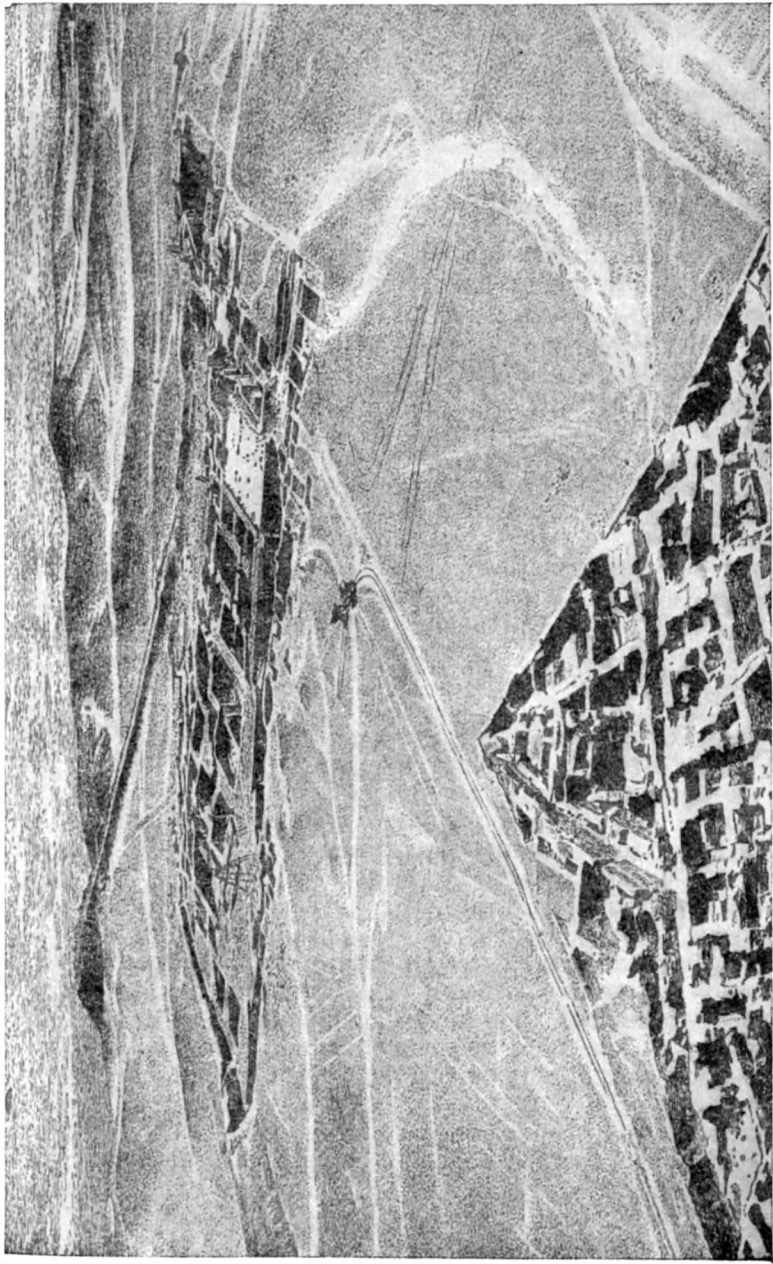
В Калахе (Нимрод) англичане продолжили в 1949 году раскопки знаменитого северо-западного дворца Ашшурбанапала, начатые Лэйярдом за сто лет до этого. В 1954 году в двадцатитрехметровом колодце были найдены таблицы с письменами времен царя Саргона II. В 1951 году в Салтантепе также обнаружили целый архив из многочисленных клинописных таблиц.

Ученые-языковеды нашего времени увеличили тем самым свои обширные коллекции новым значительным числом клинописных таблиц. Они располагают теперь такой библиотекой, отражающей историю, культуру и хозяйство далекого прошлого, с какой не может сравниться ни одна специальная библиотека мира: эта библиотека насчитывает почти четверть миллиона документов! Пожалуй, ее можно сравнить лишь с библиотекой из Мари.

Но о Мари пойдет речь в особой главе.

Мари и Библия

Мари, курганный погребение Телль-Харири на среднем Евфрате, — одно из самых сенсационных открытий французской археологии.

Центральная часть развалин г. Мари на Евфрате. На переднем плане жилой район III тысячелетия до н. э.; выше — царский дворец II тысячелетия до н. э.

Это открытие было сделано благодаря наблюдательности французского пограничного офицера, который в 1932 году, выполняя поручение французского колониального правительства в Сирии, шел по своим служебным делам вдоль Евфрата и обратил при этом внимание на странное поведение группы бедуинов, собиравшихся похоронить своего родственника.

Они были заняты сбором больших камней, чтобы покрыть ими могилу, только что выкопанную в глинистой почве пустыни. Эти тяжелые камни должны были защитить тело умершего от бродивших вокруг гиен и шакалов. Но такие камни — редкость на Евфрате. И уж если камни найдены, то они непременно извлечены из древних развалин.

Если же эти камни были остатками изваяний, то само собой разумеется, что французский офицер, охваченный любопытством, стал выяснять происхождение этих удивительных камней. Таким путем известие о камнях из Телль-Харири попало в руки археолога, который как раз занимался исследованием древних холмов Южной Месопотамии, в руки Андре Парро.

Может быть, читатель разочарованно спросит, зачем его знакомят все с новыми и новыми именами. Однако здесь следует иметь в виду постоянно растущее число археологов, из которых лишь самые выдающиеся остаются в поле нашего зрения, но они-то, так сказать, и представляют собой эту расцветающую профессию. Андре Парро, кроме того, был вообще очень интересным человеком. Он начал с теологии. Хотя Парро — сын пастора из Восточной Франции и доктор теологии — не был единственным священником, жизненный корабль которого пришел в гавань археологии, но он оказался, по крайней мере до сегодняшнего дня, одним из наиболее удачливых теологов, которые делали попытки проверить основы библейских откровений с лопатой в руках.

Когда Андре Парро, через 24 года после открытия Мари, в 1957 году, временно прекратил свои раскопки, он успел превратиться из молодого 32-летнего доктора и профессора протестантской теологии в известного во всем мире 56-летнего археолога — главного хранителя национальных музеев Франции, кавалера Почетного легиона и автора целого ряда значительных трудов о своих раскопках, особенно о раскопках в Мари.

Из-под холма щебня в Мари в течение 1933—1939 и 1950—1957 годов были откопаны остатки огромного дворца, который около 3 500 лет назад, в XVII веке до н. э., принадлежал царю Симрилиму. Дворец из Мари с его замечательны-

ми настенными росписями и многочисленными произведениями искусства относится к наиболее крупным, исторически значительным открытиям археологии.

Этот комплекс построек со всевозможными дворами, имевший более 300 помещений, поставил перед исследователями большие задачи, которые особенно интересны еще и потому, что Мари, после того как он был разрушен в XVII веке до н. э., больше никогда не восстанавливался. В том виде, в каком нашли его исследователи, лежал Мари под землей три с половиной тысячелетия.

На стенах дворца сохранились остатки фресок, изображающих культовую процессию. На одном большом фрагменте еще можно разобрать сцену, где царь возводится на престол божеством. Это божество — властительница неба Иштар; она изображена стоящей на спине льва. Фигуры царя и богини окружены деревьями, животными, синкретическими существами и богами.

Нашли также большую статую Иштар. Перед грудью она держит сосуд, из которого текла вода. Пустой сосуд был связан со статуей трубкой. Вода подавалась через тело богини и по трубке попадала в сосуд. Голова Иштар была украшена короной с рогами, заплетенные рыжеватые волосы падали ей на плечи. Семь жемчужных ниток украшали шею.

Вместо обычного для Переднего Востока изображения борьбы льва с быком на каменном сосуде из храма небесной богини в Мари изображена борьба льва со змеей. На верхнем крае одного стеатитового сосуда виднелись изображения двух змей, которые переплелись между собой.

Наконец, в Мари удалось обнаружить еще одну клинописную библиотеку. Она содержала около 20 000 клинописных таблиц. Вавилонский Хаммурапи, разрушая Мари, «втоптал» ее в землю вместе с дворцами и храмами.

Бельгийский университет в Люттихе взял на себя расшифровку и перевод многочисленных клинописных таблиц из Мари. И вот все знатоки Библии неожиданно получили из Мари большой сюрприз. Ибо найденные архивы содержали важные сведения для понимания библейской истории древнейшего времени.

Семья Авраама

В клинописных табличках из Мари идет речь о племенах пустыни, кочевавших к северу от Мари, в районе Харрана; эти племена были воинственны, иногда занимались грабежом.

Месопотамские цари вербовали их в свои войска. Тексты из Мари называют эти племена пустыни «хабиру» или «хабири» — название, которое повторялось потом и в других клинописных текстах; обычно его понимают как обозначение евреев.

Среди этих «хабиру» из Харрана в литературе Мари упоминается особое племя «сынов юга», племя «веньямин».

В Библии Веньямин — один из сыновей Иакова.

Указание на город Харран, где жили «хабиру» и племя «веньямин», вызывает воспоминание не только о самом Иакове, который долгое время, как сообщает Библия, жил в Харране, но прежде всего о деде Иакова, Аврааме. Потому что Авраам вышел из Ура халдейского в Харран и только оттуда, из Харрана, пошел в Ханаан, в землю «обетованную».

Харран существует еще и сегодня. Его причисляют к одному из самых старых городов мира. В Харране сохранился древнейший храм бога Луны, к которому еще в позднеассирийское и потом в вавилонско-халдейское время совершали паломничества цари Месопотамии, чтобы получить там благословение и совет. Некоторые из известных нам царей, например Ашшурбанапал и Набонид, подновляли и украшали святилище бога Луны в Харране.

Значит там, судя по табличкам из Мари, должны были жить некоторые племена израильского народа. Только спустя многие столетия объединились они в Палестине, образовав государство Давида.

По данным из Мари, события эти относятся к XVIII и XVII векам до н. э.

Это было почти то же самое время, в которое, согласно Библии, жили Авраам и его отец со своей семьей. «И взял Фарра Авраама, сына своего, и Лота, сына Арранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Авраама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там». Об этом сообщается сразу же после сведений о постройке Вавилонской башни (I кн. Моисея, 11).

Названия ряда мест вблизи Харрана соответствуют некоторым библейским именам. И прежде всего имя одного из братьев Авраама — Арран (I кн. Моисея, 11, 31). Совпадают также названия и имена: Фарра, Нахор и Серух. Помимо Аррана бросается в глаза имя Фарра, которого Ветхий завет называет отцом Авраама: «Серух... родил Нахора... родил сынов и дочерей... Нахор... родил Фарру (отца Авраама)... Фарра... родил Авраама, Нахора и Аррана».

Кладовая дворца в Мари с большими глиняными кувшинами

Конечно, нет ничего необычного в том, что название местности или края переносится на родоначальника. Даже в новое время можно встретить многочисленные случаи, когда личные имена давались по месту происхождения их носителей, а потом это название переходило и в фамилию. Таким образом, можно не сомневаться, что названия Харран, Фарра и другие первоначально обозначали места, откуда происходили некоторые библейские родоначальники. От этих названий в конце концов и произошли имена людей.

Может быть, теперь при помощи клинописного архива можно объяснить имя отца народа Авраама, которого сначала называли Аврам. Это имя, по-видимому, связано с обозначением «ибрим», которое получило распространение наряду с названием «хабиру»: ибрим, вероятно, означает «потустороннее».

Что же это за «потусторонние»? Возможно, они жили сначала на той стороне реки?

Но какой реки? Евфрата?

И опять Библия объясняет: это был Евфрат. Там, на Евфрате, по другую сторону реки находился город, из которого вышли Фарра и Авраам, направляясь в Харран. Библия объясняет, что они пришли из Ура халдеев.

Да, но где же тогда был Ур?

К ИСТОКАМ КУЛЬТУРЫ

Мой бог! Как хмельной напиток Шенкин
 сладостен.
Как хмельной напиток, сладость у нее
 в чреслах;
сладостен ее хмельной напиток.
Как ее губы сладостны, сладость у нее
 в чреслах,
сладостен ее хмельной напиток...

Из песни верховной жрицы Ура

В кабинетах ученых Запада ощущалось нарастающее беспокойство в связи с успехами в области изучения клинописных табличек. Потому что лингвисты неожиданно нашли собственное имя, с которым не знали, что делать.

Это собственное имя — Шумер, с ударением на втором слоге. Удивительно, что обнаружили его на клинописной табличке царя Ашшурбанапала, где царский писарь сообщал о «тайных шумерских документах».

Что же это было?

Никто из античных авторов об этом ничего не сообщал. У современных языковедов возникло пока еще не совсем ясное представление, что еще далеко не все сделано для полной расшифровки аккадской письменности, для исследования языка Ассирии и Вавилонии. Если даже Ашшурбанапал два с половиной тысячелетия назад считал шумерский язык «темным», то лингвисты и филологи нашего времени понимают, что они стоят перед еще более трудной задачей, чем та, которая была ими уже решена.

Шла ли речь о шумёрах, пока еще никому не знакомом народе?

Некоторые европейские языковеды XIX века упорно отрицали даже возможность существования шумерского народа вообще. А если так, то, следовательно, не могло быть и шумерского языка. Будучи уже пожилыми людьми, они продолжали утверждать — как, например, французский ориенталист Жозеф Алеви, который во всяком случае был значительным исследователем в области семитологии, — что эти так называемые шумерские таблички представляют собой не что иное,

как один из видов тайнописи вавилонян или ассирийцев. В начале XIX века научные споры по «шумерскому вопросу» все еще продолжались. Археологи должны были подавлять в себе неприятное чувство, что они ищут нечто такое, что, может быть, совсем не существует. Правда, из вавилонской клинописи уже было известно, что некий народ «хальду» приблизительно в I тысячелетии до н. э. из Южной Вавилонии передвинулся на север, распространился по всей вавилонской территории и перешел к оседлому образу жизни. Однако это были не шумеры, а халдеи¹¹, отсюда и наименование «хальду». Говоря о халдеях из Южного Вавилона, надо иметь в виду, что речь тут должна идти о многих кочевых племенах, которые в течение большого промежутка времени неоднократно поднимались вверх по реке. Вполне возможно, что некоторые из этих племен могли достигнуть Харрана в Северо-Западном Двуречье, — так по крайней мере утверждает Библия в своем рассказе об Аврааме и его семье.

Но Шумер? Что же здесь общего с Шумером?

И все-таки вопрос об Аврааме и его переселении из Ура в Харран вновь и вновь ставит вопрос и о шумерах. Потому что если Авраам действительно пришел из Ура, то этот Ур мог находиться лишь в Южной Вавилонии, возможно, там, где была «страна моря» — страна, расположенная близ Персидского залива.

Как раз оттуда-то и ведут свое происхождение таблицы с таинственной шумерской клинописью, которую считали ассири-вавилонской тайнописью.

Почему Авраам покинул Ур?

Кто посетит Южную Месопотамию, древнюю Халдею, быстро поймет, почему библейский Авраам переселился из легендарного города Ура в Харран, в Северо-Западную Месопотамию, или, если следовать вавилонским клинописям, почему племена «хальду» ушли с юга страны. Дело в том, что на юге наступило постоянно прогрессирующее ухудшение необходимых для жизни условий — упадок, который можно ощутить еще и сейчас. Южнее Вавилона, по берегам обеих рек, особенно по берегам Евфрата, тянутся обширные области болот, нездоровый климат которых помимо некоторых других превратностей природы буквально превратил жизнь в ад. Созданная с особой тщательностью тысячелетия назад система каналов, которую использовали для орошения полей,

постепенно приходила в упадок, так как потомки строителей каналов не восстанавливали ее. В конце концов она окончательно разрушилась, а поля превратились в болота и трясины. Тот, кто сегодня живет в этих местах, постоянно подвергается опасности: твердая почва может неожиданно исчезнуть из-под его ног, а сильные ливни отрезать всякие пути отступления. Тогда человеку останется либо утонуть, либо, что еще хуже, задохнуться в болоте, если, конечно, у него под руками случайно не окажется лодки.

Поэтому первая заповедь для всех путешественников по Халдее гласит: привяжи себе за спину лодку!

Если рассматривать с этой точки зрения библейскую легенду о переселении Авраама из Ура халдейского в Харран, то она находит известное подтверждение. Ему не стоило более жить в Уре.

Чтобы побольше узнать обо всем этом, нужно найти Ур.

Рога из Суз

Путь археологов в Ур можно сравнить со своеобразным путешествием по спирали, которое началось в Сузах и Басре с серьезных успехов французских археологов.

Французы решили исследовать Сузы, древнюю столицу эламитов, которые, судя по вавилонским клинописным текстам, часто вступали в союз с жителями Халдеи и вместе с ними боролись против ассирийцев. Сузы лежали восточнее низовья обеих рек.

С 1884 по 1886 год супруги Дьелафор из Франции вели раскопки на развалинах дворца персидского царя Артаксеркса в Сузах. Они сообщили в парижский Лувр об открытии монументального дворца с прекрасными скульптурами и фризами, изображающими львов. В 1897—1898 годах Жак де Морган и Р. де Мекенем начали раскапывать весь зольник. При этом они также наткнулись на культурные слои доисторического времени, точнее — эпохи, когда письменности еще не было.

Там, в Сузах, в результате раскопок 1901—1902 годов французы нашли уже упомянутый «свод законов» вавилонского царя Хаммурапи, записанный на огромном диоритовом камне. Они нашли также части настенного барельефа XII века до н. э., на котором рядом с пальмой изображен бородастый человеко-бык с короной в виде рога и бычьими копытами. Совершенно очевидно, что древнейшее изображение быка те-

Часть стены из Суз, составленной из рельефных кирпичей (XII в. до н. э.).

Бородатый человек-бык с рогатой короной и бычьими ногами изображен у стилизованной фиговой пальмы.

Лувр, Париж

перь все больше и больше превращается в человекоподобный образ бога Луны, который в конце концов сохранил лишь как признак божественности священные рога на лбу, такие же как у вождей семитов, индоевропейцев, германцев и других народов.

Наконец французам удалось установить ту степень разрушений, которым Сузы подверглись в VII веке до н. э. Незадолго до падения своей собственной державы ассирийцы разрушили древнее государство Элам вместе с его столицей Сузами. «Зиккурат Шушана (Суз), который был построен из эмалированных кирпичей, — так сообщал царь Ашшурбанапал о своей победе, — я разрушил, обломал его зубцы, которые были отлиты из блестящей меди... Шушинака, их бога-прорицателя, жившего в уединении, божественных дел которого никто не видел... богов (и) богинь с их сокровищами, их добром, их утварью, вместе с первосвященниками (и)

жрецами я заполнил в страну Ашшур. 32 статуи царей, изготовленные из серебра, золота, меди, алебаstra... я забрал в страну Ашшур. Я снес шеду (и) ламассу, стражей храма, всех, сколько (их) было, исторг яростных быков, украшение ворот. Святилища Элама до небытия я уничтожил, его богов (и) его богинь я пустил по ветру. В их тайные леса, в которые не проникал никто чужой, не вступал в их пределы, мои воины вступили, увидели их тайны, сожгли (их) огнем. Гробницы их царей, прежних (и) последующих, не чтивших Ашшура и Иштар, моих владык, доставлявших хлопоты царям,

моим отцам, я сокрушил, разрушил, показал солнцу; их кости я забрал в страну Ашшур; их душам я доставил покойство, лишил их жертвоприношений (и) возлияния воды».

Царскую семью, придворных и семьи всех знатных людей государства ассирийцы взяли в плен и увезли с собой. Часть пленных была принесена в жертву богам, и, наконец, Ашшур-банапал повелел засеять поля сорняками и засыпать солью, чтобы земля больше никогда не стала плодородной.

Из ассирийских документов можно также узнать, что обратно в Урук с триумфом была возвращена статуя богини Наны, которая за 1635 лет до того времени была увезена в Сузы. Урук! Но ведь это не Ур! Где же находился Урук?

Консул из Басры

В 90 километрах выше устья Шатт-эль-Араба, куда впадают Евфрат и Тигр, на последнем отрезке пути к Персидскому заливу расположен порт Басра. Когда-то наряду с Багдадом он был знаменитым городом, городом «1001 ночи». В новое время Басра превратилась в захолустный городишко, в котором в конце XIX века едва ли насчитывалось 20 тысяч жителей. Ни один европеец не согласился бы жить в нем добровольно из-за нездорового климата. Для археологов Басра была, правда, важным пунктом, потому что отсюда отправлялись в музеи Запада многочисленные ящики, наполненные драгоценными находками.

В 1877 году вице-консул Франции Эрнест де Сарзек случайно попал в Басру. По собственной инициативе пустился он на поиски интересных вещей, если таковые могли найтись в таком захудалом месте, как Басра. Он начал эти поиски, может быть, потому, что перед его глазами стоял достойный подражания пример консульского агента Ботта из Мосула и его поразительная карьера, завершившаяся постом французского генерального консула. А может быть, французские археологи не без определенных целей направили в Басру нового вице-консула. Так или иначе, но Эрнест де Сарзек с большим интересом разглядывал страну Али Бабы и сорока разбойников.

В душные, наполненные палящим зноем дни он странствовал по болотам, заросшим тростником и по заброшенным, давно засохшим каналам. Он наблюдал призрачные картины фата-морганы. Ему мерещилась голубая зыбь больших озер там, где на самом деле был лишь песок и выжженная глина.

Он видел коричневые столбы песка, быстро передвигавшиеся по земле и, как облака дыма, вздымавшиеся вверх в мерцающем от жары воздухе. Он повидал песчаные бури, когда завихряются смерчи, образуя глубокие воронки, — «ветры шакалов». Ужасная страна! Его мучила жажда. Весь пот, который выделяет тело, сразу же высыхал на сухом жарком ветре. Кожа воспалялась. В таких случаях надо пить, пить и снова пить. А чистая, прозрачная вода попадает здесь очень редко. Европейцы часто болеют от местной воды; заражаются дизентерией или тифом.

Глаза горят. Их воспаляет мелкая красная пыль. Если промывать глаза водой, возникает новая опасность — получить страшную глазную болезнь. Более половины всех местных жителей страдают глазными заболеваниями.

Кошмарная страна! Она изматывает, заражает болезнями, убивает. Весной и летом даже ночи не приносят покоя. Нередко температура ночью доходит до +40 градусов. Нездоровая, зеленая вода течет к заливу, достигая тридцатиградусной температуры. Над водой вьются миллиарды кровососущих комаров. Поразительная страна! Из пустыни приходят бедуины с верблюдами, курами, ослами, детьми и собаками. Они кочуют, не обращая никакого внимания на жару, пыль и бури. Точно все это так и должно быть.

Чем они живут?

«Аллах велик»... «Пусть будет он милосерден!»

Вице-консул Франции смотрел на их черные палатки из козьего волоса. Неужели здесь и лежат истоки культуры? Неужели это и есть потомки носителей таинственной, высокой и славной культуры, которых некоторые европейские ученые считают основоположниками западной цивилизации? Это ли потомки шумеров? Или, может быть, чума и тиф, малярия и дизентерия, жара и песчаные бури уже давно привели их к гибели.

Но где же тогда их следы? Где холмы, под которыми они лежат?

Однажды вице-консул услышал от одного из феллахов о каких-то кирпичах со знаками письменности и об удивительной каменной статуе.

Где?

Нет, не около Басры! Гораздо севернее! Надо идти далеко, по тяжелым и опасным дорогам. Это там, между обеими реками, в безотрадной пустыне; это Телло — край холмов, один холм щебня около другого.

Телло?

За хороший бакшиш Эрнеста де Сарзека туда привели. И вице-консул стал копать.

Правители Лагаша

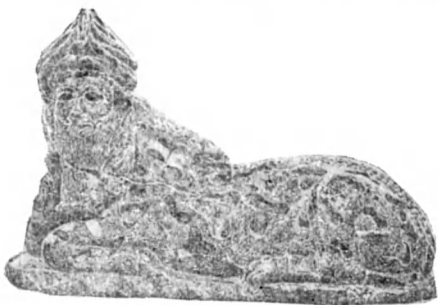
Эрнест де Сарзек вел раскопки в течение нескольких лет. В пустыне Телло он нашел архив, состоящий более чем из 20 тысяч клинописных табличек. Это собрание было хорошо систематизировано и по объему значительно превышало библиотеку из Ниневии! Будучи разделенным на отдельные части по признаку содержания, этот архив пролежал в земле почти четыре тысячелетия.

Звезды французской археологии засияли. Вся Европа, вся Америка, весь мир с восторгом взирали на гигантскую библиотеку, которую французские исследователи извлекли из давно забытой земли. Ведь речь шла не об обычных таблицах со знаками-письменами — это были таблички, почти все без исключения покрытые знаками таинственного шумерского письма. Пожалуйста, вот целая шумерская библиотека с огромным числом шумерских клинописных табличек!

Только научитесь наконец читать их!

Вот оно — и решение спорного вопроса! Шумерский народ действительно существовал. Этот народ жил некогда в Южной Месопотамии — там, где находится холм Телло.

В 1903 году капитан Гастон Крос продолжал французские раскопки в Телло. Результаты раскопок заставили наконец изменить свое мнение даже тех ученых, которые отвергали самый

Два лежащих «быко-человека» из Лагаша. Черный стеатит. III тысячелетие до н. э.

факт существования шумеров. В 1929—1931 годах французы все еще копали в Телло. Руководил раскопками Анри де Женильяк, но, обессиленный тяжелым климатом, смертельно переутомленный, он вынужден был оставить экспедицию. На его место пришел Андре Парро, открывший Мари. Он еще два года продолжал работы в Телло. Потом французские археологи покинули «свой холм» и вернулись в Париж, накопив большой опыт и обогатившись многочисленными оригинальными находками. И ученый мир узнал, что холм Телло сохранил под собой остатки шумерского города, который назывался «Лагаш». В Лагаше из тьмы веков как призраки выступили целые поколения шумерских правителей. Они жили за тысячу лет до рождения Моисея и были намного старше Авраама.

Таким образом, Лагаш стал ценнейшим археологическим памятником. Даже сегодня, когда прошло уже более 80 лет со времени открытия Лагаша, эти памятники не утратили своего значения¹².

Документы из Лагаша говорят о большой набожности шумеров. На посвячительных табличках древнейшего правителя Лагаша (середина III тысячелетия до н. э.) изображена хищная птица с львиной головой. Это синкретическое существо вонзает свои когти в тела двух львов.

На других барельефах — быки с человеческими головами, у некоторых быков вся верхняя часть туловища — человеческая. Человеческие головы быков имеют рога и уши рогатых животных. Значит, и здесь мы наблюдаем превращение бога-быка в бога-человека. На одном из шедевров шумерского искусства середины III тысячелетия до н. э. — серебряной вазе — были изображены четыре орла с львиными головами. Их образ синкретически связан со львами, оленями и козлами.

На другой вазе из Лагаша — две увенчанные коронами змеи с крыльями. Еще на одной вазе изображены обвившиеся вокруг жезла змеи. Итак, змея и жезл: очевидно, это та же самая змея, которая в руках Моисея превратилась в жезл и потом снова в змею.

В самых глубоких слоях, вскрытых при раскопках Лагаша, скелеты не лежат, а сидят на корточках. Это характерное для определенного вероисповедания положение археологи уже наблюдали при других раскопках. В поднятых к лицу руках мертвые держат глиняные чаши, как будто они хотят утолить свою жажду.

Что это означает?

Где хранится дарящий воду и жизнь сосуд, который дает силы жизни? Только на небе! Там в постоянных превращениях луны начинается жизнь, возрождаясь из смерти, луна становится то серпом, рогом или ладьей, то чашей или кубком. И из лунной чаши течет вода жизни. Очевидно, поэтому мертвые из Лагаша держат сосуд перед лицом так же, как в некоторых других погребениях доисторического времени.

Напрасные поиски

В 1886 году, когда работы на холме Телло-Лагаш после раскопок Сарзека были на некоторое время прерваны, Роберт Кольдевей посетил эти ставшие уже знаменитыми места. Конечно, не для раскопок. По международной конвенции холм принадлежал французам, которые, правда, всегда радушно встречали гостей.

Кольдевей увидел, как арабы — похитители кирпичей уже начали усердно разбирать раскопанную стену. Конечно, это причиняло большой ущерб исследованиям ученых. Но нужда местных жителей в кирпичах была невелика, так как в стране не велось почти никакого строительства. И когда Кольдевей через 12 лет вновь посетил развалины в Лагаше, стены уже почти не разбирали.

Сенсационное открытие Лагаша побудило берлинские музеи последовать примеру парижского Лувра. Кольдевею поручили руководить небольшой немецкой экспедицией, в которой принял также участие немецкий филолог-арабист Бруно Мориц.

Экспедиция должна была исследовать и по возможности раскопать два холма близ Лагаша, неподалеку от заболоченных, заросших камышом и полных опасностей джунглей.

В 1887 году немцы в течение нескольких месяцев раскапывали оба холма — Сургуль и Эль-Хибба, надеясь сделать такое же открытие, каким осчастливил Францию ее замечательный вице-консул из Басры. Но, несмотря на все попытки, эти надежды оказались обманчивыми. Из обоих холмов не было извлечено ни интересных скульптур, ни клинописных таблиц древних шумеров. Разочаровавшись, берлинские музеи решили прекратить раскопки.

Странно, англичанам повезло в Ниневии, французам — в Мари и Лагаше и лишь немцам, которые так хорошо освоили ассирийский и вавилонский языки и так же охотно взялись

бы за изучение еще и шумерского, — этим немцам счастье открывателей так и не давалось в руки.

Между тем в Южную Месопотамию отправляются новые экспедиции. Они намереваются, несмотря на постоянную угрозу заболеть болотной лихорадкой, невзирая на всякого рода опасности, которые подстерегали их в окутанных ядовитыми туманами и заросших тростником болотах, найти новые следы шумеров. Они имели в своем багаже Библию, чтобы постоянно помнить ее слова:

«Царство его (Нимрода) вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар (Шумер). Из сей земли вышел Ассур...» (1 кн. Моисея, 10, 10, 11).

Рим шумеров

Область, лежащая к югу от Вавилона и протянувшаяся до Персидского залива, уже не нова для археологов. Почти каждый исследователь, которому приходилось раскапывать ассирийские и северовавилонские холмы, уже пытался проникнуть в тайну этой безотрадной цепи холмов на юге Месопотамии. Эта заболоченная область летом, когда свирепствуют песчаные бури, становится совершенно безводной. Лишь в течение короткой зимы европейцы могут вести здесь более или менее сносное существование. Природа всеми своими силами (малярия и эпидемии, тучи комаров и полчища шершней, скорпионы и наводнения, песчаные бури и нестерпимая жара) сопротивляется раскопкам поселений человека, скрытых в этой земле в течение многих тысячелетий.

Но еще и другие опасности поджидали здесь археолога. Первая североамериканская экспедиция скоро должна была столкнуться с ними.

Уже в 1883 году, спустя несколько месяцев после отказа немцев от своих безнадежных попыток найти шумерские клинописные таблицы в холмах близ Лагаша, археологи из США прибыли в район холмов, находящийся приблизительно в 100 километрах на юго-восток от Вавилона, где были ясно видны следы руин. Местные жители называли это место «Нуффар», языковеды — «Ниппур».

Североамериканскую экспедицию, предпринятую Пенсильванским университетом, возглавил теолог Джон П. Петерс. Эта экспедиция была задумана широко, не считаясь со средствами, как это умеют делать американцы; в экспедицию входили выдающиеся ассириологи (Роберт Френсис Харпер,

Х. В. Хильбрехт) и целый штаб архитекторов, художников и других вспомогательных сил.

Однако эта первая экспедиция в Ниппур через короткое время была неожиданно прервана. Кочующие племена бедуинов напали на американский палаточный лагерь. Американцы, видимо, еще не познакомились с обычным для этой страны порядком платить арабским шейхам своего рода дань за каждого подсобного рабочего или нанимать этих рабочих из числа доверенных шейхам лиц, используя подкуп и лесть. Так или иначе, но бедуины, подняв яростную стрельбу, заставили ошеломленных ученых из Филадельфии отступить и прервать свое широко задуманное предприятие. Но речь все же шла о сынах тех пионеров Америки, которые в свое время сражались с воинственными индейскими племенами. Их ни в коей мере не обескуражила эта неожиданная неудача у Ниппура, и в следующем году они появились здесь снова. Петерс нашел способ ублажить шейхов, который пришелся им по вкусу; ученых сразу же оставили в покое и дали возможность начать раскопки¹³. Прорыв в земле ямы и шахты, американцы скоро поняли, что они имеют здесь дело с большим числом культурных слоев — от древнейшего шумерского периода до ассиро-вавилонских более поздних периодов.

В 1893—1896 и 1899—1900 годах американцы продолжали свою работу в районе холмов Ниппура. Как будто это само собой разумелось, они покинули Ниппур с богатыми находками. Это были цилиндрические печати, посуда, украшения, скульптуры, а также несколько тысяч таблиц с письменами различного времени. Американцы с уверенностью лунатиков проводили свои широко поставленные раскопки в религиозном центре Шумера — «шумерском Риме».

Только после окончания второй мировой войны в Ниппур по заданию Чикагского университета приехала новая группа исследователей из США. Начатые вновь раскопки на большой глубине вскрыли почти 20 расположенных друг над другом культурных слоев — от III тысячелетия до н. э. по I век н. э.

То, что начали открывать в Ниппуре, и по сей день волнует исследователей¹⁴. Ниппур прежде всего внес в сдержанную атмосферу скрупулезного исследования своего рода страстность. Страстное стремление к дальнейшим открытиям шумерских документов, хотя бы и ценой работы в условиях южномесопотамского климата, в окружении комаров и змей.

И снова проявился большой интерес к Библии. Потому что в Ниппуре нашли документы, где упоминается название

протекающего близ города канала: Ховара или Хевара. Это большой канал, у которого были поселены жертвы «вавилонского пленения» после завоевания Иерусалима. Среди них находился пророк Иезекииль, которому принадлежат в Ветхом завете следующие слова: «В тридцатый год, в четвертый месяц, в пятый день месяца, когда я находился среди переселенцев на реке Ховаре, отверзлись небеса и я видел видения Божии» (Иезекииль, 1, 1).

Это было в Ниппуре, где через два с половиной тысячелетия стали копать американцы!

Иезекииль увидел в «стране халдеев на реке Ховаре» четырех чудищ на сверкающем огнем небе. По его описанию «подобие лиц их — лицо человека и лицо льва с правой стороны... а с левой стороны — лицо тельца... и лицо орла» (Иезекииль, 1, 10).

Все эти звери встречались уже нам в Месопотамии как культовые животные и синкретические существа. Среди них были и орел, и лев, и быки с человеческими головами. Их значение уже известно. Теперь мы знаем, что Иезекииль говорил о божественных животных. Быки с большими крыльями или крылатые львы — это небесные существа, но, конечно, не ангелы, а различные священные звери лунного культа. Только позднее эти образы были использованы для обозначения звезд и в конце концов для обозначения предшественников зверей в зодиаке.

Давно, задолго до того как созвездиям были присвоены имена зверей, эти существа уже бытовали в культе и верованиях шумеров, потом вавилонян и ассирийцев, наконец, персов и народов последующих эпох. Так легко и просто подтверждается библейская история — ключи к ней в Ниппуре, южнее Вавилона, в «Риме шумеров», на канале, который называли Ховар или Хевар.

Американцы нашли в Ниппуре также деловые документы большого торгового дома Марашу. В этих документах встречаются израильские имена — такие, как Нафанаэль, Аггей и другие. Это были имена покупателей крупной торговой фирмы Марашу, которая, очевидно, была основана детьми или внуками увезенных в Ниппур израильтян. Но Ниппур раскрыл также историю, которая по времени значительно древнее вавилонского пленения. Вероятно, речь в ней идет о том же самом канале, связанном с видениями Иезекииля.

В документах из Ниппура содержатся и древнейшие мифы о богах — миф о Энлиле и Нинлиле, который звучит примерно так:

Энлиль — юноша, Нинлиль — девушка. Мать предупреждала свою девственную дочь, чтобы та не купалась одна в канале Ниппура. Молодой человек мог бы силой овладеть ею. Нинлиль не послушалась матери и купалась в канале одна. И вот сюда пришел Энлиль. Он увидел прекрасную купающуюся деву, попытался ее обольстить, а когда это ему не удалось, изнасиловал ее.

Нинлиль забеременела и, когда пришло ее время, родила...луну. На пути в преисподнюю, куда она последовала за божественным отцом своего ребенка — Энлилем, девушка еще носила луну под своим сердцем. Но нарождающаяся луна, конечно, не могла уйти в преисподнюю, и поэтому ее отобрали у молодой женщины. Но в ее чреве зародилась вторая луна, ущербная, умирающая, чтобы сопровождать девственную мать в потусторонний мир.

Следовательно, корни священного гимна шумеров о сыне девственницы и различии между двумя лунами — новорожденной и умирающей — уходят в этот пространственный и сложный миф, отражающий шумерские верования.

Этот миф объясняет также, почему на шумерских памятниках так часто изображаются два рогатых зверя: они символизируют то различие, которое шумеры видели между двумя серпами луны. Кстати, это были те же самые шумеры, в гимнах которых воспевалась луна как «священный небесный корабль» и «сверкающий бык».

Одним из главных культовых центров, которые знает сегодня шумерология, был Ур. Но Ур халдеев, город Авраама, был все еще не раскопан.

Библиотека в тростнике

В 1902 году немцы, работающие в Вавилоне, предприняли новую попытку найти в шумерском районе Южной Месопотамии место, обещающее им такой же успех, которого достигли англичане в Ниневии, открывшие библиотеку Ашшурбанапала, французы, обнаружившие архивы в Мари и Лагаше, и американцы в Ниппуре.

Из Берлина были срочно затребованы вспомогательные силы — молодые, энергичные архитекторы. После этого в Вавилоне состоялся «военный совет». Знаменитый профессор Фридрих Делич, критики которого все боялись, решил выделить из Вавилонской экспедиции группу, которая должна была попытаться счастья в районе, полном еще не разгаданных

тайн, — в Фара, южнее Вавилона и Ниппура, где работали американцы. Роберт Кольдевей и Вальтер Андре на время взяли на себя эту, очевидно, весьма нелегкую задачу.

Ведь только один переход туда был связан со значительными трудностями. В страшную жару (была середина июля 1902 года) они были вынуждены преодолеть последний отрезок пути через обширное, переполненное змеями и паразитами, заросшее тростником пространство болот Афеджа. Это им удалось лишь при помощи тростниковых лодок местных жителей, обмазанных битумом. «Это действительно нецивилизованный край», — вздыхал Вальтер Андре.

Жители болот ютились в тростниковых домиках, которые еще шумеры пять тысяч лет назад считали устаревшими. Даже почтенный шейх деревни Фара жил в таком «тростниковом дворце».

Будучи знакомы с опытом американцев в Ниппуре, немцы предусмотрительно появлялись в деревнях вооруженными до зубов. Они не хотели, чтобы недоверчивые и недоброжелательные жители этого тростникового края, которым гости могли не понравиться, обратили их в бегство. Ведь здесь, в полных опасностей, заболоченных джунглях это было бы равносильно смерти. Таким образом, немецкая экспедиция в Фара была больше похожа на военный поход, чем на мирную исследовательскую экспедицию ученых. Все участники экспедиции постоянно носили с собой оружие и были готовы к неожиданному нападению из какой-нибудь засады.

Однако все шло гораздо лучше, чем можно было предполагать. Ученые попробовали завоевать доверие деревенской общины Фара при помощи добрых слов и денег. Особое внимание было уделено шейху деревни. Исходя из девиза, что маленькие подарки поддерживают дружбу, все члены экспедиции проявляли в обращении с ним чрезвычайную вежливость, достойную испанского гранда или английского герцога. Ибо для них было очень важно найти людей для работы на раскопках, которую в тростниках могли выдержать далеко не все.

При этом с поразительной быстротой выяснилось, что люди из тростников Фара знают цену деньгам и хорошо умеют оценивать свой труд. Особенно шейх деревни, хозяин тростникового дворца, который выторговал себе особую плату за каждого нанятого рабочего. Он остался доволен и Аллахом и немцами. Чем больше немцы требовали от него рабочей силы — а они так и делали, — тем больше росли доходы шейха.

Но как это обычно бывает в тростниковых джунглях, что

раскинулись между Евфратом и Тигром, бахвальство хорошо зарабатывающих людей из Фара нарушило покой соседних деревень. В одно прекрасное утро около 300 вооруженных пиками болотных людей с мрачными лицами подступили к лагерю экспедиции. Они энергично требовали того, что в условиях их происхождения, обычаев и воспитания им никогда раньше и не снилось, — они требовали работы.

С этих пор немцы вынуждены были терять много времени на долгие переговоры, чтобы все жители тростникового края оставались по возможности в хорошем настроении.

Правда, сама мысль о том, что предки этих болотных людей могли здесь, в Фара, оставить библиотеку, представлялась абсурдной даже самым большим оптимистам экспедиции. Надежды найти здесь библиотеку, казалось, были порождением ада, навеванным нависшей над Фара буквально адской жарой, дьявольским наваждением — ничем другим.

Но случилось невероятное: немцы нашли клинописные таблицы. Вначале нашли лишь отдельные таблички, потом появились целые серии с древними текстами шумерской клинописи и, наконец, целый клад. Этот клад оказался настолько большим, что можно было говорить о нем как о целой библиотеке.

Немцы сияли от счастья! Наконец-то! С радостью и удовлетворением встретил Берлин весть об этом открытии и потребовал срочной отправки всех клинописных таблиц через Басру в Германию. Чтобы в какой-то степени облегчить напряженный труд экспедиции в условиях болотистого климата Фара, ученые стали сменять друг друга. Вместо Вальтера Андре руководство исследованиями в Фара взял на себя Арнольд Нельдеке. Особые трудности археологам доставляло обеспечение сохранности и транспортировка клинописных таблиц. Ведь почти все таблицы с письменами не были обожженными и грозили рассыпаться на глазах. Надо было обращаться с ними осторожнее, чем с сырыми яйцами.

Глиняные таблички крайне осторожно извлекали из сырой земли, потом их сушили, чистили, фотографировали и располагали в определенном порядке. Упаковывали их по группам, обжигая глиняный слой, покрывавший ящик. Отдельные таблички обжечь на месте было невозможно: это приходилось делать уже в Берлине.

На все это уходило много времени. Прошло более 8 месяцев, прежде чем немцы смогли покинуть Фара и вернуться в Вавилон. Но потребовались еще десятки лет, пока удалось опубликовать результаты их работ.

Только в 1922—1923 годах вышло в свет сообщение Антона Деймеля, из которого следовало, что в Фара нашли три различных клада клинописных табличек. Во-первых, собрание текстов хозяйственного содержания, позже опубликованное как «Хозяйственные тексты из Фара». Во-вторых, «школьные тексты». Это были глиняные таблички, подобные школьным тетрадям нашей молодежи. На них увековечены попытки шумерских учеников научиться писать. Выходит, что в Фара несколько тысяч лет назад существовала школа обучения письму¹⁵.

Но наибольший интерес для лингвистики представлял третий клад, при помощи которого удалось издать «Список архаических клинописных знаков».

Наконец из таблиц стало известно и имя древнего города, который был расположен на том месте, где сегодня живут болотные люди из Фара, — Шуруппак.

Имя города — Шуруппак — подняло на ноги всю археологию. Это же было название того города, где жил вавилонский Ной и где ему был дан божественный наказ построить ковчег!

Клинописная табличка из Ниневии, которая была обнаружена и опубликована Джорджем Смитом, гласит: «Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всего живущего!..».

Этого вавилонского или шумерского Ноя звали Ут-Напистим, а доброго бога, который дал ему наказ построить корабль-ковчег, чтобы спастись от всемирного потопа, — Эа.

Значит, это произошло в Фара, где когда-то находился Шуруппак! Там, где сегодня тянутся заросшие тростником болота, бог говорил с Ут-Напистимом и велел ему построить ковчег. Ут-Напистим сошел на землю не на Кавказе, у горы Арарат, как об этом написано в Библии, а, по вавилоно-шумерскому варианту, у горы Нисир, восточнее Тигра. Археологи из всех стран совершили паломничество в Фара-Шуруппак. С Библией в руках осматривали они молчаливые болота, заросшие тростником, но оттуда нельзя было получить никакого ответа.

Не принес ли Авраам легенду о всемирном потопе в Ханаан? Он же должен был слышать ее в своем родном городе Уре. Но ни Ур, ни Урук все еще не были раскопаны.

УРУК, ГОРОД ДЕВСТВЕННОИЦЫ

Властительницу вечера Инанну, великую,
девственницу Инанну восхваляю.
По вечерам она является странной звездой,
наполняя священное небо своим светом.

Из шумерского гимна богине Венере

На середине пути между Вавилоном и «Страной моря» у Персидского залива в безводной пустыне лежит район холмов, который в 1850 году, в бурное время развития археологических исследований на Востоке, разведывал еще англичанин Лофтус. Этот район называли «Варка», по имени ближайшего селения. В свое время Лофтус расчистил в Варка стену и нашел немного клинописных табличек. Однако этот район не показался Лофтусу особенно интересным, и он вскоре покинул негостеприимную страну. С того времени Варка, удаленная от шума деловой жизни, таившая память о своем великом прошлом, была погружена в дрему. Разве только арабы — грабители кладов — время от времени тревожили ее покой. Но все-таки и Варка не забыли.

В 1912 году Берлин поручил Вавилонской экспедиции провести пробные раскопки в Варка. Сначала Кольдевей направил туда двух наиболее способных своих сотрудников — Юлиуса Иордана и Конрада Прейсера. В течение целого года, вплоть до начала первой мировой войны, немцы работали в Варка. Они обнаружили развалины огромного храма Бит Реш, но в первое время не нашли там никаких стоящих упоминания вещей, которыми можно было бы порадовать директоров музеев. И снова Кольдевей упрекали в том, что он своими методами раскопок срывал планы Берлина, рассчитывавшего на значительные памятники из Варка.

Но Кольдевей тогда не мог еще знать, что первая мировая война сорвет его рассчитанный на длительное время план раскопок. Лишь через 14 лет немцы вернулись в Варка с более молодыми силами. Только в 1927—1928 годах, когда они начали свои новые раскопки, удачно организовав совместную работу археологов с группой видных ассириологов, холмы Варка раскрыли погребенные в них сокровища.

Многое изменилось за это время.

Прежде всего была построена Багдадская железная дорога, которая доставила археологов к местам раскопок намного быстрее, чем если бы они ехали туда на машинах. Больше не нужно было копать целый год без перерыва, экономя время и продовольствие. Пребывание в пустыне и в болотах все больше и больше ограничивалось зимним временем, когда легче переносить местный климат. Летом, наняв для охраны раскопок местных сторожей, участники экспедиции уезжали на родину. Там они подводили итоги и подготавливали публикации своих исследований.

Жизнь археолога

«Это далеко не простое дело, — говорил Вильгельм Кениг, временный сотрудник немецкой экспедиции в Варка, — начать раскопки в Ираке. Прежде всего надо получить разрешение от управления, ведающего древностями этой страны. Когда такое разрешение будет получено, следует вступить в переговоры с правительством об обеспечении безопасности экспедиции. Опасения этого рода имеют под собой реальную почву. Арабские шейхи соответствующих областей посылают много рабочих к местам раскопок, где у них появляется редкая возможность заработать хорошие деньги. Часть заработка рабочих вожди удерживают в свою пользу, что больше всего и побуждает их проявлять исключительную заинтересованность в заключении договора на раскопочные работы. Кроме того, эти же шейхи направляют еще и вооруженных сторожей в определенном соответствии с числом ими же поставляемых рабочих. Только такими испытанными способами обеспечивали европейцы, проживающие в пустыне в течение долгих месяцев, свою личную безопасность».

Потом надо было разбить лагерь экспедиции: жилые помещения, склады для хранения находок, темные комнаты для фотолаборатории, кухню, помещение для прислуги и сторожей, гаража и бани (бани для дюжины европейцев, которые по несколько раз в день ощущают острую потребность смыть с себя пыль и пот).

Затем строили хижины из тростника для арабских рабочих, их жен и детей. Наконец, узкоколейку, предназначенную для вывоза земли в отдаленные от раскопок места, чтобы был свободен путь к пунктам, которые, может быть, через год или через десять лет будут раскапываться.

Когда все довольно сносно устроено, начинается долгая жизнь в безрадостном окружении, которое не скрашивает ни одна европейская женщина. Поэтому американцы и французы нередко привозили с собой жен. Правда, с условием, что дамы принимают посильное участие в работах экспедиции, которое, кстати, отнимало у них столько времени, что даже окружающий их унылый мир, с его паразитами, неизбежной грязью да даже и опасностями, уже, казалось, не противоречил их женской природе. Американские мудрецы настолько загружали их работой, что возникающие обычно от скуки желания подавлялись в них в самом зародыше.

У немцев дело обстояло иначе. Кольдевей высказался против какого-либо участия женщин в работах экспедиции. Даже после первой мировой войны, когда Кольдевей уехал из Месопотамии, экспедиция в Варка, в которой числились уже более 10 европейцев, продолжала следовать его принципам. Единственная женщина, дипломированный архитектор и инженер, тесно связанная с экспедицией, сидела в Берлине, на расстоянии 4000 километров от Варка, если лететь туда самолетом. Но без ласковой, заботливой руки женщины в Варка еще можно было жить, без воды же жить было нельзя. И воду приходилось возить изо дня в день за пять километров из колодцев, сберегая при этом каждую каплю.

250 арабов и дюжина европейцев, работавших здесь, потребляли уйму воды. Если ее вовремя не доставляли, земля колебалась под ногами прыгающих и топающих арабов. «Их поднятые вверх руки, — писал Кениг, — держали не копы и ружья, как когда-то, а корзины, в которых они переносили землю, и куфы (головные платки). Скандируя хором, они до изнеможения выкрикивали под обрывистый ритм хоза (военного танца) наскоро подобранную строфу следующего содержания: «Мы хотим пить, а беги жестоки!». Но и мы, «беги» (господа), испытывали постоянные затруднения с водой как для фотографических работ, так и для питья. Вспышки дизентерии постоянно стояли на повестке дня; правда, это касалось только нас, европейцев, арабам эта вода не вредила. Но и шакалам эта вода, видимо, тоже нравилась. Как только заканчивались работы, они подбирались к большим чанам с водой, находившимся в зоне раскопок, и пили из них».

В свободные от работы вечера больные доверчиво шли лечиться к белым бегам. В Варка не было немецкого врача, но обладавший многосторонними талантами Вильгельм Кениг успешно лечил больных своими собственными методами. Иногда он давал лошадиные дозы лекарств, но их безро-

потно принимали. Полные доверия к немецкому лекарю арабы показывали ему свои ранения и переломы, воспаленные глаза, рассказывали о «кирпиче в животе».

И они отвечали благодарностью, эти потомки шумеров! «Хайа, хайа, бег!» — кричали они, предупреждая о появлении змеи. И она действительно лежала под камнями. Это обычно была рогатая гадюка — змея с черно-бело-красным узором на спине и с двумя маленькими «рожками черта» на голове — змея с рогами!

Да, тут приходит на память, что не только золотой телец или священная овечка обладают рогами, но черт тоже. Добро и зло проистекают из одного и того же источника. Но в каких случаях это добро, а в каких зло? И почему?

Бедуины ненавидят змей так, как никаких других животных. Они боятся их и всегда убивают с громким криком. Религиозный ужас?

Однако они не боялись быков из глины с большими рогами и черной змеей полоской на спине, когда их извлекали из земли в Варка.

Город

Клинописные таблички и надписи из Варка засвидетельствовали имя погребенного города — Урук.

Библия называет его Эрех, упоминая сразу же после Вавилона (1 кн. Моисея, 10, 10). Еще древние греки знали о Эрехе, называя его Орхои; это было место, где находилась известная школа ученых. Потом это имя исчезло из истории. В III веке нашей эры Урук был покинут своими жителями. Вторжение персидской династии Сасанидов принесло городу гибель. Городские строения были разрушены, и вся территория постепенно превращалась в группу жалких холмов щебня, из которых местами еще поднимались остатки стен.

Время, прошедшее от возведения первой городской стены и до бегства жителей из города, исчисляется приблизительно тремя тысячелетиями. В мире еще не было ни одного города, который просуществовал бы так долго. Даже Рим и Вавилон не могли в этом отношении соперничать с Уруком.

В середине III тысячелетия до нашей эры Урук был окружен двойными стенами, протянувшимися почти на 10 километров; там было 800 сторожевых башен, сооруженных приблизительно через каждые 10 метров. Лишь двое больших ворот, на севере и на юге, позволяли проникнуть в город.

Но не только в этом чудо Урука.

Оно заключалось больше в другом. Именно это «другое» объясняет, почему Урук в наше время стал местом паломничества археологов.

На пороге цивилизации

Продолжавшиеся вплоть до начала второй мировой войны раскопки, поддержанные немецкой научной общественностью, показали, что Урук был городом, где свершилось самое значительное событие в истории человеческой культуры. На земле Урука впервые обозначился порог, через который шагнул человек из тьмы веков дописьменного периода в историческую жизнь, уже озаренную светом письменности.

С появлением первого пиктографического письма¹⁶ на Востоке началась эпоха, отраженная в поддающихся прочтению документах, то есть, по представлениям цивилизованного мира, первая историческая эпоха. Все, что было до этого времени и, следовательно, не нашло никакого отражения в письменности, — это еще не история, а предыстория, анонимная и безграмотная. Поэтому история, в сущности, начинается в четвертом слое раскопок Урука. Именно там лежали самые древние документы (понятие, которое, кстати, более подходит к глиняным таблицам, чем к рукописям на бумаге) из найденных до сего времени в Азии.

Открытие в Уруке начала письменности еще не исчерпало загадок этого города — они только еще начинаются.

Четвертый слой Урука не только раскрыл порог, переступив через который человек вошел в эпоху документов и печатей, но этот знаменательный переход к историческому времени принес с собою и доказательства того, что у человека той эпохи было уже сложившееся мировоззрение.

Потрясающее богатство символов — первое тому доказательство.

В восемнадцати достаточно четко отделенных друг от друга слоях — из них четвертый слой раскрыл следы появления письменности — предстало это богатство перед изумленными взорами современных исследователей.

Следует, правда, оговориться: Урук не был местом, где впервые была обнаружена письменность. Древнейшие следы ее открыты в Западной Европе. Там они запечатлены у входа в пещеру близ испанского местечка Пасьега. Эта пещера, видимо, служила не жильем, но была святилищем у людей ледникового периода, которые входили в нее лишь для соверше-

ния культовых церемоний. В пещере находился подобный алтарю камень и кремневый нож.

У входа в пещеру «надпись» — отпечаток пары ног и рисунок, изображающий корабль с загадочными надстройками.

В рисуночном письме всего мира ноги всегда обозначают понятие «идти», а своеобразный рисунок корабля указывал, вероятно, на культовое назначение пещеры. Может быть, здесь имелся в виду лунный серп. Современный ученый Фридрих Бен предполагал, что рисуночное письмо у входа в пещеру из Пасьега обозначает: «Вход воспрещен!».

Но самая значительная находка письменных знаков конца ледникового периода происходит из речного грота Мас д'Азиль во Франции. Речь идет о нескольких сотнях осколков кремня, на которых красной краской нарисованы какие-то знаки. Это были уже не картины, а настоящие «буквы».

От более позднего, каменного века также остались подобные знаки, которые часто попадались в постройках из крупных каменных блоков на территории Европы. Они так похожи на буквы ледникового периода, что можно было предположить существование между ними древнейшей связи. Большая часть таких знаков найдена в Бретани, на севере Франции, попадались они и в других местах Франции и на западе Германии. Правда, следы этой цепи письменных знаков, появлявшихся из тьмы ледникового периода, неожиданно обрывались. Словно какой-то колеблющийся огонь: то он вспыхивал, то гас, то вновь разгорался.

В Уруке у Персидского залива этот огонь вспыхнул на грани перехода от IV к III тысячелетию до н. э. и с тех пор больше уже не затухал. Но и это не все, что Урук дал научной археологии.

И то, что он дал еще, было не менее значительно.

Знаки бесписьменного времени

Знаки, выражающие духовную жизнь человека, уходят далеко за границы эпохи письменности — в тьму веков. И не только в Уруке — всюду они восходят к доисторическому времени. Правда, это было даже не пиктографическое письмо и тем более не клинопись, а нечто совсем иное: это культовые изображения, религиозные знаки.

Такие знаки по большей части встречались в захоронениях доисторического периода. Они обнаруживаются как в положении трупа, так и в характере погребального инвентаря.

Если проследить историю этих символов — их назначение, их сочетания, вытеснение одних другими, их возникновение или исчезновение, — то вырисовывается своего рода документальная история человечества, начавшаяся задолго до появления письменности.

И без письменности можно прочесть захватывающие дух, волнующие страницы истории. Например, историю синкретических существ с рогами и крыльями, с орлиными или львиными лапами, с чешуей рыб или змей. Или историю золотого тельца, который превращается сначала в агнца, а потом в священную рыбу.

Символы из Урука

Перечислить все, что нашли во многих слоях-поселениях Урука дописьменного времени, почти не представляется возможным. Большинство находок указывает на определенно выраженные и взаимосвязанные представления и понятия. Например, была найдена фигурка лежащего барана из черного камня, на его спине укреплен кусочек серебра. Может быть, этот «барашек» ранее был предметом культа или его использовали как древко во время процессий. Среди других амулетов чаще всего встречаются рогатые животные. Были также найдены две соединенные между собой рыбы. Кроме того, попадались уже знакомые нам синкретические существа.

Но наиболее интересна печать из Урука, на которой изображены два фантастических животных со змеиными шеями. Ноги у них, видимо, бычьи, головы походят на львиные. Скрещенные длинные хвосты окружали летящее животное — тоже синкретическое существо с головой собаки или льва. Змеиные шеи так переплелись, что образовали окружность, диск. Все это изображение в целом, очевидно, выражало определенную культовую идею. Весьма примечательно, что оно поразительно напоминает изображение на шиферной пластине египетского фараона Нармера времени основания государства на Ниле в начале III тысячелетия до н. э.

Лунные быки из Урука

В самых глубоких слоях Урука лежали разрисованные глиняные фигурки быков. Из более поздних слоев выясняется связь быка (или другого рогатого животного) с определенными религиозными представлениями. Именно там, в этих

слоях, нашли скульптуру лежащего быка, изваянную из камня. На его теле, равномерно по всему туловищу, были выгравированы розетки с 8 листьями — знак Венеры-Инанны, шумерской богини, покровительницы Урука. Глаза покоящегося культового животного были, видимо, окрашены, а разрушенные рога и уши скорее всего были серебряными или золотыми. Тело быка насквозь просверлено. Наверное, его носили на древке во время процессий или прикрепляли к алтарю.

У культового сосуда из Урука того же времени — приблизительно середина III тысячелетия до н. э. — на нижней части изображены быки, а на горлышке — два льва. Иными словами: и бык и лев играли важную роль в культе Урука раннего времени, олицетворяя ущербную и полную луну.

И двумя тысячелетиями позже у львов на воротах Иштар в Вавилоне изображены бычьи рога на лбу.

В древней земле Урука (IV и VI слои) были обнаружены маленькие яйцообразные предметы. Очевидно, это были амулеты. Они, вероятно, отражали распространенный и сейчас культ лунного яйца, которое приносит на пасху лунный заяц, когда светит полная луна.

На большей глубине, примерно в XIV слое, были найдены глиняные черепки, которыми засыпали мертвых, лежащих словно в глубоком сне. Еще и сегодня считается, что черепки приносят счастье, а в древности они обещали плодородие и новую жизнь.

В земле Урука нашли также фигуру уже известной нам нагой женщины, сидящей на корточках. Затылок этой глиняной фигурки пробит; очевидно, ее носили на шее, прикрепляя к ожерелью. С находкой этого амулета в Уруке обнаруживается культ богини Венеры, которая считалась девственницей и в то же время матерью всех людей.

Святыня Инанны

Зимой 1928—1929 годов немецкая экспедиция начала раскопки храма *E-анна*, святилища Инанны. Эта богиня считается шумерской предшественницей аккадской богини звезд Иштар, великой богини Вавилона, Ашшура, Мари и других многочисленных городов Ближнего Востока.

Храм Инанны в Уруке восходит к древнейшей дописьменной эпохе. Он построен в начале III тысячелетия до н. э. из ценных известковых камней еще более древнего, разрушенного святилища. Благодаря сложнейшей реконструк-

ции, проведенной опытными немецкими архитекторами, удалось воссоздать облик неоднократно перестраивавшегося, обновлявшегося и украшавшегося святилища Инанны, стены и колонны которого были облицованы походящей на ковер мозаикой, составленной из маленьких красных, черных и белых глиняных штифтиков.

В конце концов появилась владычица этого великолепного храма — Инанна, в длинной одежде, с украшениями на голове, с длинными ниспадающими волосами; одна рука ее милостиво поднята вверх. Перед ней лежит жрец, которому по древнейшему обычаю полагалось представлять перед богом без одежды.

Развалины Урука, вся его многотысячелетняя история говорят о постоянном почитании Инанны. Даже последние вавилонские цари воздвигали там постройки в честь этой богини. Вернее, в честь обеих богинь звезды Венеры, а именно: в честь Инанны — богини войны (утренней звезды) и в честь Наны — богини любви и материнства (вечерней звезды).

Обо всем этом Юлиус Иордан, который в течение многих лет руководил немецкой экспедицией в Варка, рассказал блестящему собранию профессоров, тайных советников и генеральных директоров, состоявшемуся в апреле 1929 года в связи со столетием Германского археологического института.

Но на этих видных представителей солидной и самоуверенной науки сообщение о вере в луну и девственную богиню-мать из Урука не произвело большого впечатления. Их многочисленные ассистенты копали по всему миру, и Урук был для них лишь точкой на огромном полотне развернувшейся перед ними истории человеческих верований.

Немцы еще и до сих пор копают в Уруке. Как только приближается зима, они уже ведут подготовку для возобновления своих поисков на холмах Урука. Потому что Урук не только один из самых древних городов мира, но и город почитания небесной царицы-девственницы, вера в которую живет еще и в наше время. Однако тогда ученый мир этого ясно еще не осознал. Доклад Иордана был оставлен без внимания.

По времени Урук очень далек от нашего мира. Настолько далек, что нам трудно воскресить в своей памяти и правильно понять истоки его глубоко религиозного мировоззрения, но все же далек не настолько, чтобы человеческая душа предала их полному забвению.

Однако в Уруке так и не нашли никаких следов Авраама. Следовало, наконец, взяться за раскопки его родного города — Ура.

СМОЛЯНОЙ ХОЛМ

Буря, вызванная разгневанным Энлилем,
буря, уничтожившая страну,
накрыла Ур словно платком,
окутала его словно саваном...
О отец Нанна, этот город превратился в
развалины!

Из скорбной песни Ура

Когда город уже лежал в развалинах, прекратилась наконец пронесшаяся над Уром ужасная буря, ниспосланная гневным богом Энлилем. Мертвые тела людей покрывали улицы, оставаясь, как это подчеркивается в скорбной песне, непогребенными, не покрытыми черепками. Люди с громким рыданием теснились у стен города, пытаясь найти дорогу через проломы и высокие ворота, пробираясь через горы трупов.

Мертвые тела лежали на просторных улицах, которые обычно заполняла празднично настроенная толпа. На всех улицах и переулках, даже на открытых площадках, где когда-то весело танцевали люди, — везде были только одни мертвецы.

Это была гибель Ура, одно из крушений, не раз уже пережитых за его длительную историю. Все это, очевидно, произошло во время правления вавилонского царя Хаммурапи — в XVII веке до н. э.

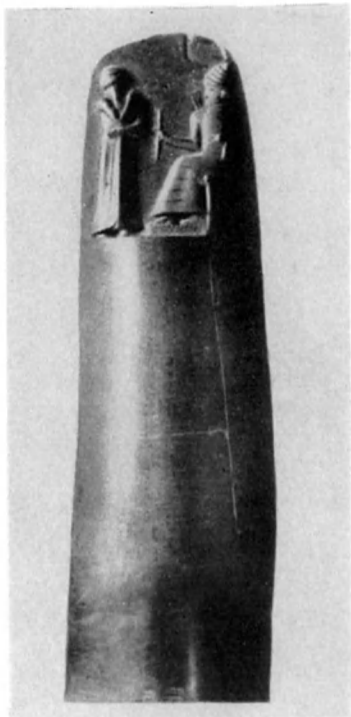
Хаммурапи уже покорила Ур, но жители города восстали. Тогда вавилонские войска ворвались в город, ограбили храм богини Нингаль, подожгли его, как и почти все дома города.

Современным археологам удалось еще увидеть отчетливые следы восстания и ужасного наказания, которое за этим последовало. Развалины многих, если не всех, домов запечатлели следы этой расправы. Они были либо подожжены, либо разрушены. И тогда жители покинули город.

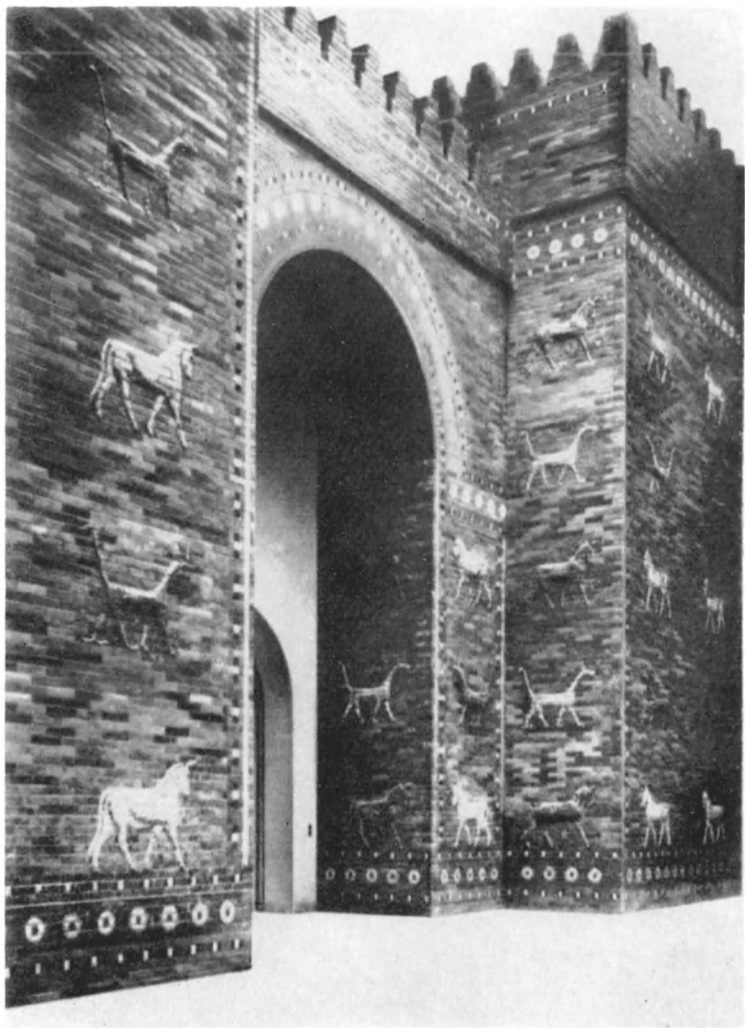
Может быть, это было второе или третье восстание против Вавилона. Потому что и сын Хаммурапи, царь Самсуилуна, разрушал стены Ура. Очевидно, он довершил дело своего отца и сравнивал городские стены с землей.

*Голова шумерского властителя Гудеа
из Лагаша (XXI в. до н. э.).
Лувр, Париж*

*Камень с высеченными на
нем законами царя Хамму-
рапи из Вавилона*

*Ворота Иштар из Вавилона. Реконструированная часть.
Берлинский музей*

В эти-то годы XVII столетия до н. э. Авраам и его семья, видимо, покинули Ур.

«И умер Арран при Фарре, отце своем, в земле рождения своего, в Уре Халдейском,— сообщает Ветхий завет,— (тогда) взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Арранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там» (I кн. Моисея, 11, 31).

Третий раз Библия упоминает Ур, рассказывая о встрече господина с Авраамом: «Я Господь, который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию (Ханаан) во владение» (I кн. Моисея, 15, 7).

После этого Библия не упоминает уже об Уре халдейском. Лишь в книге Иисуса Навина читаем: «за рекой (Евфратом) жили отцы ваши издревле, Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам» (Иисус Навин, 24, 2).

Что это были за боги, Библия об этом не говорит. Сейчас из раскопок стало известно, что властителя Ура называли «Нанна» и что был он богом Луны. Жена Нанна, Нингаль, считалась «матерью» (предком) Инанны из Урука и Иштар из Вавилона и Ашшура.

Во времена Авраама бог Луны из Ура почитался как властитель и царь всех богов Вселенной, в том числе и Солнца.

Семьдесят лет колебаний

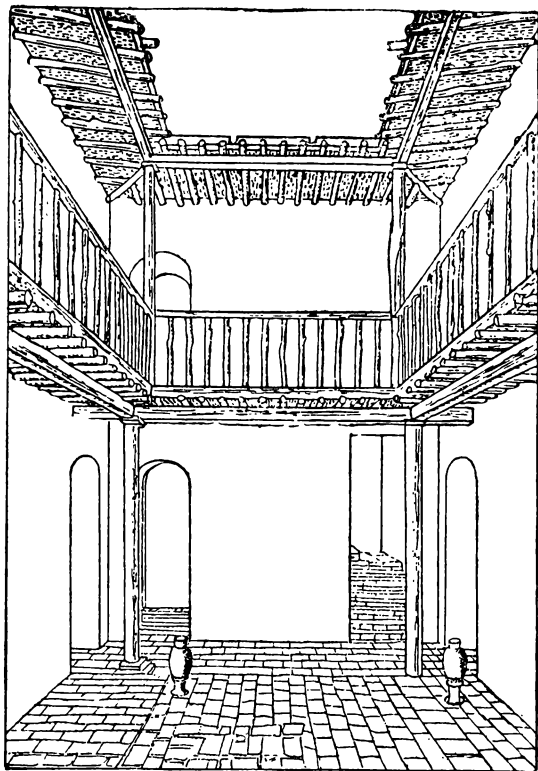
Кто в наше время вновь открыл погребенный в земле Ур, точно неизвестно.

Почтенные энциклопедии утверждают, что это был сэр Генри Роулинсон, герой Бехистуна и дешифровщик клинописи. Он определил, что древний Ур находится на месте развалин аль-Муккайра (Мукейр) на правой стороне Евфрата, близ устья Шатт-эль-Хаи и Евфрата.

Знающий Библию читатель настораживается. На правой стороне Евфрата? Значит, западнее реки, «по эту сторону» от Сирии и Ханаана?

Но Библия ясно говорит — «за рекой». Авторы библейского текста должны были знать, лежал ли Ур на этой или на той стороне реки!

Наверное, они знали это из древнейшего предания. Но даже у рек есть своя история, и они меняют свое русло. Раскопки подтвердили, что Ур в древние времена лежал близ

Реконструкция частного дома из Ура

левого берега Евфрата, значит, «за рекой». Сегодня Евфрат течет на 16 километров восточнее развалин Ура. Между ними и этим мертвым городом лежит селение Арка у железнодорожной линии Багдад — Персидский залив. Значит, тот, кто в наше время искал бы библейский город Ур на той стороне Евфрата, впал бы в ошибку. Может быть, с этим и связана путаница в вопросе, кто же в наше время открыл Ур.

Ибо, по другим версиям, этим ученым был не Роулинсон, а английский консул из Басры Дж. Е. Тейлор, который в 1854 году во время одной из своих инспекторских поездок определил холм аль-Муккайир как место развалин библейского Ура. Тейлор обнаружил на углах развалин храмовой

башни так называемые строительные цилиндры с именем царя Набонида VI века до н. э.

Но в 1854 году Тейлор еще не мог прочитать строительных надписей вавилонского царя. Он и в Англии не нашел никого, кто заинтересовался бы его исследованиями. Поразительно, но это так!

Британский музей в Лондоне ожидал тогда от исследователей руин на месопотамских холмах отнюдь не библейских сведений.

Музей интересовался — так по крайней мере объяснял его директор Г. Р. Холл — лишь «колоссальными статуями быков с человеческими головами и бесчисленными табличками чарующей клинописи». Этим, видимо, и объясняется то обстоятельство, что сообщение Тейлора о его попытках проникнуть в тайны холма аль-Муккайир было равнодушно принято в Лондоне и сдано затем в архив. Арабы называют Телль-аль-Муккайир «смоляным холмом». И вот английская археология, которая обогатила музеи быками-колоссами с человеческими головами, чуть было не проспала славу первооткрывателей библейского Ура халдеев. Славу этого открытия она разделила с американцами. Дело в том, что в конце XIX века экспедиция Пенсильванского университета США посетила этот заброшенный холм и предприняла там небольшие пробные раскопы.

Но американцы тоже молчали. Во всяком случае они не опубликовали ни единого сообщения о результатах своих раскопок.

Как удивительно!

Все это очень напоминает притчу о человеке, который ищет золотую жилу, находит ее и начинает там работать, а потом неожиданно бросает лопату и уходит. Он уходит, а спустя много лет приходит другой человек, который тоже ищет золотую жилу, начинает здесь работать, но потом тоже бросает это место, не найдя ни одного грамма золота. Ведь в злополучном холме Ура одна золотая жила находилась рядом с другой!

Значит, вопрос о том, кто же все-таки открыл Ур в холме Муккайир, остается неясным. Один немецкий ученый как-то пошутил, заявив, что это был торговец Пьетро делла Валле, который в XVII веке взял из холма, под которым покоился Ур, несколько клинописных табличек, вывез их в Европу и подарил одному из музеев в Риме.

То, что в конце первой мировой войны, в 1918 году, в Месопотамию попал английский солдат Кэмпбелл Томпсон, который по своей гражданской профессии был ассистентом Британского музея в Лондоне, было чистой случайностью.

Томпсон использовал однообразную солдатскую жизнь в изнуряющей жаре Месопотамии для того, чтобы осмотреть некоторые холмы с погребенными в них руинами. Несколько дней поковырявшись в холме, он понял, что его ограниченные средства были совершенно недостаточны для серьезных раскопок этого огромного холма. Вернувшись в Лондон, он сумел заинтересовать Британский музей.

И Лондон послал молодого ассириолога Г. Р. Холла на холм из щебня, где тот в феврале 1919 года впервые начал планомерные раскопки. Три месяца подряд Холл пытался найти там свое счастье, но его постоянно отвлекали другие, более интересные с его точки зрения археологические объекты.

Приблизительно в это же самое время Холл обследовал Эль-Обейд, холм, расположенный на 7 километров западнее Ура.

И Холл нашел там много интересного. Он раскопал часть древнейшего храма середины III тысячелетия до н. э. Хотя все Междуречье богато храмами, этот древний храм из Эль-Обейда не был перекрыт позднейшими постройками и сохранил свой древний облик.

Это древнее святилище стоит на искусственно сооруженной террасе, которая в свою очередь покоится на стенах из обожженного кирпича. Вверх поднимается монументальная лестница из известняка.

С обеих сторон лестницы, у входа в храм, стояли изваяния львиных голов из битума, покрытые медью. Широко открытые (в натуральную величину) львиные глаза из красной яшмы, белого ракушечника, зеленого стеатита и красный далеко высунутый язык производят жуткое впечатление. «Попадались также маленькие быки из меди, битума и дерева», — сообщал Холл. «Обкопав лестницу и двигаясь дальше вдоль стены, мы нашли между лестницей и дальним углом площадки, — рассказывает Вулли¹⁷, — две трехметровые деревянные колонны, инкрустированные перламутром, сланцем и красным камнем, а также другие пальмообразные колонны и брусья, обшитые листами меди. Здесь же были свалены четыре медные статуи стоящих быков с повернутыми назад и прижаты-

ми к плечу головами. Вдоль стены лежали медные рельефы, изображающие отдыхающих животных, а между ними фрагменты мозаичного фриза, на котором фигуры из белого известняка или ракушечника выделялись резкими силуэтами на фоне черного шифера, окантованного полосками меди. И тут же мы повсюду находили разбитые или целые инкрустированные глиняные цветы на конусообразных стеблях».

Вулли попытался реконструировать всю картину: «На карнизе верхнего края площадки, вдоль цоколя храмовой стены, стояли статуи (четыре) быков, и, очевидно, на их уровне в стену были вставлены глиняные цветы, так что животные как бы паслись на цветущем лугу. Над ними на фасаде сверкал медный фриз с рельефным изображением отдыхающих животных, еще выше был укреплен мозаичный фриз со сценой доения и, наконец, на самом верху — фриз с изображением птиц...».

Под фундаментом храма лежали две фигуры тельцов из известкового камня. Очевидно, когда-то это была опора трона со статуей бога на нем. Священным символом этого бога, по видимому, был баран. Близ баранов нашли маленький барельеф из алебаstra с графическим изображением, которое, к сожалению, сильно выветрилось и сохранилось лишь наполовину. На нем можно рассмотреть лодку серповидной формы с каютой или навесом посередине. «На одной стороне изображен стоящий на корме мужчина, а в каюте — свинья (кабан?). На другой стороне на месте мужчины изображены две рыбы, а на месте свиньи — гусь», — так описывает это Вулли.

Над входом в храм был некогда укреплен большой плоский рельеф, изображающий птицу, держащую в когтях двух оленей. Птица носит название «Имдугуту». Это уже известный по Ллагашу орел с головой льва. Перед храмом, недалеко от нижних ступеней лестницы, ведущей на террасу, был устроен алтарь. Он сооружен из обожженного кирпича. На внешней поверхности алтаря можно еще различить знак, напоминающий звезду. Это знак Венеры — Инанны шумеров, или Иштар аккадцев.

Несомненно, она носила много имен. В Эль-Обейде ее называли Нинхурсаг (Нинхурсанга), «владычица гор», или, что, может быть, более правильно, «владычица небесных высот».

Святылище в Эль-Обейде датируется довольно точно. На одном из камней фундамента вырезано имя второго царя первой династии Ура с титулом и полным именем: А-анни-пад-да.

Однако то, что Холл и Вулли нашли в Эль-Обейде, было лишь скромным вступлением к тем открытиям, которые предстояло сделать в Уре.

Бог Луны и его супруга

В 1922 году Холла отзывают обратно в Лондон. Музей Пенсильванского университета в США предлагает Британскому музею совместные раскопки Ура под руководством сэра Леонарда Вулли.

Когда Вулли принял это почетное поручение, ему было 42 года. Археологическое образование Вулли получил в Оксфорде; он сделал себе имя на английских раскопках в Египте и Нубии, а потом Сирии.

Сейчас ему предстояло решить задачу всей своей жизни — раскопать огромный холм Муккайир, под которым погребен город Ур. В течение 12 лет этот зольник не даст ему покоя. В 1934 году раскопки в Уре были приостановлены, но не потому, что все его тайны были раскрыты и работа закончена. Было необходимо научно обработать и опубликовать огромный материал, накопившийся за первый период раскопок.

В Уре раскрыли огромную площадь храмов. Здесь, очевидно, строили почти все правители и цари: от царей древнейшего шумерского времени до великих персидских царей, то есть по меньшей мере на протяжении двух тысяч лет.

Вулли вскрыл помещения храма, которые были ограблены уже в древности. Но по сохранившимся остаткам можно еще было установить, что деревянные двери когда-то были облицованы золотыми пластинками, следы этих пластинок обнаруживаются на инкрустированных агатом и лазуритом¹⁸ поверхностях. Золотые звезды, гвозди и лучи, по-видимому, служили украшением деревянных стен.

Самые внушительные постройки относятся главным образом ко времени третьей династии (Ур III; приблизительно на рубеже III и II тысячелетий до н. э.).

Здесь также были обнаружены террасы с расположенными на них большими дворами, святилищами и жилыми помещениями для жрецов. Дело в том, что район храмов был одновременно царской резиденцией и местом пребывания администрации теократического государства. Из храма осуществлялось руководство всей жизнью страны, награждались

правые, наказывались виноватые, принимались решения о войне или мире. Во имя великого Нанна и его супруги.

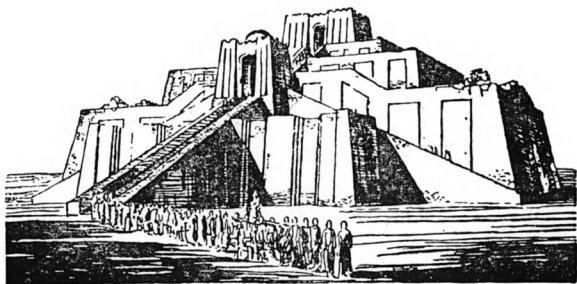
Нанна, могущественный бог Луны в Уре и время от времени царь всех богов, идентичен аккадскому богу Луны Сину, или Су. По всей вероятности, история культа этого великого бога, который воплощается и в сияющий корабль и в сияющего быка, священного барана, льва, орла, рыбу или змею, обусловлена изменчивостью представлений и смешением образов, которые наблюдаются начиная с вавилонского Су и кончая образом древнегерманского Цию и иерусалимского Сиона.

Жену могущественного лунного бога в Уре называли «Нингаль». По представлениям шумеров, в Уре она была не дочерью, а законной супругой бога. Так как семиты считали дочерью Луны богиню звезд Инанну-Иштар, Нингаль должна была стать ее матерью. Но Нингаль, если мы не заблуждаемся, это та самая владычица неба и та же звезда Венера.

Поэтому не удивительно, что из супруги бога Луны в Уре и из матери девственной богини звезд Инанна, которая сама была матерью, в сложном переплетении истории верований человека в конце концов превращается в девственную рожелицу. Она, как и Венера, не только ежемесячно хоронит бога Луны, но и порождает его.

Башня Ура

В городе Уре, как и в других древних городах Месопотамии, в центре площади с храмами возвышалась многоступенчатая массивная башня: зиккурат.

*Реконструкция храмовой башни из Ура
(III династия, конец III тысячелетия до н. э.)*

Крепкие стены толщиной 2,4 метра образуют два суживающихся кверху этажа. Основание башни представляло собой прямоугольник длиной 60 и шириной 45 метров. От него к нижней террасе вели лестницы. Там был просторный двор с бассейном и помещением для посвященных, с алтарем, сокровищницей и другими сооружениями.

Но все-таки и здесь не удалось проникнуть во все тайны, если вообще можно себе представить то, о чем тут собственно следует вести речь. На полу террасы было обнаружено тщательно сделанное прямоугольное отверстие размером 4,5 на 3,25 метра при глубине около 1 метра. Пол был вымощен тремя слоями больших неотесанных известковых блоков. Углубление было заполнено очень чистой пережженной землей красноватого цвета. «Под землей не было найдено ничего такого, что могло бы объяснить назначение этого сооружения», — писал Вулли. Возможно, это был фундамент алтаря. При этом Вулли вспоминает алтари детей Израиля времени Моисея, которые при их закладке также пользовались необработанным камнем.

Ибо эти камни служат символом скалы, которая играет такую большую роль в Библии. Символ скалы с высеченным в ней гробом господнем в Иерусалиме восходит к культам и верованиям Переднего Востока, имеющим тысячелетнюю историю. В глубокой древности этот символ был по меньшей мере образом небесной скалы или древа, колонны или небесного столпа — Млечного пути.

Здесь, в Уре, образ этой скалы и берет свое начало: от неотесанных блоков, скрытых в углублении, над которым некогда, наверное еще до времени Моисея, стоял алтарь могущественного бога Луны. Нет, это не случайное совпадение! Много лет спустя Вулли на расстоянии больше чем 1000 километров от Ура обнаружил сходное углубление, заполненное массивными камнями.

В стенах башни Ура исследователи нашли множество глиняных конусов, какие закапывали в землю при закладке здания; на них была надпись: «Во славу царственного сына (!) Нанна, сияющего с ясных небес, внимающих мольбам и молитвам... я, Варадсин, благочестивый правитель... когда бог новолуния послал мне добрые предзнаменования, подарил мне взор жизни и повелел воздвигнуть сей храм и восстановить его обиталище, во имя жизни моей и жизни породившего меня отца моего Кудурмабуга построил для бога дом его, радость сердца Этеменнигур. Чудо и украшение земли, да стоит он вечно...».

Из многочисленных надписей и клинописных таблиц Ура следует, что бог Луны Нанна получал как десятую часть всего урожая, так и арендную плату. Так как деньги тогда еще не были известны, расплачивались продуктами. На все привезенные в уплату продукты выдавалась квитанция — маленькая глиняная табличка с датой и указанием, что «такой-то доставил шесть фунтов наилучшего масла, столько-то масла растительного, столько-то овец или другого рогатого скота» и т. д. Ежемесячно на табличке для окончательного подсчета поступлений составлялся общий баланс храма. В нем учитывались в особых столбцах все приношения каждого земледельца, пастуха и т. д. Ремесленники платили медью, золотом и серебром, другие горожане — шкурами животных.

Расходы отмечались так же тщательно, как и доходы. Для больных выдавался добавочный рацион. Так, один человек, страдавший головными болями, получил дополнительно 125 граммов лучшего растительного масла для растирания.

История! События государственные, события жизни отдельных людей — жизнь во имя Нанна, бога-покровителя города Ура. «На 13-й день месяца элул, — гласит надпись на глиняном цилиндре царя Набонида VI века до н. э., — луна потемнела и затмилась. (Знамение) сие означало: «Нанна нужна жрица».

После многочисленных жертвоприношений и вопрошений оракула было установлено, что Нанна не захотел избрать никого другого в качестве своей жрицы кроме дочери самого царя. Таким образом восстанавливался древний обычай, существовавший еще в III тысячелетии до н. э.

Таким путем Набонид посвятил свою дочь в верховные жрицы бога Нанна в Уре и дал ей новое имя «Белшалтинна». Она была сестрой царя вавилонского Валтасара.

Эти невесты богов вытеснили в земном культе небесную богиню Венеру. Вместе с тем шумерские и семитские цари присвоили себе функции страдающего, умирающего и воскресающего бога, ибо все, что происходило на небе, должно было происходить и на земле, находя свое воплощение в священном культе. Почти все земные культы Ближнего Востока базируются на древних, а иногда и на древнейших представлениях о небесных явлениях, луне и Венере.

Аврааму и его семье должно было быть известно не только об огромном комплексе храмов города Ура, но и о повсе-

местном господстве бога Луны Нанна и его супруги — ведь они были старше, намного старше, чем Авраам!

Библия, правда, об этом умалчивает. Рассказывая о сотворении мира, она избегает называть луну ее собственным именем. Также не дает она ясного объяснения, как превратилось имя Аврам в Авраам и почему изменилось имя его жены.

Богиня змей из Ура

В Уре лопата археологов в самых глубоких слоях наталкивается на находки, подобные тем, с которыми мы уже встречались в Эль-Обейде дошумерского периода. Это каменные орудия.

Но здесь все-таки есть глубокое различие: в Уре покойники уже не сидят на карточках в своих могилах, а лежат вытянувшись и руки их скрещены на животе. Сохранился только древний обычай класть вместе с покойным разные вещи: вазы и кувшины, нити жемчуга и браслеты, кольца и обручи для ног, топоры и стрелы с долотообразными наконечниками из камня и других материалов. Раскрытые погребения подтверждают уже известный нам обычай покрывать трупы мелкими черепками или подкладывать их под тело.

Вулли находил в глубоких слоях и иные формы погребального обряда. Умершие положены на бок и держат перед лицом чаши. Над ними лежат глиняные сосуды. Посуда чаще всего служила погребальным инвентарем. В одном из погребений были найдены 32 глиняные чаши. Конечно, это было священное число. Рядом с трупами иногда попадались своеобразные человеческие фигурки из глины. Причем фигурки эти женские. Натуралистически оформленные стройные тела обнажены до пояса, ниже краской намечено длинное платье; однако голова женщины выполнена далеко не реалистически. Только парик из темного битума говорит о женской при-

Глиняная фигура с париком из битума на змеиной голове

ческие. Это голова змеи. Некоторые женские фигурки со змеиными головами держат на левой руке младенца или же кормят его левой грудью.

Археологи имеют достаточно оснований ломать голову по поводу этих вещей. Конечно, речь идет не о том, почему еще и сейчас некоторых женщин называют змеями. Ведь райская Ева сама не была змеей, змея лишь соблазнила ее. Археологов удивляло другое: почему женщины из Ура со змеиными головами держат ребенка всегда слева. Это удивительно потому, что подобные изображения (даже и без змеиных голов) постоянно повторяются вплоть до значительно более позднего времени, времени греков.

С другой стороны, конечно, волнует вопрос, почему змея существо женского рода, если ее символом является лунный серп?

Неужели только потому, что у немцев луна мужского рода, а у романских народов — женского? То же самое и у древних народов Ближнего Востока, у одной части которых луна женского рода, а у другой — мужского.

Со временем, правда, история религии доисторического и раннеисторического времени обогатилась не только различными тотемистическими образами животных — быками, баранами, львами, орлами, рыбами и змеями, а также связанными с ними синкретическими существами, но и различными восприятиями пола.

Отсюда можно понять, что уже за несколько тысячелетий до нашей эры священное предание о боге Луны и его жене использовалось теологами Шумера и Аккада так же, как используется глина в руках гончара. Во все увеличивающемся государственном объединении они должны были соединить весьма разные образы бога Луны, происходящие из многочисленных семейных и племенных союзов. Так же как для достижения длительного мира нужно было установить единые меры объема, веса, расстояния и монету.

Об Урнамму, одном из древнейших царей Ура, теперь известно, что он урегулировал «семь мер», установил «борзину, мину», серебряный и каменный «шекель».

Из города Ура привез Авраам эти меры в Ханаан.

Но привез ли он только эти меры?

Или он знал, судя по священному писанию, намного больше того, что археологи узнали только сейчас, после раскопок древней земли Ура.

На шестую зиму Вулли начал раскопки на большом погребальном поле в районе храмов Ура. Скоро он обнаружил два расположенных друг над другом некрополя. В верхних могилах нашли цилиндрические печати — предшественники наших современных печатей — с надписями времени аккадского царя Саргона. Это говорит о том, что верхнему некрополю приблизительно 4200 лет.

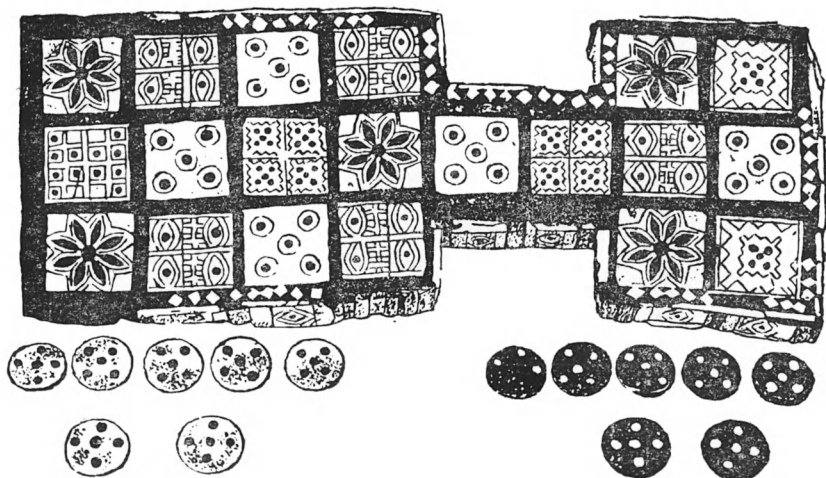
Сколько же тогда лет некрополю, расположенному слоем ниже погребений времени Саргона?

На седьмую зиму (1927—1928) Вулли решил исследовать тайну этого глубоко скрытого в земле некрополя.

В юго-восточной части района храмов лопаты натолкнулись в зольнике на известковые блоки, каменные плиты и потом на ход, наклонной траншеей уходящий вглубь. Здесь стали попадаться остатки циновок.

Вулли почувствовал, что тут кроется нечто особенное. Мечта каждого археолога-раскопщика найти купольную гробницу, царский склеп! О таких царских погребениях когда-то мечтал Роберт Кольдевей в Вавилоне и Фара, но так и не нашел их. Улыбнется ли Вулли счастье в этом зольнике?

Лопата за лопатой, со всевозможной осторожностью расчищали наклонную траншею. И вот показались дальнейшие

Доска и камни для игр из царских погребений Ура

следы: на дне траншеи на цинонках лежали один подле другого остатки пяти мужских скелетов. Рядом с ними находились медные кинжалы и несколько глиняных чаш.

Осторожно, ориентируясь по циновкам, начали копать дальше. Постепенно траншея расширялась и приблизительно на глубине 9 метров перешла в большую яму, вырытую в форме прямоугольника. Неподалеку от входа в эту яму были обнаружены остатки повозки, похожей на сани, и человеческие кости.

Сани, бог мой, зачем в Южной Месопотамии, где почти вечно царит лето, понадобились сани? Причем это невероятно дорогая повозка. По краям она отделана мозаикой. Золотые львиные головы с голубыми гривами из лазурита и раковин, маленькие золотые и серебряные головы львов и львиц перемежались с золотыми бычьими головами.

Перед санями лежали распавшиеся скелеты двух ослов и двух их кучеров. На дышле сохранилось двойное серебряное кольцо, сквозь которое когда-то проходили вожжи. Таким образом, были два осла, которые тянули сани, и два паж, которые их вели. Для кого все это предназначалось?

В санях лежали дорогая доска для игр, посуда и орудия труда. Среди инструментов бросались в глаза золотая пила и несколько долот. Невольно приходит в голову мысль о могилах из Самарра, расположенных севернее Ура. Там тоже рядом с мертвыми нашли долота и пилы.

Но у Вулли не хватало времени поражаться всему этому. На свет извлекаются остатки нескольких женских скелетов. Десять женщин лежали двумя рядами, как будто они готовились к дворцовой церемонии. На всех были замечательные украшения — золотые диадемы и жемчужные ожерелья.

Как и у пяти мужских скелетов, у этих женщин тоже отсутствовала привычная, погребальная утварь. Вместо нее в шахте лежали остатки дорогой арфы с инкрустациями из золота и слоновой кости.

Арфа украшена инкрустированными изображениями животных. Орел с львиной головой парит над двумя рогатыми животными (баранами?). У священного дерева стоят два быка. Здесь изображена также сцена борьбы между львом и быком; оба они поднялись на задние ноги, обхватив передними друг друга. Кроме того, на инкрустациях арфы обнаружили «человеко-быка» с рогами и копытами. Он хватает двух маленьких львов за задние лапы. Итак, на арфе — религиозные сюжеты. Но почему же она лежала в яме рядом с женскими скелетами?

Среди необозримого множества сосудов, чаш и кувшинов лежали остатки большого деревянного ларя, украшенного мозаичным узором из перламутра и лазурита.

Ларь был пуст. Может быть, когда-то, четыре с половиной тысячи лет назад, в нем лежали такие нестойкие во времени вещи, как материя, одежда или белье.

Очевидно, ларь принадлежал женщине.

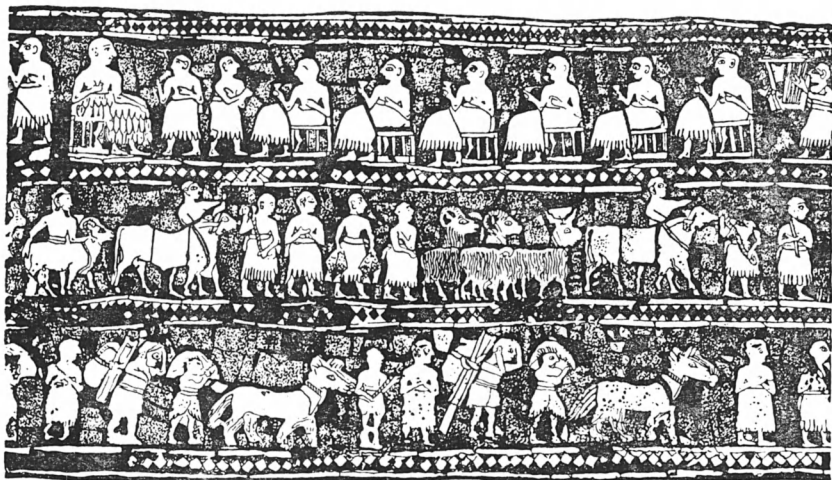
Правительнице? Царице?

Но где же она? Где ее труп?

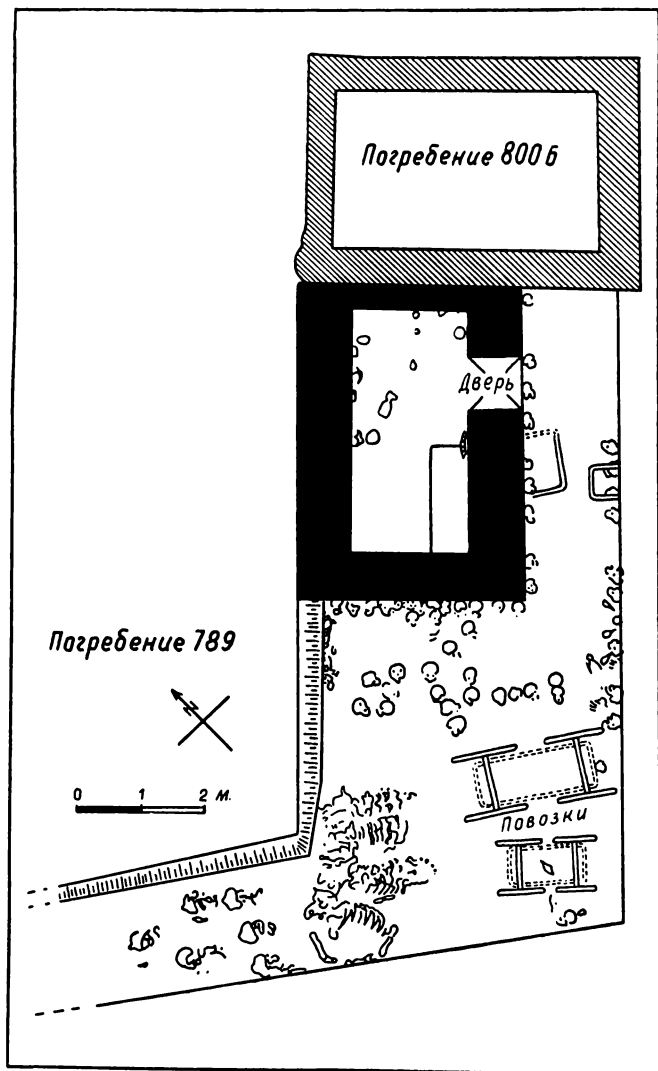
Вулли видел только большие каменные сосуды, посуду, орудия труда, горшки, вазы из самых различных материалов: меди, камня, серебра, эмали, лазурита, алебастра, мрамора и золота. Невероятно!

Там же лежала длинная золотая трубка, украшенная лазуритом, видимо, предназначенная для того, чтобы через нее сосать молоко или лимонад из сосуда. Здесь стоял серебряный сосуд (по-видимому, служивший для обрядовой трапезы) с длинной шейкой и широким венчиком; он был, так сказать, готов к подаче на стол.

Вулли была знакома форма кувшина по изображениям на древних каменных рельефах, судя по которым такие кувши-

Деревянный ларь из царских погребений Ура с инкрустациями из перламутра и лазурита. Британский музей. Лондон

План могилы А-бар-ги с повозками, скелетами животных
и людей

ны имели религиозное назначение. Рядом с серебряным сосудом находился целый набор высоких серебряных кубков, вставленных один в другой. Около них — еще кубок такого же типа, но уже золотой, гравированный, с желобками.

Теперь Вулли понял: гравированный золотой кубок и серебряный сосуд, а также высокие серебряные кубки составляли одно целое с золотым бокалом, гладким золотым сосудом и рифленой чашей.

Неужели этому можно поверить? Неужели это действительно предметы, относящиеся к III тысячелетию до н. э.?

Но где же хозяин или хозяйка этих драгоценностей? Нигде не видно останков человека, который должен был быть богато украшен драгоценностями.

Вулли задумчиво приблизился к ларю. Это был ящик около 2 метров длиной и приблизительно 1 метр шириной. Вулли не понимал, почему его тянет к этому ларю с такой магической силой. Он долго рассматривал его, потом сдвинул в сторону и остоленел. Вулли увидел отверстие в полу, вход в кирпичный подвал. Ему стало ясно, что он стоит перед камерой. У ног Вулли находилась погребальная камера, которую он искал — подлинный склеп.

Вулли встал на колени, попросил дать ему фонарь, опустил его в отверстие и посмотрел вниз.

Какое разочарование! Склеп был пуст.

Шествие мертвецов

Исследователи пытались найти вход в пустой склеп снаружи. Они стали копать вдоль наружной стены каменного помещения и наткнулись на новую шахтовую могилу. Они обнаружили вторую наклонную траншею, ведущую вниз. На этот раз не пять, а шесть солдат лежали у входа в гробницу; они лежали двумя правильными рядами, как и подобает солдатам; с медными копьями на боку и медными шлемами на голове. Шлемы были совершенно расплющены вместе с черепами, словно они были надеты на головы солдат, когда к ним пришла смерть.

За шестью трупами проход, изгибаясь, переходит в большое помещение, вход в которое завален чем-то похожим на заграждение. Надо было сначала убрать его.

Оказалось, что это были две деревянные четырехколесные повозки III тысячелетия до н. э. Колеса и края повозок инкрустированы длинными рядами серебряных и лазуритовых

бусин и украшены серебряными кольцами и амулетами, изображающими быков.

Дерево в течение тысячелетий, конечно, сгнило, однако повозка легко поддавалась реконструкции, так как она лежала в яме совершенно нетронутой. На колесах можно было еще различить сероватые следы от прикосновения кожного обода. В каждую повозку были впряжены по три быка. Скелеты животных еще лежали вместе с остатками сбруи. Рядом, перед головами быков, находились скелеты конюхов, которые держали животных за поводья.

Внутри повозок были найдены останки возниц. Сидя на своих местах, они держали в руках вожжи. Так их и застала смерть тысячелетия назад.

Какое зрелище!

Когда Вулли и его помощники осторожно освободили проход — один из бычьих скелетов можно было поднять, совершенно не повредив его, — открылось целое поле, усеянное трупами.

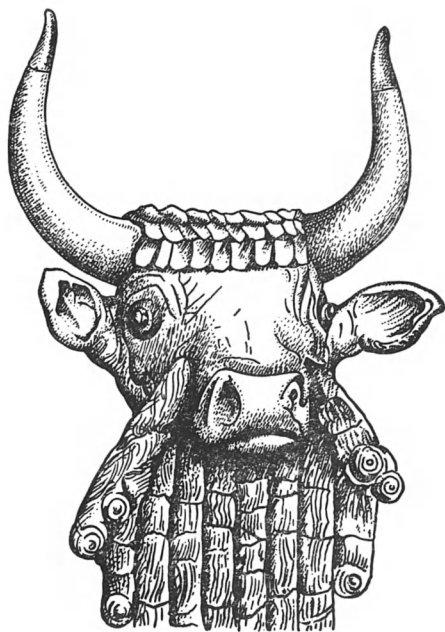
Прислонясь к наружной стене каменной гробницы, лежали останки девяти женщин. На них были парадные головные уборы из лазуритовых и сердоликовых бус с золотыми подвесками в форме буковых листьев и большими серповидными серьгами из золота. Прекрасные серебряные гребни, украшенные золотыми цветами и выложенные листьями из голубого лазурита и перламутра, поддерживали их волосы. Шейные украшения женских скелетов также были сделаны из золота и лазурита.

Просто невероятно!

Женские головы прислонились к стенам так, как будто те, кому они принадлежали, еще спали. Тела лежали в проходе, вытянувшись и загораживая дорогу. Все огромное пространство между повозками и погребальной камерой заполняли нагроможденные друг на друга останки человеческих тел.

Это женщины и мужчины, придворные дамы и солдаты. Солдаты имели при себе кинжалы. У одного из них была связка из четырех дротиков с золотыми наконечниками, у двух других — серебряные дротики; четвертый лежал рядом с остатками щита, на медной поверхности которого были изображены два льва, терзающие двух поверженных людей.

Возле девяти придворных дам у наружной стены гробницы стояла арфа. Конечно, она сломалась и истлела. Сохранились только бычья голова из меди да перламутровые пластинки, которыми она была отделана. Неподалеку от нее лежала вторая арфа с чудесной головой быка. Она сделана из

Золотая голова быка из царских погребений Ура. Борода, глаза и кончики рогов из голубого лазурита

золота, а глаза, борода и кончики рогов быка — из лазурита.

Сама погребальная камера была, по-видимому, ограблена. Это, наверно, произошло еще во времена Авраама. Грабители не оставили почти ничего. Остались лишь человеческие скелеты без всяких украшений; очевидно, это были слуги.

Может быть, среди них и находился, превратившись в прах, тот, для которого когда-то построили эту каменную гробницу. Ничего в ней не осталось: ни одного драгоценного кольца, ни скипетра, ни налобной ленты.

Но имя этого царя или правителя сохранилось. На цилиндрической печати можно было прочесть: А-бар-ги.

Около стены были обнаружены модели двух лодок.

Одна, медная, совершенно разрушена временем. Другая, серебряная, приблизительно 60 сантиметров длиной, напротив, удивительно хорошо сохранилась. Нос и корма этой серебряной лодки подняты вверх, отчего она напоминает серп луны. Модели лодок как бы копируют лунный серп, похожий на корабль.

Корабли мертвецов

Вулли размышлял о необыкновенной силе и устойчивости традиции на Востоке. Ведь еще и сегодня тот же самый тип лодок встречается у местных жителей в заболоченных низовьях нижнего Евфрата, недалеко от города Ура. На таких именно лодках немцы плыли до Фара. Да они даже и называли этот тип лодок по сходству их с лунным серпом — гондолами.

Гондолы из тростника и смолы. Та же самая «гондола» из серебра лежала в гробнице А-бар-ги. Грабители похитили все, кроме этих лодок.

Потому что они считались священными и неприкосновенными; эти лодки подобны тем, какие нашли рядом с могилами фараонов на Ниле, хотя там они были намного больше, а иногда и богаче. На таких лодках умершие — царь и его придворные — отправлялись на тот свет.

Лодки мертвых распространены на всем пространстве от Северной Европы до Африки и от Средиземного моря до южной части Тихого океана. Короче: это копии лунного серпа, который плывет по небесному океану на восток — навстречу Солнцу. Там, в сияющей и сверкающей стране Солнца, исчезает небесная ладья. Там находится иной мир.

Именно такие лодки нашли в гробнице шумерского правителя или царя, которого цилиндрическая печать называет А-бар-ги. Ну, а царица? Кому же принадлежали лежавшие у ларя ценности? Где же царица, и почему грабители не похитили дорогую утварь, золотые и серебряные чаши и посуду, наряды придворных дам и многое другое?

Вулли вскоре нашел ответ на эти вопросы: все, что находилось не в замурованной усыпальнице царя, а в этом погребении и было лишь прикрыто землей, грабители не тронули. И именно потому, что искать украшения и драгоценности в засыпанной землей яме, с одной стороны, было очень трудно и, с другой стороны, вызывало подозрение. Грабители не смогли бы совершить свое преступление незаметно.

С замурованной усыпальницей дело обстояло гораздо проще. Как только грабители обнаружили сводчатый потолок погребальной камеры, им было достаточно разломать кирпичи, чтобы дать возможность одному человеку проскользнуть через образовавшееся отверстие внутрь гробницы. Там он мог свободно заниматься грабежом, оставаясь незамеченным.

Но если царица не лежала в той же самой усыпальнице, что и царь, то должна была быть еще и вторая гробница. Ее надо было найти.

Усыпальница царицы

Понятно, что Вулли и его помощники находились в состоянии исключительного возбуждения. За гробницей А-бар-ги они стали искать вторую усыпальницу и нашли ее. Они быстро поняли, почему этот склеп не обнаружили грабители:

*Реконструкция головного украшения
Шуб-ад из царских погребений Ура*

усыпальница обвалилась. Замурованный кирпичный свод обрушился, по-видимому, под тяжестью земли и накрыл все, что было в гробнице. Никакой грабитель никогда не смог бы найти вход в это помещение.

Когда Вулли наконец удалось войти в этот склеп, он сразу же увидел в наполненной драгоценностями усыпальнице останки женщины. Она лежала на деревянных носилках, у ее головы и у ее ног сидели на корточках две камеристки; от них остались только скелеты.

Возле руки царицы — были все основания пред-

полагать, что это была царица, — стоял красивый золотой кубок. Верхняя часть тела совершенно скрывалась под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых, халцедоновых бус. Длинные нити таких бус ниспадали как покрывало от самого головного убора и шейных украшений до талии, окружая тело широкой каймой цилиндрических бусин из драгоценных камней.

Головной убор царицы был похож на тот, что носили придворные дамы, которые лежали близ саней, запряженных ослами, но только гораздо богаче. Широкий золотой обруч с гирляндой золотых колец составлял нечто вроде помоста для всей искусной постройки. Было очевидно, что это сооружение совершенно невозможно укрепить на естественных женских волосах, хотя бы и очень густых. Царица носила огромный парик.

На этом парике — Вулли назвал его гротескным — были укреплены богатые венки из золотых буковых и ивовых листьев и золотых цветов, отделанных голубой и белой прокладкой. И все это, наконец, перевязано тройной нитью сердоликовых и лазуритовых бусин и закреплено на затылке с помощью золотого гребня.

Нет, и это было далеко еще не все, что увенчивало голо-

ву царицы. Убранство завершалось рядами драгоценных четырехгранных камней и большими серьгами в форме полумесяца. Не удивительно, что под тяжестью таких украшений бедная женская головка не смогла бы держаться даже при наличии парика. Череп проломился. Раздавленный огромным количеством украшений, лежал он на носилках. Рядом с ним висели два лазуритовых амулета: один с изображением лежащего быка, второй — теленка.

Конечно, большой радостью для археологов было то, что все находившееся на носилках, за исключением, разумеется, самого черепа царицы, так необыкновенно хорошо сохранилось в своем первоначальном виде. Это открыло возможность реконструировать все сооружение, все изысканное убранство царицы. Для этого не хватало лишь хорошо сохранившегося женского черепа того же периода, чтобы можно было, сделав с него гипсовый слепок и применив современные методы реставрации, полностью восстановить облик царицы.

Госпожа Вулли, верная помощница своего мужа, нашла такой череп.

Она вылепила из воска голову царицы, придав ее лицу определенные черты. Затем она попросила одного специалиста-антрополога, который специально занимался изучением черепов из Ура, чтобы тот подтвердил, что восковой портрет верно воспроизводит тип шумерской женщины.

Описанным выше головным убором, однако, еще не исчерпывалось богатство наряда царицы. У правой ее руки лежали три амулета в форме рыбок: два золотых и один небесного цвета, из голубых кристаллов лазурита. Еще один амулет — тоже золотой — выполнен в виде двух животных с рогами.

Рядом с телом царицы лежал второй головной убор иного типа. Эта диадема состояла из полосок белой кожи, расширенных тысячами крохотных лазуритовых бусинок. На голубом сверкающем фоне изображены фигурки рогатых животных. Между ними — плоды граната и другие фрукты, листья и ветви, все из чистого золота.

Золотые розетки были размещены среди витков золотой проволоки, стерженьков, цветочков, рогов — и все это на синеголубом сверкающем звездами небе. Нет никакого сомнения: этот второй венец мог быть праздничным головным убором лишь только верховной жрицы! Его назначение можно без труда определить, имея в виду древнюю религию почитания луны в Уре.

Кто же эта женщина?

Было бы великим счастьем, если бы современные историки сумели найти ее имя в списках шумерских цариц! Какая сенсация для науки, какой триумф человеческого познания через четыре с половиной тысячелетия! Но имя царицы не нашли в царских списках, так же как и имя А-бар-ги. Правда, это еще ни о чем не говорит. Завтра или послезавтра счастливый случай может привести к находке недостающего списка. Возможно!

Но, пока это не случилось, многие вопросы еще остаются без ответа.

Умерли ли оба они вместе? Или сперва он? Или она?

Существовали ли вообще царицы, которые оставались в живых после смерти царя, если все придворные шли вместе с ним в могилу?

Или она не была его женой?

Может быть, это была его мать?

Или его дочь?

А может быть, она была правящей царицей, а он, тот, кого уже невозможно найти, потому что его кости после ограбления могилы, видимо, лежат неопознанными среди костей слуг и телохранителей, может быть, был ее сыном, наследником престола, но еще не царем?

А-бар-ги?

Никогда не слышали! Ни в одном царском списке такого не нашли.

Но она?

Какое же она носила имя?

Под крышей, над самым сводом усыпальницы, было воткнуто копьё. Его бросили, наверно, в яму вместе с повозками и камеристками в тот момент, когда ее засыпали землей.

В непосредственном соприкосновении с древком копья была найдена прелестная цилиндрическая печать из голубого лазурита. На ней имя: Шуб-ад.

И больше ничего.

Между тем раскопки дали много новых данных. Перед современным исследователем открылся весь погребальный обряд в Уре III тысячелетия до н. э. Появилась возможность ознакомиться с искусством и техникой древнейшего времени. Никакая книга, никакая клинопись, да и никакая библиотека никакими, даже самыми живыми, словами не смогут пе-

редать то, что здесь можно было увидеть своими глазами и ощутить своими руками.

По всей усыпальнице Шуб-ад лежали всевозможные приношения: серебряная и медная посуда, каменные сосуды, глиняные вазы для пищи и питья. И еще одна золотая чаша. Кроме того, серебряная голова коровы, два серебряных алтаря, серебряные светильники и множество больших раковин.

Золотая чаша из погребения Шуб-ад в Уре (середина III тысячелетия до н. э.)

Подобные раковины археологи Ура находили почти во всех женских погребениях древнейшего времени. Они содержат зеленую краску, употреблявшуюся в качестве косметического средства. Зеленый цвет был обычным цветом косметики в гробницах!

Раковины царицы Шуб-ад необычайно велики. Среди них две искусственные: одна серебряная, другая золотая. Обеим придана форма естественных раковин. Они тоже содержат остатки зеленой косметической краски. Зеленый цвет — это цвет воскресения, цвет новой жизни. С приходом весны его утверждает каждый цветок, каждое дерево, каждый куст.

Женщины из Ура в жизни никогда не подкрашивались зеленой краской, за исключением праздничных процессий в честь небес. Наверное, в последний момент перед концом им наносили этот зеленый грим на смертельно бледные щеки и веки.

Чтобы они воскресли, вернулись, чтобы они опять могли улыбаться и вздыхать, плакать и смеяться.

Царские похороны

Вулли, открывший царские могилы Ура, попытался восстановить похоронную церемонию III тысячелетия до н.э. Вот как, по его мнению, это все происходило. Когда умирал царь или царица, прежде всего выкапывали прямоугольную яму глубиной 9—10 метров. У одной ее стороны сооружали наклонный спуск, служивший входом в могилу.

На дне, в углу ямы, строили затем усыпальницу — камен-

*Два футляра от
шумерских музыкальных
инструментов из Ура с
инкрустациями*

ный склеп с крепким кирпичным сводом. В одной из более длинных стен усыпальницы оставляли открытую дверь.

Потом к могиле подходила траурная процессия с мертвым владыкой и несколькими приближенными, которые занимали места рядом с трупом в каменном склепе. Этих людей, очевидно, убивали или отравляли каким-либо ядом. После этой церемонии вход в гробницу замуровывали.

Начиналась вторая часть церемонии. Погребальная процессия — придворные, слуги, конюхи, возницы, женщины,

солдаты — подходила к яме и опускалась по наклонному настилу, усыпанному цветами, в яму.

Женщины, участвующие в этой процессии, были одеты в яркие красные одеяния, на которых сверкали различные драгоценности. Военачальники шли со всеми знаками отличия, музыканты — с арфами или лирами. За ними въезжали повозки, запряженные быками, или сани. На повозках сидели пажы или возницы, ездовые вели упряжки под уздцы. В конце концов все занимали заранее отведенные им места; дежурные воины, замыкая процессию, становились на страже у выхода.

У всех мужчин и женщин в руках была небольшая чаша — единственный предмет, необходимый для завершения обряда. Некоторые жертвы в последние минуты своей земной жизни должны были еще выполнять определенные задания. По крайней мере точно известно, что музыканты до самого конца играли на своих инструментах. Когда через тысячелетия гробница была вскрыта, их руки все еще судорожно сжимали струны арф или лир.

По команде все выпивали смертоносное зелье. В одной из гробниц археологи нашли посередине рва большой медный горшок, в который, очевидно, был налит яд. После этого

каждый укладывался на свое место в ожидании смерти и перехода в иную жизнь вместе со своим царем или царицей.

Затем могильщики убивали жертвенных животных, клали лиры или арфы на тела умерших музыкантов или музыкантов и обрушивали сверху на еще борющихся со смертью людей землю, пока вся яма не оказывалась засыпанной до конца.

Царский склеп PG/1237

Найденные Вулли царские могилы из Ура почти не отличались друг от друга особенностями погребального обряда. В одном случае лиц, сопровождающих царское тело, убили еще до сооружения могилы. Но обычно религиозный обряд соответствовал описанной выше церемонии. Самым ярким примером жертвенной могилы Вулли считает царский склеп PG/1237.

Стены погребальной камеры частично выложены из камня и завешаны циновками. Прислонившись к стене, лежали в ряд шесть телохранителей с ножами или топорами. Перед ними стоял большой медный сосуд.

Неподалеку от телохранителей лежали скелеты четырех арфисток. Руки одной из них так и окоченели на струнах инструмента. Все остальное пространство было занято уложенными в определенном порядке телами 64 празднично одетых и украшенных женщин. Они должны были отправиться на тот свет без всякого сопротивления и все в одно и то же время. Нет необходимости подробно объяснять, что число 64 считалось священным. В данном случае, наверное, имелось в виду количество девятидневных недель календаря Венеры, состоящего из 576 дней (во дворце царя Набонида также было 64 комнаты).

64 и половина этого числа нашли свое выражение в многочисленных развалинах и погребениях от Евфрата до Нила, его нередко упоминает и Библия. Идет ли при этом речь о 32 царях или о 32 девушках, принесенных в жертву, — это уже не имеет значения. Священные дни, священное число звезды Венеры сохраняли свое значение почти у всех народов при жизни и после смерти.

Стоит упомянуть, что все 64 женщины одели светло-красные платья, когда они готовились к смерти. Это потому, что не только зеленый, но и красный цвет еще в глубокой древности считался цветом жизни. Если люди ледникового периода и каменного века обмазывали своих покойников глиной,

чтобы они потом воскресли, то несколько тысяч лет спустя женщины из Ура с той же целью надевали красные платья. Подкрашенные зеленым гримом, одетые в красное — так шли они навстречу смерти.

Сводчатая усыпальница Мес-калам-дуга

Зимой 1928/1929 года Вулли нашел новый след, который повел его от глиняной стены на участке, где могилы простых людей располагались необычайно тесно, до разбросанных повсюду кувшинов, алебастровой вазы и остатков деревянного ящика. В ящике Вулли нашел два кинжала с золотыми лезвиями и золотыми заклепками на рукоятках. Между ними была печать из белого перламутра с надписью: «Царь Мес-калам-дуг». Рядом с ящиком стоял деревянный гроб с телом мужчины. Однако найденные в нем предметы были столь скромными, что ничего не говорило о принадлежности их царю. Обнаруженной археологами стеной был обнесен огромный квадрат, в котором гроб занимал лишь небольшое место в углу. В другом углу квадрата удалось найти второй гроб. Он находился под глинобитным полом.

Появились на свет медные и каменные вазы, а также оружие. Под этим слоем нашли новые погребальные приношения. Потом опять шли прослойки глины. Дальше оказалась чистая земля, заполнившая весь квадрат. В этом слое лежал лишь небольшой плоский глиняный сосуд, а под ним — несколько маленьких чашечек для еды, тщательно расставленных на циновке. Вулли предполагал, что это остатки трапезы властелина подземного царства. Внезапно под глиняным слоем появились известковые блоки, скрепленные зеленой глиной. Эти блоки, как потом оказалось, образовывали каменный свод. Очевидно, его не тронул ни один из грабителей.

Постепенно перед глазами археологов предстал весь купол усыпальницы. Правда, он был уже сильно поврежден. Тяжелые балки, поддерживающие купол, с течением времени прогнили и опустились. Вследствие этого в каменной кладке образовались сквозные отверстия, сквозь которые можно было заглянуть внутрь усыпальницы. При свете фонаря в склепе засверкало золото.

Нетронутая царская усыпальница! Быстро, но с необходимой осторожностью вскрыли всю купольную гробницу. Между усыпальницей и стенами, образующими четырехугольник, земля смешалась с золой, глиняными обломками и ко-

стями животных. Перед входом в усыпальницу лежали скелеты трех овец, принесенных в жертву.

Когда убрали тяжелый камень, закрывавший вход, археологи увидели под сгнившими остатками балок, выпавших из свода, пять скелетов. Четверо мужчин, судя по их скромной одежде, были слугами. Пятый скелет оказался женским.

Эта женщина, очевидно, была высокого звания. Она носила драгоценный головной убор, такой же как царицы Ура. Длинная изогнутая золотая булавка скрепляла ее накидку. В руках эта женщина держала рифленый золотой кубок, украшенный резьбой, подобный тем, которые уже известны нам из могилы Шуб-ад. Рядом с нею лежала цилиндрическая золотая печать, которые находили пока только в могилах из Ура.

Итак, это царица!

Но где же был царь Мес-калам-дуг? Не все еще было известно во всех подробностях о царских гробницах из Ура. В другой нетронутой царской гробнице отсутствовал труп царя. Вулли предполагал, что его унесли, вскрыв могилу вторично, гораздо позднее.

Зачем?

Мы этого не знаем, пока еще нет!

Мы знаем лишь, что на свете существуют царские погребения — древние, священные погребения, — из которых исчезло тело царя. Некоторые верят, что царь воскрес. Так и от царя Мес-калам-дуга из сводчатой усыпальницы Ура остался лишь неясный след.

И все-таки, кажется, что кое-что тут удастся выяснить. Ибо нашли еще одну могилу Мес-калам-дуга. Первым, что бросилось в глаза в этой второй могиле, был медный наконечник копья, вертикально воткнутый в землю. Потом нашли несколько таких копий, стоявших в один ряд остриями в землю. Это была головная часть усыпальницы больших размеров, в которой находился деревянный гроб. По сторонам от него лежала алебастровая и глиняная посуда. Там и нашли два отделанных золотом кинжала и некоторые инструменты (долото и другие).

Вслед за тем было обнаружено много погребальных принадлежностей: более 50 медных сосудов, кувшинов, блюд, еще медные кубки и другая каменная и глиняная посуда. В другом конце усыпальницы из земли опять торчали копья и стрелы.

Когда остатки деревянного гроба очистили от земли, открылось неожиданное зрелище. Труп лежал на правом боку.

*Шлем Мес-калам-дуга из электрона,
найденный в Уре*

Вокруг талии был обернут широкий серебряный пояс. К нему подвешен золотой кинжал и оселок из лазурита. В руки покойника тысячелетия назад вложили чашу из самородного золота. Рядом с ней лежала еще одна, овальная, тоже золотая, но крупнее. Третья золотая чаша находилась за головой. Вблизи трупа стоял, кроме того, золотой светильник в форме раковины.

Тело было осыпано сотнями бусин из золота и лазурита. У правого плеча лежал двусторонний топор из

электрона¹⁹; у левого — обыкновенный топор из того же металла. Позади тела в одной куче перепутались браслеты, жемчужины, серьги в форме полумесяца, спиральные кольца, а также золотой головной убор и амулет — золотой тельец.

Значит, уже отцы Авраама в Уре знали и почитали золотого тельца, а 500 лет спустя дети Израиля на Синае все еще молились ему²⁰.

Но самым замечательным произведением древнейшего ювелирного искусства из Ура был восхитительный шлем из набивного электрона. Он еще покрывал распавшийся человеческий череп. На этом шлеме были имитированы волосы и даже уши с отверстиями, чтобы его владелец мог хорошо слышать.

На двух золотых чашах и на золотом светильнике выгравировано: «Мес-калам-дуг — герой благодатной страны».

Был ли это тот же самый царь? Или это был кто-то другой, может быть полководец? Этого никто не знает.

Шумерские царские списки молчат.

Самое главное открытие Вулли

До сих пор никому не удавалось найти усыпальницу царя, имя которого было бы упомянуто в шумерских царских списках.

Но погребения из Ура и их ценнейшее содержание были вполне реальны, в то время как шумерские царские списки нельзя было признать столь же реальными.

Может быть, царственные мертвецы, погребения которых обнаружили, были лишь городскими правителями, которых не принимали во внимание, составляя списки? А может быть, о них молчали по каким-либо другим причинам. Кто знает!

Кто знает, как составлялись списки царей в государстве, которое так часто разрушали и снова восстанавливали. Еще в VI веке до н. э. Набонид завершил постройки, которые начал сооружать в Уре Навуходоносор. Блестящими голубыми глазурованными кирпичами облицевал он старую храмовую башню, которую отныне стал украшать золотой купол.

И все еще властвовал в Уре бог Луны.

Только в IV веке до н. э. жители, по-видимому, окончательно покинули Ур. Евфрат перенес свое русло так далеко на восток, что город потерял свое право на существование. Только тогда — и вовсе не из-за нашествия врагов — Ур был навсегда покинут.

Так решилась судьба города, игравшего в течение почти трех тысячелетий огромную роль в стране шумеров, чьи царские погребения нашел англичанин Леонард Вулли.

Однако научная задача Вулли заключалась вовсе не в том, чтобы обязательно найти древние царские могилы. В значительно большей мере ему было поручено найти в Уре строительные надписи самых древних царей, существование которых было исторически доказано, предшественников династии уже знакомого нам царя Урнамму.

«Как-то раз, — сообщает Вулли, — один из рабочих в Эль-Обейде на моих глазах откопал небольшую продолговатую табличку из белого известняка. На ней была высечена шумерская надпись». Постоянный спутник Вулли, лингвист Гэддс, сразу же прочитал ее: «А-анни-пад-да, царь Ура, сын Мес-анни-пад-ды, царя Ура, воздвиг сие для своей владычицы Нин-Харсаг...».

Это был мемориальный камень, заложенный в фундамент храма царицы неба, — мемориальный камень шумерского царя первой династии Ура III тысячелетия до н. э. Имя А-анни-пад-да до этого не было известно исследователям; в шумерском царском списке оно тоже не числилось. Но имя его отца, Мес-анни-пад-да, в этом списке значилось как имя первого царя первой династии Ура.

«И это было самое важное из всех наших открытий в Уре», — заключает Вулли.

ПОСЛЕ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

Двинувшись с Востока, они нашли в земле
Сеннаар равнину, и поселились там.

1 кн. Моисея, 11, 2.

Если археологи хотят добиться успеха, они должны уметь внимательно наблюдать и хорошо читать следы. Когда Вулли глубоко в земле Ура нашел слой тины 2,5 метра толщиной, по которому можно было судить о значительном и длительном наводнении, постигшем город в древности, весь мир замер.

Не было ли это следом всемирного потопа?

Общее волнение постепенно улеглось, когда стало известно, что в Уре речь могла идти только о местном, ограниченном наводнении. Хотя археологи и находили подобные же следы в земле Шумера, в Уруке и Кише, но они относились совсем к другому времени. Некоторых городов Южной Месопотамии этот «всемирный потоп» даже и не достигал. Кроме того, выяснилось, что, хотя Ур и был затоплен, культурная связь между периодами до и после катастрофы не прервалась. Поэтому не может быть и речи о полном обновлении человечества после всемирного потопа.

Следует предположить, что этот слой тины в Уре возник благодаря изменению русла реки Евфрат или был связан с перемещением лагун Персидского залива, на берегу которого стоял Ур в древнейшее время. Магическое воздействие библейских слов постепенно исчезало под влиянием трезвых наблюдений исследователей. Это, конечно, не значит, что археология может разрешить все загадки, возникающие на почве некоторых наблюдений; но в результате точных исследований она нашла пути, позволяющие глубоко проникнуть в мировоззрение древних шумеров и разобраться в их религиозных представлениях. Так, при раскопках царских усыпальниц Ура выяснилось, что в последние минуты жизни людей, сопровождавших труп, в склепах разыгрывались сцены, свидетельствующие о том, что далеко не все придворные дамы хладнокровно шли навстречу смерти.

В одном из горшков с ядом, рядом с которым лежала своего рода разливательная ложка, нашли женские украшения из золота и камней. «Начиная с этого места, — замечает Вильгельм Кениг, — в восточном (!) направлении... на земле лежали медные сосуды (чаши). Почти посредине помещения находилось место, усыпанное бусами всех видов из золота и камней, очевидно, некогда составлявшими ожерелья. Еще дальше кучей лежали чаши».

Эти чаши из-под яда имели своеобразную форму в виде полусферы, в центре которой находилась соскообразная выпуклость. Они как бы имитировали материнскую грудь. Из таких чаш пили при переходе на тот свет, в новую жизнь, так же как всякий ребенок пьет молоко из материнской груди при вступлении в жизнь.

Какое глубокое проникновение в мир представлений шумеров!

Приблизительно 30 таких чаш выставлено сегодня в Багдадском музее древностей, другие чаши — в Британском музее и Университетском музее в Пенсильвании. Они рассказывают любознательным туристам, посетителям музеев, как тесно были связаны жизнь и смерть в мировоззрении шумеров.

Но тот факт, что в горшок из-под яда попал женский наряд, можно объяснить — так, по крайней мере, объясняет Кениг — лишь всеобщей свалкой и волнением, которые начались в тот момент, когда женщины наполнили свои чаши ядом. При этом, может быть, украшение одной из женщин и упало в горшок, тогда как другие сорвали их только на пути к предназначенным им местам, возможно, вместе со своими красными платьями.

Потому что еще и сегодня подобные действия свойственны восточным траурным церемониям. Это позволяет объяснить находки многочисленных бусин из золота и камня при первых же поисковых раскопках.

В деятельности археологов наряду с впечатляющими событиями, связанными с изучением древнейших религиозных представлений человека, происходят и совсем другие, компрометирующие наше время.

Дело в том, что арабские подсобные рабочие потихоньку прятали найденные бусины в карманы. Поэтому ученые находили их лишь тогда, когда сами присутствовали на раскопках или если их доверенный человек наблюдал за работой.

Но получить украденное обратно оказалось совсем не трудно. В день получки Вулли объявил, что будет платить

один «бакшиш» за каждую найденную бусину. Это было приблизительно в три раза больше того, что заплатил бы за бусину арабский ювелир. Слова Вулли были встречены с удивлением, а у некоторых арабов вызвали искреннее раскаяние. На следующий день арабы «обнаружили» в могилах поразительное количество золотых бусин. За это время они купили бусины у своих покупателей.

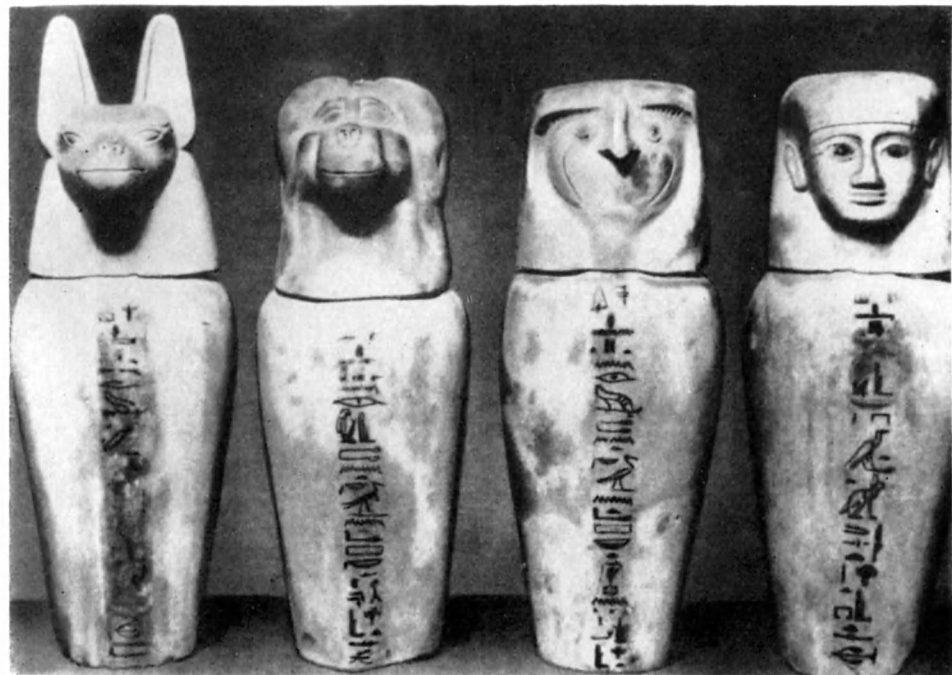
О письменности

Приблизительно в середине II тысячелетия до н. э. ученые Ближнего Востока, умеющие писать и знающие письменность, открыли, что при помощи чернил можно писать на деревянных досках, на коже и листьях папируса. Причем делать это гораздо быстрее и удобнее, чем пользоваться сырыми глиняными досками, которые затем надо сушить, штемпелевать и упаковывать, чтобы сохранить на длительный срок.

При новом методе письма клинописные знаки превращались в курсивные буквы или знаки. Чем чаще в те времена писали чернилами, тем больше трудностей приносило это современной археологии. Потому что почти все, что было написано на дереве, коже или папирусе, исчезало под влиянием климатических условий — гнило, разлагалось и превращалось в пыль. Даже то, что было написано еще на глиняных табличках, но при помощи чернил, под воздействием влаги совершенно исчезло.

Поэтому получилось так, что современные исследователи письменности вынуждены оплакивать утрату почти всей литературы Ближнего Востока (в Египте подобные памятники письменности спас сухой климат) за весьма существенный для науки период последнего тысячелетия до н. э. Сохранились только клинописные таблички и выбитые на каменных памятниках надписи.

От древних периодов истории Шумера и Аккада, таким образом, осталось ненамного больше литературных памятников, чем от времен Моисея и Христа. Только этим и можно объяснить то обстоятельство, что несколько десятилетий назад за предполагаемую подлинной рукопись X—VIII века до н. э., содержащую части иудейского текста из Ветхого завета, требовали один миллион английских фунтов стерлингов. Наверное, владелец рукописи и получил бы этот миллион без промедления, если бы текст оказался подлинным. Но это была подделка.

Египетские каноны из известняка, крышки которых изображают богов-охранителей

*Крылатый бык с человеческой головой и рогатой короной
из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине
(VIII в. до н. э.). Лувр, Париж*

От последнего, наиболее интересного для нас тысячелетия до нашей эры, в котором древняя религия звезд во всем мире претерпела такие видоизменения, что в библейских текстах ее совершенно уже нельзя узнать (хотя она и не утратила свою силу), до нас дошел лишь очень скудный для исследования материал. Древнейшие шумеро-аккадские литературные памятники сохранились в основном в более поздних списках или в списках со списков со всеми возможными ошибками переписчиков. Ведь необожженные клинописные таблички тоже не сохраняются вечно: они легко ломаются и превращаются в пыль.

Этим можно объяснить, почему современным лингвистам так трудно было исследовать и изучить шумерскую письменность и шумерский язык.

Первая пиктографическая система письма шумеров из Урука включала приблизительно тысячу знаков, число которых позже было сокращено примерно до 600. Но расшифровать даже эти 600 знаков не так-то легко.

Поэтому первые знаки и были дешифрованы только в начале нашего века. В течение последующего десятилетия немецким и английским исследователям — Хоммелю, Унгеру и Бертону — удалось расшифровать большую часть знаков. Но все-таки и сегодня исследование древнешумерской письменности еще не закончено. Некоторые знаки остаются с несколькими значениями.

В освоении шумерского языка принимали большое участие немец Фридрих Делич и француз Тюрло-Данжен.

В 1923 году вышла шумерская грамматика немца Пёбеля. Датчанин Т. Якобсен и американец С. Н. Крамер продолжили эту трудную работу, внося в нее поправки и поднимая ее на более высокий уровень. Некоторые новые находки при раскопках шумерских холмов (например, открытие шумерских «словарей» и «грамматик» в Ниппуре) дают основание надеяться, что в не очень далеком будущем ученые овладеют шумерским языком так же хорошо, как вавилоно-ассирийским (аккадским) ²¹.

Творцы культуры

Шумерский язык перестал быть живым разговорным языком уже в первых веках II тысячелетия до н. э., после падения шумерских городов-государств. Но как язык древнего культа и письменности жречества — так же как латинский и греческий в наше время — он господствовал в духовной жизни

ни еще почти полтора тысячелетия, вплоть до последних веков до нашей эры.

Создав из своего пиктографического письма первую клинописную систему, шумеры тем самым стали учителями вавилонян, ассирийцев и всех других народов, пользовавшихся клинописью. Многие аккадские слова заимствованы из шумерского языка.

Но вавилоняне и ассирийцы восприняли не только систему письменности и многочисленные символы шумеров, но и значительные элементы их культуры и мировоззрения.

Этим и объясняется то обстоятельство, что шумеры наряду с египтянами считаются создателями культуры вообще, хотя недавние раскопки показали, что и шумеры в свою очередь восприняли от своих незнакомых нам предшественников важные элементы культуры, способствуя дальнейшему их развитию. Само собой разумеется, что вопрос о происхождении шумеров исследовался и исследуется с огромным интересом. Хотя очаг их культуры и находился у Персидского залива, они не были коренными жителями этих мест.

Однако эти исследования пока не дали определенных результатов; вернее сказать — они не вышли за рамки различного рода гипотез. Одно из самых важных средств в изучении древней эпохи — учение о языке — тут ничего не дает. Дело в том, что язык шумеров не семитского, не индогерманского и не какого-либо другого известного нам происхождения. Таким образом, шумерский язык не может быть использован для обратных умозаключений о происхождении этого народа или его связях с другим народом, другими местами поселения. На основании конструктивных его особенностей и при помощи имеющегося запаса слов шумерский язык до сих пор не удается связать ни с одним известным языком или группой языков. Исследования языка исключительно интересного и творчески богатого народа, культурное влияние которого достигло Индии, доходило до Сирии и Месопотамии, таким образом, не дали результата.

Какая неудача для пытливой археологии!

Поиски

Необитаемые, мертвые холмы шумеров археологи больше уже не оставляли в покое.

В 1918 году англичанин Кэмпбелл Томпсон начал пробные раскопки на холме Абу-Шарейн, приблизительно в 22 кило-

метрах юго-западнее Ура. Там еще Тейлор в 1855 году нашел глиняные таблички с письменностью. Томпсон обнаружил здесь остатки построек царей третьей династии Ура, а также установил название мертвого города: Эриду.

С 1948 года молодые иракские ученые проводили исследования в Эриду. В северной части холма Абу-Шарейн археолог Фуад Сафар нашел построенный из кирпича дворец и в конце концов обнаружил памятники культуры, которые, очевидно, были занесены сюда с севера и северо-запада Месопотамии.

Храмы Эриду относятся к наиболее древним постройкам; по ним можно проследить не менее 14 строительных напластований, отражающих строительную деятельность многих эпох. Не удивительно, что шумеры считали Эриду самым древним городом на свете.

Среди многочисленных культовых предметов в Эриду были выкопаны фигурки со змеинными головами. Но не женского, как в Уре, пола, а мужского: тот же самый символ змеи, но только другого пола.

Скелеты людей, найденные неподалеку от Ура, в Эриду, глубоко в земле, навели исследователей на новую мысль: это, как считает француз Контено, следы человеческого типа, который можно, очевидно, отнести к так называемой «средиземноморской расе», еще и сейчас господствующей на обширном пространстве от Португалии до Индии.

Приблизительно в 25 километрах юго-восточнее Урука французские археологи раскопали в 1933 году шумерский город, который уже Лофтус в 1853 году и Андре в 1903 году собирались исследовать: это была Ларса, современный Шенкерх.

Здесь археологи также должны были спешить, чтобы предупредить хищнические раскопки местных жителей, которые уже утратили былой суеверный страх перед духами прошлого и рьяно принялись за поиски таких вещей, какими интересовались частные антиквары от Багдада до Нью-Йорка. Повсюду возникала опасность, что страсть к коллекционированию богатых охотников за амулетами сильно повредит трудному восстановлению исторической мозаики древней культуры. И маленький каменный бык из Ларсы, который, как и в Уруке, когда-то, может быть, украшал процессионный штандарт или алтарь, наверное, был бы лакомой добычей для «коллекционеров» нашего времени.

Повсюду, на каждом холме древнего Шумера, ищут и копают археологи: в Умме (Джоха), в 50 километрах севернее

Урука; в Изине, в 28 километрах южнее Ниппура, где четыре тысячелетия назад праздновали свадьбу богини звезд Инанны с ее женихом Думузи — на земле их представляли царь и его супруга или главная жрица.

Археологи искали и в Адабе, в 65 километрах севернее Урука, и нашли там прекрасный храм начала II тысячелетия до н. э.

Везде делали пробные раскопы и вскрывали холмы, в частности, копали и в развалинах Джемдет Насра (в 240 километрах севернее Ура), от имени которого получила название целая доисторическая эпоха. Повсюду, часто ощупью во тьме веков ищут археологи следы прошлого, расшифровывают надписи, определяют даты построек, изучают гимны и молитвы, читают договоры и хозяйственные документы. Везде находят они маленькие и большие, драгоценные и простые фигурки — быков, змей, орлов с львиными головами, овец и львов.

Напали ли они на след?

Могилы шумеров с их драгоценными украшениями, прекрасным оружием, удивительными произведениями искусства доказывают один важный факт. А именно: населяя страну, где нет почти никаких полезных ископаемых, они все-таки достигли поражающего совершенства в плавке металла и кузнечном мастерстве. Народ, который обладал таким искусством — а это подтверждают царские могилы Ура, — по-видимому, жил когда-то в стране, где было достаточно благородного металла и меди.

Если вопрос о происхождении шумеров не удалось решить, опираясь на исследование языка, то сейчас пытаются открыть эту тайну при помощи металлургии.

Бронза, которую нашли в царских могилах Ура, содержит определенный процент никеля. Где же находятся запасы таких руд?

Нашли их недалеко, в Омане на Персидском заливе. Какое разочарование для исследователей! Получается, что шумеры получали бронзу с соседней территории. Другое дело олово, которое они также использовали. Олово — редкий металл. Кроме некоторых месторождений в Центральной и Южной Америке оно встречается в Центральной Европе — в Испании, в Бретани на севере Франции и в Англии (Корнуолл, Девоншир). Одно время некоторые археологи вполне

серьезно предполагали, что шумеры получали свое олово из Англии. Но потом возникли сомнения, так как это могли быть и месторождения в Индокитае. Значит, и олово не дает точного ответа на вопрос.

Но в Шумере очень часто встречается лазурит, голубоватый лазурный камень, из которого изготавливали различные украшения. Откуда вообще взялся этот лазурит?

Специалисты объяснили: он происходит из Памира. Памир, расположенный на северо-запад от Индии, более чем на 3000 километров удален от Персидского залива.

Обитали ли шумеры когда-то там и были ли они народом горцев?

Но как получилось, что этот горный народ обосновался потом близ Персидского залива, за 3000 километров от своей родины, где совсем другой климат.

Более того: что заставило их в таком случае проводить каналы в заболоченных поймах нижнего Евфрата и Тигра, регулировать уровень рек и начинать новую жизнь среди чуждого им окружения?

Может быть, шумеры получали лазурит торговым путем по старой дороге, проходящей через Памир из Китая в Европу (будущий «шелковый путь»)? Но неужели же этот путь ничего, абсолютно ничего не говорит о происхождении шумеров?

Однако тайны Шумера остаются нераскрытыми.

Есть и еще одна загадка. Как показали царские могильники Ура, у шумеров уже в середине III тысячелетия до н. э. была четырехколесная повозка — открытие, которое обычно приписывают индоевропейцам.

Создали ли шумеры повозку раньше индоевропейцев?

Или у индоевропейцев боевые повозки появились уже после шумеров?

Или эти открытия восходят к общему первоисточнику?

Индия — Китай — Южная Америка

От Ирана и Месопотамии поля археологических раскопок проходят на восток — в Индию, и на север — в Среднюю Россию.

Русские ученые взялись за исследование своего родного края²².

В 1922 году англичанин сэр Джон Маршалл открыл в районе реки Инд — в Хараппа и Мохенджо-Даро — древней-

ший и высокоразвитый культурный слой III—II тысячелетий до н. э. Некоторые из обнаруженных там вещей указывают на тесную связь с шумерами; так, там были найдены изображения змей, быков, священного дерева.

Лингвисты, которых призывают решить то одну, то другую трудную задачу, стоят перед новой загадкой: найденные в Индии пиктографические знаки никому не известны.

На печатях из Хараппа и Мохенджо-Даро эти незнакомые знаки письменности связаны с изображениями рогатых животных. Там же найдены многочисленные статуэтки обнаженных женщин со своеобразными головами и шейными украшениями. На одной фаянсовой пластинке изображена женщина; она сидит, скрестив ноги, среди змей, а люди вокруг обращают к ней свои мольбы.

Взоры неутомимых исследователей в конце концов устремились далеко на восток. Швед Ю. Г. Андерсон открыл в Китае, в районе реки Хуанхэ следы древнейшей культуры каменного века. В Центральной и Южной Америке стали находить, частично укрытые в буйно разросшемся девственном лесу, таинственные памятники и амулеты исчезнувших индейских племен.

От Европы же, которая все с большей определенностью и поражающими результатами исследует собственное пространство от Скандинавии до Средиземного моря и от Атлантики до Урала и при этом открывает такие вещи, которые до сих пор были совершенно неизвестны, — от Европы Шумер отделен, видимо, чем-то большим, чем океан.

С Кавказа?

Вновь и вновь проводили измерения человеческих черепов из шумерских могильников. Большей частью они были удлиненной формы.

Но вот удивительно! Эти длинноголовые шумеры изображали себя в произведениях искусства с круглыми головами! Поэтому и получилось так, что некоторые ученые относили шумеров к индоевропейцам (со «светлой кожей»), другие считали и считают их прототюрками. Загадка за загадкой. Высказывалось мнение, что шумеры были похожи на современных англичан.

Нет, это не так, — говорили другие ученые, с сомнением покачивая головой, в районе поселения шумеров уже с глубокой древности обитали. по крайней мере две совершенно

Рельеф на цилиндрической печати одного из придворных царя Урнамму из Ура. Изображает сидящего на троне бога Луны (Нанна-Син) и три женские фигуры (XXI в. до н. э.)

различные расы. Но антропологические исследования не оказались в состоянии проникнуть в суть вопроса о происхождении шумеров.

Неужели же нет никакой точки опоры?

Ведь была же там индоевропейская повозка! Находят же поразительное сходство между царскими усыпальницами Ура и некоторыми могилами, которые были обнаружены в Греции, в восточной части Балканского полуострова и, наконец, в Южной России. Имеются в виду сводчатые и купольные гробницы. Подобные приемы строительства характерны и для Греции и для Южной России.

И вдруг языкознание обратило внимание — хотя и весьма осторожно и с большими оговорками — на возможность некоторых связей шумерского языка с еще не полностью исследованными языками Кавказа.

Не пришли ли они оттуда?

Не был ли Кавказ, страна легендарных аргонавтов, их прародиной?

Не научились ли шумеры искусству строительства каналов и превращения заболоченных низин в плодородные земли на громадных равнинах, которые тянутся от Черного до Каспийского морей?

Не пришел ли Ной, согласно библейским преданиям, также с Кавказа?

Уже на протяжении жизни нескольких поколений ученых изучение античной эпохи приводит к выводу, что в сообщениях Гомера, Геродота и других античных авторов содержатся зерна исторической правды, хотя, конечно, у них и встречаются отдельные ошибки и отклонения.

Почему же в таком случае Библия не могла в основном исторически верно описать переселения с Кавказа в «Сенаар» (Шумер)? Ни один автор Ветхого завета не мог быть заинтересован в том, чтобы выдумать это странствование в Ур. Скорее всего интересующие нас события восходят к древней традиции. Только тот, кто не верит ни одному слову в Ветхом завете и отбрасывает в сторону исторически правильное ядро вместе с мифическими преданиями, может игнорировать связи между Уром в Шумере и районами Кавказа.

Неожиданно археологов, проводивших раскопки на Евфрате и Тигре, насторожило другое открытие. Все глаза обратились к районам южнее Черного моря и Кавказа.

Там, на просторах Центральной Турции, были обнаружены таинственные племенные союзы, появившиеся здесь несколькими столетиями позднее того времени, которым датируются усыпальницы шумерских царей.

II

ОТ ТРОИ
К МЕРТВОМУ МОРЮ

СОКРОВИЩЕ ПРИАМА

Там, за воротами города, холм находился,
по полю если пройти, со всех сторон
обойти его можно

«Илиада», песнь 2-я

Что же заставило одного очень богатого коммерсанта оставить в возрасте 41 года свое процветавшее дело и начать совершенно новую жизнь? Жизнь, полную трудностей и забот, которая потребовала от него в жертву все его состояние, а взамен принесла лишь подозрительность и враждебность.

Более чем странно было ожидать это от преуспевающего коммерсанта Генриха Шлимана, родившегося 6 января 1822 года в деревне земли Мекленбург в бедной семье и ставшего впоследствии очень богатым человеком. В 1864—1865 годах Шлиман совершил кругосветное путешествие, побывав в Индии, Китае, Японии и Америке. В 1866 году он учится в Париже. Почти в 45-летнем возрасте Шлиман изучал археологию и древнегреческий язык. Тогда же он писал свою первую книгу о Китае и Японии.

В 1868 году Шлиман начал поиски Трои в турецкой Малой Азии.

Потому что он верил Гомеру. В противоположность многим ученым он считал Гомера не только главой всех поэтов, но к тому же еще и историком, повествующим в своих эпических произведениях об исторических событиях.

Правда, Генрих Шлиман не был первым из тех, кто поверил в Гомера и существование Трои. Еще за два поколения до него, в конце XVIII века, француз ле Шевалье вел поиски в Троаде — там, где узкий Геллеспонт разрывает мост в Европу. Но ле Шевалье так ничего и не нашел; его сбила с толку болтовня местных жителей. В 1864 году австриец фон Хан заложил разведочный раскоп в том месте, где шестью годами позднее стал копать Шлиман.

Генрих Шлиман не поддался сомнительным рассказам местных жителей; от берега моря он направился к возвышенности, до которой было около часа ходьбы; она называ-

лась Гиссарлык. Шлиман пришел сюда не случайно, ибо он тщательно изучил античные сообщения об истоках и течении реки Скамандроса.

В раздумье стоял Шлиман на холме Гиссарлык. Потом, так ничего и не раскопав, он возвращается в Париж. Там Шлиман пишет свою вторую книгу «Итака, Пелопоннес и Троя». Так он наметил для себя задачу, которой потом посвятил жизнь.

Пришло время осуществления его замысла. В 1870 году он вместе со своей молодой женой-гречанкой снова стоял с лопатой в руках на холме Гиссарлык. Наняв рабочих из местных жителей, он начал поиски Трои. На собственные средства.. Ни одно учреждение Запада не помогало ему. Прошло три года. Шлиман и его рабочие углубляли и углубляли свои раскопы.

При этом, свободный от всяких предубеждений, Шлиман совершил свое первое преступление в глазах ученых-археологов. Особенно не размышляя, он прошел через культурные напластования классического греческого и римского времени. Его интересовало то, что лежит глубже, под ними. Он буквально прокопал весь холм, дойдя до его скалистого основания. Там он обнаружил следы древнейшего культурного слоя — Трои I. В отличие от стратиграфических обозначений, принятых в Месопотамии, счет культурных слоев Трои идет снизу вверх.

Шлиман не был в особом восторге от Трои I, более того — он был разочарован. И это когда-то была Троя? Эти убогие постройки? Немыслимо! Это не могла быть гомеровская Троя. Тогда он поднялся слоем выше и стал раскапывать Трою II.

Здесь он нашел то, что искал: мощные крепостные стены, скошенные фундаменты из небольших камней и надземные части зданий из глиняных кирпичей и деревянных балок.

Была ли это Троя Гектора и Приама?

Чудовищный пожар разрушил эту Трою II. Везде были видны его следы: так и только так когда-то погибла Троя.

Генрих Шлиман знает это совершенно точно. Для него нет сомнений. Кто из знающих Гомера мог бы в этом усомниться?

Итак, прошло три года. Шлиман был удовлетворен своими открытиями. Нужно ли искать дальше? 15 июня 1873 года он намеревался закончить свою работу и ехать домой, чтобы написать отчет о ее результатах. Для него Троя была найдена.

И тут случилось нечто неожиданное: оставалось всего 24 часа до последнего движения лопатой, когда что-то сверкнуло в отверстии стены, расположенной близ западных ворот Трои II. Шлиман моментально принял решение. Под каким-то предлогом он сразу же отослал домой всех рабочих. Ему хотелось самому выяснить, что там в стене сверкает, словно золото. И лишь его жена София была свидетельницей того, как Шлиман осторожно извлек из щели большой клад золотых предметов.

Это были две золотые диадемы с 2271 золотым кольцом, 4066 пластинками сердцевидной формы и с 16 изображениями богов — все из чистого золота. Кроме того, — 24 золотых ожерелья, серьги, пуговицы и иголки; короче — всего 8700 изделий из чистого золота. Найдены были также золотая чаша весом 601 грамм, золотой сосуд и другая посуда из серебра, электрона и меди.

Непостижимо! Прежде всего Шлиману необходимо было скрыть этот золотой клад от турок — не для того чтобы присвоить его себе, а с тем чтобы продемонстрировать и передать ученому миру на Западе. Шлиман был уверен, что он нашел сокровище царя Приама. Может быть, Приам спрятал его в последний момент в тайнике стены у Западных ворот, когда Троя гибла в дыму и пламени? В это верил Шлиман и с этой верой он ушел в могилу.

Враги поднимают голову

Шлимана одолевали заботы, как беспрепятственно перевезти это огромное сокровище в Афины, в его собственный дом, не привлекая к себе внимания. Хотя Афины и находились тогда под турецким господством, однако Шлиман считал, что оттуда легче найти пути для отправки сокровища через границу.

Ему и его жене пришла в голову идея использовать для этой цели корзинки из-под овощей. И вот спрятанное в овощах сокровище Приама совершает путь из Гиссарлыка через Геллеспонт в Афины. Турецкие чиновники недоуменно качали головами: неужели овощи в Гиссарлыке лучше, чем в Афинах. Но, видимо, это так, раз молодая госпожа Шлиман предпочитает их всем другим овощам и хочет иметь их в своей афинской кухне. Ясно — это причуды богатой женщины! А раз так, надо предоставить ей полную свободу действий! С этих пор корзинки из-под овощей госпожи Софии Шлиман

стали так же известны в истории археологии, как ее передник или платок, в которые первоначально складывали сокровище Приама, обнаруженное в щели древней стены Трои II. Позднее Шлиман подарил большую часть сокровищ Музею этнографии в Берлине.

В 1873 году вышла книга Шлимана «Троянские древности». Он окончил ее преисполненный гордостью и счастьем. Шлиман описал мощные крепостные стены Трои, внушительные башни, дворцовые постройки, рассказал о пожаре и гибели города, сообщил о своей золотой находке — «сокровище Приама». В его глазах все сложилось в одну стройную картину. Для него Троя II — это Илион с Гектором и Ахиллом, Агамемноном и другими героями Илиады.

Но отсюда и началась трагедия Шлимана.

Чем шире распространялись и обсуждались пораженными жителями Европы вести о его открытиях и их значение, тем чаще можно было услышать горькие речи о «дилетанте», постороннем для науки человеке, который не обладал никакими академическими полномочиями при проведении своих своеобразных экскурсов. Повсюду погружали отточенные перья в чернильницы, чтобы посрамить этого недалекого фантаста и глупца, поставить на свое место, с которого он сорвался, как молодой теленок, чтобы скакать и дурачиться на священном поле науки. Пока он был для них только нелеп. Но он сразу же стал врагом, как только начал сопротивляться. Никогда он не мог понять (так объяснял позже сотрудник Шлимана, археолог и архитектор профессор Вильгельм Дерпфельд) тех насмешек и издевок, с которыми некоторые ученые, особенно немецкие филологи, встретили его публикацию о Трое.

Как все это могло произойти? Дело в том, что представители самой ученой из ученых наук реагировали на его труды явно ненаучными приемами. Если в Англии Шлимана встретили либо благожелательно, либо предпочитали ничего не говорить о нем, то некоторая часть немецких ученых во всю старалась высмеять его или даже оклеветать.

На Шлимана нападали в основном не выдающиеся представители науки, но скорее такие люди, перед которыми наконец открылась возможность без всякого для себя риска и посягательств на честь корпорации направить накопившуюся в них жажду мести за собственные неудачи на этого постороннего человека и дилетанта.

Имена этих людей сегодня уже забыты, и поэтому вряд ли стоит их называть. Но в те времена они считались автори-

татами, противопоставившими в своих научных трактатах открытию Шлимана утверждение о том, что эпос Гомера — это чистая поэзия; она ничего общего не имеет с историей и тем более с подозрительным холмом Гиссарлык.

В 1874 году один такой авторитет, профессор, возглавляющий корпорацию ученых, назвал книгу Шлимана о Трое «сбивающей с толку мистификацией». Так горды были эти люди и так погрязли они в своей самоуверенности. Другой «авторитет», исчерпав все свои аргументы, перешел всякие границы приличия: он объявил, что Шлиман нажил свое состояние в России, посредством контрабандной торговли селитрой.

И разразилась буря. Некоторые люди обвиняли Шлимана в том, что он заранее закопал «сокровище Приама» на месте находки. Таким путем они изобличали его как простого обманщика. В это же время турки начали против Шлимана процесс, обвиняя его в незаконном присвоении золота, добытого на турецкой земле, и в контрабандном вывозе его за пределы страны.

Правда, Шлиман приобрел и друзей. Это были как раз те ученые, имена которых и сегодня известны. Так, его другом стал знаменитый Рудольф Вирхов, который был не только врачом и антропологом, но и исследователем античности. Во Франции другом Шлимана становится блестящий филолог Эмиль Луи Бюрнуф, который вступился за него как директор Французской школы в Афинах.

В большинстве случаев противниками Шлимана были, правда, сторонники того направления, которое, как иронически выразился современный американский историк и писатель Вилль Дюрант, запросто отрицает то, что другое поколение ученых подтверждает потом кропотливой работой.

В 1879 году Шлиман вернулся в Трою. Накопилось много вопросов, которые надо было выяснить. На этот раз его сопровождали друзья — Вирхов и Бюрнуф. Раскопки были продолжены. В результате появляется пятая книга Шлимана «Илион». За это время на греческой земле в Микенах он открыл царские могилы — весть, которая, проникнув в кабинеты ученых Запада, была подобна удару грома.

В 1879 году Ростовский университет — к удивлению всех надменных и упрямых противников Шлимана — присвоил ему звание почетного доктора. В 1881 году Шлиман подарил свое троянское собрание городу Берлину, который в знак благодарности объявил его своим почетным гражданином.

В 1882 году Шлиман опять проводит раскопки в Трое. Но

теперь он уже привлек к себе внимание всего научного мира. Молодой участник немецких раскопок в греческой Олимпии — архитектор Дерпфельд предложил ему свою помощь. Шлиман был достаточно умен, чтобы принять это предложение с благодарностью.

Свою седьмую книгу Шлиман назвал «Троя». Это звучало как триумф. В 1889 году в Трое состоялась первая международная конференция. В 1890 году — вторая.

Сделал ли он все? Стоит ли он уже на вершине своих успехов? Разве он не потратил свое состояние, чтобы их достигнуть?

26 декабря 1890 года, как раз в тот самый месяц, в который родились многие пионеры археологии, Шлиман умер. В Берлине он жаловался своему другу Вирхову на боль в ушах. Потом он поехал в Афины, домой, к своей Софии. Но уже не доехал туда. В пути, в Неаполе, смерть настигла этого неутомимого человека. На его долю досталось многое. Он добился успеха и вынес на своих плечах тяжелый груз претензий и предвзятых упреков.

Некоторые люди еще и сегодня не прощают ученому его успехов.

В конце апреля 1929 года — почти через 40 лет после смерти Генриха Шлимана — Германский государственный институт археологии вместе с собравшимися в Берлине со всего мира профессорами, главными директорами, докторами и действительными тайными советниками праздновал свой славный столетний юбилей. Берлинский обер-бургомистр Бесс объявил о небольшом пожертвовании юбиляру «в память известного археолога Генриха Шлимана». Однако президент, профессор Герхард Роденвальд, поблагодарив в ответной речи «господина обер-бургомистра города Берлина за сердечные поздравления и сообщение о великодушном пожертвовании, которое предоставили берлинские граждане, магистрат и члены муниципалитета города Берлина», имени Генриха Шлимана даже не упомянул.

Троянская война продолжается

То, что в свое время ставили в вину «чужаку» и «дилетанту» Генриху Шлиману, сегодня стало правилом. Проводя раскопки, теперь не останавливаются на верхних слоях классического времени, но копают дальше, пока не дойдут до материка или поверхности скалы, хотя делается это по совер-

шенно другим соображениям, которые еще не могли быть известны Шлиману. И все-таки основная проблема осуществленного Шлиманом исследования Трои все еще не решена¹. Что нашел Шлиман в Трое II, которую он сам считал Троей Гектора и Приама?

В этом все дело.

Когда после смерти Шлимана Дерпфельд продолжил раскопки на холме Гиссарлык и при этом нашел Трою VI, казалось, вздох облегчения прошел по рядам ученых: не Шлиман, а вышедший из хорошей немецкой школы археологов Дерпфельд нашел Трою Приама! С тех пор в течение ряда десятилетий в науке господствовало убеждение, что Троя VI, которая во многих отношениях близка к греческим крепостям гомеровского времени, — это и есть Троя Илиады.

Но тогда остается неясным, что же нашел Шлиман в Трое II, то есть в более древнем слое.

И опять, как и во времена Троянской войны, начавшие заживать старые раны археологов, полученные ими на полях битв, открылись вновь. Все началось с того, что в период первой мировой войны в тяжелых боях за Дарданеллы холм Гиссарлык был перекопан снарядами английских боевых кораблей. Он так пострадал, что древние греки и троянцы — строители мощных крепостей — вряд ли смогли бы представить себе что-либо подобное даже во сне.

После войны американские археологи, решив, что глубокие ямы, взрытые снарядами, помогут им исследовать холм Гиссарлык, начали там новые раскопки в крупном масштабе — раскопки, свободные от многих устаревших традиций археологии. По разработанной руководителем раскопок С. В. Бледженем хронологии Троя II — Троя Шлимана существовала приблизительно 2300 лет до н. э., по крайней мере на одно тысячелетие раньше, чем Троя Илиады. Но расцвет Трои VI приходился на 1350 год до н. э. Это как будто подтверждало мнение о том, что не Шлиман, а Дерпфельд открыл гомеровскую Трою.

Но когда эти выводы американцев дошли до кабинетов западных ученых и были встречены там с одобрением, все окончательно запуталось. Ибо теперь перед исследователями встали новые задачи: Троя VI — Троя Дерпфельда вовсе не погибла от пожара, как это вытекает из рассказа о событиях, происшедших в конце Троянской войны; более того — Троя VI оказалась жертвой землетрясения.

Результаты раскопок американской экспедиции привели ученый мир к новым разногласиям.

Является ли «Илиада» только поэтическим вымыслом Гомера?

Или в ней больше фантазии, чем исторической истины?

Американцы были склонны объявить Троей Гомера еще более молодую крепость, чем Троя VI,—Трою VII А.

Но немцы — иногда случаются удивительные вещи! — немцы, по крайней мере некоторые из самых мудрых голов этой нации, за последнее время стали склоняться к тому, чтобы признать гомеровской скорее Трою II. Как раз Трою Шлимана.

Если бы Генрих Шлиман в своей могиле об этом услышал, узнал, к чему теперь пришли оракулы нашего времени, он, вероятно, вместе с Гомером засмеялся бы гомерическим смехом.

Может быть!

Но возможно также, что он преисполнился бы глубоким уважением к богатству археологических знаний нашего времени и к тем огромным возможностям, которые открылись перед археологией, которая теперь может сопоставлять троянский материал с материалом исследований других городов античного мира. И, вероятно, Шлиман был бы последним из тех, кто стал бы считать Трою II гомеровской лишь для того, чтобы не признавать свою ошибку. Троя VII А, которая по современной хронологии датируется XII веком до н.э. и была открыта не Шлиманом и не Дерпфельдом, а американцем Бледженом, действительно была разрушена сильным пожаром и никогда более не восстанавливалась. Последующая Троя VII Б с характерной для нее цветной керамикой позволяет сделать вывод о полной смене населения, пришедшего откуда-то с Дуная.

Но утверждать это вряд ли решились бы даже те, кто был в неладах со Шлиманом. Поэтому нельзя не признать, что Шлиман отдал свое горячее сердце делу, которое было мечтой его юности. Правда, уже одним этим он сделал его уязвимым. Потому что невозможно драться и выигрывать битвы в науке только одним горячим сердцем; здесь в первую очередь нужна трезвая голова, огромные знания и опыт. А Шлиман, будучи пионером исследования Трои, не обладал еще теми знаниями, которых вправе были от него потребовать современники.

Но это не умаляет его славы.

Ибо даже знаний нашего времени оказалось недостаточно для того, чтобы сказать последнее слово о холме Гиссарлык.

И поэтому Троянская война все еще продолжается.

ТЕЛЛЬ-ХАЛАФ

И переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе...

IV кн. Царей, 17, 6.

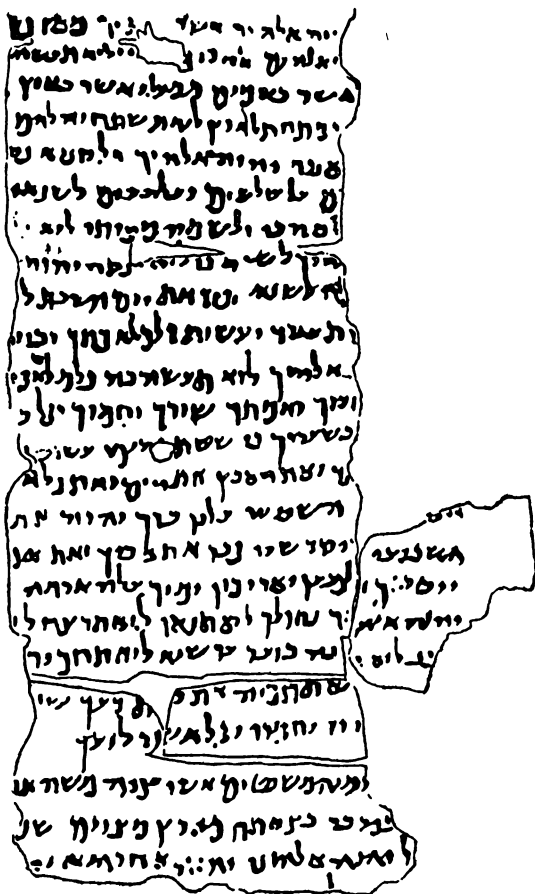
Незавидной судьбе первооткрывателя Трои Генриха Шлимана можно противопоставить успехи человека совершенно другого склада, который не понимал ни единого древнегреческого слова, но зато намного лучше знал арабский язык и в конце концов основал даже собственный музей в Берлине.

Этот уроженец долины Рейна — барон фон Оппенгейм родился в 1860 году в Кельне и получил при крещении имя Макс. Склонность к приключениям привела его после некоторых странствований как раз к тому месту, близ которого (у Харрана) Авраам прошел на север, покинув Ур халдеев. Но каким образом барон из Кельна пришел сюда и какое открытие при этом сделал — открытие, которое в конце концов привело к тому, что целая эпоха получила название от раскопанного им холма, — это длинная и по-настоящему удивительная история.

Она начинается с дальних путешествий состоятельного Макса фон Оппенгейма через Ближний Восток по странам ислама, начиная от Марокко и кончая Восточной Африкой и Индией. Более чем полгода 35-летний барон жил вместе с глубоко религиозными шейхами в районе Каира, потом он перебрался в Северную Аравию, Сирию и Месопотамию, изучая в палатках воинственных бедуинов их язык и обычаи.

В конце концов он познал душу этих шейхов пустыни так хорошо и так полюбил их, что его везде, куда бы он ни пришел, встречали как хорошего друга, с исключительным гостеприимством. Не приходится удивляться тому, что Германское министерство иностранных дел постаралось привлечь этого барона из Кельна на дипломатическую службу с тем, чтобы он поддерживал определенные связи с вождями бедуинов на севере и юге страны.

Таким путем Макс фон Оппенгейм получил широкую возможность отдаваться своей страсти к путешествиям и пои-

Фрагмент копии древнейшего текста «десяти заповедей», начертанного на египетском папирусе (I в. до н. э.)

скам древних культур, передвигаясь вместе с хорошо охраняемыми караванами по извилистым дорогам среди пустынь и степей Сирии и Ирака.

В 1899 году с охраной, состоящей из 25 вооруженных людей, он отправился к Харрану Авраама. Здесь барон стал разыскивать самого могущественного из всех предводителей бедуинов, главу большого родового союза милли, Ибрагима

Пашу. Он нашел его около Урфа. Немца встретили с почетом, как близкого друга, угощая в течение трех дней в огромной палатке вождя. На этом торжественном пиру с глубочайшим доверием ему рассказали о «необыкновенных каменных изваяниях», которые местные жители нашли в одном из холмов близ деревушки Рас-эль-Аин у истоков впадающей в Евфрат реки Хавур.

Деревня Рас-эль-Аин, как сообщили под большим секретом немецкому барону бедуины, пережила огромное волнение. Причем ее жители вовсе не были виноваты в происшедших событиях; они только хотели похоронить покойника, когда из вырытой могилы внезапно появились ужасные фигуры животных с человеческими головами. Могила эту, конечно, засыпали, и труп похоронили в другом месте, но по повелению рока несчастье все же произошло, и предотвратить его было невозможно: в этом же году деревня подверглась страшной засухе, нашествию саранчи и эпидемии холеры. Ото дня ко дню ее жители все больше и больше убеждались, что они сами, своей собственной беспечностью открыли путь на землю толпе злых духов, откопав ужасные каменные фигуры. Кроме того, несчастные жители Рас-эль-Аина происходили от исповедовавших мусульманскую религию чеченцев, которые пришли с Кавказа. По воле Аллаха и его десяти пророков чеченцы поселились в Рас-эль-Аине, пораженном лихорадкой крае, и гибли там как мухи. И потому у них были все основания бояться злых духов. В этом в конце концов нет ничего удивительного, уверяли бедуины заинтересовавшегося этим рассказом барона Макса фон Оппенгейма.

Опытный в общении с могущественными шейхами бедуинов, Оппенгейм, вполне доверяя им, решил увидеть эти каменные изваяния зверей с человеческими головами. Барон захотел проверить удивительный рассказ, сердечно распрощался с хозяевами и, двигаясь по обходным дорогам в сопровождении хорошо вооруженной охраны, отбиваясь по пути от разбойников, словно от надоедливых мух, через четыре дня достиг Рас-эль-Аина.

Не на жизнь, а на смерть

Неблагоприятный климат в районе истоков реки Хавур и жестокая малярия привели к тому, что из 50 000 представителей кавказского племени, поселившегося здесь три десятилетия назад, к XX веку сохранилось всего лишь около 200 се-

мей. Хотя такое потрясающее вымирание объяснялось еще и непрерывными столкновениями с кочующими бедуинами, но вызвано оно было в основном все-таки лихорадкой. Эту лихорадку барону вскоре пришлось испытать на себе.

Староста деревни Рас-эль-Аин принял его весьма доброжелательно и пригласил на обед. За обедом Макс фон Оппенгейм как бы невзначай упомянул об удивительных изображениях животных с человеческими туловищами; однако на лицах собравшихся не было выражено ничего, кроме удивления. Чеченцы сделали такой вид, как будто они слышали о подобных вещах впервые в жизни.

Однако барон не прекратил разговора. Он подробно описал камни и обещал чеченцам большую награду, если они приведут его к месту находки. Но чеченцы не хотели об этом говорить. Они упорно отрицали все с отчаянием людей, борющихся за свою жизнь. Они даже поклялись на Коране, что говорят правду.

Это было совершенно невероятно: богобоязненные и благочестивые люди совершили клятвопреступление из-за боязни злых духов! Но здесь они натолкнулись на немецкого барона, который не боялся ни черта, ни чеченских злых духов! Он созвал своих людей и громко выругал хозяев, совершивших клятвопреступление на Коране. Барон пытался их убедить, что они, потеряв голову, сказали неправду; испугавшись новых неурожаев и мести злых духов, пошли на преступление, дав ложную клятву на священной книге ислама.

Начался переполох, борьба пошла не на жизнь, а на смерть. Возбужденные чеченцы вытащили из ножен свои длинные кинжалы.

Но и при таких обстоятельствах Макс фон Оппенгейм сумел сохранить хладнокровие. Он громко крикнул чеченцам, что они добавляют к своему клятвопреступлению еще одно ужасное преступление, если попытаются убить гостя в собственном доме!

Барон рискнул своей последней картой — и выиграл.

Глубоко взволнованные чеченцы признали свою вину. Они сознались в том, что солгали гостю, и, полные раскаяния, обещали показать ему холм, где нашли каменные изваяния, когда копали могилу для покойника.

В их устах впервые прозвучало название этого холма — Телль-Халаф, о котором, так же как и о реке Хавор (Хавур), упоминает Библия (II книга Царей).

С тех пор как в VIII веке до н. э. ассирийцы победили Израиль и увели всех жителей царства к реке Хавор, откуда

они никогда больше не вернулись в обетованную землю, название этого холма появилось в Библии. В течение уже многих десятилетий оно встречается в каждом научном труде по археологии Ближнего Востока — от Москвы до Сан-Франциско, от Нью-Йорка до Лондона, Парижа и Берлина — это ставшее знаменитым название Телль-Халаф.

19 ноября 1899 года смилившиеся чеченцы повели немца к Телль-Халафу.

В течение трех дней Макс фон Оппенгейм проводил разведку холма и сразу же обнаружил часть фасада большого дворца, рельефные стелы и своеобразные статуи. Тогда барон прекратил работы и прикрыл все находки землей: ведь он еще не получил разрешения на раскопки от турецкого правительства.

Таким образом Телль-Халаф и открывший его Макс фон Оппенгейм исчезли более чем на 10 лет из нашего поля зрения. Только в 1911 году о холме и исследователе заговорили вновь.

В аду лихорадки

В 1911 году этот барон из Кельна твердо решил довести свое предприятие до конца. Он привез с собой не только опытных специалистов, — таких, как Роберт Кольдевей, но также врача, секретаря, лакея и телохранителя. Барон расположился на Телль-Халафе с таким комфортом, как будто хотел остаться там на всю жизнь. На спинах тысячи верблюдов этот поразительный человек привез не только обычный багаж экспедиции и научные приборы, но и узкоколейку с двенадцатью саморазгружающимися вагончиками, множество лопат, заступов, мотыг и других орудий труда, а также полный комплект строительных материалов для домика экспедиции. Без этого невозможно было обойтись, так как на Телль-Халафе и прилегающей к нему местности, среди песка и болот, не найти ни одного гвоздя, ни одной лопаты и тем более никакого жилья.

Все надо было везти из Алеппо по обходным дорогам, что требовало немалой затраты времени. Обладавший огромным опытом Макс фон Оппенгейм выбрал для этой цели именно обходные дороги: это гарантировало от больших потерь, связанных с нападениями разбойников. Каждый караван верблюдов шел по такой дороге около 20 дней.

Подумайте только: 20 дней на каждого верблюда! А здесь речь шла о тысяче верблюдов, чтобы перевезти узкоколей-

ку, весь багаж, множество инструментов и орудий труда, целый дом и бесчисленное количество продовольствия!

Телль-Халаф расположен в совершенно заброшенном месте. Ближайшие большие поселения, такие, как Урфа, отдалены от него многими километрами пути. Между ними лежит пустыня без воды, без единого дерева или куста, заселенная лишь голодными гиенами, шакалами, змеями, скорпионами и другими ядовитыми насекомыми.

Нельзя забывать и о постоянной опасности нападения разбойников. Это обычное явление, когда находишься среди чеченцев и бедуинов. Можно поклясться Аллахом, что если бы этот немецкий барон не пользовался таким почетом у могущественных племенных вождей, то весь склад вещей, который привезли на спинах тысяч верблюдов, за короткий срок был бы рассеян по ветру, а самому барону и его коллегам были бы уготованы похороны в песках пустыни.

Такие опасения, однако, меньше всего волновали Макса фон Оппенгейма. Он построил первый палаточный лагерь на восточной стороне Телль-Халафа и безбоязненно поехал верхом в деревню Рас-эль-Аин, чтобы приветствовать там местных старейшин, с которыми уже 12 лет был хорошо знаком.

Но оказалось, что первый старейшина деревни и другие его знакомые уже умерли. Повсюду Макс фон Оппенгейм встречал лишь враждебные взгляды. Он опять столкнулся со значительными трудностями: паспорт с турецким разрешением на раскопки не признавали. А один чеченец заявил даже, что он является единственным законным хозяином этого холма и не разрешит на нем никаких раскопок.

Посыпались телеграммы правительству, которые приходилось посылать из таких мест, откуда они шли не менее двух дней. Наконец было получено указание, разрешающее раскопки. Удалось сломить и сопротивление жителей деревни Рас-эль-Аин. Макс фон Оппенгейм мог теперь начать раскопки в Телль-Халафе.

Но тут возникло новое препятствие: невозможно было достать рабочих. Все попытки нанять их как в Рас-эль-Аине, так и в окрестностях не дали никакого результата. Ни одна рука не пошевелилась, чтобы начать работы в Телль-Халафе.

Но барон нашел выход. Он нанял 200 армян в отдаленных селениях. Теперь он смог начать постройку домика экспедиции. После этого он приказал заложить пробные шурфы на Телль-Халафе. При этом случилось как раз то, что и предсказали чеченцы из Рас-эль-Аина: страшная жара лета 1911 года высушила стены вырытых ям, превратив их в пыль, на-

чался оползень, засыпавший нескольких рабочих-армян, только что приступивших к работе. Их сразу же откопали. Но помощь пришла слишком поздно: песок задушил одного из молодых рабочих.

И армяне сразу же забастовали. К тому же они услышали от жителей Рас-эль-Аина, что Телль-Халаф полон злых духов. Барон вынужден был нанять новых рабочих. Это ему удалось лишь благодаря своим старым связям с предводителями бедуинов.

Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки.

Сфинкс из Телль-Халафа

Макс фон Оппенгейм начал работы на старом месте — там, где 12 лет назад он засыпал свои раскопы землей. Постепенно из-под лопат испуганных бедуинов возникли три зверя-колосса. Это были статуи гигантских богов и сфинкс. Открылась также часть фасада дворца.

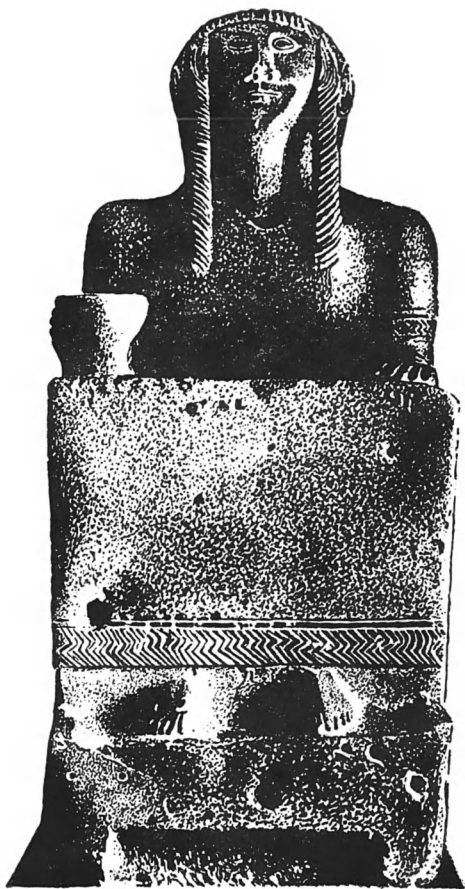
«Ощупью продвигаясь вперед вдоль вымостки, на которой находились изваяния из камня, — сообщает фон Оппенгейм, — мы постепенно освободили остатки стен и помещений дворцового храма. Следуя в направлении ворот, пробитых в большом фасаде, мы достигли... первого храмового помещения». Его каменный пол был весь покрыт грудой обгоревшего щебня от обрушившихся балок. В восточном углу этого помещения лежал скелет молодой девушки с сохранившимися украшениями в болезненно согнутом положении.

Что же здесь произошло?

Что означает каменное изваяние сфинкса?

Макс фон Оппенгейм вербует новый отряд рабочих. В конце концов на Телль-Халафе работало 550 бедуинов. Они обслуживали узкоколейку, опрокидывали наполненные вагонетки, раскапывали и... бастовали. Они бастовали периодически, когда знойные песчаные бури забивали пылью глаза или когда кто-либо из их вождей уговаривал рабочих требовать более высокой оплаты. Но барон из Кельна умел успокаивать детей Аллаха и возвращать их снова к работе. Он хорошо обращался с ними, и рабочие слушались его, невзирая на злых духов Телль-Халафа.

Иногда огромный палаточный лагерь Телль-Халафа, рассчитанный на несколько тысяч человек, посещали семьи рабочих или их соплеменники. Издалека приходили шейхи всех крупных племен бедуинов или по крайней мере их доверен-

*«Великая богиня, сидящая на троне»
из Телль-Халафа*

ные представители, не столько затем, чтобы посмотреть на своих братьев и сыновей, которые трудятся на Телль-Халафе, сколько для того, чтобы понаблюдать за немецкими начальниками, выбрасывающими кучу денег для расчистки холма мусора, в котором не могут найти ничего лучшего, кроме камней и обломков.

Эти сыны пустыни не могли понять, почему ученые собирают и рассматривают черепки с такой любовью. Их же никак нельзя использовать! Как странно иногда могут вести себя такие богатые и ученые люди, как эти немцы! И живут же они в этом аду лихорадки на Телль-Халафе. Даже их личный врач неожиданно обессилел, и его, сраженного жестокой лихорадкой, пришлось срочно везти в ближайший порт. Его так и не успели спасти: врач умер в Бейруте.

В тяжелом состоянии пришлось отправить обратно в Германию архитектора, фотографа и секретаря. И, наконец, этот немецкий барон сам заболел и в течение нескольких недель боролся на Телль-Халафе со смертью. Разве он не знал, что два с половиной тысячелетия назад в этом аду погибло несчетное число детей Израиля?

Что ему еще здесь надо было искать?

Но такими уж они родились, эти археологи!

Вместо того чтобы уехать домой и избавиться от заражен-

Фасад дворца из Телль-Халафа. Раскопки

ного воздуха и адского зноя Телль-Халафа, они вызвали новых людей из Европы. В конце концов на холме работало уже 10 немцев, в том числе пять архитекторов (некоторые из них позже получили кафедры истории искусств и истории древней культуры в германских университетах), врач, фотограф, два секретаря и, конечно, сам неутомимый барон.

В 1913 году раскопки были прерваны. Нет, они еще далеко не окончены, их собирались продолжать зимой 1914 года. Ведь многое было еще недоделано, не приведено в порядок, не объяснено. Прекращать работы на Телль-Халафе нельзя было ни в коем случае.

Но здесь началась мировая война — надолго затянувшаяся первая мировая война. И лопаты немцев безнадежно ржавели на Телль-Халафе.

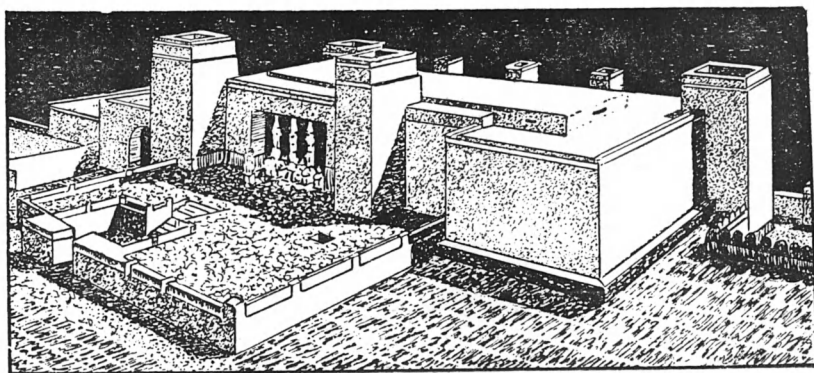
Последние раскопки

Только в 1927 году, через 14 лет, Макс фон Оппенгейм вернулся назад, к Телль-Халафу. Холм уже не принадлежал Турции, а входил в состав французской подмандатной территории Сирии. Французы дали немцам великодушное разрешение на продолжение раскопок по всей области истоков Хавура; они даже помогали там, где это требовалось.

Последствия войны сказались и на Телль-Халафе. Вновь были засыпаны найденные при раскопках холма и спрятанные в экспедиционном домике каменные изваяния. Они лежали под развалинами дома, разрушенного во время боев между турками и сирийцами. Однако все еще можно было снова привести в порядок, тем более что директор общества древностей в Северной Сирии француз М. Дж. Дарру взялся охранять немецкую экспедицию и ее находки и наконец стал ее хорошим другом. Дарру привез немцам, среди которых было несколько опытных архитекторов, оружие и инструменты из Алеппо. В 1929 году на обратном пути в Алеппо близ Рас-эль-Айна он подвергся нападению бедуинов, которые ограбили и убили его. Немцы глубоко и искренне скорбели об этом человеке.

Скоро 200 бедуинов снова работали на Телль-Халафе. Многие уже были знакомы с этим холмом по довоенному времени. Найденные каменные барельефы изображали охоту на быков, борьбу льва и быка, человека и льва и другие сюжеты. На одном барельефе — изображение двух рогатых животных около дерева. По всему Ближнему Востоку, вплоть до Индии, встречается подобный мотив — священное дерево (символ Млечного пути) с двумя лунными серпами.

У входа во дворец Телль-Халафа стояло пять огромных звериных фигур, изваянных из камня. В середине изображен бык, справа и слева — львы, по наружной стороне фасада — два сфинкса с женскими головами.

Реконструкция северной стороны дворца из Телль-Халафа с фигурами у входа

Позади этих пяти колоссов возвышались каменные фигуры трех людей.

Всего нашли восемь изваяний, пять из них — животные, собственно, синкретические существа.

Означает ли это что-либо? Имеет ли эта группа какой-либо особый смысл?

Разве не явился по Библии бог к Аврааму и не велел ему расчленить пять животных на восемь жертвенных частей (I кн. Моисея, 15)? То же произошло и в Сирии. Когда Авра-

*Штандарт в форме лунного серпа из дворца
в Телль-Халафе*

ам выполнил повеление бога, «господь заключил с ним союз» и сказал: «Потомству твоему даю Я землю сию от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата» (15, 17).

И вот немцы снова стоят на берегу Хавура, притока Евфрата, у Телль-Халафа, недалеко от Харрана, и пристально смотрят на восемь существ у входа во дворец; этот дворец, наверное, видели тысячи пленных израильтян, когда ассирийцы изгнали их из Палестины и увели в болота Хавура. История? Какая страшная история была у этого народа! Итак, израильтян увели из своей страны в Ассирию, где живут они «и до сего дня» (IV кн. Царей, 17, 23). Из более глубоких слоев Телль-Халафа извлекли амулеты, которые опять-таки изображали быков (или других рогатых животных). Иногда на таких амулетах изображена и извивающаяся змея.

На одной каменной плите изображено существо, человеческая голова и верхняя часть туловища которого переходят в рыбий хвост. Это существо в обеих руках держит огромную змею, которая своим телом обрамляет весь барельеф.

Замыкается ли круг?

Слои Телль-Халафа доходят до времен неолита и медного века. В самых глубоких слоях нашли посуду яйцевидной формы. И, наконец, в этих же слоях обнаружили глиняные фигурки сидящих на корточках женщин. Это снова положение роженицы. Скульптуры пока еще весьма примитивные. Голова уродливая, а в большинстве случаев ее нет совсем. Глину обрезают на уровне шеи. Несомненно, эти фигурки представляли собой наивную попытку отобразить чудо рождения.

Но голова?

Имела ли отрезанная голова особое значение?

Длительные исследования показали, что Макс фон Оппенгейм, несомненно, нашел в Телль-Халафе остатки древнейшей культуры Передней Азии.

К древнейшему времени восходят лишенные признаков письменности изображения на камне и обломки цветной керамики, которые позволяют предполагать, что этот слой «Телль-Халафского периода» может быть датирован V—IV тысячелетиями до н. э. Теперь повсюду в Передней Азии, когда из глубины холмов извлекают подобные обломки цветной керамики — как, например, в Уре ниже древнейшего шумерского слоя, — археологи говорят о доисторическом Телль-Халафском периоде. Таким образом, друг бедуинов барон Макс фон Оппенгейм из Кельна не только проявил героизм в борьбе с лихорадкой, зноем и пылью, но и оказался человеком, который приобрел качества опытного археолога и, закончив раскопки, смог выставить в Берлине в основанном им музее Телль-Халафа сокровища доисторической эпохи, от которой нас отделяет 6—7 тысячелетий.

Вполне понятно также, что Макс фон Оппенгейм, который, кстати сказать, никогда не считался с огромными затратами собственных средств на проведение раскопок, попытался выяснить вопрос, откуда же все-таки пришли люди, создавшие каменные изваяния и дворцы на Телль-Халафе, как они выглядели и куда могли уйти?

В своем сообщении о Телль-Халафе, отвечая на эти воп-

росы, барон упомянул Авраама и детей Израиля, которые (по библейской хронологии — приблизительно через одно тысячелетие после Авраама) потом снова были поселены у Харрана в области истоков Хавура, когда погибло северное царство Израиля.

Таким образом, земли вокруг Харрана оказались действительно роковыми для израильского народа. Именно через эту территорию, согласно Библии, проходил Авраам, направляясь в «обетованную» землю по повелению господя; здесь, в Харране, долгое время жил и Иаков, внук Авраама, который потом получил имя Израиль, и, наконец, сюда, в Месопотамию и частично в район близ Харрана, вернулось десять разбитых колен царства Израилева, чтобы более уже никогда не увидеть «обетованной» земли.

Какая трагическая судьба!

Арамейцы и сирийцы, как об этом говорится в Библии, были предками Израиля: «Ты же отвечай и скажи перед Господом Богом твоим: отец мой был странствующий Арамеянин... и произошел там от него народ великий...» (V кн. Моисея, 26, 5).

Неподалеку от Харрана, в Урфа, барон фон Оппенгейм услышал местные легенды об Аврааме, а в самом Харране ему удалось собрать сказания о прекрасной Ревекке, жене Исаака.

Но кто жил здесь до Авраама, как выглядели люди тельхалафского времени? Оппенгейм считал, судя по типу изображений на камнях, что они принадлежали к расе так называемого динарского периода, потомки которой еще сегодня живут в Албании, Далмации и в Восточных Альпах.

Не предки ли это албанцев? И каким образом попали они в Сирию и Месопотамию?

Может быть, через Кавказ, как подсказывает Библия?

ПОИСКИ «СЫНОВ ХЕТОВЫХ»

Авраам встал и поклонился народу земли той, сынам Хетовым... и сказал: я у вас пришелец и поселенец...

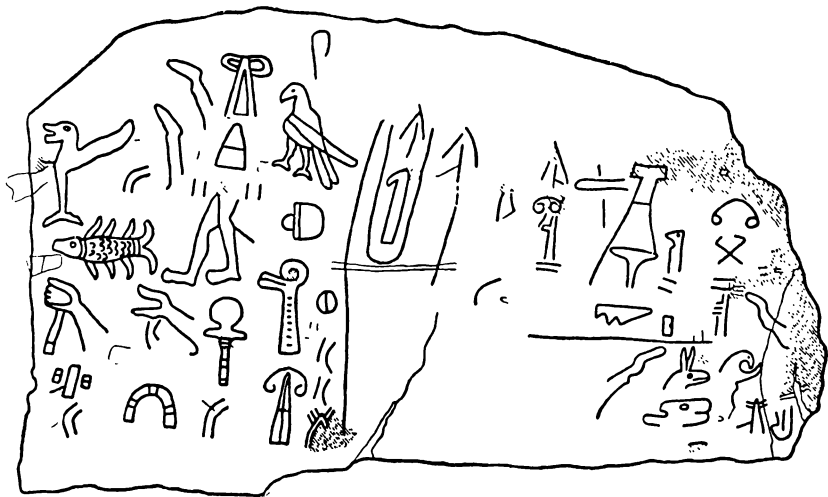
1 кн. Моисея, 23, 7, 4

Между благородным увлечением Генриха Шлимана Троей и не менее благородным увлечением Макса фон Оппенгейма Телль-Халафом легло долгое время и большое пространство: вся Малая Азия.

Если Шлиман на западе Дарданелл и близ берегов Греции размышлял о Гомере и тайне холма Гиссарлык, то фон Оппенгейм ломал голову над Телль-Халафом и загадками смешения народов южнее Кавказских гор, на восточной границе Малой Азии. Барон не видал никаких греков и не думал о Гомере, как Шлиман; он видел армян, сирийцев, курдов, бедуинов — потомков жителей погибших мировых держав. При этом Макс фон Оппенгейм размышлял над Библией и Кораном.

Не преуменьшая достойного уважения возраста священного писания христиан, израильтян и мусульман, надо все же сказать, что близ Харрана, очевидно, существовали еще и более древние документы. И их нашли: своеобразную незнакомую нам письменность пиктографического характера на древних стенах. Это были иероглифы! Но не египетские иероглифы, а нечто иное. Они появились и вновь исчезли.

Это было весьма печально! Нельзя обижаться на филолога, если его огорчает невозможность понять знаки, хотя они, несомненно, представляют собой вид письменности. Это, так сказать, профессиональное чувство неудовлетворенности, о котором принято говорить только в узком кругу. Этим объясняется то обстоятельство, что по поводу этих непонятных знаков на камне между учеными всего мира, сблизившимися на почве археологических открытий, все чаще и чаще возникали какие-то странные разговоры. Странные для широкой общественности, которая, услышав о раскопках Трои, могла искать им объяснения в стихах Гомера, но не имея подобных текстов о Телль-Халафе, не могла о нем судить.

Хеттские иероглифы. Малая Азия

Эту тайну можно было раскрыть в первую очередь путем раскопок в северосирийской области на верхней излучине Евфрата, как раз в районе Харрана. Но здесь, к сожалению, нельзя было копать, потому что тут находился современный город, люди еще жили в своих домах, под стенами которых и хранились тайны.

Современный город, на месте которого жил когда-то не только бог Нанна — Син, но и Авраам, — не очень-то приятное зрелище для археолога!

При таких условиях каждый покинутый дом, до крыши заваленный мусором и превратившийся в холм, представлял огромную ценность для археологов; особенной удачей был один холм, на котором некогда стоял дом, разрушенный молнией так сильно, что никто уже не пытался его восстановить.

Правда, это были идеальные случаи, а где можно найти такое место, где все идеалы воплощаются в жизнь? «Ничто так не помогает археологам, как сильные разрушения», — говорил сэр Леонард Вулли с невольной откровенностью. «Если здание медленно разрушается, то можно быть уверенным, что бедные жители выкопали из-под него все возможные ценности. Самое удачное, что может произойти, это извержение вулкана. Оно засыпает окружающую местность та-

ким плотным слоем пепла, что никто уже не может вернуться, чтобы спасти свое имущество. Но идеальные условия Помпеи встречаются редко, и археолог должен быть благодарен, когда ему представляется возможность работать и при менее удачных условиях».

Именно! Быть благодарен даже тогда, когда речь и не идет о Содоме и Гоморре.

Но Харран? Харран остается безнадежным для археолога до тех пор, пока под ним не развернется земля или не случится что-либо другое, что сотрет его с лица земли.

Поэтому и печалились археологи, в то время как лингвисты и языковеды на Западе сокрушались по поводу иероглифов, не поддававшихся дешифровке.

Иероглифы из Каркемиша

Иероглифы не были ни для кого новостью. Об этих удивительных знаках стало известно уже полтора века назад, когда англичанин Х. Мондрелл (1714 г.) и француз де Ла Рокк (1722 г.) упомянули о них в своих рассказах о путешествии в Сирию.

Но тогда ученый мир интересовался совсем другими проблемами и не находил времени для знаков-рисунков из Сирии. Интерес к этим иероглифам возник только с прогрессом в области археологии. При этом создалось впечатление, что центр этой чужеродной культуры со своей не поддающейся прочтению рисуночной письменностью лежит в Северной Сирии, скорее всего на излучине Евфрата, у Харрана или Каркемиша.

В Харране, как уже было сказано, к сожалению, ничего нельзя было сделать. Ну, а в Каркемише?

Да, но где же находился Каркемиш?

Об этом было известно из Библии.

Это знал всякий, кто, может быть, и имел по истории всего лишь двойку, но по закону божьему — пятерку: на Евфрате! Пророк Иеремия (46, 2) оставил для археологов следующую запись: «...при реке Евфрате в Кархемисе...».

Но где он точно находился, этого никто не знал. Ведь Евфрат длинная река. Евфрат настолько длинен, что действительно никому не удалось найти Каркемиш. Без сомнения, этот город более уже не существовал, но с тем большим воодушевлением бросали археологи свой взгляд на берега Евфрата.

Из ассирийских клинописей можно было сделать вывод, что Каркемиш некогда играл значительную роль. По всей ве-

ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ ХЕТТОВ

роятности, там и жили те самые неизвестные люди, которые писали иероглифами. Может быть, Каркемиш даже был их столицей.

Итак, надо искать Каркемиш!

Помните ли вы еще Джорджа Смита — молодого прилежного гравера по меди из Лондона, который сумел с таким блеском прочитать ассирийские клинописные тексты?

Ну вот, этот-то самый Смит во время своего последнего путешествия в Месопотамию как-то раз вскочил на лошадь, извлек из кармана некоторые копии ассирийских клинописных текстов, перечитал их и отправился — это было в марте 1876 года — прямо в район развалин на Евфрате, который сейчас называют «Джерабис».

Это и есть Каркемиш, сказал Смит, и он был прав. Это хорошее подтверждение тому, как важно уметь своевременно и правильно прочесть клинописный текст на соответствующей табличке.

Джордж Смит тогда же сообщил об этом в Лондон и описал огромный район развалин в Джерабисе, который он с уверенностью относил к исчезнувшему Каркемишу. Одновременно он доложил об удивительных иероглифах, которые встречались на многочисленных камнях Джерабиса — Каркемиша.

К сожалению, это был последний подвиг Джорджа Смита; через несколько месяцев он умер от чумы. В Лондоне сразу же обратили внимание на сообщение Смита. В течение трех лет Британский музей вел раскопки в Каркемише (1878—1881). Ими руководил консул П. Гендерсон.

Ох, уж эти консулы!

Потом опять в Каркемише наступило затишье. Только в 1911 году там начались новые раскопки, в которых принимал участие целый ряд наиболее опытных английских археологов, в том числе Л. Вулли и Т. Е. Лоуренс — более молодой исследователь, противник того самого немца, который открыл Телль-Халаф.

В течение многих лет (до первой мировой войны и после нее) англичане пытались изучить тысячелетнюю историю Каркемиша, отмечая многочисленные следы пожаров. Временами создавалось впечатление, что Каркемиш действительно был резиденцией царей, подданными которых были таинственные авторы иероглифов.

И несмотря на то что ни одной строчки рисуночного письма не удалось прочесть, все же начали проявляться контуры какого-то древнего и, по всем признакам весьма могущест-

венного государства. Как оно называлось — это уже было известно.

Целый ряд надписей на месопотамских памятниках и клинописных табличках, а также Ветхий завет содержали указания на это государство и его народ — хеттов.

Это, очевидно, были те самые хетты, которые во времена Авраама жили в Ханаане и господствовали там. В 23-й главе 1 кн. Моисея говорится, как великодушно поступили хетты, даровав овдовевшему Аврааму фамильную пещеру в Хевроне (Ханаан), и как Авраам «поклонился народу земли той, сынам Хетовым».

Где же на самом деле лежала столица хеттов?

Она не могла находиться в Ханаане, скорее в Северной Сирии, а может быть, это и был Каркемиш — большой, древний город?

Однако между Хевроном в Ханаане и Каркемишем на Евфрате лежит большое пространство, много провинций и областей. Кроме того, хеттские иероглифы были найдены и южнее Каркемиша, в Хамате. Их обнаружили потом и в той области Сирии, где особенно свирепствует лихорадка, — в болотистой долине Эль-Амк, недалеко от Антиохии.

Там, в заброшенной деревне Зинджирли, генеральный директор турецких музеев Хамди Бей однажды нашел восемь замечательных рельефных изображений, которые, очевидно, когда-то украшали ворота дворца.

Немецкие археологи позднее увидели эти барельефы, когда они проезжали через Зинджирли. В 1887 году они попросили в Истанбуле разрешение на производство раскопок и, получив его, снарядили свою первую экспедицию в Зинджирли. В марте 1888 года эта экспедиция прибыла на место. Ей суждены были самые большие трудности, какие вообще встречали археологи.

Как железнодорожник открыл Пергам

Упоминая о Зинджирли, нельзя, конечно, не назвать наиболее известных немецких археологов, которые там работали. Но так как Зинджирли относится несколько к другой области археологических исследований (эти исследования проводились в непосредственной близости от Сирийского побережья Средиземного моря, на территории Сирии и Малой Азии, то есть там, где когда-то расцветала культура древних греков и римлян), то здесь прозвучат имена выдающих-

ся археологов, которые, однако, в то время, о котором сейчас идет речь, еще не были известны.

Эти исследователи, шедшие по следам греков и римлян, неожиданно столкнулись с хеттскими памятниками и надписями в районе своих раскопок.

Но сначала надо рассказать о своеобразной судьбе человека, которая показывает, что в конце XIX века можно было стать выдающимся археологом, не имея специального образования.

Молодому студенту Карлу Хуманну, уроженцу округа Дюссельдорф на Рейне, и не снилось, что он будет археологом. Он хотел стать инженером, строителем железных дорог.

Но врачи посоветовали 22-летнему студенту отказаться на время от своих планов на будущее, прервать занятия и поехать на Юг, чтобы там восстановить свое здоровье. Карл Хуманн последовал этому совету, но воспользовался им весьма странно: немного позднее мы найдем его в самом ужасном месте — там, где всюду свирепствовала чума и лихорадка, а именно в Зинджирли.

Сначала молодой Хуманн отправился на Хиос и Самос, чтобы поправить под солнцем Греции свое пошатнувшееся здоровье. На острове Самос он ради препровождения времени начал раскопки у знаменитого античного храма Геры и таким образом впервые столкнулся с незнакомым ему миром археологии.

В 1864 году турецкое правительство предложило ему провести предварительные работы по прокладке железнодорожного полотна в Палестине, Малой Азии и на Балканах. В 35 лет этот высокий блондин с берегов Рейна построил для Турции дорогу от Пергама в Малой Азии до берега моря. В один прекрасный день Хуманн пошел посмотреть цитадель и увидел там, как местные жители извлекали из древней стены большие мраморные скульптуры, разбивали их и бросали в печь для обжига извести. Хуманн взял оттуда несколько рельефных стел и послал в Управление берлинских музеев. Одновременно он информировал об увиденном турецкое правительство и добился запрещения уничтожать эти, очевидно, древнейшие памятники искусства. Короче говоря, Карл Хуманн стал человеком, открывшим знаменитый Пергамский алтарь и все прекрасные греческие сооружения, которые в течение восьми лет тяжелого труда (1878—1886) под его руководством были извлечены из щебня.

В 1880 году университет Грейфсвальда присвоил ему звание доктора; в 1884 году он как руководитель раскопок в

Пергаме возглавил музей в Смирне, получив звание директора берлинских музеев. Вот что произошло с человеком, который отказался от своего призвания инженера-железнодорожника и отправился на Юг с единственной целью укрепить свои слабые легкие.

Хуманн был уже всеми уважаемым археологом, достигшим почти 50-летнего возраста, когда ему поручили раскопки в Зинджирли.

Второй ученый, которого в то же время привлекли к работе в Зинджирли, был известный археолог Отто Пухштейн. Он происходил из Померании и был одним из этих высоких, немного неуклюжих, но всегда добродушных померанцев. Пухштейн в течение шести лет по всем правилам изучал археологию в Страсбурге и Берлине. Потом, в 1881—1883 годах, его послали как стипендиата Германского археологического института на раскопки в Италию, Грецию, Египет и Малую Азию, чтобы по возвращении он мог занять место ассистента директора берлинских музеев — место, которое он получил и занимал в течение почти 14 лет, пока не прославился на раскопках в Баальбеке. Впоследствии он стал президентом Германского археологического института, достигнув самого высокого звания, которое только и могла дать немецкая археология.

Назовем еще врача и антрополога из Вены Феликса фон Лушана и его очаровательную супругу Эмму как наиболее активных и болеющих за дело людей в Зинджирли. Кроме того, следует еще упомянуть фрейбургского лингвиста и исследователя письменности профессора Юлиуса Эйтинга, специалиста по истории первобытного общества Губерта Шмидта, писателя Эдуарда Штукена и, наконец, Роберта Кольдевея. Этого достаточно, чтобы представить себе тех 10 или 12 немцев, которые вели раскопки в Зинджирли в 1883, 1888—1894 и 1902 годах.

Довольно-таки долго для такого отвратительного места!

Змеи из Зинджирли

Поход в Зинджирли был нелегок для экспедиции: ведь нужно было захватить с собой каждый гвоздь, каждую лопату, каждую корзинку, захватить все, вплоть до кроватей и стульев. Зинджирли (буквально «место цепей») расположен в долине между высокой горой Аманус и восточной грядой Курд-Дага и доступен с берега лишь через перевал Бай-

лан-Пасс. Экспедиция пробиралась с огромным трудом, сначала на повозках, потом верхом. Если представить себе, что экспедиция должна была привезти еще и орудия труда (кирки, лопаты, тачки, корзины, походную кузницу) приблизительно для 150—200 рабочих, которых она хотела нанять в Зинджирли, а также палатки и складные кровати, питание, да и вообще буквально все, что нужно было для жизни в горах, включая лекарства, — то станет понятно, как тяжела была эта дорога через перевал, сколько пришлось пережить, пока немцы не прибыли наконец в унылую курдскую деревню Зинджирли.

Было начало апреля. Пора холодная и мокрая. Жить в жалких и грязных домишках курдов было просто невыносимо. Членам экспедиции пришлось поставить привезенные с собой палатки прямо в грязи; кровати сразу же промокли, а холодный сильный ветер пронизывал насквозь.

Однако немцы немедленно приступили к работе. Им нельзя было терять время, потому что обычно в июле курды покидают свои домишки в долине и вместе с детьми и всем имуществом перебираются в горы, чтобы в самое жаркое время года жить в более здоровой обстановке. Они могли переселиться туда и еще раньше, после первого же смертельного случая от лихорадки; значит, оставалось менее трех месяцев для первых разведывательных раскопок. Позже не представилось бы уже никакой возможности найти хотя бы одного рабочего для раскопок.

Рабочих удалось нанять. Через несколько дней на холме работало уже около 100 курдов, вырванных из своей привычной обстановки редкой и в то же время привлекательной возможностью заработать деньги. Они выносили мусор, извлекали из земли тяжелые каменные статуи и колоссы львов, освобождали от щебня остатки гигантских крепостных сооружений.

Однажды в долине разразилась буря. Палатки порвало в клочья. Как немцы, так и курды буквально утопали по колено в грязи. У немецкого врача сразу же стало много работы. После появления у него первых больных и после успешного их лечения слава венского врача быстро перевалила через горы и достигла каждой курдской деревни.

Прошло некоторое время, и обстановка в Зинджирли резко изменилась. В середине мая в долине стало очень жарко. Начала распространяться курдская лихорадка, так называемая «черная вода». Одновременно появились мучительные спутники наступающего лета: тучи комаров и невероятное ко-

личество ядовитых змей. Каждый, кто проходил мимо загрязненных колодцев курдской деревни, из которых все больше и больше поднималось ядовитых, лихорадочных испарений, не мог не заметить, как змеи, словно лягушки, прыгали одна за другой в воду.

В конце мая возросло число местных жителей, укушенных змеями. Доктор фон Лушан помогал им как только мог. Появился первый больной лихорадкой и среди членов экспедиции. Потом слег Карл Хуманн, которого, как уже говорилось, врачи посылали для восстановления здоровья на солнечный Юг; его заболевание было очень похоже на острое воспаление легких.

В конце концов почти все члены экспедиции заболели лихорадкой. При таких обстоятельствах Карлу Хуманну пришлось покинуть лагерь. Турки вызвали его в Истанбул. Руководство экспедицией перешло к врачу из Вены доктору фон Лушану. При этом он не мог оставить своих больных и спешащих к нему со всех сторон курдов.

Конечно, Лушан не всегда успевал оказать помощь при укусе змеи. Так, однажды в немецкий лагерь прибежал курдский мальчик, которого укусила змея в большой палец руки; он схватил топор и сам отрубил себе палец. Само собой разумеется, без всякого наркоза и стерилизации. Его мужество вызвало всеобщее восхищение.

Царская крепость

Изо дня в день крепла уверенность археологов в том, что под большим холмом в Зинджирли скрыта огромная крепостная постройка или дворцовый комплекс, возведенный в каком-то неизвестном до сих пор архитектурном стиле. Становилось все более ясно, что понадобится несколько лет работы на этом холме, чтобы раскрыть все его тайны. И действительно, в результате систематически проведенных работ (в 1888—1894 и 1902 годах) удалось обнаружить царскую крепость ассирийского времени последнего тысячелетия до н. э. У ворот стояли четыре огромных каменных льва, а перед дворцовыми постройками, воздвигнутыми в разные периоды строительной и культурной деятельности, стояли сдвоенные сфинксы, служившие базисом для колонн.

Одна из рельефных табличек изображала крылатое существо с орлиной головой. У бога погоды Хадада на голове был убор, украшенный рогами.

Роберт Кольдевей сразу заметил то новое, с чем столкнулись археологи в Зинджирли. Он пишет: «Весь культурный комплекс, который здесь был обнаружен и впервые основательно исследован, существенно отличается от всего того, что до сих пор было известно по раскопкам и на Востоке и на Западе. Только в редких случаях можно установить параллели, но они ведут нас далеко на Восток — к Ассирии и Вавилонии, на Запад — пожалуй, лишь к Трое».

Нет сомнения в том, что самые древние постройки из Зинджирли испытали влияние тех самых хеттов, которых ищут археологи, чтобы разгадать их рисуночное письмо, познать их культуру и историю. Но с каждым днем становилось все яснее и яснее: Зинджирли тоже не мог быть их столицей.

Поиски столицы хеттов начал вместе с группой сотрудников также Отто Пухштейн. Искали ее и французы и англичане. Археологи других стран тоже испытывали здесь свою судьбу. Наконец, прибыли экспедиции из США, которые провели десять лет в Северной Сирии. Хотя они и нашли замечательные вещи, но столица хеттов и ими не была обнаружена.

Как будто ее кто-то заколдовал! Столица одного из самых могущественных государств древнего мира бесследно исчезла.

Кто же ее обнаружит, кто прославится?

Высоко в горах Анатолии

Для наших современников покажется удивительным огромный интерес, который проявляла в то время общественность к каждому новому сообщению о хеттах, к каждому открытию их памятников. Особенно живо этот интерес проявлялся в Англии. Он заставил некоторых солидных ученых отказываться от своих кафедр или других официальных постов, чтобы в спокойной обстановке заниматься хеттологией и писать работы по этому вопросу.

Так, Арчибальд Генри Сейс — английский востоковед и языковед, профессор кафедры сравнительного языкознания в Оксфорде и звезда английской лингвистики — в 30-летнем возрасте бросил свою кафедру и стал жить то на Востоке, то в Англии лишь на доходы от издания своих книг.

Одна из таких книг «Fresh Light from the Monuments», которая вышла в немецком переводе под названием «Древние памятники в новом освещении» в 1886 году в Лейпциге

(и была переведена также на другие языки), семь раз переиздавалась в одной только Англии в течение нескольких лет. Другой труд Сейса «The Hittites or the Story of a Forgotten People» («Хетты, или история забытого народа») вышел в 1903 году третьим изданием. Сейс был ученым, который обратил внимание археологов, упорно ищущих столицу хеттов по всей Сирии, на то, что незнакомое рисуночное письмо можно найти не только в Сирии, но и на севере Малой Азии, например в скалах из Язылыкая, вблизи больших руин около деревни Богазкёй.

Эта деревня известна исследователям уже давно. Она расположена на территории древней Каппадокии, основную часть которой огибает широкая река. Это Кызыл-Ырмак, которую во времена древних греков называли «Галис». В центре этой области Турции, на расстоянии нескольких дней пути от современной турецкой столицы Анкары, близ Богазкёя, француз Тексье обнаружил в 1834 году развалины, по-видимому, очень древнего города. Тексье зарисовал наиболее интересные скульптуры и архитектурные детали, опубликовав их после своего возвращения в Париж. Почти через 30 лет — в 1863 году — французские исследователи Жульом и Перро более обстоятельно исследовали эти развалины. Их научные заметки были опубликованы в 1872 году в Париже в большой работе о древностях Малой Азии.

Однако в последующие годы раскопки Генриха Шлимана в Трое затмили работы хеттологов. Хотя у французов и был приоритет в этом вопросе, но они не торопились с продолжением исследований на развалинах у Богазкёя. В 1882 году сюда прибыла немецкая экспедиция под руководством Отто Пухштейна и Карла Хуманна. Она исследовала руины не только в Северной Сирии, но и в Малой Азии и наконец составила точный план территории у Богазкёя. Потом и эта экспедиция отправилась снова в Сирию, чтобы продолжить там поиски хеттской столицы.

Клинописные таблички с берегов Нила

В 1888 году большую помощь исследователям оказала находка, обнаруженная в Египте, точнее в Эль-Амарне. Это были клинописные письма малоазиатских, месопотамских и сирийских царей, адресованные египетскому фараону. Клинописные таблички, как и надписи на некоторых египетских памятниках, дали ценные сведения о пропавших без вести

хеттах. Иногда бывает небезынтересным, исходя из современной точки зрения, бросить взгляд на те позиции, на которых стояли наши деды в конце XIX столетия. Для этого достаточно обратиться к добротному немецкому словарю и прочесть там о хеттах: «Хеттиты (хетты, у египтян: хета) — наряду с египтянами и ассири-вавилонянами третий великий культурный народ Передней Азии, упоминаемый в египетских памятниках от Тутмоса III до Рамзеса (XV—XII вв. до н. э.).

Этот народ в 1350 году до н. э. разгромил расположенное на верхнем Евфрате царство Митанни, царь которого Тушратта вел обнаруженную в последнее время (в Эль-Амарне) переписку с Аменхотепом III. Рамзес II на пятом году своего царствования (следовательно, около 1295 г. до н. э.) одержал победу над хеттами при Кадеше (в Северной Сирии), которую он назвал «великой», но которая фактически не имела решающего значения, так как в 1280 году до н. э. Рамзес заключил мирный договор и союз с хеттским царем Хетасаром. Памятники хеттов встречаются от Хаматы до Каркемиша, хотя сирийские хетты представляют собою лишь одну ветвь многочисленного народа, однотипные памятники которого разбросаны по всей Малой Азии вплоть до Эгейского моря. Этническое лицо их пока еще не совсем ясно, так как своеобразное хеттское рисуночное письмо пока еще не посчастливилось расшифровать».

Статья дает приблизительное представление об уровне знаний о хеттах на рубеже нашего века. Это были довольно-таки значительные данные. Отсутствует лишь одно важное сведение — информация о столице этого большого народа, памятники которого находили по всей Сирии и Малой Азии.

Где же была резиденция царя хеттов?

Прошли десятки лет с тех пор, как впервые был поставлен этот вопрос. Но и в начале XX века еще никто не мог дать на него ответа.

Винклер искал напрасно

Когда в новогоднюю ночь на 1 января 1900 года раздался звон берлинских колоколов, возвестивших наступление нового века, 36-летний Гуго Винклер довольно равнодушно прислушивался к этим звукам и не выражал восторга, с которым берлинцы приветствовали смену столетий. Винклер был слишком болен и одинок, чтобы присоединиться к общей радости.

Стараясь не обращать внимания на доносившийся с улицы

шум, он пристально рассматривал лежащий перед ним текст двух клинописных табличек, представлявших собой вавилонскую клинопись, смысл которой был ему, однако, совершенно непонятен. Таблички обнаружили 12 лет назад в Эль-Амарне (Египет). Одна из них была адресована царю из Арцавы, другая — некоему государю, который правил, видимо, в середине II тысячелетия до н. э. в северном Ханаане.

Больше ничего нельзя было расшифровать.

Было отчего прийти в отчаяние.

И особенно такому специалисту-филологу, как Винклер, — автору целого ряда научных работ («Клинописные тексты Саргона», 1889, два тома; «Клинописная книга текстов к Ветхому завету», 1892, и др.). Кроме того, Винклер был переводчиком законов Хаммурапи из Вавилона и одновременно написал двухтомную работу по истории Израиля.

Этот Гуго Винклер, родившийся в Гrefенхайнихене (Саксония), читал ассиро-вавилонские клинописные таблички с такой же легкостью, с какой другие читают утренние газеты. Не удивительно, что он был весьма заинтригован этими табличками, хотя и написанными вавилонской клинописью, но на незнакомом для него языке Арцавы. Прочитать их! Какая благородная задача для приват-доцента, исследователя клинописи!

Правда, с двумя глиняными табличками мало что можно было сделать. Если человек — лингвист по профессии, то ему остается в таких случаях только ожидать, пока не найдут большее количество таких табличек Арцавы. Надо запастись терпением, пока какой-либо счастливчик не выкопает подобные таблички из-под земли или не извлечет их из щели в стене, из гроба или кто его знает еще откуда.

Гуго Винклер ждал уже десять лет. Дело не двигалось. Не продвигался и он как ученый. Все эти годы Винклер оставался приват-доцентом без определенного заработка, книжным червем, который пишет работу за работой, но лишь для узкого круга специалистов, домоседом, стремящимся к свету и свободе, но пока все еще привязанному к письменному столу из-за необходимости заработать на кусок хлеба. И так год за годом без перерыва. Никакого просвета. Он был немного не от мира сего. Он был необщительным человеком. Ложился спать и вставал с вавилонскими клинописными текстами в руках. Не удивительно, что он все чаще и чаще, основываясь при этом и на Библии, приходил к выводу, что Вавилон должен быть признан источником всей культуры (о Шумере в его время еще мало что было известно).

Жизненный путь Гуго Винклера подходил к концу. Он отпраздновал уже свой сороковой день рождения, но все еще оставался приват-доцентом, человеком малообщительным и не особенно любимым окружающими.

И неожиданно он вырвался на простор!

Один состоятельный ученик предложил Винклеру финансовую поддержку для проведения разведывательных раскопок и вместе с ним отправился в Сидон. Там, далеко в Северном Ханаане, на побережье древних финикийцев в 1903—1904 годах искал он следы языка Арцавы.

Винклера сопровождал служащий турецкого музея в Истанбуле, наблюдая за всеми его действиями. В Сидоне Гуго Винклер не нашел клинописных табличек на языке Арцавы. Он вообще не сделал никаких важных открытий. Наверное, у него несчастливая рука. А может быть, он вообще неудачник?

Да, так оно и есть! Одного прилежания еще далеко не достаточно, а счастье не приходит само. Еще более замкнутым, еще более углубившимся в себя возвращается Винклер в Берлин. Он уже никогда больше не будет раскапывать; он просто не может позволить себе этого из-за отсутствия средств. Винклер поставил все на одну карту — и проиграл.

Он все никак не мог получить звания экстраординарного профессора. И Винклер ждал. Он не знал, что его звезда скоро взойдет. Она появилась на горизонте уже тогда, когда он, оторвавшись от письменного стола, поехал в Сидон. Но дело было не в поездке в Сидон, а в том, что он вообще что-то предпринял. И то, что он, домосед, сумел сдвинуться с места в то время, когда испытывал самое глубокое разочарование в своей вообще-то богатой разочарованиями жизни, повернуло его судьбу, судьбу ученого Гуго Винклера, к сверкающему сиянию славы, повернуло так, что он этого даже и не заметил.

Открытие

Сопровождавшего Винклера служащего звали Макриди Бей. Он видел, как гасла надежда и зарождалось отчаяние в глазах немца, когда он покидал Сидон.

И Макриди Бей вспомнил ученого, когда в Истанбульском музее ему неожиданно попала на глаза одна клинописная табличка. Богатый землевладелец нашел ее на участке своего имени и послал в Истанбул, чтобы ученые господа ее изучи-

ли. Макриди Бей получил табличку в свои руки, быстро упаковал ее и отправил в Берлин Гуго Винклеру.

Но это уже было время, когда никакие таблички с клинописью не волновали ни один музей и ни один университет. Все столицы государств Европы и Америки имели уже такие таблички в значительном количестве. Однако, увидев табличку из Истанбула, профессор Гуго Винклер вскочил со стула.

Потому что она была написана на языке Арцавы.

Откуда эта табличка?

Боже мой, а может быть, там есть еще и много других? Но где?

Это же совершенно невероятно!

Он ждал 15 лет, и вот сейчас турки прислали ему на дом табличку из Арцавы.

Прямо невысказуемо!

Не снится ли ему все это?

Надо немедленно ехать в Истанбул! Немедленно, сегодня же! Ему нельзя больше терять ни одного часа, ни одной минуты! Время дорого.

Итак, на вокзал, на поезд!

Багаж, оборудование? Ах, это все неважно! У него нет ни того, ни другого. Откуда ему найти время, чтобы позаботиться об этом?

Поезд мчался, и в полусне он слышал, как колеса отстукивали одно и то же слово: Арцава, Арцава, Арцава...

В Истанбуле Винклер заключил турка в свои объятия; он пристально всматривался в воспаленное от малярии лицо Макриди Бея и задавал лишь один вопрос: откуда она, эта табличка Арцавы? Он, этот невзрачный застенчивый ученый из Берлина, захлебываясь от восторга, высказывал все, что было у него на душе. Это потрясающий сюрприз, благодарил он, большое вам спасибо, но скажите, пожалуйста, откуда это?

Откуда?

Макриди Бей улыбнулся: из Богазкёй!

Не взяв с собой никакого багажа, оба они отправились поездом в Анкару. Там были куплены лошади для дальнейшего путешествия в Богазкёй.

Винклера лихорадило; он не был в состоянии торговаться с купцами, как это обычно принято на Востоке. У него не было на это времени. Ему нужна была лошадь, чтобы ехать в деревню Богазкёй, расположенную в 145 километрах восточнее Анкары, высоко в горах, на горной тропе, на высоте тысячи метров над уровнем моря. Эти проклятые обычаи тор-

говцев Востока! Черт бы их взял, у него есть дела поважнее, надо ехать в Богазкёй! За две жалкие клячи пришлось заплатить большую сумму.

Они ехали по плохим дорогам на плохих лошадях. Прошло четыре дня, а они все еще были в пути. Ночью профессор из Берлина, устроившись в хижине, кишасей клопами, или грязном сарае, размышлял.

Что найдет он в Богазкёе?

Бог мой, ведь там уже искали французы, после них Пухштейн и Хуманн, а возможно, еще кто-нибудь — и ничего не нашли. Неужели же ему сейчас улыбнется счастье? Найдет ли он вообще хотя бы еще одну табличку Арцавы?

Ну, а если найдет, что это даст?

Никто не понимает этого языка. Имеет ли он отношение к хеттам? Это совершенно неясно. Можно только надеяться, что имеет, однако нет никаких научно обоснованных подтверждений!

И вот они в Богазкёе. Винклер буквально набросился на своего хозяина, состоятельного землевладельца Зиа Бея, который будто бы нашел табличку Арцавы и послал ее в Истанбул. Нашел ли эту табличку сам Зиа Бей, его пастухи или еще кто-нибудь — Винклеру это было безразлично. Его интересовало только одно: есть ли там еще такие?

Где нашли ее? Сколько их там еще?

Может ли он немедленно их увидеть?

Или это были обычные вавилонские или ассирийские таблички, которых сколько угодно в Берлине?

Хозяева пожимали плечами. Ведь они были простыми крестьянами, а не исследователями клинописи или языковедами. Но они принесли ему осколки клинописных табличек. Винклер буквально вырвал их из рук. Читал? Нет, он не читал. Ведь он же совсем не умел их читать! Потому что это был язык Арцавы!

Табличка за табличкой: повсюду язык Арцавы!

С тремя дюжинами осколков Винклер и Макриди Бей возвращаются в Анкару. Эти жалкие клячи! Эти проклятые дороги! Ночью остановились в караван-сарае. Винклер вскочил с постели. Он уже не мог спать! На воздух! На свежий воздух! Он слышал, как бьется его сердце. Это ли не радость? Но чувствовало ли его бедное сердце — сердце ученого — чувствовало ли оно, что уже наступают последние семь лет его жизни?

Гуго Винклер смотрел на сверкающее небо. Он испытывал огромное счастье: он понял, что возшла наконец его звезда.

Гуго Винклер спешил в Берлин. Прибыв в столицу, он сразу же начал переговоры с Германским археологическим институтом и с незадолго перед тем созданным Германским восточным обществом. Это было общество, состоявшее из богатых и влиятельных людей, поставившее своей задачей «способствовать изучению восточных древностей...» и финансировавшее их приобретение. Винклер обратился в это общество с просьбой о выделении средств на проведение обширных раскопок в Богазкёе. Он просил и директоров государственных музеев, и богатых банкиров, и, наконец, могущественных лиц, ведавших личными фондами германского императора. Он рассказывал, пытался убеждать, наконец, просил и умолял. Он предпринимал все возможное, чтобы экспедиция как можно скорее смогла выехать в Богазкёй и извлечь из земли таблички — клинописные таблички на языке Арцавы.

В течение нескольких месяцев ученому удалось добиться всего, к чему он стремился.

В июле 1906 года Гуго Винклер в сопровождении специалистов из турецкого музея в Истанбуле, подсобных рабочих и еще одного молодого немецкого ученого вновь прибыл в Богазкёй. И начались раскопки.

С помощью местных рабочих участники экспедиции пробивались к руинам через крутой, покрытый галькой склон.

Сам Винклер не принимал ни малейшего участия в раскопках. Ведь он не был ни архитектором, ни почвоведом — он был языковед. Его интересовало в холме Богазкёя лишь одно — таблички с письменами. Он ждал только их и больше ничего. Если ему принесли бы даже корону с жемчугами и алмазами, он разочарованно отложил бы ее в сторону и попросил принести клинописные таблички. Медленно, слишком медленно для Винклера продвигались работы, слишком медленно шло вскрытие холма. Палящий зной донимал ученого в его рабочей палатке. Но больше всего мучило его ожидание — оно сделало Винклера беспокойным и нетерпеливым. Вообще он был больным человеком. Но он готов был забыть все — окружающий мир, жару и самого себя — лишь бы увидеть наконец клинописные таблички. Он ждал изо дня в день, его била лихорадка нетерпения. Найти хотя бы одну!

Так прошло 20 дней, 20 длинных знойных дней ожидания Гуго Винклера под палящим солнцем Анатолии. Он просто уже не мог терпеть дальше.

Но вот неожиданно до него донеслись возбужденные голоса. Винклер прислушался... Сердце его замерло. Он бросился к месту раскопок и увидел там стену, выступавшую из-под мусора, увидел, как лопаты рабочих очищают эту стену, и наконец заметил в руках одного из рабочих табличку с письменами, прекрасную, совершенно целую клинописную табличку. Арцава? Он схватил ее. Никогда еще Винклер не был столь нетерпелив. Нервы напряглись до предела.

Нет, не Арцава; он смог прочитать табличку. Это был хороший вавилонский текст — «письмо», письмо из Египта царю хеттов.

Он читает. В висках стучит, дрожат руки... Винклер пристально смотрит на окружающих, затем стремительно бежит в палатку, падает на стул.

Невероятно! Не сон ли это?

Гуго Винклер читает письмо фараона Рамзеса II царю хеттов. А в письме речь идет о договоре между египтянами и хеттами, о мирном договоре после битвы у Кадеша на реке Оронте в Северной Сирии.

Конечно же, Винклер знал об этом договоре, как знали о нем все ученые, занимающиеся исследованием истории Ближнего Востока. Его текст воспроизведен на стене храма в Фивах-Карнаке на Ниле.

И вот Гуго Винклер, профессор из Берлина, держит в своих дрожащих руках этот известный договор, направленный египетским фараоном царю хеттов.

Возможно ли это вообще? Не сказка ли это?

И не скрывается ли в холме Богазкёя государственный архив хеттов?

Но где же он, этот государственный архив? Боже мой, он же держит в своих руках лишь одну-единственную табличку. А там, где хранится государственный архив, там и должна быть столица хеттов.

А может быть, и нет?

Не ошибается ли он?

Таблички! Ему необходимо найти клинописные таблички сейчас же, немедленно!

И он их получил. Изо дня в день Винклеру приносили клинописные таблички в корзинках — столько, сколько ему хотелось и сколько он мог прочитать. И Винклер читал.

Многого он не понимал. Того, что было написано на языке Арцавы. Но другие многочисленные таблички были написаны на хорошем аккадском языке. И Винклер читал эти таблички с утра до вечера. Перед его глазами проходила история хет-

тов, имена их царей, царских сыновей и внуков. И наконец он прочел название столицы: Хаттусас.

Итак, Хаттусас! Это Богазкёй?

Жизнь, прожитая не зря

Десять тысяч клинописных табличек обнаружили под холмом в Хаттусасе — Богазкёе. И там их было еще много!

В Берлин пошли тревожные сигналы.

Президент Германского археологического института Отто Пухштейн со своими сотрудниками немедленно прибыл на место раскопок. За это дело нужно было взяться всерьез. Этот Винклер — безусловно счастливый человек! Однако он интересовался лишь своей литературой. Но у настоящих археологов ведь были еще и другие интересы. В Хаттусасе — Богазкёе нашли городские стены, ворота царских дворцов — огромный разрушенный город, намного больше Трои, Ниневии или Ура — нашли что-то непонятное, что необходимо было исследовать.

В 1911 году умер Отто Пухштейн.

И в то время, когда этот чудаковатый Винклер уже вернулся в Берлин и уже опубликовал свой первый хеттский царский список, в то время, когда он вновь посетил Хаттусас — Богазкёй, чтобы еще раз своими глазами увидеть огромное количество до сих пор появляющихся из мусора письменных табличек, в то время, когда взволнованные ученые восхищались им и завидовали его славе — над ним уже витала смерть. Медицинская сестра постоянно должна была сопровождать тяжело больного ученого. Он попрощался с Хаттусасом, со своим счастьем, со своей звездой. Занавес огромного мирового театра опускался для Винклера навсегда. Его игра кончилась. Довольно уже...

19 апреля 1913 года после долгой болезни Гуго Винклер скончался, всего лишь в 50-летнем возрасте.

Смерть настигла его тогда, когда он в основном уже просмотрел хеттский государственный архив и успел опубликовать почти все самое главное из неисчерпаемой сокровищницы документов.

Он сделал столько, сколько ему было положено.

И только после первой мировой войны немецкие исследователи Мартин Шеде (директор Германского археологического института в Истанбуле) и Курт Биттель вернулись в Хаттусас — Богазкёй, чтобы завершить начатую Винклером работу.

Еще и сейчас — почти через полвека после смерти Винклера — Богазкёй продолжает оставаться местом паломничества немецких археологов. С сознанием важности своего открытия, обретя наконец. вечное спокойствие, Винклер завещал следующим поколениям овладеть языком Арцавы, который мы в дальнейшем хотели бы называть хеттским. Хотя позднее и появилась уверенность в том, что Винклер много работал над расшифровкой этого языка, но письменных следов этого не осталось. Может быть, Гуго Винклер сознательно уничтожил их, когда почувствовал приближение смерти, чтобы эта еще не завершенная работа не попала в руки критически настроенного ученого мира.

Большой сюрприз

После преждевременной смерти Винклера лингвисты всего мира стояли перед трудной, требующей больших усилий задачей: нужно было расшифровать язык хеттов. Они еще не знали тогда, что им предстоит столкнуться с большими неожиданностями, ведь начали они решать эту задачу, по существу, на пустом месте. Уже в 1915 году, во время первой мировой войны, 36-летний венский профессор Бедржих Грозный, чех по национальности, работавший впоследствии в Праге, опубликовал первое сообщение о своей попытке дешифровать хеттский язык. Его статья вышла в «Докладах Германского восточного общества».

Опираясь на предварительные исследования неутомимого Фридриха Делича, Грозный в 1917 году опубликовал первую хеттскую грамматику.

В 1929 году вышла вторая хеттская грамматика француза Л. Делапора, в 1933 году третья — американца Е. Х. Стуртвента, в 1940 году четвертая — немца Иоганна Фридриха, который в 1952—1954 годах опубликовал свой хеттский словарь. Таким образом, путь к пониманию языка хеттов и изучению их документов был открыт. Закрепляя и расширяя достигнутые успехи, работу по дешифровке продолжил целый ряд языковедов из разных стран, например швейцарец Э. Форрер, затем Фердинанд Зоммер, Гётце и другие. Становится все труднее перечислить их имена: слишком уж обширен стал круг лингвистов-филологов, занимавшихся хеттской проблемой. Изучение хеттского языка стало совместной работой, в которой приняли участие многие ученые из университетов и исследовательских институтов всего мира. Они про-

водили предварительные исследования, стимулировали новые открытия, дополняли и корректировали уже достигнутые результаты. Но самой большой неожиданностью было еще одно открытие — оно потом тщательно проверялось недоверчивым Бедржихом Грозным, — о котором в 1933 году сообщил ученому миру американец Стуртвент.

Это открытие заглушила, однако, музыка военных маршей. Топот марширующих колонн нарушил тишину именно там, где это открытие должно было вызвать наибольший интерес, — в Центральной Европе.

Из Европы

Казалось, ничем не удивить исследователей древности, которым хетты — народ, осевший южнее Черного моря, в центре Турции и Анатолии, — из года в год, из десятилетия в десятилетие преподносят все новые загадки.

Чем еще может удивить этот народ, чья столица под названием Хаттусас лежала у горного прохода, на высоте тысячи метров над уровнем моря, народ, который прославлен в Библии как владыка палестинских городов, который, судя по египетским источникам, представлял грозную опасность для царства на Ниле и приблизительно во времена Моисея заключил с ним торжественный договор?

Все это было уже хорошо известно науке и не давало больше поводов для удивления. И сообщения египетских источников по поводу просьбы к хеттскому царскому дому о царственном женихе для рано овдовевшей молодой царицы, супруги фараона Тутанхамона, в холодном свете научных исследований воспринимались скорее как сомнительные романтические подробности, порожденные достоверными историческими фактами. И все-таки археологи были удивлены.

Удивлены, потому что язык хеттов оказался индоевропейским языком. Слова его близки не только греческому и латинскому, но даже немецкому и английскому. Это видно из следующих сопоставлений:

хеттский	немецкий	английский	латинский	русский
vatar	Wasser	water		вода
ed-, ezza	essen	eat		есть
petar	Feder	feather		перо
uga	ich		ego	
kuis	wer		quis	
kuit	was		quid	

Другие слова стоят ближе к кельтскому языку или вообще не находят параллелей. Можно только предполагать, что они ближе к кавказским языкам. В то же время строительные сооружения хеттов, их крепости и дворцы, колоннады и скульптура живо напоминают микенскую эпоху, относящуюся к истории Греции первой половины II тысячелетия до н. э.

Хетты, без сомнения, напоминают европейцев.

Их письменность была самой древней у западных индоевропейцев. Язык, на котором, как сообщает Библия, хетты беседовали с Авраамом, считается родственным языку древних германцев. И когда по прошествии нескольких столетий, в начале XIII века до н. э., хетты заключали мирный договор с Египтом — приблизительно за два с половиной тысячелетия до крестоносцев — в переговорах, которые велись по поводу этого договора, употреблялись некоторые слова, сходные с немецкими, английскими, французскими или латинскими.

Вот сколько удивительного может содержать в себе древнейшая история, раскрывающаяся перед глазами археологов.

Насколько близки жители Гессена и хетты?

Еще неизвестно, проникли хетты в Малую Азию через Геллеспонт (через Трою), через Боспор или гораздо восточнее — через Кавказ². В то же время хорошо известно, как они выглядели. Их изображения встречаются на стенах египетских храмов, причем их легко можно отличить от семитов. Хетты были большеголовыми, с крупными, длинными носами; выглядели они, по выражению Шпейзера, примерно так, как жители Вестфалии. Однако не только эти вестфальские лица хеттов, но и их древнее имя «хатти», или «хета», побуждают к некоторым спекулятивным предположениям. Потому что то же самое имя «хатти» встречается у германских племен, которые в последние века до нашей эры появились между Рейном и Везером, как об этом сообщает Тацит («Германия», 29 и сл.).

Не исключено, что эти племена уже имели двухтысячелетнюю историю пребывания в Малой Азии, Сирии и Ханаане, прежде чем появились восточнее Рейна.

Потому что они были более жизнеспособны, чем другие германские племена. Даже во времена Тацита европейские хетты в некоторых отношениях отличались от многих других германских племен, заплотивших к тому времени Среднюю и Западную Европу. Хатти (хаттеи, каттеи), поселившиеся

восточнее Рейна, были не только физически более крепкими, но и более находчивыми и талантливыми, чем другие германские племена. В походах они соблюдали дисциплину, сражались по заранее разработанным планам, следуя приказам своих вождей, и в строгом боевом порядке. Без сомнения, уже ко времени Тацита хетты накопили большой военный опыт, который передавался из поколения в поколение.

И все-таки — и это надо здесь подчеркнуть — ни сходство формы головы и лица, ни близость этнических наименований не позволяют сделать заключение о происхождении европейских хаттеев или каттеев от малоазиатских хеттов. Между прочим, была высказана мысль, что германские племена в 700 году н. э. получили имя «хасси», откуда, вероятно, пошло наименование «гессенцы».

Но этому уже не хочется верить: получается, что гессенцы родственники малоазиатских хеттов! Чистейшая фантазия!

К подобным сопоставлениям надо подходить очень осторожно. Такими же маловероятными представляются данные о передвижении кельтов в III веке до н. э. через Македонию и Грецию в Малую Азию, где они и обосновались, чтобы войти затем в историю под именем «галлов».

Вообще не следует думать, что во II тысячелетии до н. э. переселение народов происходило в очень больших масштабах. Вначале в таких передвижениях участвовали лишь сравнительно немногочисленные слои населения, вооруженные, располагавшие конями, боевыми колесницами и кораблями. Они вторгались и с суши и с моря на территорию таких стран, жители которых были плохо вооружены.

И вновь перелистывая Библию, можно найти в ней следующие слова: «В то время были на земле исполины; особенно же с того времени как сыны Божии стали входить к дочерям человека. И они стали рожать им: это сильные, издревле славные люди» (I кн. Моисея, 6,4).

История царствования этих «исполинов» и «славных» людей, очевидно, началась на севере Малой Азии, откуда они через Сирию распространились по Ханаану и Египту.

Это происходило не только во времена Авраама, как говорится в Библии, — это был вполне реальный путь переселений из Харрана в Ханаан и Египет.

Кто при всех этих обстоятельствах решился бы не посчитаться с этими содержащимися в Библии сведениями исторического характера?³

Вспомним, что хетты привлекли внимание археологов прежде всего своей таинственной рисуночной письменностью. Но разгадка хеттского языка не привела еще, конечно, к дешифровке этой письменности.

К удивлению ученых она встречалась только на памятниках, стенах дворцов и на скалах. Все глиняные таблички, которые Винклер нашел в таком большом количестве в Хаттусас—Богазкёе, содержали лишь аккадскую клинопись.

Была ли это новая загадка?

Почему хетты писали иероглифами только на скалах, стенах и памятниках?

Вероятное объяснение нашли только тогда, когда выяснилось, что Хаттусас — Богазкёй в XIII веке до н. э. был полностью уничтожен огромным пожаром. В то время новая волна народов двинулась с севера через Малую Азию, дошла до ворот Египта и разрушила Трою.

После этого пожара в Хаттусасе исчезли письменные источники. Перестали поступать сообщения от хеттов, «как будто бы, — как образно заметил Моортгат, — замолк голос человека, на которого обрушился смертельный удар». Хотя в пепле Хаттусаса и сохранились огнестойкие глиняные таблички с клинописными знаками, но они не содержали хеттских иероглифов.

Потому что таблички с хеттскими иероглифами были из дерева.

Хетты писали на деревянных табличках, пользуясь своей рисуночной письменностью до тех пор, пока не перешли на аккадскую систему клинописи на глиняных табличках.

Очевидно, большая часть архива в Хаттусасе состояла из таких деревянных табличек с древней хеттской рисуночной письменностью. Глиняные таблички из Хаттусаса представляли собой лишь короткие добавления и комментарии к хеттским деревянным табличкам, которые навсегда исчезли в огне пожара.

Они исчезли бы и в том случае, если бы Хаттусас и не погиб в бурную пору переселений народов. Потому что деревянные таблички не смогли бы долго сохраняться в условиях малоазиатского климата. Во всех случаях они истлели бы, рассыпались и превратились в пыль.

Само слово «хетты» ученые заимствовали из перевода Библии, сделанного Мартином Лютером. Соседние народы называли их «хатти», а также «гатты», «хета» и «хиттим».

Это и породило страшную путаницу, которую очень трудно преодолеть, потому что сила привычки всемогуща. Ведь «хаттами» называли народ, обосновавшийся в Малой Азии уже давно, еще до того как так называемые хетты распространили свое господство над этой территорией. В то же время существовали в Малой Азии и индогерманские народы, которые, очевидно, также появились здесь задолго до хеттов — предполагаемых хеттов. Другими словами, Малая Азия, Сирия и Ханаан уже задолго до прихода предполагаемых хеттов были территориями, по которым проходили различные, в том числе и европейские, народы.

А отсюда становится понятным, что в религиозных текстах имя хеттов образовалось в результате смешений и заимствований, пришедших не менее чем из восьми культурных языков. Это своеобразный результат тысячелетних переселений и смешений народов, история которых остается пока неизвестной. Вполне понятно также, что дешифровка хеттских иероглифов опять-таки не могла быть открытием только лишь одного лица. Уже с самого начала этой работой занималась целая группа ученых.

Многочисленные предварительные исследования таких превосходных лингвистов, как Сейс, Иенсен, Томпсон и Коули, долго не приводили ни к каким результатам, и зачастую эти ученые вынуждены были возвращаться к тому, с чего начали свой труд. И только в последние годы перед второй мировой войной эту тяжелую работу удалось довести до определенного конца с помощью таких лингвистов и филологов, как Мериджи, Боссерт, Форрер, Грозный и другие⁴.

Это своеобразный показатель того, как ученые и археологи всех стран мира могут плодотворно работать в тесном сотрудничестве, сегодня под руководством швейцарца, а завтра — датчанина, голландца или шведа.

За одно тысячелетие до основания Рима

Археология столкнулась в Хаттусасе как с глубоко индивидуальными чертами хеттской культуры, так и с многими признаками того же самого мировоззрения, которое распро-

странилось до Индии и до Египта,—верой в обожествленное звездное небо.

На воротах акрополя в Хаттусасе рельефно вырисовываются на фоне мощных каменных колонн два огромных льва. У входа в разрушенный дворец — два могучих сфинкса с львиными телами и женскими головами. Барельеф на царских воротах изображает царя в шлеме, увенчанном рогами.

Хетты знали также священного быка, который уже известен нам по шумерским царским могилам Ура. Он близко связан с богом погоды, который изображался стоявшим на быке. Первоначально он, видимо, тоже был быком — лунным быком. Еще и сегодня в Европе распространено мнение, что луна оказывает влияние на погоду.

Кроме этого бога-быка почитали царицу богов и еще целый ряд других второстепенных божеств.

Расположенный высоко в горах Хаттусас, столица хеттов, представлял собой мощную крепость. Обширная территория была защищена многочисленными башнями, поставленными на вершинах, и окружена колоссальной оборонительной стеной, которая тянулась от башни к башне, от вершины к вершине, спускалась вниз в долину и снова поднималась вверх.

«Самая замечательная часть городской стены, — отмечал Людвиг Курциус, сотрудник Гуго Винклера, — это сооружение на горе Джер Капу (1242 метра над уровнем моря). Здесь, на самом высоком месте акрополя, был сделан большой вал с укрепленными склонами, двойной стеной и башнями, к которым вели лестницы. От середины возвышенности начинался облицованный камнями туннель длиной около 70 метров, шириной 2,4 метра и около 3 метров высотой, который вел во внутреннюю часть города. Мы нашли этот туннель (он уже был известен археологам, посетившим эти развалины ранее) таким грязным и разрушенным, что сначала могли передвигаться в нем только ползком».

Европейские хетты за тысячелетие до основания Рима уже строили сооружения, подобные которым и сейчас еще можно встретить в Турции.

Дальнейшие поиски

Археологи стали повсюду искать следы этих удивительных хеттов.

В 1931—1938 годах в сирийском городе Хамате вела раскопки датская группа археологов под руководством Х. Инг-

хольта на средства Карлсбергского фонда. Шведские археологи копали на острове Кипре. Д. Фурлани искал для Итальянской археологической миссии на месте древней Ассирии. Немец С. Ф. Леманн-Хаупт проводил раскопки в Армении, на озере Ван, в урартском царском городе Тушпа; там же, в высокогорных долинах Кавказа, десятилетием ранее работали немцы и французы.

Нет, они не искали Ноев ковчег! Они пытались проследить культурные связи на путях великого переселения народов.

Весь Ближний Восток от побережья Средиземного моря и вглубь до Ирака постепенно покрывался все более и более густой сетью многочисленных раскопок.

Археологи продолжали раскопки и в старых, знакомых местах: в Каркемише на Евфрате (в 1911 году — для Британского музея); в Арсланташе (по-турецки «Львиный камень») восточнее Каркемиша, где уже в 1886 и 1889 годах проводились раскопки для Истанбульского музея древностей и куда в 1927—1928 годах снова прибыла группа французских археологов.

Скульптуры и барельефы, которые нашли в Арсланташе, опять-таки говорят о той же самой культуре, характерной и для других стран: у ворот крепости — львы и быки из базальта, на стенах дворцов и храмов — рисунки и украшения из слоновой кости, также изображающие быков и львов.

Львы изображены и на воротах в Телль-Амаре, древнем Тиль-Барсибе на Евфрате (в 20 километрах ниже по реке от Каркемиша), где в 1927 и 1929—1931 годах работали для Лувра многочисленные археологи из Франции, обнаружившие при этом не только дворцовые постройки ассирийского времени, богатые настенные украшения, но и следы поселения IV тысячелетия до н. э.

В Дура-Европос на Евфрате, севернее Каркемиша, в течение многих лет копали англичане, потом французы и, наконец, американцы, которые послали туда профессора Иельского университета Михаила Ростовцева, уроженца России. В 1926 и 1928 годах Ганс Хенних фон дер Остен по поручению Восточного института Чикагского университета исследовал в Анатолии — близ хеттской столицы Хаттасуса — приблизительно 300 древних поселений, большинство из которых, наверное, существовало уже во времена царства хеттов. Перечислить все задачи, которые ставили перед собой археологи, почти невозможно.

В это же время английские ученые попытались, претерпевая тяжелые лишения, собрать надписи древних фригийцев

в западной части Малой Азии. И в то время, когда чех Грозный в хеттской Каппадокии (Канеш — Кюль-тепе) нашел новый клад, содержащий более тысячи табличек со знаками письменности, австрийские ученые копали в Эфесе, немцы — в Анкаре, французы — на Теосе и на ионических берегах, англичане — в Истанбуле. Другие археологи обратили свой взор к югу.

Немец А. Руст, самоучка, человек, не имеющий прямого отношения к археологии, почетный доктор одного немецкого университета, каковым он стал после длительного полуголодного существования, которое ему пришлось вести во время археологических работ в Европе, раскопал в 1930 году у Ябрунда, севернее Дамаска, ни много ни мало, 45 культурных слоев. Частично они восходят к середине каменного века, а более поздние датируются II тысячелетием до н. э. Руст насчитал семь слоев, относящихся к середине каменного века и представленных пятью различными культурами.

Наверное, еще в период неолита некоторые народы неизвестного происхождения проходили через Сирию. За пять, восемь, десять тысячелетий до Авраама!

В долине Амк близ Антиохии, где немцы раскопали Зинджирли, американские исследователи в результате неумолимых поисков собрали богатейший материал по доисторическим и раннеисторическим поселениям. Англичане на южном берегу Малой Азии, в Мерзине, раскопали 17 культурных слоев железного века. Под ними лежит малоисследованный слой неолитического времени почти десятиметровой толщины.

И, наконец, Леонард Вулли взял на себя новую задачу — проведение поисков в той же долине Амк близ Антиохии. Британский археологический институт направил в 1935 году этого ученого, которому всегда сопутствовал успех, к «Холму жажды», чтобы раскрыть и его тайны.

«ХОЛМ ЖАЖДЫ»

И ученики в Антиохии в первый раз стали зваться Христианами.

Деяния Апостолов, II, 26.

Почему человек предпочитает все время жить на одном и том же месте? Почему он любит строить свои храмы там, где когда-то стояли старые?

Привычка? Конечно, она играет большую роль. Это доверие к тому, что когда-то уже было признано удобным и полезным. Но есть еще и многие другие причины: колодцы, построенные ранее, можно использовать еще раз; на фундаментах зданий можно возводить новые сооружения; даже из совсем разрушенных поселений можно брать строительный материал, например кирпичи.

Но города возводили на старых развалинах, на местах предыдущих поселений не только потому, что они были разрушены и превращены в мусор и пепел вражеской рукой, но скорее всего по совсем простой, так сказать «естественной», причине. Выброшенный на улицы мусор — кости, черепки, отбросы — поднимали уровень почвы. Пороги дверей опускались ниже уровня улиц, дождевая вода проникала в помещения, расположенные на первом этаже, размывала необожженные кирпичи, превращая их в глину. Необходимость заставляла строить на опустившихся глиняных полах предков.

Таким образом, новый город обычно вырастал на стенах старого. В течение веков одно поселение возвышалось над другим. Холмы становились все выше и наконец использовались как крепости, защищавшие от нашествия врагов со стороны равнины. Все это давно понял Леонард Вулли. Для него задача заключалась уже не в том, чтобы просто раскопать любой холм, под которым погребено древнее поселение, он стремился найти среди многих холмов наиболее интересный, связанный с зарождением истории человечества, по возможности — древнейшей истории до Авраама и Моисея.

Найти такие холмы, конечно, непросто. Какую тайну хранят они, что скрыто под ними — царская резиденция или незначительный провинциальный городок, — этого не опреде-

лишь по их внешнему виду. Молча, замкнувшись в себе, выходят они среди пустыни. Надо обладать определенным инстинктом и большим опытом, блестящим даром построения различных предположений и, наконец, счастливой рукой. И никто не сомневался в том, что она есть у Вулли, обладавшего к тому же еще и огромным опытом.

На северо-востоке Сирии, у входа в долину Антиохии, там, где когда-то, еще до существования царства хеттов, скрещивались древние караванные пути, которые шли с севера вплоть до Южного Египта и от далекого Вавилона на Евфрате через Дамаск к берегам Средиземного моря, — там находился незначительный, безотрадный холм щебня. Местные жители называли его «Холмом жажды» — Атшана. Без особой надежды на успех Вулли начал раскопки у этого «Холма жажды». Сначала попадались вещи, производившие жалкое впечатление, рассыпавшиеся в труху при малейшем прикосновении. Черепки XIII века до н. э., которые встречались повсеместно, были уже давно известны. Ничего не было такого, что могло особенно заинтересовать археологов.

Но вскоре Вулли обнаружил остатки постройки, напоминающей храм. Освободив лестницу этого храма от щебня, он увидел на одной из ступенек рельеф с изображением царя. Это был портрет царя хеттов Тудшалия, который жил в середине XIII века до н. э.

Храм, очевидно, был кем-то разрушен. Во внутреннем помещении нашли трон из базальта, который стоял у декоративной колонны. В соседнем помещении была прорыта шахта, облицованная тяжелыми каменными глыбами. Самый большой из этих камней весил полторы тонны. Шахта была впоследствии замурована, но сначала в нее бросили куски статуи, застрявшие среди тяжелых камней. Голова была отбита и лежала рядом с торсом вместе с осколками ноги и бороды. Как потом выяснилось, статуя и базальтовый трон в храме составляли единое целое.

Статуя изображала царя Идрими и считалась священной на протяжении приблизительно двух веков. На ее лицевой стороне можно было прочесть 104 строки клинописи.

Надпись рассказывала о жизни царя Идрими. Текст ее говорил о том, что под «Холмом жажды» похоронена столица Алалах — резиденция царства Микиш, история которого тесно связана с историей великих государств того времени, особенно государства хеттов середины II тысячелетия до н. э.

И Вулли семь сезонов (до 1949 года) копает на «Холме жажды». Он дошел до илистого слоя на глубине 15 метров и

обнаружил 17 различных культурных наслоений — 17 отчетливо выраженных исторических периодов, восходящих к IV тысячелетию до н. э.

Когда Вулли раскопал фундамент храма в XVI слое IV тысячелетия до н. э., времени, отстоящего на три тысячелетия от возникновения христианства, он столкнулся с вечным врагом всех археологов — грунтовыми водами. Но в этих грунтовых водах были скрыты загадочные остатки других культурных слоев.

Археологи опускались в раскоп в специальном ящике из стальных поперечных брусев, обитых рифленным железом; от воды спасались при помощи моторной помпы. Таким путем удавалось проникать в глубину до 5 метров под храмом, расположенным в XVI слое. «Помпы, трубы, краны, лестницы и помосты делали раскоп похожим больше на строительство современной шахты, чем на археологические изыскания», — писал Вулли. Но грязь и вода все-таки мешали зафиксировать самый нижний, XVII слой.

Каменные глыбы в храме

Чем глубже копал Вулли, тем больше открывалось тайн строительной техники и культуры людей, населявших эту территорию более 5000 лет назад. Так, в XVI, предпоследнем слое обнаружили большой храм с внутренним двором размером 7 на 20 метров. Этот двор древнейшего святилища был вымощен кирпичом. Его замыкали оштукатуренные, окрашенные в белый цвет кирпичные стены. Под вымосткой была скрыта квадратная шахта, которая достигала скальных пород. Ствол шахты был облицован огромными глыбами и мелкими камешками между ними. Это само по себе было бы не удивительно, если бы в окрестностях «Холма жажды» были камни. Но их там не было. Огромные глыбы, сброшенные на дно шахты, и кирпичная вымостка внутреннего двора святилища, очевидно, были доставлены с гор, удаленных от холма на многие километры. Это очень странно, так как самые тяжелые камни из шахты весили более трех тонн! Кто мог заставить доисторического человека, который не знал ни телеги, ни вычных животных, тащить такие тяжелые глыбы, чтобы сбрасывать их потом в квадратную шахту под вымосткой храма? При этом Вулли вспоминал храмовую башню в Уре. Там тоже была вырыта квадратная яма, в которой лежали большие, необработанные известковые глыбы.

Был ли это фундамент алтаря?

Тогда археологи так ничего и не нашли, что могло бы объяснить значение этой ямы в Уре. А сейчас Вулли нашел в «Холме жажды», недалеко от берега Средиземного моря и более чем в 1000 километрах от Ура, подобную же шахту с гигантскими глыбами. Очевидно, она даже старше шахты в храмовой башне Ура.

Под «Холмом жажды» над шахтой находилась стена высотой 2,5 метра, облицованная каменными плитами. В середине стены когда-то была низкая дверь, замурованная уже в глубокой древности и оштукатуренная так, что ее невозможно было сразу обнаружить.

Слой VII

Следы и остатки древних храмов и царских дворцов встречались во всех культурных слоях «Холма жажды». Приблизительно посередине лежал VII слой. Он восходит к XVII веку до н. э., то есть ко времени Авраама.

Здесь впервые были обнаружены глиняные клинописные таблички.

Перед глазами исследователей предстали следы необычайно высокого уровня цивилизации. Вмонтированные в стены умывальники, подземные канализационные трубы, через которые отводилась за пределы города грязная вода, говорят о том, что строительное искусство было чрезвычайно развито. Его можно сравнивать разве лишь со строительством на Крите, причем по времени оно старше критского. Каменные стены с цоколями, деревянные столбы на круглой основе и яркие фрески, которые по цвету, стилю и технике напоминают критские, подтверждают предположение, что здесь, на Сирийском побережье у «Холма жажды», по-видимому, жили предки критян, когда Авраам, как об этом сообщает Библия, еще странствовал по стране.

Но этот VII слой ставит перед исследователями еще много вопросов. В слое, который на полторы тысячи лет старше самых древних следов поселения, то есть как раз в VII слое, обнаружили еще одну квадратную шахту, вырытую при строительстве царского дворца. Ее соорудили в помещении с твердым, бетонным полом, оказавшимся на 2,5 метра глубже пола дворцовых построек. Входом в это подземелье служила тяжелая базальтовая плита, поворачивающаяся на своей оси и снабженная задвижками.

Когда Вулли обнаружил шахту, базальтовая дверь была наполовину приоткрыта, но вход загораживали огромные глыбы, наваленные вдоль внутренней стены.

В одном из углов шахты нашли кучу истлевшей стружки, а среди нее шесть ваз из алебаstra и глины. У юго-западной стены стоял деревянный ларь. Вокруг него лежали четыре человеческих скелета, причем черепа находились у каждого из четырех углов сундука. Когда Вулли вскрыл шахту, она была доверху наполнена землей. В глубь этого помещения вела пристроенная к нему лестница.

Когда царский род времени VII слоя угас, храм и дворец были разграблены и сожжены. Под бетонными скамьями святилища находились остатки деревянных ларей, которые еще в древности были взломаны и опорожнены. По полу разбросаны клинописные таблички из архива храма. Рядом с ними нашли разбитые статуэтки и обломки изделий из слоновой кости. Деревянные фигурки богов были позолочены, их головы вырезаны из слоновой кости, а парики — из сланца.

Громадное количество глиняной посуды (в отличие от всех других более древних слоев она не была расписана) дало основание Вулли сделать вывод, что VII слой «Холма жажды» показывал следы жизни другого народа. Возможно, этот народ погиб в результате восстания. О его гибели говорят хотя бы обугленные остатки стен. Место, где когда-то стоял царский дворец, стало на долгое время свалкой мусора. В 1949 году Вулли закончил раскопки на «Холме жажды». Он увез с собой горы черепков, кучу клинописных табличек с именами некоторых царей, которые до сих пор не были известны, и другие отдельные памятники. Вообще-то говоря, этого было мало для того, чтобы представить себе четкую картину многотысячелетней истории «Холма жажды».

Еще столетие назад ни один археолог не смог сделать того, что удалось Вулли. Не располагая ни одной датой, он сумел воссоздать и довольно точно датировать долгую историческую жизнь этого холма.

Ему это удалось лишь потому, что он базировался на опыте многих поколений исследователей древностей (в том числе и на своем собственном), которые в трудной, зачастую весьма остроумной работе восстановили, казалось бы, навеки разбитую картину истории.

И получилось так, что с передвижением опытных археологов к югу — от Сирии в направлении на Ханаан — росло напряженное ожидание необыкновенных открытий на земле Библии — «обетованной» земле.

В богатой бухтами и пляжами области Сирийского побережья — напротив острова Кипр — в 1928 году какой-то пахарь случайно обнаружил длинный подземный ход, забитый осыпавшимся песком и мусором. Ход заканчивался помещением, которое, очевидно, было гробницей.

Рассказы крестьянина привлекли к себе внимание французских археологов, сразу же заинтересовавшихся этим таинственным склепом. В следующем, 1929 году двое исследователей — Ф. А. Шеффер и Ж. Шене — обнаружили вблизи подземного склепа, приблизительно в 10 минутах ходьбы от пляжа, холм.

Этот заброшенный холм, расположенный на труднодоступном месте в излучине реки, местные жители называли Рас-эш-Шамра, то есть «Укропный мыс», потому что на нем рос укроп.

Уже при первых разведывательных раскопках были найдены статуэтки, посуда, погребальная утварь и таблички с письменами. «Укропный холм» сразу же стал объектом исследования французской археологии.

Этот холм очень интересен во многих отношениях. Прежде всего в одном из наиболее глубоко расположенных слоев — в слое L — археологи натолкнулись на погребения и остатки поселений, которые, очевидно, относятся к периоду между III и II тысячелетиями до н. э. В гробницах лежали несожженные останки погребенных там людей. Сохранились украшения, обнаруженные французскими исследователями. В большинстве своем это были ожерелья, браслеты, небольшие бусы из трубочек и спиралей, булавки и т. д.

Как внимательно следит международная археология за работами даже в регионально отдаленных друг от друга местах! Стоило исследователям в Рас-эш-Шамра, на «Укропном холме» у Сирийского берега Средиземного моря, собрать, описать и зарисовать украшения в древнейших могилах, как ученые-археологи Европы немедленно обратили на них внимание и насторожились. Ведь украшения, сходные с обнаруженными в слое L «Укропного холма», отмечает, например, швейцарский ученый Отто Чуми, нашли и в Швейцарии, и в Эльзасе и на юго-западе Германии. Сирийский «Укропный холм» ставит интересные вопросы, касающиеся III и II тысячелетий, времени, когда хетты, видимо, были уже на пути в Ханаан или, может быть, не хетты, а те народы, которые называли их хеттами. Но это далеко еще не все.

Мир теологов испытал неожиданное нервное потрясение. И виноват в этом был тоже «Укропный холм». Потому что оттуда извлекли много табличек с текстами, написанными частично на шумерском и вавилонском, частично на хеттском и египетском языках. Их можно было читать. Но часть текста написана на незнакомом языке при помощи новой алфавитной системы из 30 клинописных знаков.

Из тех табличек, которые были прочтены, выяснилось название города, погребенного под «Укропным холмом», — Угарит. О нем упоминают египетские, хеттские и некоторые другие документы.

По всей вероятности, Угарит был разрушен в то же время (или, может быть, немного позже), когда погибла в огне пожара хеттская столица Хаттусас на севере Малой Азии.

Но это было уж не столь важно, важно совсем другое: как вскоре выяснилось, незнакомый язык клинописных табличек из Угарита оказался древним языком ханаанской группы, близким к древнееврейскому языку середины II тысячелетия до н. э. — времени Авраама и Моисея. Едва только были найдены угаритские клинописные таблички, как Ганс Бауэр (1930 г., Галле-на-Заале) опубликовал результаты своих исследований по этому вопросу, дополненные затем французами Э. Дормом и Ш. Виролло. Не удивительно, что клинописные таблички из Угарита заинтересовали всех ученых-теологов. Ведь из земли Ханаана было пока извлечено еще слишком мало документов, относящихся ко времени от Авраама до Моисея и от Моисея до первых израильских царей.

То, что речь идет о времени первых царей и о последующем периоде, было совершенно ясно, так как в начале последнего тысячелетия до нашей эры от системы клинописи уже отказались и начали переходить к употреблению чернил, которыми писали на тонких обожженных глиняных табличках или на египетских папирусах. Но чернила во влажном климате Ханаана с течением времени выцветали, а папирус гнивал. И получилось так, что ученые, пытавшиеся найти священные библейские тексты в Ханаане, остались с пустыми руками. Поэтому-то они так заинтересовались угаритскими документами. Угарит быстро приобрел известность и стал местом археологических раскопок, куда в течение многих лет приезжала одна французская экспедиция за другой.

Вклад Угарита в историю религии был таким значительным именно потому, что в течение последнего тысячелетия до н. э. угаритские документы не искажались и не извращались поправками многочисленных поколений духовенства. Ибо Угарит погиб со своими клинописными табличками внезапно. Это произошло во времена Моисея, а может быть, немного раньше или позже, во всяком случае — приблизительно в то время, когда, по сообщению Библии, дети Израиля кончили свои пляски вокруг золотого тельца, а Моисей получил новые десять заповедей⁵ от господа на горе Синай. Но хотя в Библии и говорится, что народ Израиля еще долго после Давида и Соломона поклонялся золотым тельцам, это сообщение вряд ли проливает свет на подлинный ход истории религии.

Поэтому клинописные таблички из Угарита и имели такую притягательную силу. Они овладели вниманием ученых и заставили их основательно задуматься. Ведь тексты из «Укропного холма» содержат в первую очередь религиозные сюжеты: это мифы, заклинания и молитвы; короче говоря, весьма значительные дополнения к библейской истории.

Но задача археологов, раскапывающих «Укропный холм», состояла не столько в том, чтобы описать развалины древних храмов с их архивами и школой писцов, а скорее в том, чтобы рассказать о подземных царских склепах, сооруженных по типу критских и греческих купольных гробниц. В Угарите это были прямо-таки дворцы мертвых с многочисленными помещениями, огромными кладовыми и водопроводом. У входа в такую царскую гробницу лежал скелет мужчины, который, очевидно, сопровождал на тот свет своего господина в качестве слуги или телохранителя. Под фундаментом усыпальницы лежали позолоченные фигурки богов и среди них изваяние так часто упоминаемой в Библии «звездной девы», которая была известна у шумеров как Инанна, а у аккадцев — как Иштар. В Библии ее чаще всего называют Ашера (Астарта).

В этом и заключена магическая сила «Укропного холма».

Библейские боги

Господствующее место в религиозном мировоззрении Угарита занимал бог Ваал. Это имя обозначает не что иное, как «господин», в смысле «хозяин» или «собственник». При упо-

минании о Ваале нас охватывает неприятное чувство, потому что мы привыкли считать Ваала злым богом⁶. Но он не всегда был таким злым божеством. Даже Библия, например в рассказе о сыне израильского царя Ахава⁷, который попросил у Ваала помощи, когда с ним случилось несчастье, опровергает это представление. «Охозия,— говорится в Библии,— направил посланцев к Ваалу-Зебубу, богу Аккаронскому, с вопросом, будет ли он здоров или нет» (IV кн. Царей, 1, 2).

Мы здесь не ставим, конечно, задачу проследить тот тяжелый путь, который прошел Ваал-Зебуб от добра к злу, его путь к Вельзевулу. Важнее обратить внимание на Ваала в Угарите, на его изображение на одной из стел: это человек в рогатом шлеме. В левой руке Ваал держит, как копье, ствол дерева, следовательно, это небесный бог, который владеет жезлом — символом Млечного пути.

В Угарите была также и богиня звезд, о которой часто наряду с Ваалом упоминает Библия. Там найдена пластинка из слоновой кости, на которой вырезана женщина с оголенным бюстом; шея ее украшена широкой цепью, на головном уборе — змея. В руках богиня держит связку колосьев. Справа и слева от нее стоят, вытянувшись на задних лапах, два рогатых чудовища — звезда Венера с двумя лунными серпами, давно известная у шумеров.

«Подобно сердцу коровы, (тоскующей) по телятцу... тосковало по нему (Ваалу) сердце девы Анат... — подобно сердцу овцы, (тоскующей) по детенышу, тосковало оно по Ваалу», — говорится в одном из угаритских текстов.

Как?

Неужели здесь сравнивается Ваал с золотым тельцом и одновременно с божественной овечкой? И она, богиня, с девственницей?

Правда, Ваал ведь, кажется, был богом воскресения (с рогами). Значит, ему должно было противостоять и в то же время с ним сходиться израильское учение о Яхве⁸.

Но вот то, чего нельзя было заметить в Библии, теперь прямо вытекало из текстов «Укропного холма». Сразу напрашивался вопрос: не выражал ли библейский конфликт между Яхве и Ваалом противоречие вере в воскресение? Это противоречие в конце концов было разрешено только христианским учением.

Множество других вопросов возникало перед исследователями Угарита. И на них нельзя было ответить, опираясь лишь на интуицию. Потому что это не путь для науки.

В Угарите обнаружилось еще и третье божество, также упоминаемое в Библии, — Эл⁹. Это имя представляет собой эпитет и обозначает «могущественный». На одной каменной стеле бог Эл сидит на троне. На голове у него тоже рога.

В центре изображения — сияние и звезда с восемью лучами. Значит, в Угарите такая же символика, такое же мировоззрение и часто даже такие же изображения — звезда божественной девы Венеры с лунным серпом, — как у других древних народов Ближнего Востока. В качестве третьего бога «троицы» обычно выступает либо солнце, либо аллегорическое изображение бога Сириуса или Юпитера.

Язык Угарита был близок к языкам других народов Ближнего Востока. Но язык этот почти совсем исчез во времена Моисея. С тех пор следы его сохранились только в рукописях Ветхого завета, на которые ныне падает новый свет. Свет с неба — свет древнейшей веры в звезды. Священное писание восходит к древнейшему времени, оно идет из Шумера, Вавилона, Ашшура и Ура.

*Стела из Угарита (Рас-Шамра)
с изображением рогатого бога Эла*

АРХЕОЛОГИ В «ОБЕТОВАННОЙ» ЗЕМЛЕ

Освяти мне каждого первенца... от человека до скота, (потому что) Мои они.

II кн. Моисея, («Исход»), 13, 2

Не стоит перечислять имена всех людей, которые в XIX веке совершали паломничества в «обетованную» землю, чтобы там понять то, чего не может объяснить Библия.

Но никто из них, наверное, не вернулся домой с большими знаниями. Скорее они испытывали глубокое разочарование. Разочарование в стране, где отсутствовала европейская цивилизация, в людях, спекулирующих реликвиями, разочарование в легендах, сочиняемых на ходу. Кроме того, они не могли там получить представление о подлинной истории, не находили подтверждающих ее сведений и фактов. Нет, и в «обетованной» земле нельзя, оказывается, собирать знания, как собирают ягоды на кустах, — их можно получить лишь упорным трудом, а поэтому надо копать и искать, искать годами, десятками лет!

В 1860 году француз Жозеф Эрнест Ренан — действительный член Французской академии, профессор еврейского и сирийского языков, автор знаменитой книги о жизни Иисуса — начал раскопки на месте хорошо известных финикийских торговых городов и портов на берегу Средиземного моря — Библа, Сидона и Тира. Здесь были найдены могилы знатных лиц, относящиеся к древнейшему времени, скрытые глубоко в горах, в кучах щебня. Тела царедворцев лежали в каменных и деревянных гробах, отделанных золотом, слоновой костью и майоликой. Дорогая посуда, инструменты из металла, мечи серповидной формы, светильники и сосуды для жертвоприношений наполняли склепы. Начатые Ренаном раскопки привлекли большое внимание общества, в котором исследования «святой» земли нередко воспринимались как богохульство. Поэтому в течение многих лет Ренан не находил достойных последователей. История библейской страны, казалось, так и останется нераскрытой. Но постепенно и незаметно для общества происходили изменения в области духовной жизни,

в области мысли, а также и веры. Наметился и поворот в науке, обратившейся к исследованию происхождения и времени возникновения библейских текстов. Ученые стали проявлять к этим проблемам все больший и больший интерес: они не хотели брать их только на веру — они хотели их изучить.

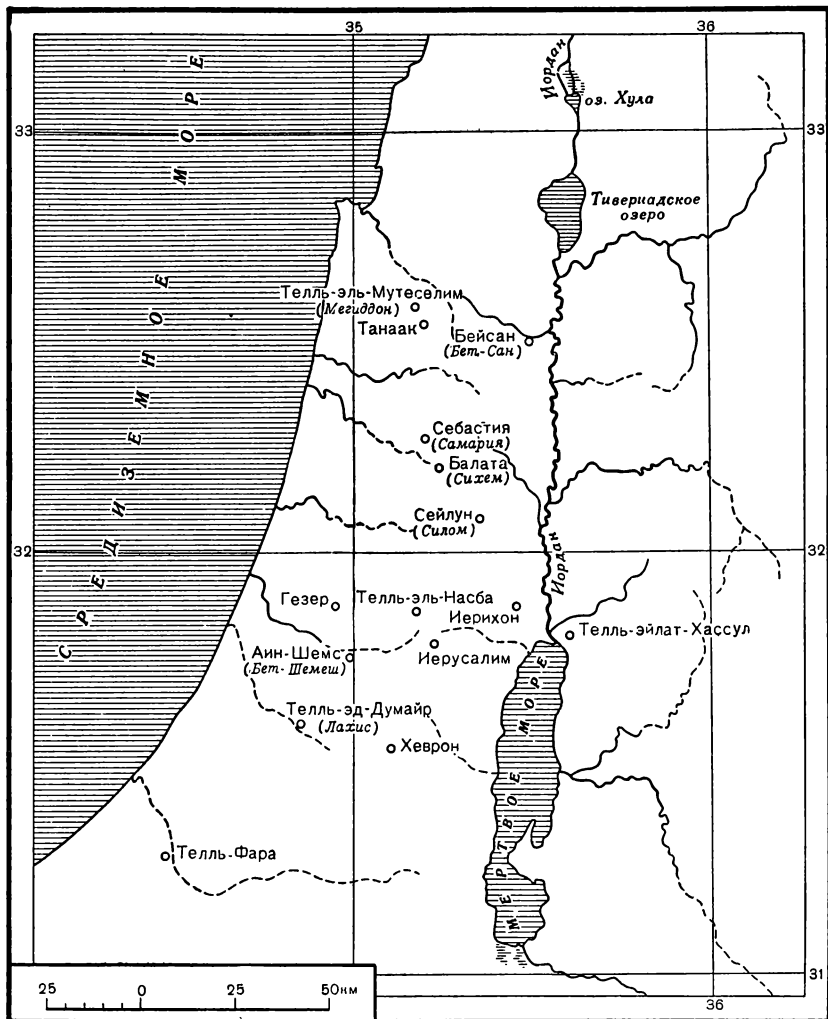
В 1865 году в Лондоне был основан Фонд исследований Палестины. Впервые по его заданию раскопки в Иерусалиме проводил Варрен.

В 1877 году появляется Германский союз по исследованию Палестины. В 1882 году было создано Российское палестинское общество. Затем возникают: Нидерландский комитет по производству раскопок в Палестине — в Амстердаме, Германский евангелический институт по изучению святой земли, Американская школа восточных исследований, Британская археологическая школа. Создаются подобные же общества и институты и во многих других странах. Но только в 1920 году было наконец основано Палестинское восточное общество, которое поставило своей задачей объединить на общей основе научные исследования «обетованной» земли, осуществляемые всеми странами.

После длительных переговоров большая группа археологов, языковедов и этнографов из разных стран прибыла в страну, которая являлась местом действия библейской истории. Путешественников и искателей приключений среди них было немного; в большинстве своем это были ученые с именем, направленные сюда крупными музеями и университетами мира не для того, чтобы они пустились на поиски гигантских колоссов, львов и быков с бородатыми мордами, — в их задачу входили лишь строго научные исследования.

Приехали они не одни. Ряды их были пополнены теологами из научных кабинетов христианских монастырей, из орденских союзов доминиканцев, бенедиктинцев и иезуитов. Они прекрасно знали всю литературу, которая еще осталась от древнейших времен, причем знали ее лучше, чем литературу новейшего времени. Та была бессмертной — эта нет.

И вот они стоят в удивительной стране, побережье которой так недоброжелательно встречало ученых, не давая заглянуть в свои недра, охраняя их от чрезмерного любопытства. Ученые знали многое об этой стране, но у них не было ни малейшего представления о том, где можно найти тот или иной знаменитый город, о котором упоминает Библия. Уже древнейшие писатели не знали, что им делать с некоторыми сообщениями Ветхого завета. Сейчас ученые хотели

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАЛЕСТИНЕ

найти то, что когда-то исчезло и было совершенно забыто уже два тысячелетия назад.

Подаренный город

Около 1900 года английские исследователи нашли холм, который они приняли за крепость древних филистимлян — Гатх. Но современный мир ислама воспрепятствовал дальнейшим раскопкам, потому что на этом месте расположены мусульманские кладбища. Потом произошло нечто такое, что произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Взорвал эту бомбу английский Фонд исследований Палестины, по заданию которого начали раскапывать исчезнувший город времен Соломона.

Это был Гезер. Никто ранее не знал, где находился город. Даже его имя исчезло из памяти людей. Только тогда, когда французский ученый Шарль Клермон-Ганно, разбирая средневековые арабские документы, натолкнулся на такое место, где упоминается холм Джебзер (Телль-Джебзер), ему пришла в голову мысль, что это вполне мог быть древний Гезер. Он поехал в Палестину и на самом деле нашел Телль-Джебзер. И вот Фонд исследований Палестины в Лондоне решил послать туда своего представителя Р. А. С. Макалистера для проведения раскопок.

Был 1902 год. На небе археологии взошли новые звезды.

В течение семи лет (с перерывом в один год) Макалистер искал на холме Телль-Джебзер, поднимавшемся на пути от Иерусалима к Яффе, тот город, следы которого нигде не сохранились. Он отдал этой работе семь лет своей жизни, пытаясь доказать, что он в действительности нашел город, о котором говорится в I книге Царей:

«Фараон, царь Египетский, пришел, и взял Гезер, и сжег его огнем, и хананеи, живших в городе, побил, и отдал его в приданое дочери своей, жене Соломоновой».

Макалистер обнаружил большие подземные туннели с высокими сводами, которые — еще при помощи каменных орудий — были вырублены в скале на глубине около 30 метров. Там он обнаружил подземный родник. Этот родник, очевидно, спасал от жажды жителей города во время осады. Когда же пришли сюда дети Израиля, никакая осада не была страшна крепости. Так говорит книга Иисуса Навина.

В Гезере было обнаружено несколько культурных слоев: начиная от каменного века и до начала нашей эры. Только

в V слое появляются предметы из бронзы, в III слое — из железа. Древнейшая земля, древнейшая история человечества! Нашли змею из бронзы! Не та ли это змея, которую Моисей когда-то сотворил для блага своего народа?

Таинственный Гезер

Но потом Макалистер нашел нечто особенное. Глубоко в щебне открылся узкий ступенчатый проход в пещеру, стены которой на определенной высоте были выровнены. На фризах начерчены какие-то каракули. Косые и поперечные линии образовывали своеобразную шахматную доску. На стенах пещеры группы точек составляли какие-то рисунки. Кроме того, виднелись и изображения животных: коров, буйволов и оленей.

Этим рисункам, очевидно, было несколько тысяч лет; подобные же рисунки каменного века находили и в Западной Европе. Рисунки из Гезера были, например, удивительно похожи на изображения во французской пещере Дордонь. Но еще более удивительным кажется другое открытие, сделанное Макалистером в одном из древнейших могильников Гезера. В пещере лежало 14 мужских скелетов. Вероятно, это была братская могила воинов, погибших в бою. Нашли также скелет девушки, которой было примерно 16 лет. Сохранилась только верхняя часть туловища. Ниже ребер тело было отсечено. Тазовые кости и ноги исчезли. В пещере не нашли даже их следа.

В другом месте, под фундаментом одной из стен, Макалистер обнаружил скелеты двух мужчин. Около их ног стояли кувшины, вокруг была разбросана другая посуда. Рука одного из мужчин сжимала чашу, в которой, очевидно, когда-то была пища.

Около останков этих трупов лежал расчлененный скелет. Он принадлежал юноше в возрасте примерно 17 лет. Тело его также было отсечено ниже ребер: нижняя часть и конечности отсутствовали.

Снова возникла неожиданная параллель с Европой, на этот раз с Австрией. На погребальном поле конца каменного века в Галльштадте европейские археологи зафиксировали тот же необычный способ погребения, причем более чем в 12 случаях. Не родственны ли жители Ханаана европейцам? Каким образом и когда пришли они в «обетованную» землю? Или, может быть, Ханаан был их прародиной?

В Гезере нашли также фундамент гробницы, принадлежащей правителю города. Она представляла собой несколько подземных помещений, связанных между собой. Часть этих помещений была закрыта.

В одной из камер, куда ни один грабитель не смог проникнуть, так как там обвалился известковый потолок, Макалистер нашел не только многочисленную глиняную посуду, но и множество драгоценных украшений из золота и камней, различные алебастровые сосуды для мази, инструменты с инкрустациями из слоновой кости, яйца страуса и амулеты.

Особенно четко прослеживаются в Гезере существенные различия между погребениями состоятельных людей и бедного населения. На южной стороне холма Макалистер нашел ряд ям в форме бутылки. До самых краев они были заполнены костями людей и животных. Без всякого погребального инвентаря. Это были могилы простых людей, о которых говорил пророк Иеремия (26, 23).

Только очень состоятельный, знатный и богатый человек получал — и, наверное, не только в Гезере — свое личное место в гробнице и уносил с собой в могилу предметы бытового обихода; чаши для питья и еды, оружие и многое другое. Женщинам клали в могилу украшения, в том числе металлические зеркала, детям — их игрушки.

Этим объясняется та глубокая ненависть, которую бедный питал к богатому в «обетованной» земле во все времена. Становится также ясным, как велика была мудрость того, кто сказал: «Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый попадет в царство небесное».

«Возлюби своего ближнего, как самого себя». Этой заповеди вовсе не было среди десяти, начертанных на каменных скрижалях в Синае. Она появилась в более позднее время.

Дети, принесенные в жертву

Результаты раскопок Макалистера всколыхнули весь мир. Гезер становился излюбленным местом археологических раскопок в Ханаане.

В одной из пещер нашли многочисленные детские трупы. Они похоронены в кувшинах. Всем этим детям было не более 8 дней. Ни у одного из них на теле не обнаружили следов какой-либо травмы или насильственной смерти. Только у двух младенцев можно было заметить следы ожогов.

Наверное, их еще живыми втиснули в кувшины, в боль-

шинстве случаев головами вниз. Потом детей похоронили в «святом месте». Скорей всего, это были первенцы, которых принесли в жертву господу. Еще в священном писании времен Моисея говорилось: «Ибо мои все первенцы у сынов Израилевых от человека до скота...» (IV кн. Моисея («Числа»), 8, 17; II кн. Моисея, 13, 2).

Мнения ряда ученых по этому вопросу — так по крайней мере информировал Г. Ригиотти — совпали. Речь здесь идет о священных жертвах. Новейшие находки, кстати, подтверждают классический пример Гезера.

Еще во времена царя Давида¹⁰ (правда, в качестве испугительного жертвоприношения) однажды принесли в жертву семерых царских сыновей: «...и они повесили их (на солнце) на горе перед Господом. И погибли все семь вместе; они умерщвлены в первые дни жатвы, в начале жатвы ячменя» (II кн. Царей, 21, 9).

Поэтому остается неясным, справедливы ли обвинения пророков Иеремии и Иезекииля, предъявленные лишь одному Ваалу, которому приносили в жертву детей Израиля.

Неужели они не знали II и IV книги Моисея?

Пальцы Ашираты

Когда-то на севере Палестины у старой военной дороги, которая шла из Египта через Ханаан в Сирию, стоял укрепленный город Таанак. Он хорошо известен по египетским и ассирийским документам и сообщениям Ветхого завета. Поэтому было нетрудно предположить, что под Телль-Таанаком похоронен город, который даже во времена Иисуса больше уже не существовал.

Этот холм в 1901 году начинал раскапывать венский профессор Эрнст Зеллин. Он нашел там чрезвычайно редкие в Палестине клинописные таблички-«письма» от соседних властителей правителю города Таанака по имени Иштаряшур. Имя его напоминает великую вавилонскую богиню звезд Иштар.

Был найден «бювар», в котором Иштаряшур хранил свои наиболее важные письма, — поломанный глиняный ящик длиной 60 и высотой 65 сантиметров. В одном из этих писем, написанных, очевидно, каким-то египетским властителем, читаем: «Все, о чем ты услышишь там, опиши мне, чтобы я узнал об этом. Когда покажется палец Ашираты, надо это учесть и действовать, как положено. Сообщи мне об этом знаке и об этом деле!»

Пальцы Ашираты?

Как все это загадочно, даже если принять во внимание неясность перевода. Когда покажется палец Ашираты? Известна, правда, рука господня и палец, который начертал таинственные слова на стене царского дворца в Вавилоне, — но палец Ашираты? Палец, который должен увидеть правитель Иштаряшур? Где? Каким образом?

Кто такая Аширата, было известно. Это богиня звезд Ха-наана, подобно Иштар и Инанне. Значит, ее палец можно увидеть только на небесах. А его может напоминать серп луны в конце месяца.

Таким образом, в письме египетского полководца содержится указание на дату: «когда покажется палец Ашираты», то есть когда серп луны взойдет у звезды Венеры, тогда он ждет сообщения. Обыкновенное письмо!

Станный способ указания даты не должен нас удивлять. Надо учитывать, что в те времена еще не было календарей в современном смысле этого слова. Все даты узнавали на небе. И в этом глубоко религиозном мире, имея в виду время до и после новолуния, упоминали о пальце великой богини звезд. Тот же палец, кстати, упоминается и в Библии, в рассказе о том, как на глазах египетских чародеев жезл Моисея превратился в змею.

Конечно же, показался при этом и палец! Потому что сама змея была пальцем.

Этот же палец блуждает по многим сказкам Западной Европы. Когда его уколут до крови, он отсыхает или отпадает. Поэтому у крестьян Европы еще и сегодня существует поверье, что если показать пальцем на небо, особенно на луну, то палец может отсохнуть. Ведь и во время новолуния небесный палец, палец бога, палец Ашираты, сморщивается, отсыхает и погибает. Этот же палец предсказывает смерть царя: вспомните слова, начертанные им на стене в Вавилоне во время новолуния.

Мы уже не воспринимаем сейчас стиля библейских выражений. Мы тем более не понимаем этих выражений в тех случаях, когда им намеренно придается загадочный характер. Мы читаем в Библии нечто такое, что либо уже не понимаем совсем, либо, в лучшем случае, понимаем неправильно. То, что представляло во времена Моисея (или другие древние времена) отточенную игру слов, уже совершенно не доходит до нашего сознания.

Разве это не обидно, особенно если иметь в виду, что все написанное в те времена необыкновенно интересно для нас?

Но Таанак подготовил нам еще и другой сюрприз. На полу одного разрушенного дома середины II тысячелетия до н. э.—следовательно, относящегося приблизительно ко времени Авраама и Моисея—Зеллин обнаружил нечто совершенно загадочное. Тесно прижавшись друг к другу на полу лежали скелеты пяти детей и одной женщины. Очевидно, смерть настигла их всех в одно и то же время.

Как странно! Ведь совершенно ясно, что здесь не было никакого нападения или убийства во время военных действий. У остатков трупов лежали богатые украшения: золотая налобная повязка, восемь золотых, два серебряных и три бронзовых кольца, пять голубых жемчужин, серебряная пряжка, амулеты и многое другое. В одно из драгоценных колец вделано три разноцветных цилиндра, которые можно поворачивать. Значит, здесь лежала богатая женщина.

Женщина, которая не была ограблена и которая тем не менее погибла вместе с пятью детьми.

Были ли это ее дети?

Или они должны были лишь сопровождать на тот свет знатную особу?

Но было здесь еще нечто такое, что говорило о символической цифре, которая у нас давно уже перестала существовать, так же как и древний язык символов: пальцев, змей, рога, жезла.

Магическое число, выразившееся в восьми золотых кольцах и различном числе украшений, найденных у богатой женщины из Таанака, встречается также и в древнейших эпических песнях Эдды¹¹: «Тогда сказала Гиафлаг, сестра Гиуки: восемь для меня самое несчастное число на земле. Я потеряла не менее пяти мужей, двух дочерей, трех сестер и восемь братьев; я живу теперь одна».

Это символика цифр.

8 золотых колец — восемь братьев,

2 серебряных кольца — две дочери,

3 бронзовых кольца — три сестры,

5 голубых жемчужин — пять мужей.

Как уже говорилось выше, теперь мы не понимаем этих символов; и прежде всего мы не понимаем, какая существует связь между древней Эддой, сложенной далеко на севере Европы, и женщиной, которая умерла в Таанаке (на территории Палестины) вместе с пятью детьми более трех с половиной тысячелетий назад.

Но этим не исчерпываются чудеса Ханаана. Они вновь и вновь появляются из-под лопат археологов.

Дуб Авраама

Приблизительно в 30 километрах южнее Иерусалима, в цветущей горной долине раскинулся древнейший город Хеврон, названный арабами «Эль-Халиль», что означает «Друг бога». Под другом бога разумелся не кто другой, как Авраам.

Крестоносцы христианского времени называли Хеврон «*Castellum ad sanctum Abraham*» («Крепость святого Авраама»). Для христианства и ислама, так же как и для приверженцев веры Израиля, Хеврон (в наше время ничем не примечательное место) — это город Авраама. И все три религии основывали свое предположение на 23-й главе 1 кн. Моисея, где описываются похороны Сары, жены Авраама, которая умерла в «Кириаф-Арбе, что ныне Хеврон, в земле Ханаанской». Тогда Авраам получил от хеттов фамильную гробницу: «на поле Ефроново, которое при Махпеле, против Мамре (получил он) поле и пещеру, которая на нем, и все деревья, которые на поле, во всех пределах его вокруг». Там, в «пещере поля в Махпеле, против Мамре, что ныне Хеврон в земле Ханаанской», похоронил он свою жену.

Принимая на веру этот библейский текст, мусульмане чтят сдвоенные пещеры Авраама в Хевроне. Этим самым они всячески поддерживают древнехристианскую традицию. Ведь во времена Юстиниана над одной из пещер, называемой Махпела, была построена христианская церковь. Через одно тысячелетие крестоносцы обновили ее или построили заново. В конце концов мусульмане превратили эту церковь в мечеть Харам, строго запретив всем иноверцам в нее входить. Верующим мусульманам они стали показывать пустые гробницы, выдавая их за усыпальницы Авраама и его семьи.

В дальнейшем возникла мысль, что гробница Авраама вообще находилась не в Хевроне, а в получасе ходьбы от него, если идти на северо-запад, в роще Мамре.

Там и стоял древний дуб, священное дерево, под сенью которого Авраам принимал трех мужей, предсказавших ему рождение сына Исаака, хотя Авраам и его жена были уже очень пожилыми людьми (об этом рассказано в 13 и 18-й главах 1 кн. Моисея). И как раз там, где стоял священный дуб, находилась пещера Махпела, в которой похоронена семья «святого праотца» и, конечно, он сам.

Сами по себе большие пещеры, пещеры-гробницы под огромными деревьями, ничего необычного не представляют. В Африке подобные пещеры встречаются так часто, что хочется заглянуть под каждое большое дерево — не находится ли там погребальная пещера.

Погребальная пещера и большое дерево — важные элементы библейской мифологии.

Прообраз большого дерева и пещеры находится на небесах. Дерево — это Млечный путь. Близ него — пещера, в которую заходит луна, когда с неба исчезает убывающий лунный серп. Это происходит во время летнего солнцестояния; тогда по старому исчислению кончается текущий год и начинается новый. В этой пещере не только хоронят старую луну, но здесь рождается и новая.

Склонность древних народов изображать свою историю и прежде всего историю своих царей и героев как отражение явлений, происходящих на небесах, облегчает восстановление реальной картины истории человечества. Так, например, некоторые вполне конкретные пещеры-склепы у больших деревьев и на самом деле служили местом погребения великих народных вождей, правителей и героев. Как на небе, так и на земле! И если случайно близ подобной пещеры не было большого дерева, его здесь сажали, чтобы оно было предметом почитания потомков, которые, наверное, удивились бы, увидев пещеру-склеп без традиционного дерева.

В 5 километрах севернее Хеврона действительно находятся руины, которые носят имя Авраама. Библия сообщает, что Авраам жил в «роще Мамре», которая расположена «близ Хеврона», и там воздвиг алтарь (I кн. Моисея, 13, 18). Там стояло и большое дерево, под которым было предсказано рождение Исаака. Только одно заставляет задуматься. Авраам жил в хижине, а не в пещере. В 1926—1927 годах патер Анреас Эваристус Мадер, директор Восточного института Германского общества имени Гёрреса¹² в Иерусалиме при финансовой поддержке Общества по оказанию помощи немецкой науке начал пробные раскопки у Хеврона. Возвышающиеся над землей, состоящие из огромных квадратных плит, стены оказались частями гигантского здания, которое было, вероятно, разрушено в I веке н. э. На развалинах, возле колодца Авраама и его дерева, при императоре Адриане во II веке н. э. было построено новое здание.

После победы христианства при Константине Великом¹³ культовое сооружение Адриана разрушили и вместо него построили христианскую церковь. Ее остатки после длитель-

ных поисков были обнаружены французскими и английскими исследователями. Арабы начиная с VII века н. э. использовали эти развалины как каменоломню.

По свидетельствам античных авторов, там, в роще Мамре, через полтора тысячелетия после Авраама, то есть согласно традиции приблизительно ко времени рождения Христа, образовался большой рынок, один из самых крупных в Сирии и Палестине. История этого рынка у дуба Авраама получила трагическую окраску после поражения восстания Бар-Кохбы (II в. н. э.)¹⁴. Император Адриан велел пригнать на этот рынок тысячи захваченных в плен израильтян, чтобы продать их там в рабство.

Археолог Мадер сообщает, что здесь удалось найти более тысячи монет времен всех правителей Палестины первых семи веков н. э., части мраморных плит и алебастровой посуды, фрагменты надписей, римскую черепицу, маленький votivный алтарь, голову льва из алебастра, корзины, полные мозаичных камешков, остатки сережек и браслетов, кости животных и особенно много костей петухов.

Это явные свидетельства того, считает Мадер, что здесь находился алтарь Авраама, на котором совершались жертвоприношения.

Все это было обнаружено в роще Мамре. Нашли здесь и остатки корней. Они могли принадлежать большому и старому дереву, которое верующие считали дубом Авраама. Но никаких следов самого Авраама в роще Мамре не нашли.

Башня из Сихема

Среди горной гряды Самарии в центральной части Палестины выделяются две вершины высотой почти 1000 метров — Эбаль и Гаризим. Они фланкируют единственный горный проход, который связывает прибрежные районы с долиной реки Иордан и Восточной Иорданией. В седле этого горного прохода расположен Наблус — городок с несколькими десятками тысяч жителей. Своими узкими и кривыми переулками, своей деловой торговлей хлопчатобумажными тканями и скотом, своими многочисленными мыловаренными заводами, расположенными рядом с мечетями и церквями, Наблус совсем не напоминает об истории расположенного когда-то близ него древнего города, о существовании которого сейчас говорит лишь холм щебня Телль-Балата. Этот город назывался Сихем. По библейскому сказанию, Сихем был одним из са-

мых значительных городов того времени. Авраам во время своих странствований направился из Харрана прямо в Сихем. Там явился ему бог и сказал Аврааму, что Ханаан будет принадлежать его потомкам. И Авраам воздвиг богу алтарь в Сихеме.

Внук Авраама Иаков «благополучно пришел в город Сихем, который в земле Ханаанской, и расположился перед городом. И купил часть поля, на котором раскинул шатер свой... И построил там жертвенник...» (1 кн. Моисея, 33, 18—20).

Там стоял и священный дуб. У него Иаков закопал каких-то идолов, чужих богов, «бывших в руках его», и также «серьги» (1 кн. Моисея, 35, 4); можно предполагать, что в соответствии со многими своими прототипами (например, из Ура) они имели форму лунного серпа.

Значит, и здесь встречается та же загадочная и труднообъяснимая история о небесных образах лунного серпа и дерева.

Наверное, это был тот самый дуб, у которого несколькими веками позднее полководец Иисус Навин собрал народ и провозгласил «Законы и права Сихема», как будто Моисей не получил за несколько десятилетий до этого на горе Синай «десять заповедей» и не принес скрижали с законами с господней горы своему народу.

«И вписал Иисус слова сии в книгу законов Божия и взял большой камень и положил его там под дубом, который подле святилища Господня».

Значит, Сихем, по этой версии, был священным местом, где впервые осуществлялось законодательство, местом, куда перенесли привезенные из Египта кости Иосифа и похоронили там «на участке поля, которое купил Иаков... за сто монет и которое досталось в удел сынам Иосифовым».

У Сихема стояла и башня, в которой все мужчины и женщины спасались от Авимелеха. «И нарубил каждый из всего народа сучьев, и пошли за Авимелехом, и положили к башне, и сожгли посредством их башню огнем, и умерли все бывшие в башне Сихемской, около тысячи мужчин и женщин» (Кн. Судей, 9, 49). Таким образом, история Сихема сохранила не только священные традиции, но и рассказы об убийствах, грабежах и восстаниях.

Чтобы восстановить историческую действительность, профессор Зеллин и профессор Прашникер начали в 1914 году поиски у подножия священной горы Гаризим. Они обнаружили остатки дворца и мощные стены, сложенные из огромных каменных глыб.

В 1926 году и в последующие годы Зеллин, а позже Вельтер продолжили эти раскопки, открыв при этом городские ворота, стены и остатки зданий различных эпох.

Древний город Сихем приблизительно в 1600 году до н. э. был разрушен; на его месте сохранились лишь укрепления крепостного типа с башнями, воздвигнутые на высоком холме. Впоследствии их перестроили, превратив в мощную храмовую башню.

Вторая упомянутая в Библии башня стояла за пределами города, на склоне горы Гаризим, очевидно, вблизи «Заколдованного дуба» (Кн. Судей, 9, 37).

В 1931 году археологи обнаружили там помещение с культовыми предметами из Ханаана. Это, наверное, была та башня, в которой сгорела тысяча людей, отстаивая свою веру. Это были, как говорит Библия, израильтяне, которые поклонялись Ваалу.

Священная гора Гаризим является образцовым примером того, как одно и то же место может в течение веков оставаться священным, словно и не происходила смена религий. Потому что на Гаризиме стояла не только храмовая башня Ваала и не только священный дуб и священный камень Авраама, Иакова и Иисуса, но там находились, как объяснял Каплан Альфонс Мария Шнейдер, помимо израильских еще и самаритянские, эллинистические, христианские и, наконец, мусульманские святилища.

В 1928 году раскопали христианскую церковь, построенную на Гаризиме в V веке. Одна религия сменяла на этой горе другую. Остались только священные горы, смутные воспоминания о священных дубах, камнях и алтарях. При этом уже не имеет значения, кому они были посвящены — Ваалу или Аллаху. Они не связаны с именами богов, которые выдумал человек на земле, а служат отражением тех вечных образов, которые он создал для себя на небе.

Колодцы из Беер-Шева

Когда Авраам пришел в Ханаан, сообщает Библия, он заключил союз с Авимелехом, царем филистимлян¹⁵ (?). «Потому и назвал он сие место Вирсавия: ибо тут оба они клялись» (I кн. Моисея, 21, 31).

Авраам посадил дерево в Беер-Шева (Вирсавии). Его сын Исаак тоже пришел сюда и построил алтарь, выполняя повеление явившегося ему ночью господина. Слуги Исаака выко-

пали колодец и сказали ему: «Мы нашли воду. И он назвал его (колодец) Шева».

Сын Исаака, Иаков — Израиль, тоже пришел в Беер-Шева, где ему, как и его отцу, ночью тоже явился господь «в лике своем» и предсказал ему, что он породит великий народ в том случае, если пойдет в Египет. Тогда Иаков со всем своим имуществом, всем своим скотом и всеми родственниками направился в Египет.

Беер-Шева (Бир-эс-Саба — «львиный колодец») расположен приблизительно в 70 километрах к югу от Иерусалима. В средние века город был резиденцией епископа. Сегодня два древних колодца еще напоминают о библейских временах Авраама и его детей.

После второй мировой войны там вели раскопки французские археологи под руководством Жана Перро. И вскоре получили первый большой сюрприз. Они натолкнулись на широко разветвленную подземную систему колодцев, шахт, пещер, лестниц, внутренних помещений и связывающих их коридоров. В скале Беер-Шева нашли целый подземный город — самый древний подземный город в мире.

На глубине до 10 метров ниже уровня почвы тянулись маленькие и большие галереи, откуда через особые ходы можно было проникнуть в многочисленные пещеры сферической формы, которые, очевидно, долгое время были обитаемы. Летом они, наверное, защищали от жары, зимой — от холода, весной и осенью — от изнуряющих песчаных бурь. В пещерах были построены зернохранилища, вырыты колодцы, короче, в них было все необходимое для жизни.

Археологи обнаружили в пещерном городе множество всякого оружия, орудий труда, предметов домашнего обихода из кремня, кости, мрамора, а также из слоновой кости и меди. Бросалось в глаза необыкновенное умение обрабатывать медь, придавать изящную форму изделиям из керамики. Археологи склонны считать, что здесь можно говорить об очень высокой ступени культуры IV тысячелетия до н. э., которая была достигнута в Беер-Шева приблизительно за 2 тысячелетия до Авраама.

Происхождение создателей этой культуры остается пока еще тайной. Их искусство и техника ставят исследователей перед лицом многих загадок. Вскоре археологи получили еще и второй сюрприз. В пещерах Беер-Шева нашли нечто такое, что могло бы дать исчерпывающие ответы на многие вопросы: в подземном городе обнаружили камни, на которых краской были нанесены магические знаки.

Особенно были поражены французские археологи. Дело в том, что точно такие же камни, на которых красной краской начертаны похожие на буквы знаки, уже находили во Франции в приозерном гроте Мас д'Азиль. Они восходят к концу ледникового периода.

Что связывает Палестину с Западной Европой?

Если предположить, что многие вещи из Палестины напоминают европейские, то неизбежно возникает один весьма трудный вопрос: переселились ли наши предки из Европы в Ханаан или наоборот.

Вероятно, следует допустить возможность и того и другого. Между древнейшими обычаями Европы и Палестины много общего: изображение животных на стенах пещер, расчленение трупов, почитание священных деревьев, скал и камней; однородны и изображения львов и быков, лодок мертвых, змей, рыб и орлов в их религиозной символике.

Обращают на себя внимание и многочисленные следы поклонения европейцев луне, пережитки которого сохранились до наших дней в крестьянских верованиях, шуточных поговорках, сказках и приметах. Здесь можно проследить наиболее тесную связь между Европой и Ханааном, а точнее — между Европой и всем Ближним Востоком. И там и здесь известен образ кровоточащей луны, ее связь со смертью, со скелетом, рогом, лодкой, пальцем, зубом и червем.

И если сегодня кто-либо вдруг заявит — задумчиво и немного смущенно, как это принято в нашем высокоразумном мире, — что у него есть неясное чувство, будто он уже когда-то жил в Палестине, то вряд ли стоит над ним смеяться.

Смеяться скорее следует над теми, кто считает, что их предки последние 10—20 тысячелетий жили все время на Рейне, на Темзе или на Сене. Им надо бы показать черепа неандертальцев, которые нашли не на Рейне и не в Англии, а именно в Палестине — в 1925 году в одной из пещер к северо-западу от галилейского озера Тивериады, в 1934 году — южнее Назарета, а позднее еще и в других местах. Или следовало бы привести скептиков к мегалитическим памятникам Палестины и Восточной Иордании, к дольменам и менгирам¹⁶, к сложенным из каменных блоков сооружениям, чтобы они смогли их сравнить с теми же мегалитическими ри-

сунками в Северной Франции, Англии и вообще в Северной Европе.

И, наконец, надо было бы их спросить, почему они так близко к сердцу принимают сообщения древних рукописей о жизни кажущегося совсем чужим и далеким народа, оставившего нам Библию. Может быть, это происходит потому, что так их учили в школе?

О нет! Это совсем не так просто!

Так просто не делается и история!

Она начинается не с шумеров, хеттов или филистимлян, а задолго до них; и, очевидно, начинается одинаково и одновременно в Западной Европе и в Ханаане. Об этом могут кое-что сказать колодцы из Беер-Шева, которые знали Авраама и его детей. Прежде всего одно: история полна смысла в одной едва уловимой своей особенности. Она может возвращаться к уже пройденному ею этапу.

*Сосуд для воды из Сидона (Ханаан)
с изображением змеи по верхнему краю
и головами быков по сторонам*

ФИЛИСТИМЛЯНЕ

И вышел царь Иосия навстречу ему, и тот умертвил его в Мегиддоне, когда увидел его.

II кн. Царств, 23, 29

В 1903 году Германское палестинское общество решило разыскать в Ханаане исчезнувший город, который играл большую роль в истории войн у египтян, сирийцев и индо-германцев, — Мегиддон. Этот город также не сохранил своего библейского имени.

В том же году Г. Шумахер, немецкий инженер-топограф, производивший топографическую съемку местности, начал раскопки холма щебня в Телль-эль-Мутеселиме (Мегиддоне) близ военной и караванной дороги из Сирии в Египет. Шумахер натолкнулся на многочисленные напластования поселений, находившихся на разных уровнях культуры. Потом он нашел большой склеп, который относился, видимо, к середине II тысячелетия до н. э., — усыпальницу мертвых.

В нем лежали останки шести трупов — трех мужских, двух женских и одного детского. Один из мужчин лежал выше других на каменной скамье. Останки были покрыты отделанными золотом амулетами и украшениями из камней и бронзы. Очевидно, это была могила древнего правителя города Мегиддона.

Удивленные археологи насчитали в склепе 42 запасных кувшина с остатками пищи. Никто не мог сказать, почему их было так много, но само по себе число 42 опять-таки является священным, если обратиться к Ветхому завету и египетской «Книге мертвых»¹⁷.

Близ погребения правителя в обрамлении из необработанных камней лежали один в другом два глиняных сосуда. В них среди пепла и углей находились останки младенцев. Рядом стоял еще один маленький сосуд, некогда наполненный пищей. Во второй гробнице нашли останки еще 12 трупов, с согнутыми в коленях ногами. Из них два трупа принадлежали детям в возрасте приблизительно от 12 до 15 лет. На ногах у них сохранились застёжки из бронзовых бусин.

Можно ли говорить, что они сопровождали на тот свет умершего правителя города?

Шумахер проводил раскопки в Мегиддоне два года. Потом в течение двух десятилетий холм оставили в покое. Только в 1923 году здесь появились американцы. Они заинтересовались Телль-эль-Мутеселимом (Мегиддоном) и сумели быстро урегулировать отношения с многочисленными хозяевами этого холма. Американцы попросту купили весь холм у малоземельных крестьян и пастухов.

Институт востоковедения Чикагского университета решил провести здесь показательное научное исследование, раскапывая последовательно один слой за другим. Поручили эти образцовые раскопки выдающимся археологам США, которые располагали отрядом вспомогательных сил.

Прошло двенадцать лет. Но и в 1937 году все еще копали здесь под руководством Гордона Лауда. И даже после второй мировой войны не угас интерес американцев к холму, который был ими раскопан вплоть до материка.

Дело в том, что Мегиддон имеет очень интересную историю, полную значительных событий и длившуюся в течение тысячелетий.

Уже в период немецких раскопок 1903—1905 годов между V и VI слоями (если считать сверху вниз) были обнаружены следы пожара. Но только американские археологи выяснили, что эти же следы прослеживаются по всей площади холма. Ужасный пожар, охвативший весь город, полностью разрушил Мегиддон.

Но город не погиб, он вновь и вновь возрождался из пепла. Это доказывают 20 расположенных друг над другом культурных слоев, восходящих к самым ранним периодам истории человечества.

На земле Мегиддона один за другим возникали, расцветали и погибали целые города. Но на развалинах погибших городов последующие поколения всякий раз возводили новые. Самые древние поселения достигли своего расцвета в Мегиддоне за два тысячелетия до прихода израильтян.

В слоях VII—VIII, датированных XV—XII веками до н. э., нашли фундаменты дворца правителя. Он сохранил следы египетского владычества над частью Сирии и Ханаана, продолжавшегося почти 300 лет. Из сокровищницы дворца уцелели ценные изделия художественного ремесла из слоновой кости времени фараонов XIX династии. Среди них были куски пластинок из слоновой кости, исписанных египетскими иероглифами.

В этих слоях не было никаких следов израильского народа.

Однако VII слой все же не лишен значения для исторической этнографии. В нем были обнаружены первые признаки инородной керамики — иного типа горшки, чаши и миски. Это так называемая «керамика филистимлян».

Филистимляне принадлежали к тем «народам моря», выходцам из Европы, которые к тому времени, когда погибла хеттская столица Хаттусас и многие другие города, в том числе Троя, заполонили Малую Азию, Сирию, Ханаан и дошли до ворот Египта.

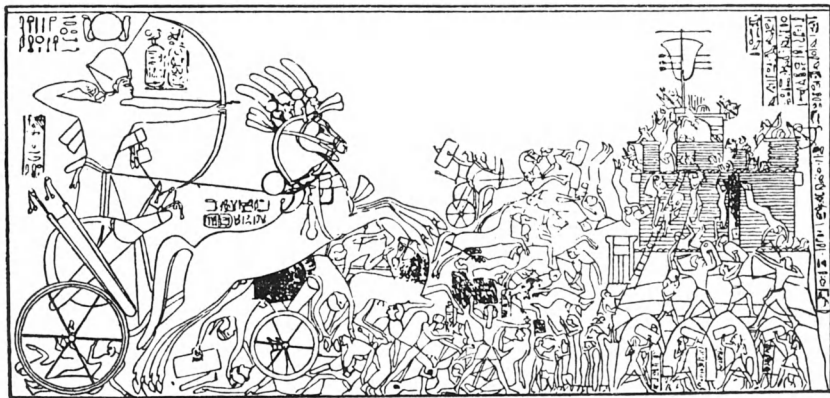
Филистимляне были ветвью народа «пелистим» или «филистей», который дал стране новое имя — Палестина.

Мы знаем, как выглядели филистимляне. Их изображения встречаются на стенах египетских храмов; высокие, стройные люди, живо напоминающие античных греков.

По-видимому, филистимляне принадлежали к кочевым народам, проникшим из глубинных областей Балканского полуострова, Средней и Восточной Европы на иллирийские и греческие берега Средиземного моря; отсюда они через Троаду или по морю, а также с Крита, переселились со всеми чадками и домочадцами и всем скарбом в Египет.

Их следы, таким образом, обнаруживаются и в земле Мегиддона, в Палестине, в слоях, относящихся к XII веку до н. э.

Однако в Мегиддоне по-прежнему не находили следов израильтян. После гибели поселения VI слоя в результате

Взятие сирийской крепости Рамзесом II

большого пожара следующий, более молодой город V слоя имел уже совсем другой вид. Но только из щебня IV слоя показались просторные конюшни для лошадей и военных колесниц царя Соломона. Археологи обмерили их и попытались определить, сколько приблизительно лошадей можно было бы туда поставить. Получилось, что места хватило бы на 120 лошадей. Но они открыли и еще кое-что: красивый рельеф, где был изображен лежащий лев с головой орла. Древний шумерский орел с львиной головой, которого нашли близ Персидского залива, появился в Мегиддоне на тысячелетие позже.

Это тоже история, история культа и культуры.

Царь Саул

Юго-восточнее той равнины, в северной части которой находится Мегиддон, холм Телль-эль-Хуш скрывает библейский город Бет-Сан (Бейсан).

В 1921 году музей Пенсильванского университета (США) направил в Бет-Сан опытных археологов. Перед ними была поставлена задача, требовавшая многолетней работы.

Экспедиция вновь столкнулась с предметами египетской культуры. Бет-Сан в XV—XIII веках до н. э. также испытал на себе сильное влияние Египта. Авраам к этому времени был уже мертв, дети Израиля, согласно библейской традиции, находились в Египте, а Моисей еще не родился.

Фундаменты крепости в Бет-Сане также указывают на египетский тип строительства. На огромной базальтовой глыбе изображен фараон Сети I (около 1317—1301 гг. до н. э.)¹⁸, приносящий жертву богу. Над фигурой фараона в виде орнамента изображено сияние, которое символизирует сияние солнца. На камне видна египетская надпись, касающаяся военных событий в Палестине. Этот памятник из черного камня вызвал большой интерес историков и богословов. Потому что в надписи, прославляющей фараона, рассказывалось, между прочим, о том, что фараон установил мир в Палестине и привел пленных бедуинов в Египет.

Среди ученых началось брожение. Имелись ли здесь в виду хетты? Не лежит ли в основе исторического сообщения о пленении семитских племенных союзов легенда о более позднем уходе детей Израиля из Египта? И не подтверждает ли прямо или косвенно надпись из Бет-Сана бегство израильтян из Египта, с которыми обращались как с пленными?

Но когда они ушли?

После смерти Сети I? Или еще позднее?

Под влиянием такого известия интерес к другим вещам, обнаруженным в раскопах Бет-Сана (культовая посуда с рельефными изображениями змей, большие глиняные саркофаги в форме кувшина с масками — слепками лица, подобными золотым маскам, найденным в Турции), конечно, отступил на второй план.

Все эти вещи моложе памятника из черного камня египетского царя Сети I и, по всем признакам, относятся к XII веку до н. э., времени филистимлян. И здесь опять-таки подтверждаются исторические сведения: ведь филистимляне в свое время ликвидировали египетское господство в Палестине.

Немногим позже, приблизительно в 1000 году до н. э., в Бет-Сане появляется имя первого царя Израиля — Саула. Так по крайней мере рассказывает об этом Ветхий завет: «Израильтяне, жившие на стороне долины и за Иорданом, видя, что люди израильские побежали и что умер Саул и сыновья его, оставили города свои и бежали, а филистимляне пришли и засели в них.

На другой день филистимляне пришли грабить убитых и нашли Саула и трех сыновей его, падших на горе Гелвуйской. И отсекали ему голову, и сняли с него оружие и послали по всей земле филистимской... И положили они оружие его в капище Астраты (Ашират—Иштар); а тело его повесили на стене Бет-Сана» (I кн. Царей, 31, 7—10).

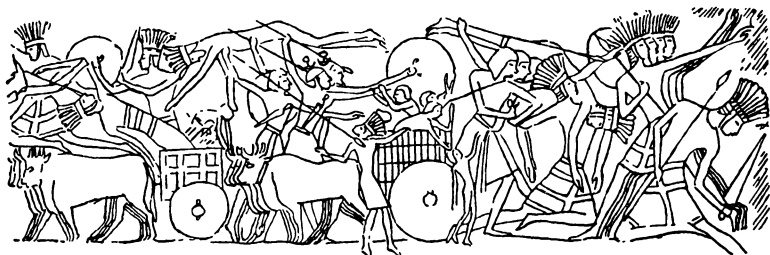
Кто знаком с напыщенным языком египетских и других древних памятников того времени, не может без дрожи читать это бесхитростное сообщение Ветхого завета. Еврейский историк Иосиф тысячелетием позже добавил, что филистимляне распяли Саула и его сыновей на стене в Бет-Сане, отрубив им предварительно головы.

Так началось правление царей Израиля. Чем оно кончилось — это не менее интересно.

Однако для археологов в Бет-Сане дальнейшая история израильтян была закрыта темной завесой. В Бет-Сане наступила ночь. Спустилась такая же тьма, в какую погружен путь и конец филистимлян и всех других европейских племен, которые там господствовали и боролись.

Только в эпоху эллинизма¹⁹, в последние века до нашей эры, вновь вспыхнул луч света в Бет-Сане. Этот луч пришел из Старого света, из Европы. В следующем слое, непосредственно над остатками города Бет-Сана XI века до н. э., ле-

жали фундаменты греческого города Скифополиса, в котором жили, очевидно, скифы из Южной России или с Балкан. Фундаменты Скифополиса, как это тщательно зарегистрировали археологи, лежали на остатках древней городской стены, на которой когда-то висело тело первого царя Израиля.

Египетская живопись, изображающая филистимлян

ИЕРИХОНСКИЕ ТРУБЫ

Тогда сказал Господь Иисусу: вот, Я передаю в руки твои Иерихон и царя его (и находящихся в нем) людей сильных.

Иисус Навин, 6, 1

Тот, кто держит путь из Иерусалима на восток, после тяжелого горного перехода попадает в долину Иордана, туда, где река впадает в Мертвое море. Приблизительно в двух часах пути к западу от Иордана лежит бедная деревня Риха (Эр-Риху) с греческим монастырем и развалинами башни крестоносцев.

Близ этой деревни расположен оазис. Когда-то, в древности, он напоминал пышно разросшийся в тропическом климате долины сад с многочисленными пальмами и благоухающими кустами. Там, у одного из источников, раскинулся «город пальм» — Иерихон.

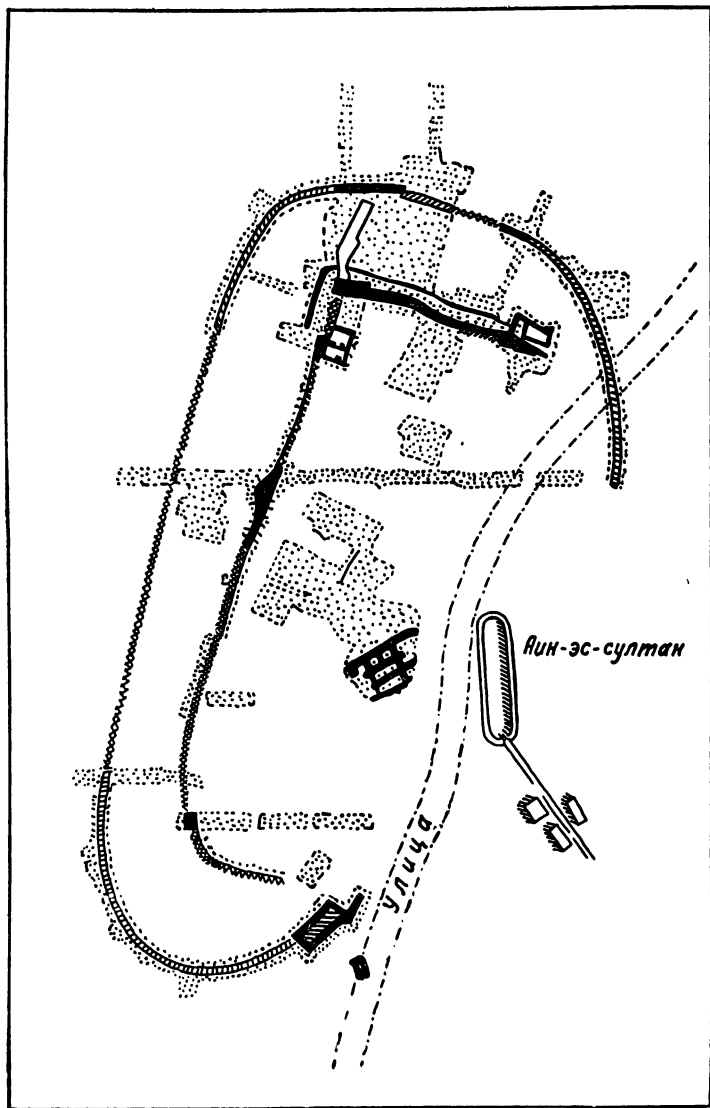
Если идти к городу с востока, надо перейти Иордан, который протекает близ Иерихона.

Об этом говорится в Ветхом завете, в 4-й главе книги Иисуса Навина, где описывается чудо, сотворенное богом, который во время бегства израильтян из Египта заставил отступить воды Иордана; «Ибо Господь Бог ваш иссушил воды Иордана для вас, доколе вы не перешли его...»

Потом свершилось второе чудо перед Иерихоном. Иерихон был крепостью, загораживавшей вход в Северную Палестину. Чтобы добраться в Палестину и осесть там, надо было взять Иерихон.

Как удалось взять этот могущественный город, рассказывает 6-я глава книги Иисуса Навина. Иерихон с его мощными стенами нельзя было взять силой оружия. Здесь могло помочь только чудо — священные трубы, от звука которых обрушились стены города, и «ковчег господний», который в течение семи дней носили вокруг Иерихона, пока город не попал в руки детей Израиля.

В тысячелетней истории войн и разнообразных осад, пережитых человечеством, нет ни одного случая, который можно было бы сравнить с осадой Иерихона, хотя, согласно леген-

План раскопок Иерихона в районе Аин-эс-Султан.
Пунктиром обозначены раскопки, ведущиеся с 1930 года

дам, часто бывало, что боги благословляли оружие завоевателей.

Уже только из-за своих оборонительных стен Иерихон представляет интересный объект для археологических исследований.

В 1907 и 1909 годах профессор Эрнст Зеллин вместе с группой немецких археологов и архитекторов раскапывал у Аин-эс-Султана развалины Иерихона. Само собой разумеется, что главное внимание было направлено на тщательное исследование таинственных стен. Архитекторы измерили эти удивительные городские стены и стали искать те слабые места кладки, которые могли разрушиться.

Толщина наружной стены приблизительно 1,5 метра, внутренней даже 3,5 метра. Расстояние между этими циклопическими стенами примерно от 3 до 4 метров.

Неужели же такие стены могли упасть?

И всего только от звуков трубы, заклинаний при помощи «ковчега господня» и магического числа семь?

Даже самая богобоязненная душа не сможет подавить в себе известные сомнения по поводу такого вмешательства бога в военные действия. Уж тем более не верили в это археологи, которые принялись за методические исследования с рулеткой в руках и с профессиональным скепсисом в душе.

Результаты исследования показали, что стены в Иерихоне упали на самом деле. Это подтверждали огромные трещины и обвал больших частей внешних стен наружу, а внутренних — внутрь.

Значит, все-таки чудо!

При этом не имеет большого значения, разрушили ли стены звуки труб, согласно библейскому варианту, или к этому привело гигантское землетрясение в долине Иордана у Мертвого моря, как считают современные архитекторы.

Но когда?

Когда же произошло это землетрясение?

Решением этого вопроса интересовались не только знатоки библейской хронологии, но также геологи, историки и, конечно, археологи. И здесь надо прямо сказать, что мнения по этому важному вопросу расходятся.

Одни ученые считают, что речь должна идти о сильных сотрясениях земли в XV веке до н. э., другие же убеждены, что это случилось в XIII или XII веке до н. э., то есть как раз в то время, когда, согласно Библии, дети Израиля перешли через Иордан и увидели, как разрушались стены Иерихона.

С тех пор очень многие пытались объяснить, что пред-

ставляли из себя стены Иерихона. Библейская легенда известна. Именно она и побудила английских, американских, австрийских и немецких ученых вступить в спор о том, могли ли эти стены упасть именно в тот момент, когда дети Израиля переходили Иордан. Зеллин и Ватцингер решительно отвергли предлагаемую ранее датировку этого события, выдвинув новые соображения, отвечавшие в какой-то степени потребностям теологии.

Между тем, нам представляется, что для истинно набожного человека не так уж важно, упали ли стены Иерихона на сто либо даже на двести лет раньше или на сто лет позже, чем раздались звуки труб. Так или иначе, но Иерихон попал в руки детей Израиля благодаря измене. А поскольку в этом нетрудно увидеть «божественное предначертание», то нельзя обвинять хрониста в том, что он приписал его действию и таинственное землетрясение, которое, конечно, еще более выразительно передает волю бога, чем простая измена.

Библия вовсе не отрицает, что измена могла иметь здесь место. Более того, в ней подробно описывается, как господь пощадил предательницу блудницу Рахав и ее семью, тогда как все жители Иерихона вместе со своим скотом были уничтожены: «мужчины и женщины, молодые и старые, овцы и ослы». Чудо в Иерихоне бледнеет таким образом перед теми методами войн, которые велись в древности.

Немцы покинули холм Иерихона (высотой 30 метров), состоящий из перемешанных с землей черепков и обломков кирпича. Они знали из Библии, что Иерихон был позднее вновь восстановлен и что Хиль из Бет-Эля замуровал в качестве жертвы в стены новой постройки двух своих сыновей — самого старшего и самого младшего. Потом холм над бывшим «городом пальм» снова погрузился в ленивый сон.

В 1918 году его внезапно разбудили. На английском фронте у Иерихона случайная турецкая граната, разорвавшись на холме, обнажила надпись. Воспользовавшись этим, после окончания первой мировой войны доминиканцы из Библейской школы в Иерусалиме раскопали здесь израильскую синагогу.

С интересом раскрыли доминиканцы сохранившийся, хотя и в сильно поврежденном виде, мозаичный пол древней синагоги. В центре мозаика составляла круг, где были изображены животные, пророк Даниил во рву со львами и другие сюжеты из библейской мифологии.

По обе стороны от средних дверей на мозаичном полу изображены два огромных животных. Обращенные головами

к входу, они как бы сторожили древнюю израильскую святыню. Это очень интересно — лев и бык. Никакими словами нельзя было бы яснее выразить ту связь, которая существует между этими изображениями и древнейшими культурами Месопотамии. Через два-три тысячелетия после львов и быков Ассирио-Вавилонии символический образ луны появляется в мозаике синагоги Иерихона. И это почти через два тысячелетия после плясок вокруг золотого тельца: ведь синагога была построена в VI веке н. э.

Обезглавленные скелеты

В 1929—1930 годах англичанин Джон Герстенг вновь взялся за раскопки в Иерихоне. Продолжались они в течение многих лет. В 1935—1936 годах Герстенг натолкнулся на самые нижние слои поселения каменного века. Он обнаружил культурный слой старше V тысячелетия до н. э., когда еще не знали глиняной посуды — горшков, чаш и кувшинов. Но люди этого времени уже вели оседлый образ жизни, они жили сначала в круглых, а потом и в прямоугольных домах.

Глиняные полы в домах были тщательно выровнены. Иногда их красили и полировали. Стены уже выкладывали из кирпича и утрамбованной земли. В одном из этих доисторических слоев Иерихона обнаружили своего рода парадный зал с шестью деревянными столбами. Наверное, это был храм — примитивный предшественник будущего святилища. Внутри этого помещения и в непосредственной близости от него археологи не нашли предметов домашнего обихода, зато обнаружили многочисленные глиняные фигурки животных — лошадей, коров, овец, коз, свиней и пластические модели мужских половых органов.

Нет никаких сомнений в том, что древнейшее население Иерихона, которое не пользовалось глиняной посудой, уже умело лепить из глины фигурки животных и другие изображения. Можно вполне реально себе представить, как одному из создателей такой скульптуры в один прекрасный день пришла в голову мысль слепить из того же материала чашу или горшок для еды и питья.

В одном из доисторических слоев Иерихона были найдены также групповые скульптуры мужчин, женщин и детей в натуральную величину. Для изготовления их использовалась похожая на цемент глина, которая намазывалась на тростниковый каркас. Фигуры эти были еще весьма примитивными

и плоскостными: ведь пластическому искусству предшествовали в течение многих веков наскальные рисунки или изображения на стенах пещер. Найденные фигуры показывают, какой большой интерес проявлял доисторический человек из Иерихона к чуду зарождения жизни и созданию семьи: это было одним из первых и самых сильных впечатлений доисторического человека. Понятно, что эти впечатления он перенес потом на представления о богах и их семьях.

После окончания второй мировой войны англичане снова в течение нескольких лет вели раскопки в Иерихоне. В 1953 году Катли Кэньон руководила экспедицией, с деятельностью которой связаны дальнейшие открытия в этом «древнейшем городе мира». Для участия в раскопках, становящихся все более и более интересными, англичане пригласили немецких антропологов, работавших там несколько лет. Ученые выяснили, что люди, жившие в Иерихоне приблизительно 8—10 тысячелетий назад, вели в этом райском краю полную опасностей исключительно тяжелую жизнь, и средний возраст их не превышал 20 лет.

Правда, этот средний возраст объясняется высокой детской смертностью. Но и взрослому человеку, который избегал тысячи опасностей в детском возрасте, также угрожала ранняя смерть. Только немногие из них доживали до 40—45 лет. Людей старше в Иерихоне, очевидно, вообще не было.

У этих людей были полностью изношены зубы — следствие грубой пищи, состоявшей из круп и стручковых плодов, растертых в каменных ступах. Люди уже не способны были пережевывать пищу и, очевидно, медленно шли навстречу смерти. При этом бросается в глаза, что в древнейших могилах Иерихона за 6500 лет до н. э. большей частью находили скелеты без головы. Черепа отделяли от трупов и хоронили отдельно.

Культовое отрубание головы и охота за головами известны во многих частях света и встречались вплоть до нашего времени. Здесь, в Иерихоне, археологи стояли, по-видимому, у источника этого культа.

Почему восемь-десять тысяч лет назад у трупов отделяли головы и хоронили их отдельно? Этот вопрос очень интересен, и не следует проходить мимо него.

Делали ли это опять-таки потому, что подражали происходящему на небесах?

Потому ли, что и луна постепенно изо дня в день убывает, до тех пор пока вся ее «голова», все «лицо» полностью не исчезнет?

Явления обезглавленной и ущербной луны наблюдаются на земле так часто, что трудно отрицать возможность появления подобных мыслей.

Зачем же нужно это подражание?

Почему понадобилось отрезать мертвым людям головы, как отрезают «голову» луне на небесах?

Какую цель преследовало это подражание?

Все дело в том, что отрезанная «голова» луны возрождается вновь. Луна начинает свою новую жизнь. Почему же не должна вечно повторяться жизнь человека?

Почему же человек не должен воскреснуть так же, как воскресает луна?

Могли ли древнейшие жители Иерихона 6500 лет до н. э., будучи мыслящими существами, вынести свою короткую жизнь, если бы у них не было этой надежды?

Были ли это Содом или Гоморра?

Недалеко от Иерихона, в восточной части долины Иордана, у загадочного холма щебня, который местные жители называли «Телль-эйлат-Хассул», начиная с 1930 года по поручению Папского библейского института вела работы группа известных археологов.

Первые же раскопы показали, что на этом месте погребен древнейший город, который был, по-видимому, старше Иерихона.

Здесь были обнаружены сосуды, украшенные рельефными изображениями женских грудей или змей. Змей, казалось, пили из сосудов.

В наиболее глубоко расположенных слоях, которым, наверное, не менее шести тысяч лет, на гладковыбеленной стене сияла огромная звезда с восемью чередующимися красными и черными лучами. Это, видимо, и была та самая звезда, которая уже сияла на пороге исторического времени в шумерской Месопотамии, была знаком Инанны — Иштар или олицетворяла божество вообще. Звезда в Хассуле являлась центром большой композиции, которая, к сожалению, почти не сохранилась. Вокруг нее, очевидно, был изображен какой-то орнамент из переплетенных змеиных тел и глаз.

И опять исследователей волновал вопрос о времени этих находок. Археологи тщательно сравнивали отполированные кремневые топоры и многочисленные черепки с ранней сирийской культурой из Телль-Халафа и с египетской культурой

IV тысячелетия до н. э. Потом они присвоили культурному слою Хассула с его восьмилучевой звездой наименование «хассулского» и определили его возраст приблизительно V или VI тысячелетием до н. э.

Когда арабские рабочие откопали обломки керамики, на которых виднелись процарапанные знаки, ученые заволновались. Сразу же появились лингвисты, которые набросились на заинтересовавшие их своеобразные надписи. Затем стали допрашивать арабов до тех пор, пока они, совершенно растерявшись, не признались, что сами нацарапали эти знаки на найденных черепках, чтобы получить особенно большой бакшиш. Археологи должны учитывать и такие случайности. Но тем точнее они смогли потом установить, что Хассул стоял на очень высоком уровне культуры, когда в начале бронзового века он был уничтожен огромным пожаром. Этот пожар возник примерно в XX веке до н. э. и буквально превратил весь город в пепел, прекратив тем самым историю Хассула, города, настоящее имя которого пока еще не определено. Со времени пожара на этом месте никто больше не жил. Прошедшие с тех пор четыре тысячелетия сравнивали остатки большого города с землей.

Был ли это Содом? Была ли это Гоморра?

Этого никто не знает. Известно только, что в долине Иордана не было никакого другого более значительного города, о котором сохранилось бы историческое предание. Поэтому остается лишь прочитать в Библии, что там сказано о Содоме и Гоморре. Стены Иерихона уже доказали, что библейское сообщение, хотя и выражено в своеобразном стиле, может все-таки в какой-то мере отражать подлинные исторические события²⁰.

В Библии сказано: «Солнце взошло над землею... И пролил Господь дождем серу и огонь... на Содом и Гоморру... и ниспроверг города сии... и (все) произрастения земли. Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом» (I кн. Моисея, 19, 23—26).

Такие соляные столбы еще и сегодня можно увидеть у Мертвого моря, у «моря Лота».

КЛИНОПИСНЫЕ ТАБЛИЧКИ ИЗ САМАРИИ

И было после сих происшествий: у Навуфея Изреелитянина в Изреели был виноградник подле дворца Ахава, царя Самарийского.

III кн. Царств, 21, 1

В последние годы перед началом первой мировой войны можно было увидеть, как археологи из всех стран света с большим рвением, чем когда-либо раньше, вели раскопки на земле Палестины. На поле битвы вышли представители сравнительно еще молодой археологической науки США, не считавшиеся здесь с большими затратами. По заданию Гарвардского университета на развалинах древней столицы северного израильского царства Самарии вела раскопки в 1908—1910 годах экспедиция под руководством Г. А. Рейснера и К. С. Фишера, в которой принимал участие и немец Шумахер. С 1931 года эти исследования продолжались объединенными силами Гарвардского университета, Еврейского университета в Иерусалиме, Британской академии, Палестинского исследовательского фонда и Британской археологической школы в Иерусалиме. Возглавлял эту объединенную экспедицию в течение первых лет Г. Ф. Кроуфут. Даже простое перечисление такого большого количества институтов, которые интересовались одной лишь Самарией, показывает читателю, какую солидную организацию создали в Палестине английская и американская археология.

Построенная в IX веке до н. э. на пустынном месте Самария, как это показали раскопки, представляла собой мощную царскую крепость со стенами толщиной до 5 метров. В роскошном дворце, украшенном инкрустациями из слоновой кости, цари Израиля господствовали со времени раздела царства Давида (после смерти Соломона) и вплоть до гибели Северного царства. Здесь, во дворце Самарии, археологи также нашли таблички с надписями.

Это были маленькие глиняные таблички IX века до н. э. с написанными чернилами текстами, которые можно было еще читать, — самые древние израильские письменные доку-

менты, найденные до сего времени в Палестине. К сожалению, их содержание разочаровало ученых; речь шла о своего рода «накладных» на вино и масло, поставлявшиеся царскому двору. Но, конечно, эта письменность сама по себе представляла огромный интерес для лингвистов нашего времени.

Археологов же весьма заинтересовал бассейн, вырытый в северной части царского дворца в Самарии, потому что к нему, наверное, и принесли труп царя Ахава. «И обмыли (военную) колесницу на пруде Самарийском, и смывали кровь его, и омывали блудницы, по слову Господа, которое Он изрек». Как и почему царь Ахав, который хитростью и убийствами присвоил себе виноградник, стал жертвой слова господня, об этом подробно говорится в Библии.

Самария послужила ареной страшной драмы в истории Израиля. Около 721 года до н. э. пало Северное царство. «В девятый год Осии (последнего царя) взял царь Ассирийский²¹ Самарию, и переселил израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе, и в Хаворе при реке Гозан, и в городах Мидийских» (IV кн. Царей, 17, 6).

Ни один библейский документ не сообщает, что израильтяне или их дети когда-либо вернулись в «обетованную» землю. Десять из двенадцати племен царства Давида были изгнаны и, по всем признакам, погибли в ассирийских болотах, расадниках лихорадки. А в Самарии поселились ассирийцы из «Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима... И они овладели Самарией и стали жить в городах ее» (IV кн. Царей, 17, 24). В длинном послесловии, которое Библия добавила к рассказу о гибели десяти племен Израиля, перечисляются грехи их царей и народа: неверное богослужение по «языческим канонам» (которое на самом деле соответствовало древней религиозной традиции Израиля); поклонение столпам и изображениям богини звезд Аштар на горах и «под всяким тенистым деревом»; поклонение Ваалу и «двум литым тельцам»; приверженность к религии звезд и «всем владыкам небесным». За все это господь «отверг их от лица Своего».

Сегодня о древней Самарии, блестяще восстановленной Геродом Великим²², напоминают лишь остатки развалин у деревни Себастья, но и эти древние развалины говорят о том, как прекрасен был когда-то этот город.

И это все?

Все ли это из того, что запечатлела земля из библейской истории?

Где были памятники Иисуса Навина? ²³

Где были алтари, находившиеся под священными деревьями?

Где жили хетты, моавиты, эдомиты ²⁴, где находятся возвышенности, на которых они совершали богослужения? Где же их следы?

В 1921 году на территории древней крепости хеттов Кадеш у реки Оронт, что на севере Палестины, начал раскопки француз Пецард.

В 1922 году Американская школа восточных исследований обнаружила на поле руин в Гибее громоздкие двойные стены и остатки мощной угловой башни.

В 1926—1929 годах проводила раскопки в Силоме датская экспедиция под руководством Ганса Кьяйера и Карла Христенсена. Здесь когда-то находилась общеизраильская сожвоищница, которую впоследствии захватили филистимляне. Упоминание об этом есть у пророка Иереми: «Пойдите же на место Мое Силом... и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестье народа Моего Израиля!»

И на самом деле: все было разорено. Филистимляне не оставили здесь камня на камне.

В 1926 году начались раскопки Телль-эн-Насба. В этом же году объединенная экспедиция Питтсбург-Ксения-теологической семинарии и Американской школы восточных исследований под руководством Уильяма Ф. Олбрайта приняла исследования и раскопки Дебира (Телль-Бейт-Мирсим, ранее Кириаф-Сефер). Это было место, о котором упоминалось уже в Книге Иисуса Навина и в Книге судей ²⁵. Среди интересных находок здесь следует отметить изображение богини, вокруг которой обвилась змея.

Элиу Грант из Хаверфорд-колледжа в 1928 году снова взялся за раскопки в Бет-Шемеше (Телль-эр-Румейлех), которые были начаты в 1911—1912 годах Дунканом Макензи по поручению Палестинского исследовательского фонда.

В этом же году Иельский университет и Британская археологическая школа начали исследование Герасы. Этот университет затем продолжил на несколько лет работы в Герасе совместно с Американской школой восточных исследований. Расходы при этом роли не играли. Богатая Америка была готова предоставить любые средства, лишь бы они способствовали археологическому подтверждению библейской истории.

В 1933 и 1934 годах в Аи копала Юдифь Маргарет Краузе, в это же время У. Ф. Олбрайт и О. Р. Селлерс работали в Бет-Цуре. Библейские названия, священные названия!

С энергией и научным рвением, которые еще столетие назад вызвали бы только глубокое недоумение, изучали археологи территории, где когда-то разворачивалась библейская история.

Золотой телец

В 1934 году У. Ф. Олбрайт, человек, который свободно владел 25 языками и считался в Америке светилом в области исследования Палестины, и Д. Л. Келсо проводили раскопки по поручению Американской школы восточных исследований и Питтсбург-Ксения-теологической семинарии в Бет-Эле; считалось, что там было расположено главное святилище Израиля.

Уже Авраам воздвиг на горе Бет-Эл алтарь. Там же поставил Иаков памятный камень и помазал его миром. Во времена судей в Бет-Эле находилось святилище израильского оракула, к которому весь народ совершал паломничества. У этой святыни плакали, постились, приносили искупительные и благодарственные жертвы своему богу.

Но кто был этот бог?

Там, в Бет-Эле, одно время находилась священная сокровищница, а также золотой телец.

Согласно библейской традиции между народом и первосвященниками со времени Авраама шла борьба вокруг вопроса об истинном восприятии бога. Израильская теология более позднего времени пыталась втолковать богобоязненному и консервативному народу, что культовые обычаи со времени Авраама и до Моисея греховны и порочны.

Однако многие цари Израиля и Иудеи в этой борьбе стояли на стороне народа. Иеровоам, царь Израиля после смерти Соломона, велел изготовить двух золотых тельцов; один стоял в Дане, другой — в Бет-Эле. И царь говорил своему народу: «Вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли египетской!» (I кн. Царей, 12, 28).

Иаков однажды сказал: «Как страшно сие место (Бет-Эл)! Это не иное что, как дом Божий, это — врата небесные» (I кн. Моисея, 28, 17).

Может быть, этот золотой телец в Бет-Эле и был Яхве? Или это был Ваал?

То, что считали отпадением народа от религии отцов, на самом деле было лишь упорной приверженностью к древней традиции. В этом, по более поздней версии, и состояла вина Израиля.

Но было ли это виной вообще? ²⁶

Пыль и нищета

Можно было бы перечислить и еще несколько других холмов, где археологи вели поиски следов библейской истории. Можно назвать Лахиш, город, который во времена царя Хизкии ²⁷ был осажден и побежден ассирийцами.

Но где же находился Лахиш?

В течение ряда лет англичане считали, что они нашли этот древний город в Телль-эль-Хеси (приблизительно в 25 километрах северо-восточнее Газы). Флиндерс Петри и Ф. Д. Блисс в результате интенсивно проведенных раскопок вскрыли там восемь расположенных один над другим слоев городских поселений.

У стен третьего города некогда были сожжены целые рощи оливковых деревьев, чтобы вынудить жителей сдаться. Осаждали ли его ассирийцы?

Или это случилось уже во времена Авраама? Но кто же в таком случае напал на город? И, может быть, Лахиш был расположен совсем в другом месте?

В Телль-эд-Думайре? Но там тоже сохранился только мусор.

Горы мусора и руины среди моря слез, мук, забот и бедствий.

Нет, эта «обетованная» земля никогда не была счастливой страной. Юг ее все время был охвачен пожаром войны и в конце концов завоеван и поработен. В северную часть ее вторгались воины могущественных держав из Сирии, Малой Азии и Месопотамии: хетты и филистимляне, ассирийцы и вавилоняне, персы и сирийцы. Восток ее подвергался беспрерывным набегам арабов.

Несчастный Ханаан! Песок, растираемый огромными мельничными жерновами могущественного мира!

И последствием этих войн — в этом можно быть уверенным — было то, что все алтари, скульптуры и памятники, которые не погибли в ходе ожесточенной борьбы за истинную веру между народом, священнослужителями, царями или судьями, — все это отобрали у них их враги. Ради мира и

сохранения жизни цари Израиля срывали украшения с дверей храмов, отдавали врагам священную утварь, золотые столы, светильники, украшения — все, что было близко и дорого народу.

Поэтому — и только поэтому — больше нельзя найти сокровищ в земле Ханаана, никаких памятников, никаких архивов, никаких золотых тельцов или золотых орлов, никаких тронов с львиными ножками. И лишь изредка попадаются бронзовые змеи. Земля Палестины, если посмотреть на нее с этой точки зрения, стала усыпанным камнями пустынным полем, которое не сулило археологии никаких надежд.

По истощенной земле «обетованной» проносится ветер, словно дух бога. Он забивает песком с мусорных холмов любопытные глаза оставшихся в живых. Иногда бывает лучше, если глаза не видят все так, как это есть на самом деле.

*Идол с головой быка и
знаком фаллоса на лбу
(Палестина)*

ИЕРУСАЛИМ

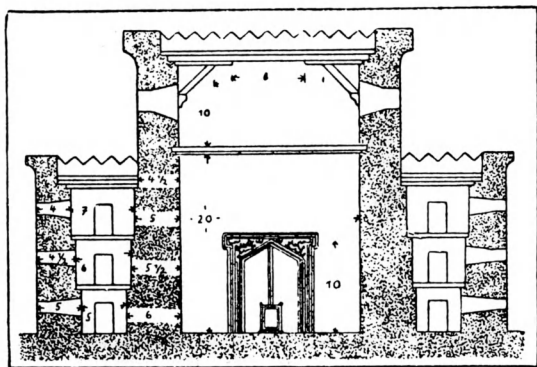
И вот, мы всходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам...

Евангелие от Матфея, 20, 18

Если не считать некоторые малоуспешные попытки, первой серьезной экспедицией, поставившей своей целью проникнуть в археологические тайны Иерусалима, следует считать экспедицию англичанина М. Паркера. В 1909—1911 годах Паркер искал южнее древних храмов священную сокровищницу Израиля. Производить раскопки на территории самих храмов было нельзя, так как здесь, на скале, стояло мусульманское святилище.

Поэтому археологи были вынуждены работать в шахтах и подземных ходах, как шахтеры. Хотя пропавшая без вести сокровищница и не была найдена, но приглашенные сюда специалисты — такие, как Х. Винсент, — использовали представившуюся возможность для исследования подземных ходов, пещер и погребений дохристианского времени. С таким же энтузиазмом французское общество, финансируемое известным банкиром Ротшильдом, попыталось немного позднее решить поставленную по собственной инициативе задачу — найти в Иерусалиме погребение царя Давида, про которое говорили, что оно будто бы находится недалеко от долины Кидрон, южнее того места, где были расположены древние храмы. Однако его не нашли. Тогда в 1913—1914 и 1923—1924 годах за исследование взялись такие опытные археологи, как Р. Вейль, который изучил отдельные части крепости Давида, проследил расположение стен и установил систему снабжения ее водой. Англичане — опять-таки Р. А. С. Макалистер и другие — раскопали на средства Палестинского исследовательского фонда и известной лондонской газеты «Дейли телеграф» холм в районе Офеля, который находился немного южнее храма и, по-видимому, скрывал под собой крепость Давида. Хотя они и раскрыли несколько древних культурных слоев, но не обнаружили ничего такого, что могло бы обрадовать остававшийся верным Библии мир.

А, может быть, души верующих могло затронуть исследование источника Гихон, который снабжал водой Иевус (Иерусалим) во времена иудейских царей? Пробитый сквозь скалу туннель, через который вода поступала в центральную часть города, был устроен так, что осаждающие не могли догадаться, как жители города утоляют жажду. Конечно, туннель этот был большим техническим достижением. Может быть, покажется весьма интересным и предание, со-

*Реконструкция храма Соломона в Иерусалиме.
Поперечный разрез. Фасад*

гласно которому военачальник царя Давида Иоав проник через туннель и шахту колодца, принудив таким путем неприступную крепость иевусеев²⁸ Иевус к капитуляции. Один английский офицер повторил этот трюк и нашел тайный проход в город без особых затруднений.

Но можно ли признать все эти проблемы теми, которые особенно сильно привлекали бы нас в Иерусалим и вообще имели бы важное значение? Действуя с упорством и осмотрительностью, испытывали свое счастье Еврейский университет в Иерусалиме, Американская школа восточных исследований и другие институты на местах, где разворачивалась история Израиля, в которой так тесно переплетаются действительность, легенда и вера. Сильные мира сего настороженно следили за тем, чтобы лопаты археологов не нанесли вреда современным святыням, не уличили религиозную литературу во лжи или вообще каким-либо другим путем не нарушили покоя душ верующих. Вообще, верующий мир пред-

почитал, чтобы в Иерусалиме открывалось лишь то, что и так было уже давно известно.

Например, храм на священной скале. Поборники ислама возвели его так, что вершина скалы проходила через внутреннюю часть святыни. Наверное, на этой скале стоял когда-то жертвенный алтарь соломонова храма, а до этого алтарь Давида, вероятно, являвшегося наследником святыни еще более древнего времени. Но искать какие-либо следы самого храма Соломона здесь, на скале, было, конечно, совершенно бессмысленно. Пришлось удовольствоваться чтением Библии и реконструкцией с помощью указанных в ней размеров исчезнувшей без следа святыни Израиля. Эти размеры сами по себе не производят сильного впечатления. Если судить по Библии, то известный всему миру храм Соломона, построенный силами громадного числа людей с использованием разнообразных материалов, был не больше деревенской церкви нашего времени среднего размера.

Голгофа

Здесь, в Иерусалиме, сталкиваются притязания на «святую» землю Израиля двух самых великих религий мира — христианской и мусульманской. Эта «земля» застроена современными и средневековыми зданиями, которые не давали археологам возможности, что называется, шевельнуть лопатой.

Всякий, кто рискнул бы, основываясь на исторических данных, провести грань между средневековыми и даже античными легендами и реальной исторической действительностью и начать раскопки «лобного места» на Голгофе, неизбежно натолкнется бы на ненависть и презрение. Возможности для подлинно научных археологических исследований были здесь весьма ограничены.

Хотя никто и не препятствует рассматривать под куполом храма, воздвигнутого на месте распятия, обрамленные серебром углубления, указывающие на следы когда-то стоявшего здесь креста, на котором был распят «спаситель», но даже всякая попытка задать вопрос, почему эта выбоина, подобная многочисленным трещинам, встречающимся на скалах во всем мире, достигает всего 20 сантиметров глубины и покрыта медной пластинкой, вызывала возмущение. Здесь, собственно, идет речь уже не о вере или неверии, а о сознательно созданной легенде, повествующей о горной ще-

ли, которая в день смерти Иисуса разверзлась до центра земли, погрузив мир во тьму.

Конечно же, легендарным является и рассказ о том, что во время самого распятия Иисус из Назарета оросил своей кровью «прах прародителя» (Адама). Легендарна и сама Голгофа, «лобное место», по-латински «*Calvaria*» (от *calva* — череп). Отсюда и начинается трагедия веры, первой потребностью которой было доказать существование вполне реальных мест на земле, где жил и страдал «спаситель». Дело в том, что как раз то место, где он был распят, с точки зрения археологической науки не рассеивало тьмы, окутывающей священную историю.

Это находит себе объяснение в самом ходе исторических событий. После тех ужасов, которыми завершилось восстание против римлян в 70 году н. э.²⁹, ни один израильтянин не мог преступить границ опустошенного Иерусалима. А после основания Адрианом (130 г. н. э.) на развалинах Иерусалима римской военной колонии об этом вообще не могло быть и речи. Многие поколения евреев больше никогда не увидели Иерусалима; тем самым стерлись все воспоминания о «лобном месте» и гробе Иисуса, так же как и о месте, где происходила последняя тайная вечеря, и других примечательных священных местах. Уже в годы правления Адриана, очевидно, никто более не знал, где под руинами Иерусалима находился дом Каиафы³⁰ и дом официального местопребывания Пилата³¹. Так открылись двери для создания легенды.

Там, где сегодня стоит храм и находится «лобное место», римлянами было когда-то воздвигнуто на искусственной террасе святилище Венеры. Только два века спустя, когда Константин Великий (306—337) повелел превратить столь знаменательное место воскресения Христа в «открытое для всеобщего посещения и почитания», христиане установили, что оно находится под храмом Венеры. Храм после этого был снесен. На глазах восторженной толпы верующих из-под террасы появилась пещера — «пещера, несущая исцеления», «святая пещера» воскресения. Император Константин воздвиг в честь этого события «огромный и прекрасный храм». Возможно, что многочисленные разрушения, которым подвергся этот храм на протяжении истории, начиная с опустошения его в VII веке персами и до пожара 1808 года, заглушили мысль о том, что «лобное место» и «гроб господен» находились не здесь. Ведь даже из Евангелия было известно, что Голгофа расположена вне городских стен.

В 1867 году приблизительно в 150 метрах севернее Дамаскуста нашли погребение, которое, по-видимому, более соответствовало данным Евангелия, чем расположенная сегодня почти в центре города Голгофа. Погребение близ Дамаскуста находилось на незастроенном месте, заканчивающемся небольшой скалой, которая имела форму человеческого черепа.

С тех пор как генерал Гордон³² во время своего пребывания (в 1882 г.) в Иерусалиме высказал мысль, что эта скала и была местом кончины Иисуса, опустевшее и незаметное погребение, найденное севернее Дамаскуста, получило наименование «гордоновой гробницы Христа».

Она намного больше подошла бы к скромной жизни Иисуса, чем роскошно отделанная церковь в центре города Иерусалима.

В 1925—1927 годах в 460 метрах к северу от Дамаскуста обнаружили части городской стены, которые в последующие годы (до 1940) подвергались повторным дальнейшим исследованиям. Эти-то раскопки и породили особую нервозность, так как они, по-видимому, доказывают, что общепризнанное место нахождения Голгофы и «гроба господня» не могли быть «лобным местом» и местом погребения Иисуса в действительности потому, что были окружены городскими стенами еще до того, как Иисуса привели на распятие.

С тех пор сомнения не исчезают. Был ли незначительный кусок скалы в Иерусалиме — четырехгранный, не более 5 кубических метров в объеме — в реальной действительности «лобным местом», на котором стоял крест Христа? Если это место не было Голгофой, а близ нее не находился «гроб господен», то постройка храма с гробом в Иерусалиме, который с такой яростью разрушали, жгли и грабили на протяжении веков, была бесспорной ошибкой. Правда, в мире часто приходится сталкиваться с ошибками, которые одними благими намерениями не исправишь.

Вифлеем

Христос «воскрес» в погребальной пещере у столба на Голгофе и родился в пещере — кто захочет оспаривать этот установленный на небесах факт? В полутора часах пути на юг от Иерусалима находится Вифлеем, место рождения царя Давида.

Здесь сложилась имеющая определенную политическую цель легенда, что Иисус из Назарета, как будущий царь Израиля, родился среди иудеев там, где некогда родился и первый великий царь Давид: Давид «возлюбленный», сын Исайи из Вифлеема, принадлежащий к колену Иудину; пастух, который пас овец отца своего и почти безоружным пошел навстречу Голиафу, чтобы расправиться с ним. Поистине царский пример для Иисуса из Назарета, пришедшего из Галилеи. Через тысячу лет после Давида!

Знатоки Библии и археологи до сих пор ломают головы над тем, где же было расположено поле, на котором пастухи ночью караулили свое стадо, когда ангел подошел к ним и сказал: «Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Евангелие от Луки, 2, 10, 12).

Как — в пещере?

На пастбище в Вифлееме? Где же это?

По крайней мере не в самом Вифлееме, потому что пастухи говорили друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь!». Значит, пастбище находилось за пределами города. Но где оно точно было расположено, об этом последователи разных вероисповеданий имеют разные мнения. Латинское «поле пастухов» раскинулось на низком холме, где на голой скале в 1954 году была построена церковь.

Но как пастухи нашли «ясли»? Неужели во всем Вифлееме находились лишь эти ясли? По этому поводу Клеменс Копп высказал следующее предположение: «Наверное, знак «ясли» просто указал дорогу для пастухов, чтобы они не шли вслепую». Тот факт, что этот знак «ясли» и сегодня блуждает на небе рядом с Млечным путем (в созвездии Зодиака), указывая место, где должна находиться знаменитая пещера, очевидно, может объяснить «странное блуждание» в преданиях земного Вифлеема. Миф о пещерах в Вифлееме полон противоречий³³.

Ни одно перо не оставило нам описания «Пещеры рождения» в том виде, в котором она была до постройки над ней в IV веке н. э. блестящей базилики. Никому не известно также, где был вход в нее. Сегодня над пещерой в скале возвышается лишь храм Рождества.

Когда в 1932 году пришлось ремонтировать вымостку в переднем дворе храма, английские археологи сразу же попы-

тались воспользоваться этой единственной возможностью, чтобы заложить несколько глубоких раскопов, правда, не трогая стен «Пещеры рождения» и «Пещеры яслей» (оказалось, что было две пещеры).

Под хорами храма, примерно в центре, находилась «Пещера рождения». Поэтому на мраморном полу изображена серебряная звезда с надписью: «*Nic de Virgine Maria Jesus Christus natus est.*»³⁴. Набожные люди придают слову «*Nic*» большое значение, считая, что оно со всей точностью определяет место рождения. Грот длиной 12 метров и шириной приблизительно 3,5—4 метра чересчур симметричен для естественного. Его сферический потолок оштукатурен. Пол и стены покрыты мраморными плитами и коврами.

Рядом с «Пещерой рождения» находилась «Пещера яслей» длиной 3 и шириной 1,8 метра. Ее стены тоже покрыты мраморными плитками и задрапированы.

Но в Вифлееме были, конечно, и другие священные пещеры. Однако и они оказались недоступными для археологов, ибо обаяние мифической традиции действует сильнее, чем все взвешивающий и испытывающий разум. Хотя в «Посланиях Павла», самом древнем источнике, существовавшем до Евангелия, и ничего не говорится о рождении Иисуса в Вифлееме; хотя посетивший в IV веке Вифлеем Иероним и написал, что в «Пещере рождения» в Вифлееме оплакивали «любownika Венеры» Адониса; хотя апокрифические тексты Евангелия и утверждают, что Иисус из Назарета родился «на обратном пути из Вифлеема» в пещере Рахили или около нее, а, следовательно, не в самом Вифлееме, — все это не затрагивает существа веры.

Потому что в конце концов не такую уж большую роль играет вопрос, где в действительности находились эти знаменитые пещеры, а имеет значение лишь то, как глубоко запала в сердца верующих вера «в бога на небесах».

«Его город»

Далеко от Вифлеема, у северных берегов озера Генесарет, в центре Галилеи, археологам представилась одна из редких возможностей провести без особых затруднений раскопки в Капернауме — «его городе».

Там Иисус, которого, как говорит библейская легенда, изгнали и хотели убить жители Назарета, часто останавливался в последние годы своей земной жизни. И вот немцы

Г. Коль и К. Ватцингер нашли в мусоре Капернаума, сегодняшнего Телль-Хума, остатки древнейшей постройки. Заросшие растениями лежали здесь разбитые каменные глыбы, колонны, фрагменты орнаментов. Это были остатки древней синагоги. Была ли это та синагога, в которую Иисус пригласил когда-то своих соотечественников, дабы они вкусили «от тела его и крови его» и тем самым получили вечную жизнь и воскресение в день страшного суда?

Мысль о том, что в этой синагоге мог стоять и проповедовать Иисус, окрылила некоторых членов францисканского ордена. Любовно и тщательно реставрировали они из разбросанных повсюду строительных остатков фасад древнего «дома божьего», частично восстановили орнаменты, составленные из пальмовых листьев и виноградных лоз с изображениями львов и быков.

Руководивший раскопками и реконструкцией францисканский монах Орфали попытался в своей работе «*Capernaum et ses ruines*» («Капернаум и его руины», Париж, 1922) доказать, что эта синагога в действительности относится к первому веку и тем самым могла существовать при жизни христианского «спасителя». Другие исследователи склонны, правда, к иному мнению, считая, что этот «храм божий» был построен лишь во втором веке. Очевидно, он стоял на развалинах той синагоги, где мог бы вести проповеди Иисус.

Как примечательно! Эта святая и «обетованная» земля, которая так богата религиозными легендами и мифами, святыми местами и прекрасными церквями, синагогами и мечетями, оказалась исключительно бедна местами, реально подтверждающими ее священную историю, археологически исследованными памятниками и письменными документами³⁵.

Поэтому каждый скромный клочок бумаги, каждая новая табличка с письменами, каждое даже совсем незначительное открытие в этой области может поколебать и так уже весьма неустойчивые позиции историков религии, у которых страх и заботы часто перемежаются с радостным возбуждением. И только поэтому — именно только поэтому — становится понятным, почему вновь найденные документы смогут привести к таким открытиям, о которых еще век тому назад невозможно было даже подумать.

Следовательно, история археологических исследований Палестины осталась бы незавершенной, если бы мы не рассказали о рукописях Мертвого моря.

РУКОПИСИ

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Евангелие от Иоанна, 1, 1

В 1868 году миссионер из Эльзаса Ф. А. Клейн нашел в развалинах Дибана памятный камень с еврейской надписью. Дибан лежит приблизительно в 20 километрах на восток от Мертвого моря, в бывшей области моавитов, старых врагов Израиля.

После своего возвращения в Иерусалим Клейн обратил внимание французского лингвиста Клермон-Ганно на этот замечательный камень. Клермон-Ганно поспешил в Дибан и скопировал надпись. Копию он послал вместе с соответствующим сообщением в Париж, посоветовав купить этот памятник для парижского Лувра.

Но еще до прихода положительного ответа из Парижа бедуины взорвали камень с помощью пороха. Они, по-видимому, рассчитали, что можно обеспечить себе больший доход продажей многочисленных отдельных кусочков, чем целого камня. По другому варианту, бедуины разрушили камень из фанатических соображений, с тем чтобы он не попал в руки ненавистным пришельцам с Запада.

Клермон-Ганно сумел по крайней мере собрать два больших куска и 18 небольших фрагментов и отправить все это в Париж. Там, в Лувре, камень был восстановлен.

Что же нашли в нем такого сенсационного современные лингвисты? Дело в том, что до этой находки никто не знал, какой была древнееврейская письменность X века до н. э. Камень из Дибана дал возможность познакомиться с ней и сделал ее интереснейшим объектом изучения.

Надпись содержала сообщение царя Меса (Меша) о победе моавитов над израильтянами. В Библии есть описание этой войны и сообщение, что наступление на моавитов было отражено царем при следующих обстоятельствах: «И взял он сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознес его во всеожжение на стене. Это произвело большое негодование в Израильтянах, и они отступи-

ли от него и возвратились в свою землю» (IV кн. Царей, 3, 27).

Таким образом, исторические данные священного писания соответствуют данным из вражеского лагеря; при этом отступление израильтян объясняется ничуть не лучше и не хуже, чем об этом пишут в историях современных войн.

Но моавитский царь Меса убил еще 7000 врагов, «мужчин и детей и женщин и девочек и рабынь» уже после того, как его бог принял в жертву царского сына.

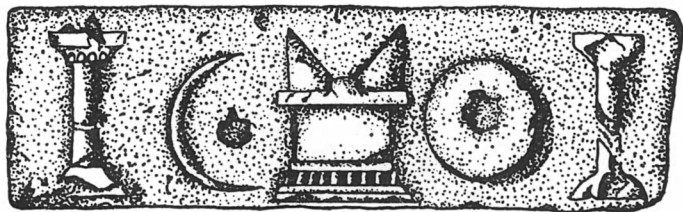
Камень Месы относится, по-видимому, к 840 году до н. э. На нем содержится самое древнее из известных нам форм моавитского письма. Это открывает возможность довольно точно его датировать, в чем и заключается необычайная ценность камня для современной лингвистики.

Забальзамированная рукопись

Через несколько лет после того, как был обнаружен камень Месы, торговцы древностями в Иерусалиме и других местах развили неугомонную деятельность. На рынке неожиданно появились замечательные вещи, которые, очевидно, относились к тому же IX веку, потому что характер письма в них поразительно походил на письмо камня Месы из Дибана. Правда, речь шла здесь не о каких-либо открытых вновь памятниках письменности, а лишь о надписях на глиняной посуде.

В связи с этими древнееврейскими надписями антикварная ценность глиняной посуды значительно возросла. При чем цена повышалась по мере того, как рос интерес к надписям.

Прусский консул в Иерусалиме обратил внимание на необычные находки. Немцы живо заинтересовались глиняной

«Алтарь с рогами» из Восточной Иордании с изображением лунного серпа и полной луны

посудой IX века до н. э. и уполномочили в конце концов консула на право покупки посуды с надписями за те 20 000 талеров, которые за нее запрашивали.

Продавец — антиквар Шапира — был хорошо знаком немецким ученым и директорам музеев как надежный человек, так как он уже продавал (или выступал посредником при продаже) Берлинской государственной библиотеке и Британскому музею несомненно подлинные и весьма ценные древние рукописи.

Но французу Клермон-Ганно, который собрал части камня Месы и отправил их в Париж, что-то не понравилось в этой сделке. Он — тогда еще совсем молодой лингвист, временно работавший переводчиком французов в Иерусалиме, — обратил внимание на эту странную историю и упорно думал о том, каким образом может быть связана древняя посуда с камнем Месы. Короче говоря: Клермон-Ганно предпринимал экскурсии по Иерусалиму и окрестностям и систематически обследовал все гончарные мастерские, хозяева которых зарабатывали себе на хлеб производством посуды.

Ему в конце концов и в самом деле удалось найти ту мастерскую, в которой была сделана предполагаемая древняя посуда вместе с ее древними надписями. В этой же мастерской он нашел потом и список с образцами моавитского письма с камня Месы. Клермон-Ганно обнаружил фальсификацию путем выборочного сопоставления знаков «древнего» письма.

Разразился скандал. Прусское государство отказалось оплатить покупку. Это вызвало резкое обострение отношений между молодым французским лингвистом-переводчиком Клермон-Ганно и антикваром-торговцем Шапира. Только эта вражда и спасла впоследствии английских лингвистов, которым, наверное, пришлось бы пережить большой позор из-за своих отношений с антикваром.

В 1883 году Шапира поразил Британский музей новым сенсационным предложением: дело шло о древнейшей рукописи, содержащей части пятой книги Моисея — Второзакония.

Шапира объяснил, что нашли эту рукопись в пещере недалеко от Арайра (Арер), вблизи упоминаемой в Библии реки Арнон (ныне Вади-эль-Моджеб), восточнее Мертвого моря, недалеко от Дибана. Там ее нашел один бедуин. Завернута она была в черное полотно и «набальзамирована по египетскому образцу».

Еврейские буквы	Надписи Аhi'at из Библа (конец 13 в. до н.э.)	Надписи Aḥi-ḥaṣa'ut из Библа (конец 10 в. до н.э.)	Надпись Меса (ок. 842 г.)	Надпись Нора (Сардиния, конец 9 в. до н.э.)	Надпись Kilaḥti из Зинджирли (конец 9 в. до н.э.)	Надпись Bar Rekuḥ из Зинджирли (8 в. до н.э.)	Кипрская надпись (2-я половина 8 в. до н.э.)
א	א	א	א	א	א	א	א
ב	ב	ב	ב	ב	ב	ב	ב
ג	ג	ג	ג	ג	ג	ג	ג
ד	ד	ד	ד	ד	ד	ד	ד
ה	ה	ה	ה	ה	ה	ה	ה
ו	ו	ו	ו	ו	ו	ו	ו
ז	ז	ז	ז	ז	ז	ז	ז
ח	ח	ח	ח	ח	ח	ח	ח
ט	ט	ט	ט	ט	ט	ט	ט
י	י	י	י	י	י	י	י
כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ	כ
ל	ל	ל	ל	ל	ל	ל	ל
מ	מ	מ	מ	מ	מ	מ	מ
נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ	נ
ס	ס	ס	ס	ס	ס	ס	ס
ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע	ע
פ	פ	פ	פ	פ	פ	פ	פ
צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ	צ
ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק	ק
ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר	ר
ש	ש	ש	ש	ש	ש	ש	ש
ת	ת	ת	ת	ת	ת	ת	ת

Древнееврейские и финикийские знаки письменности в сравнении с другими знаками той же эпохи

Части текста пятой книги Моисея приблизительно IX века до н. э.?

Английские ученые остолебенели от удивления. Вся Великобритания сначала замерла, а потом ее охватило неопишное лихорадочное волнение. И вовсе не из-за того, что на покупку этой рукописи требовался миллион фунтов стерлингов, — хотя тогда это была немисливо огромная сумма денег, которую трудно было себе представить. Нет, Англия была потрясена самой возможностью приобрести рукопись, написанную всего лишь через несколько веков после того времени, в которое, как думают, жил ее автор. В подобной рукописи можно было бы непосредственно ощутить дух бога — бога, который продиктовал ее текст своему земному слуге — Моисею.

Хотя текст рукописи довольно значительно отклонялся от позднейшего варианта, что, по утверждению западных ученых, свидетельствовало о более поздних добавлениях в пятую книгу Моисея, но это в данный момент играло второстепенную роль. Главное было здесь в том, что забальзамированная священная книга — божественный документ, найденный бедуином в пещере восточнее Мертвого моря и проданный Шапира за миллион фунтов стерлингов, — относился к 896 году до н. э. Хотя это уже не время Давида и Соломона, но все-таки этот текст был написан всего лишь спустя одно поколение после построения храма и поэтому обладал большим значением, чем любая другая священная книга. Само собой разумеется, что сперва надо все тщательно проверить! В таком деле нельзя спешить. Британский музей пригласил языковедов и лингвистов, которые должны исследовать текст по всем установившимся канонам. Почетная задача была возложена на известного гебраиста доктора Гинсберга, превосходного знатока древнееврейских рукописей.

Страницы английских газет заполнили сообщения о ходе этой работы. Сомнения сменялись надеждами, но в ежедневных корреспонденциях о ходе расшифровки и переводов уже чувствовалась определенная уверенность. Потому что по своей форме знаки напоминали уже известную надпись Мессы. Судя по буквам, документ был, видимо, без всяких сомнений, очень древним.

Так продолжалось в течение трех недель. Потом появился Шарль Клермон-Ганно, вернувшийся за год до того в Париж, 37-летний ученый, издающий одну книгу за другой о незнакомой еще Палестине, археологических исследо-

ваниях и восточных древностях. Он приехал в Лондон с тем, чтобы посмотреть таинственную ценную рукопись, которая держала в напряжении всю Англию.

Конечно, английские ученые были не против того, чтобы француз принял участие в проверке рукописи. Но здесь за-протестовал Шапира. Он категорически возражал против всякого вмешательства в работу этого проклятого переводчика, который уже причинил ему большие неприятности в Иерусалиме. Пожав плечами, англичане согласились.

Но Шарль Клермон-Ганно уже обнаружил фальсификацию. По одному маленькому фрагменту, который был ему предоставлен музеем для осмотра, Клермон-Ганно доказал, что вся эта рукопись не что иное, как фальшивка. Кроме того, текст содержал ошибки лингвистического характера. К тому же и немецкие ученые уже задолго до поездки француза в Англию догадывались о подделке и предупреждали Клермон-Ганно, чтобы «он не вмешивался в это дело и не причинял себе и другим лишние хлопоты с этим обманом».

И каков же конец?

Английские газеты сначала смущенно молчали и лишь немного позднее, в марте следующего, 1884 года опубликовали короткое сообщение: «В номере роттердамской гостиницы застрелился мужчина». Это был Шапира.

Так и не выяснилось, сам ли Шапира пошел на эту фальсификацию или поручил кому-то изготовить рукопись. А может быть, он стал жертвой других фальсификаторов. Некоторые именитые лица после смерти Шапира выступили в его защиту, пытаясь спасти честь антиквара, хотя было точно установлено, что немецкие языковеды предупреждали Шапира о возможной фальсификации еще до того, как он предложил свою рукопись Британскому музею.

Трагическая судьба?

Кто знает!

Как козы помогли сделать открытие

Еще два поколения людей сошли со сцены, пока мировая пресса не возвестила крупными заголовками о новой сенсации. Шел 1949 год. Теперь уже козы помогли открыть поразительные рукописи³⁶.

И на этот раз это произошло в районе Мертвого моря, но не на восток, а на запад от него. На обычных картах это место на западном берегу в большинстве случаев даже не

обозначено: уж слишком оно незначительно. Но найти его можно, если провести прямую линию от Вифлеема, южнее Иерусалима, до Мертвого моря. Там у берега протянулась горная цепь Рас-Фешха, образующая естественный барьер, преграждающий путь на север. У подножия этих голых, безжизненных гор, где стоит невыносимая тропическая жара, бьет ключ Аин-Фешха. Приблизительно в 4 километрах севернее от него, высоко в горах, расположена пещера.

Два мальчика-бедуина из племени таамире открыли ее в 1947 году. Племя бедуинов весной пригоняло туда свои стада коз и баранов и пасло их маленькими группами, перебираясь вместе со скотом через горные пропасти в поисках скудного корма. Козы карабкались по горным кручам за каждой травинкой. Случалось, что какая-нибудь коза заблудится в горах, и тогда надо идти за ней, чтобы снять с опасного места.

Однажды один из этих двух бедуинов пошел искать свою козу и обнаружил при этом узкую щель в скале. Через нее можно было увидеть темную пещеру. Мальчик бросил вниз камень и услышал, как что-то задребезжало, словно разбился кувшин. Может быть, в пещере спрятано сокровище?

Он позвал второго бедуина, и оба они протиснулись через отверстие в скале. Пещера имела приблизительно 8 метров в длину и 2 метра в ширину. Никаких золотых сокровищ там не было; стояли лишь глиняные кувшины, плотно закрытые крышками. Один кувшин разбило камнем, брошенным мальчиком.

В кувшинах находились свитки из кожи, завернутые в старую полотняную ткань. Внутренняя сторона свитков была исписана какими-то буквами.

Оба сына Аллаха сразу же поняли, что хотя они и не нашли золота, но обнаружили «древности», старинные изделия, за которые можно получить это золото. Они забрали с собой тщательно спеленатые кожаные свитки и несколько неповрежденных кувшинов, чтобы показать их шейху племени. С его мудрых советов и началась одиссея надписей из Мертвого моря.

Монахи, торговцы, профессора

Понятно, что бедуины прежде всего обратились к своему мусульманскому священнику, к шейху в Вифлееме. Шейх посмотрел свитки и понял, что они были написаны не на араб-

ском языке. Находка сразу же потеряла для него интерес, так как для верующего мусульманина серьезное значение имеет только язык Корана. Что было написано раньше или позже на другом языке — либо создано неверующими, либо (как это, видимо, имело место в данном случае) на заре существования человечества или, сказать точнее, до божественного откровения Аллаха, подарившего до того безграмотным людям Коран.

Шейх из Вифлеема без особого энтузиазма направил сыновей бедуина к торговцам древностями. Таким образом оба они попали к торговцу Кандо, который, занимаясь в Вифлееме своими делами, не проявлял никакого интереса к пещерам, где христианский «спаситель» появился на свет. Кандо в свою очередь обратился к одному из своих коллег в Иерусалиме, а тот рассказал о свитках епископу, главе христианской секты якобитов Мар Афанасиосу Иошуа Самуилу, архиепископу-митрополиту Иерусалима и всей Иордании.

Этот епископ имел свою резиденцию в монастыре св. Марка, расположенном среди путаных узких переулков старого Иерусалима и пребывавшем, если можно так выразиться, в полудремоте. Потому что там не было никого, кроме немногочисленных монахов пришедшей в упадок общины якобитов.

Епископ прежде всего потребовал, чтобы ему показали эти таинственные свитки — понятное желание, которое было сообщено торговцу Кандо в Вифлееме и от него бедуинам племени таамире на берег Мертвого моря. Проходили недели. Лишь в июне 1947 г. все было наконец готово. В один прекрасный день трое бедуинов появились у торговца Кандо в Вифлееме с найденными в пещере свитками. Кандо сообщил по телефону о своих гостях архиепископу-митрополиту Иерусалимскому — Мар Афанасиосу Иошуа Самуилу. И вот, после всех этих событий, три оборванных сына пустыни стояли перед воротами монастыря св. Марка в Иерусалиме и просили разрешения войти, чтобы показать свои кожаные свитки его преосвященству.

Однако эти люди Мертвого моря своим видом произвели на почтенных монахов столь отталкивающее впечатление, что бедуинов попросту вытолкали из монастыря. Тем более что епископ, которого не было при этом, забыл дать соответствующее указание.

Это недоразумение привело к тому, что три окончательно запутавшихся, непривыкших к городскому движению бедуи-

на отправились странствовать по Вифлеему и в конце концов, не желая вступать более ни в какие сделки, продали большую часть своих сомнительных свитков торговцу Кандо, а меньшую — какому-то вифлеемскому шейху. По-видимому, они получили немного денег, причем скорее из милосердия.

С этого времени цены на свитки стали повышаться. Епископ из Иерусалима приобрел пять лучших свитков у торговца Кандо приблизительно за 300 марок. Но ни епископ, ни торговец даже и не догадывались, каких золотых рыбок они поймали.

Естественно, что епископ Иерусалимский Мар Афанасиос Иошуа Самуил в первую очередь предпринял попытку определить возраст этих рукописей. Под вымышленным предлогом, что свитки были случайно найдены в собственной библиотеке монастыря («Не солги!» — ведь это не написано в десяти заповедях), он направил монаха в Американскую школу восточных исследований в Иерусалиме, попросив через него справку о времени написания рукописей и их значении.

В это время (стоял уже февраль 1948 г.) мировая пресса еще не знала, какие сенсационные вести придут к ней с Мертвого моря и из Иерусалима.

Американцы очень быстро путем сопоставлений определили, что рукописные свитки епископа относятся к древнейшему времени. Они сравнили их с папирусом на древнееврейском языке, найденным в Египте, скопировали отдельные фрагменты и направили фотокопии одному из своих крупнейших специалистов в области исследования Палестины — профессору Уильяму Ф. Олбрайту. В середине марта 1948 года авиапочта доставила ответ Олбрайта: «Сердечно поздравляю с самой крупной находкой рукописей нашего времени».

Олбрайт не выразил никаких сомнений в подлинности рукописей. Он определил, что пересланные ему в фотокопии фрагменты (свиток Исайи) написаны приблизительно за столет до н. э.

Это была сенсация. Но она станет понятной и для неспециалиста только тогда, когда он узнает, что самые древние из известных пока древнееврейских (или точнее — арамейских) рукописей Ветхого завета относятся к IX веку н. э. Это так называемый «Кодекс Кайренсис»³⁷. Более древние рукописные тексты Ветхого завета давно уже перестали существовать. Сохранились лишь копии с копий, которые опять-

таки переписаны с копий. Греческая редакция Ветхого завета находится, правда, в лучшем положении благодаря Септуагинте — переводу, сделанному в последние века до н. э., но от нее опять-таки сохранились лишь копии с копий.

А поскольку копии в большинстве случаев содержат ошибки, которые до изобретения книгопечатания в ходе последующих переписок все больше и больше умножались (переписчики зачастую сознательно искажали текст, сокращая его или исправляя), то в данном случае имела место подлинно научная сенсация огромного значения, которая справедливо была отмечена Олбрайтом как самая крупная находка нашего времени.

И началась охота за свитками древних рукописей.

Один миллион золотом

Что касается епископа, то тот попытался выяснить место находки кожаных свитков, чего бы это ему ни стоило. Когда ему с помощью торговца Кандо это удалось, он послал нескольких монахов к Мертвому морю с тем, чтобы тщательно обследовать найденную пещеру.

Его люди сначала расширили вход в пещеру, сделав пролом в скале выше первоначальной узкой щели; затем они выбросили наружу все, что еще оставалось в пещере. Среди мусора нашлось еще несколько фрагментов древних рукописей, которые и были немедленно доставлены епископу.

С этого момента Мар Афанасиос Иошуа Самуил, архиепископ-митрополит Иерусалима и всей Иордании, исчез с наших глаз и с глаз всего оплакивающего его общества. Ибо он уехал со своими свитками в страну неограниченных возможностей, не только достаточно богатую, но и весьма приверженную к Библии; во всяком случае настолько, что древние рукописи, имеющие к ней отношение, покупались там за огромные деньги. По слухам, епископ потребовал один миллион долларов в валюте Соединенных Штатов, а на самом деле получил четверть миллиона за свои пять кожаных свитков и некоторые фрагменты. Сам же он заплатил за них всего около 300 марок. Во всяком случае епископ обеспечил себе спокойную старость.

Но в Палестине охота за рукописями только еще начиналась. Ее стимулировали не в последнюю очередь вести из США.

Ученые из Американской школы восточных исследований в Иерусалиме, узнав об успехе побывавшего в США уважаемого епископа, стали усердно разыскивать в Вифлееме торговца Кандо, от которого епископ получил свои свитки. Но Кандо никак не удавалось найти: он скрылся от всех, пребывая, наверное, в своего рода приступе мировой скорби из-за того, что получил за свитки всего 300 марок. Ведь история с епископом и его четвертью миллиона долларов подняла много шума в Палестине. Кроме того, Кандо имел все основания бояться и за свою скромную лепту, так как его могли судить за незаконную продажу древностей.

Наконец, в начале 1949 года секретарю музея Рокфеллера удалось найти Кандо в Иерусалиме. Но Кандо оставил у себя лишь несколько фрагментов — жалких, грязных и отчасти уже прогнивших кусочков кожи. Больше у него уже ничего не было. И Кандо, который свои самые ценные кожаные свитки прямо-таки подарил епископу, получив до смешного мизерную сумму, — этот Кандо хотел сейчас сделать тот бизнес, о котором мечтал всю свою жизнь; по крайней мере с этими последними фрагментами, которые у него еще оставались. Он никогда не сможет простить себе продажу лучших своих свитков дельцу-епископу. Теперь, после упорной торговли, за каждый квадратный сантиметр разорванных и гнилых кусочков кожи он сумел-таки получить по одному фунту стерлингов. Тысячу фунтов стерлингов передало в качестве аванса в дрожащую руку Кандо Иорданское управление древностями при заключении с ним договора.

Это примирило торговца Кандо с сильными мира сего, хотя он никогда более уже не оставался доволен самим собой. И этот персонаж исчез из нашего поля зрения, чтобы освободить место для других действующих лиц, боровшихся за золото или же за научную честь.

Охота продолжается

Прежде всего — это профессор Е. Сукеник, заведующий кафедрой палестинской археологии в еврейском университете Иерусалима. Он обратил внимание на находку рукописей еще до того, как американцы получили о них какие-либо сведения.

Дело в том, что епископ перед тем, как обратиться к американцам, показал профессору один из кожаных свитков че-

рез третье лицо. Будучи специалистом по древнееврейским рукописям, Сукеник, конечно, сразу же определил, что показанный ему свиток текста Исаяи должен относиться ко времени, приблизительно совпадающему с рождением Христа, а может быть, даже — к более раннему. После этого Сукеник на собственные средства стал разыскивать источник появления этих древних рукописей, и ему удалось в конце концов приобрести те свитки, которые бедуины продали за бесценок шейху в Вифлееме. Сколько заплатил за них Сукеник шейху — неизвестно. И можно думать, что и его рукописные свитки в один прекрасный день дойдут до США, если государство Израиль не сочтет за честь само приобрести эти древнейшие рукописи.

Все это время европейские и американские археологи совместно с христианскими монахами искали таинственную пещеру, в которой были найдены драгоценные свитки. Правда, бедуины, у которых о ней спрашивали, молчали. Прослышав о сенсационных и неясных для них известиях, пришедших из большой страны, что за океаном, в которых сообщалось об огромных количествах золота, полученных за «древности», они все же пришли к определенным выводам и предприняли розыски других пещер, где можно было бы обнаружить многочисленные кожаные свитки. Ибо для них уже стало ясно, сколько они потеряли из-за своей наивности.

Сыны пустыни поняли, какой выгодой могут обернуться поиски древних пещер. И они, знавшие пустыню у Мертвого моря как свои пять пальцев, но никогда ранее не интересовавшиеся древними пещерами, сейчас с редким усердием принялись за поиски их среди скал у Мертвого моря.

Их новые успехи сопровождались повышением цен на рукописи. За каждый грязный порванный квадратный сантиметр старого фрагмента они требовали один иорданский динар, что равнялось приблизительно одному фунту стерлингов. Здесь можно провести сравнение с таксой торговца Кандо, по которой можно судить о таинственных связях между ним и бедуинами. С другой стороны, в то время как европейцы и американцы все еще продолжали поиски первой пещеры севернее источника Аин-Фешха, новые свитки или по крайней мере их фрагменты уже текли из какого-то источника, известного только сынам пустыни.

Повсюду, где археологам и лингвистам при помощи разных средств удавалось раскрывать тайны бедуинов, они находили лишь опустошенные пещеры. Короче говоря, близ первой пещеры в течение нескольких лет нашли еще 10 пе-

щер, из которых бедуины в течение 1952 года извлекли не менее 15 000 обрывков из приблизительно ста библейских фрагментов и несколько сот рукописей светского содержания.

Но в каком состоянии!

Очевидно, рукописные свитки подвергались захоронению в пустыне уже после многократного использования и, следовательно, значительно изношенными и частично разорванными.

Время довершало остальное. Тропический климат, насекомые и пресмыкающиеся продолжали свою разрушительную работу в пещерах.

В 1956 году нашли 11-ю пещеру. В ней кроме древних рукописей Ветхого завета обнаружили целый свиток библейских псалмов.

Не исключено, что в последующие годы найдут другие пещеры у Мертвого моря, которые, наверно, уже сегодня известны предприимчивым бедуинам. В то же время полный учет и научная обработка имеющегося уже сейчас материала, очевидно, потребуют многих лет³⁸.

Холм кумранских черепков

Дружеские отношения с офицерами арабского легиона помогли бельгийскому капитану Липпену, занимавшему в Палестине пост наблюдателя Организации Объединенных Наций, обнаружить наконец первую пещеру, кожаные свитки которой подняли столько шума. Вскоре после этого к голым скалам у западного берега Мертвого моря прибыла археологическая экспедиция — первая из многих последующих.

Пещера была обследована патером Р. де Во, главой Библейской школы доминиканцев в Иерусалиме, и Д. Л. Хардингом, директором Иорданского департамента древностей. К этому времени пещера уже была окончательно разорена. Лишь из большой кучи черепков от кувшинов, которые, наверно, стояли когда-то здесь, удалось извлечь еще несколько сот мельчайших фрагментов исчезнувших рукописных свитков.

Это был последний и самый жалкий урожай. Он, конечно, не мог ответить на вопрос, кто поставил глиняную посуду с древними рукописями в пещеру. Должно быть, это были люди, обитавшие неподалеку от пещеры. Но кто же тогда жил

у этого ужасного Мертвого моря, в котором не было ни рыб, ни каких-либо других живых существ и которое на самом деле носит на себе отпечаток смерти?

Кому могло прийти в голову проводить свою жизнь среди мертвой пустыни, среди голых, лишенных всякой растительности скал — можно сказать, в непосредственной близости к смерти?

Неужели же здесь были какие-то древние поселения?

Еще до того как археологи приступили к поискам, они уже знали, что у Мертвого моря жили когда-то ессеи³⁹. Так сообщает Плиний⁴⁰.

Близ пещеры расположен Хирбет-Кумран. Хирбет — по-арабски холм щебня. И вот на этом холме щебня Кумран в конце 1951 года археологи-доминиканцы под руководством патера де Во начали планомерные раскопки.

В течение шести лет они предприняли шесть экспедиций — так важен, так поучителен был Хирбет-Кумран!

Со всей тщательностью были раскопаны остатки целого комплекса помещений. Здесь нашли, между прочим, сотни сирийских, иудейских и римских монет. Большей частью они относились ко II или I веку до н. э. Этим самым подтверждалось то время, когда Кумран был обитаем. Здесь нашли также греческие тексты Библии. Может быть, это способно пролить свет на легендарную историю перевода Библии на греческий язык. Вполне возможно!

Хирбет-Кумран пока оставляет открытыми и некоторые другие вопросы.

В 18 километрах южнее него находится пропасть глубиной в 200 метров с почти отвесными склонами, на которых нет ни кустика, ни дерева. Примерно у середины северного склона бедуины, продолжающие непрерывные поиски, нашли четыре расположенные близко друг от друга, но исключительно труднодоступные большие пещеры. В 1952 году они привели патера де Во к этому месту.

Потом здесь появилась бельгийско-голландская экспедиция, которая в течение 1952 года провела тщательное обследование этих четырех пещер. Во II веке н. э. они, очевидно, служили крепостью и убежищем участникам иудейского восстания под руководством Бар-Кохбы. Были найдены фрагменты библейских текстов того времени. Эти пещеры уже не имели ничего общего с Хирбет-Кумраном, обиталищем предполагаемых ессеев.

Правда, они тоже представляли собой большой интерес для археологов, потому что там жили люди, очевидно, еще

до начала бронзового века в Палестине, следовательно, за три тысячи лет до н. э. Другие следы показали, что эти же самые пещеры в течение последующих трех тысячелетий до н. э. повторно использовались для жилья.

Кто гнал туда людей?

Кто заставлял их самих, их детей и внуков жить в горных пещерах среди голых вымерших ущелий, вода в которых перемешана с битумом и пахнет нефтью?

Выгнала ли их сюда беспощадная захватническая война с чуждыми племенами, которые уничтожили все живое в цветущих поселениях Палестины?

Или это было в конце дохристианского времени, в прямой связи с ожиданием конца света и страшного суда?

Видели ли они, как Содом и Гоморра погибли под слоем пепла? Как огонь вырвался из кратеров вулканов и мощное землетрясение не только разрушило Иерихон, но и распространилось на всю долину, где сегодня находится Мертвое море?

Не привело ли все это к тому, что люди Кумрана стали богобоязненными?

Вопросы! Вопросы к археологам и лингвистам, возникающие на священной и многострадальной земле Палестины. Вопросы о ессеях, их религиозных представлениях, их отношении к верованиям первоначальных христиан и к самому Иисусу из Назарета.

Это еще археология? Или это уже теология? Или как раз граница, отделяющая их друг от друга?

Современные лингвисты

Первые сообщения о рукописных свитках Мертвого моря привели к поразительным последствиям. Не только потому, что сообщение о «находках в пещерах» задело определенные струны человеческой души. Эти находки вызвали к тому же еще и живую дискуссию о возрасте рукописей, найденных в первой пещере.

Известные археологи, как заметил голландец Ван дер Плуг, допустили при этом в своих исследованиях ряд ошибок, которые позднее исправили. Некоторые из них сначала считали, что кувшины с рукописными свитками по крайней мере на сто лет старше, чем были на самом деле. Эта ошибка в свою очередь повлияла на определение времени создания рукописных свитков.

Большинство ученых постепенно пришли, по-видимому, к единому мнению, что рукописи из первой пещеры были созданы между II веком до н. э. и II веком н. э.; некоторые из них, может быть, были немного старше. В то же время ряд исследователей — таких, как американец Соломон Цейтлин, — заявляли, что свитки не такие уж древние и относятся лишь к раннему средневековью.

Если, таким образом, вопрос о времени возникновения рукописных свитков еще покрыт легким и не слишком густым туманом (современный метод С-14 датировки полотняных чехлов, в которые были упакованы свитки, использованный в Чикаго, определил примерное время от 167 г. до н. э. до 233 г. н. э.)⁴¹, то вопрос, кто были авторы свитков или их переписчики, оказался гораздо сложнее.

Действительно, кто были эти люди, которые жили в Кумране у Мертвого моря и прятали свои бывшие в употреблении свитки в пещерах? Были ли это ессеи?

Большинство ученых склонялись к мнению, что это были именно ессеи, члены еврейской секты, которые вели монашеский образ жизни. Другие ученые исходили из того предположения, что это могли быть иудеи — возможно, какая-то особая община, ожидавшая в Кумране страшного суда, от ужасных последствий которого кумраниты считали себя защищенными силой своей веры. И, наконец, третья группа исследователей отрицала вообще существование ессеев. Один из представителей этой группы нигилистов, как сообщил Ван дер Плуг, опубликовал в общей сложности 83 страницы в научной прессе и вслед за этим написал еще целую книгу, чтобы доказать, что ессеи вообще никогда не существовали.

Подобные научные вопросы («за» или «против») не особенно волнуют общественность, тем более что она почти не знает, кого следует понимать под этими ессеями, что им понадобилось в Палестине и почему они жили у Мертвого моря. Широкая общественность утратила покой лишь тогда, когда некоторые современные лингвисты стали утверждать, что содержание рукописных свитков Мертвого моря доказывает необходимость ревизии целого ряда догм и вероучений христианской религии.

Два языковеда, наши современники, использовали представившуюся им возможность для того, чтобы стяжать известность широкой публики и познакомить ее со своими трудами. Они выдвинули сенсационное утверждение о том, что результаты исследования рукописных свитков представляют

собой радикальный переворот в изучении истории христианства.

Парижанин Андре Дюпон-Соммер, бывший католический проповедник и профессор Сорбонны, обнаружил совершенно потрясающее сходство между упомянутым в кумранских рукописях «учителем праведности» и Иисусом из Назарета.

Молодой английский ученый, принимавший участие в расшифровке и переводе рукописей, выступил по английскому радио с таким докладом, который заставил шокированных и ошеломленных слушателей немедленно схватить телефонную трубку или взяться за перо. Он, Джон Аллегро, утверждал ни более и ни менее, как следующее: исходя из не опубликованных еще кумранских текстов, выходит, что «учитель праведности» был распят на кресте, тело же его затем было снято и предано погребению и что апостолы ожидали воскресения и возвращения на землю своего «учителя». Значит, Иисус из Назарета, вернее его прообраз, уже существовал ранее у ессеев.

Вся Великобритания и вся Америка прислушались к этому сообщению. И, несмотря на подписанное пятью учеными опровержение в лондонской газете «Таймс», широкая пресса начала помещать одно за другим информационные сообщения о свитках Мертвого моря. С совершенно необычным для освещения научных вопросов усердием печатались репортажи и статьи под огромными заголовками, оканчивающимися неизменным восклицательным знаком.

Таким путем газеты поднимали свои тиражи, завоевывая читателей. И не случайно один униатский священник из Америки упрекал христианских теологов из США, занимающихся Новым заветом, в том, что они не выполнили свою задачу по объективной информации читателей. Этих теологов можно было даже обвинить в обмане, потому что в своих публикациях они пользовались такими оборотами речи, которые имели для них самих совсем другое значение, чем для широкой публики.

Находки рукописей Мертвого моря поставили теологию перед задачей основательно пересмотреть свои взгляды на возникновение христианства. Но для этого, конечно, теологам не хватает мужества.

Одна из вышедших за это время книг имеет такой сам за себя говорящий заголовок: «Рукописные свитки Мертвого моря — самый большой вызов христианскому учению со времени появления дарвинизма!»

Христианское учение, несомненно, близко к учению кумранской общины. Сознание своей греховности, отношение к имуществу и браку сформировались у них под влиянием общего ожидания страшного суда. Общим для кумранитов и христиан было также поклонение одному и тому же «учителю»: «учителю праведности» — у одних и Иисусу из Назарета — у других. Обоих казнили; очевидно, и того и другого распяли на кресте. И это все? Пока, кажется, все.

Не возбуждает, однако, никакого сомнения то, что иудейские секты существовали еще до возникновения первоначального христианства. Религиозные представления или учения развивались и поддерживались до тех пор, пока они наконец не вошли в христианское Евангелие.

Предположение о том, что при возникновении первоначального христианства был создан своего рода образ Иисуса из Назарета или образы его апостолов или учеников, уже давно отвергнуто; тем самым отвергаются и подобного же рода представления, создавшиеся у некоторых верующих иудеев, — наверное, к их большому сожалению. Сейчас для них стала ясна тесная связь между иудейским направлением веры и первоначальным христианством⁴².

Науке, конечно, уже давно известно, что вера сама по себе не может появиться без духовного стремления к ней. Отсюда ясно, что в этой области не может быть создано и ничего нового, такого, что не было бы тесно связано с древнейшей символикой, древнейшими понятиями и основными представлениями. Подлинно религиозное творчество имело место, вероятно, лишь в ледниковом периоде, в каменном веке или в последующие тысячелетия, но уж во всяком случае не при «учителе праведности» или Иисусе из Назарета и подавно не во времена Авраама и Моисея.

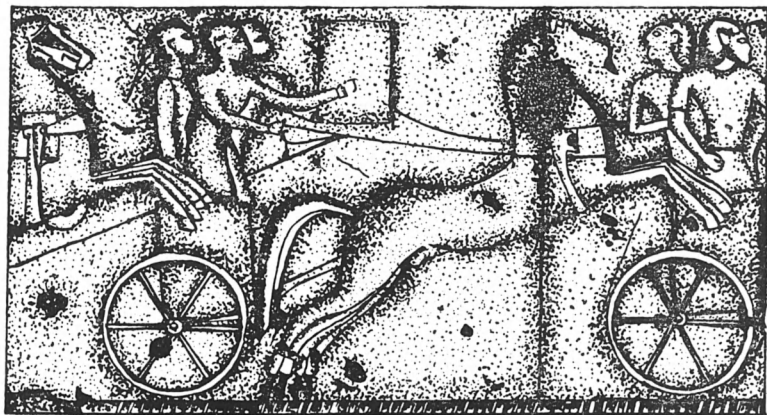
Но это уже не задача теологии, а скорее археологии. Лишь одна она навела нас на следы пути Авраама из Ура в Харран и из Харрана в Хеврон, Сихем и Иерусалим; она ведет все дальше и дальше на юг, к воротам Египта.

Авраам совершил путь в Египет и вернулся оттуда; Моисей тоже был в Египте, откуда он, по библейскому сказанию, вывел свой находившийся в порабощении народ в «обетованную» землю; и Иисус из Назарета также побывал в Египте со своими родителями.

Самые значительные персонажи иудейской и христианской религий жили в Египте более или менее продолжитель-

ное время. Они прониклись его духом, они должны были быть знакомы с его богами — все они, в том числе Иосиф, Иаков и Иисус Навин.

Значит, Египет! Понять Библию — это значит идти к Нилу. Не только к Евфрату и Тигру, не только к Иордану и Мертвому морю, но и к Нилу.

*Хеттские боевые колесницы. Египетский рельеф из Абидоса
(XIII в. до н. э.)*

III

НА НИЛЕ

НАДПИСЬ СО «СЛОВОМ БОЖЬИМ»

Вы, которые через долгие годы увидите эти памятники, рассказывающие о том, что я сделала, вы скажете:

Мы не знаем... как они смогли создать целую гору золота.

Царица Хатшепсут. Египет

Египет — это речной оазис, который протянулся на полторы тысячи километров; это «дар Нила». Без Нила здесь не было бы жизни.

«Эль-Бар» («Море»), как называют арабы Нил, течет с юга, из экваториальной зоны, где весной выпадает огромное количество осадков. Воды Нила достигают южной границы Египта, протекая на протяжении более пяти тысяч километров (Нил — вторая по длине река мира), и оттуда проходят еще полторы тысячи километров по стране до широкой дельты — места впадения в Средиземное море.

Египет почти не знает дождей. Только Нил орошает поля, питает колодцы и поит землю, на короткое время превращая страну вечно сияющего неба в полный жизни плодородный сад.

Пока животворные воды не достигнут летом Египта, страна борется со смертью. С иссушенных полей дует сухой пыльный ветер. Знойные ветры пустыни, адская жара, беспощадно палящее солнце изнуряют людей и животных. Уровень воды в реке угрожающе понижается, иссякают колодцы, огромные водяные колеса, подающие воду, останавливаются, и пустыня, как страшный красный зверь, готовится поглотить умирающую от жажды добычу, чтобы уничтожить последние следы жизни.

Нигде нельзя с такой ясностью провести и одновременно так легко стереть границу между жизнью и смертью, между плодоносящей землей и пустыней, как в Египте. И поэтому мировоззрение этого народа, как никакого другого, необычайно глубоко отражает проблемы смерти, пустыни и загробной жизни.

Отсюда понятно, почему Египет доисторического времени не смотрел на восток, чтобы восхищаться восходом солнца

и поклоняться ему, а смотрел на юг, откуда текла река, которая ежегодно давала ему жизнь. Справа был запад, слева — восток.

Так было из года в год, из поколения в поколение, из века в век. Когда адская жара становилась нестерпимой и иссыкали колодцы, тогда египтяне смотрели на юг, навстречу желанному Нилу. Каждое утро они следили за повышением уровня воды, но не один раз Нил разочаровывал их.

И в конце концов они узнали: когда рано утром, до восхода солнца, на небе появлялась одна и та же звезда, на юге, откуда приходила река, уровень воды поднимался. Появлялась эта звезда, самая большая на небе, поднималась и вода в Ниле.

Таким образом, звезда приносила великую радость. Египтяне давали ей много имен, одно из них, очевидно, было «Сет». Это был добрый бог времени, провозвестник воды, жизни. И как вестник наступления нового года — также пророк новой жизни.

Иногда рядом с Сетом сияла еще одна красивая и большая звезда; это бывало, когда Сет впервые в году появлялся на утреннем небе перед восходом солнца. Египет дал имя и этой звезде — Гор.

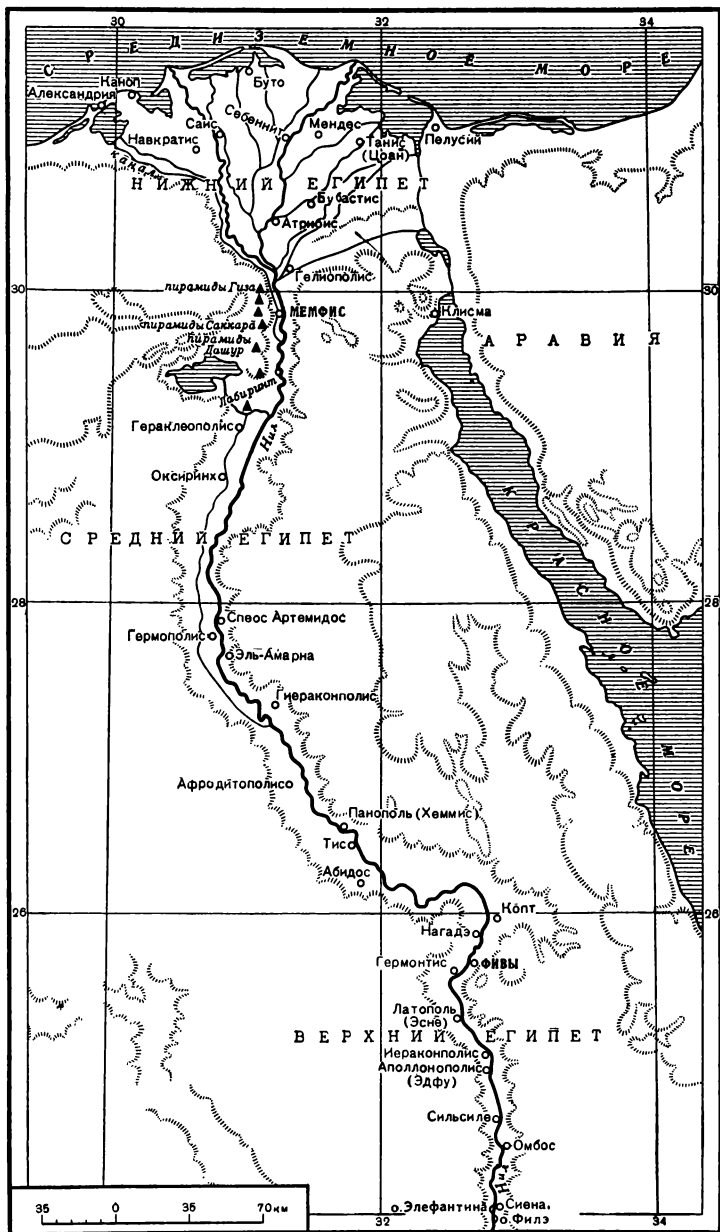
Гор — это планета Венера, которая регулярно появляется каждый восьмой год как утренняя звезда около Сета, звезды, которую теперь называют Сириус. Между тем вечернюю звезду египтяне считали богиней. Они еще не знали, что утренняя и вечерняя звезда — это одна и та же Венера.

Корабль мертвых

Почти в то же время — может быть, лишь немного раньше или позже, — когда Сет-Сириус провозглашал на южном небе приближение вод Нила, по небу на восток, туда, откуда из желто-белой сияющей пропасти выходило потом солнце, плыл узкий, ущербный серп луны, напоминающий таинственный корабль мертвых. Этот корабль исчезал там же, на востоке.

Через три дня или на третий день на западе вечернего неба появлялся новый лунный серп. Это, без сомнения, был новый корабль.

Египтяне долго размышляли над этим. Потом пришли чужеземцы, завоеватели и основатели городов, и сказали,

ЕГИПЕТ В ГРЕКО-РИМСКОЕ ВРЕМЯ

что корабль мертвых — это бык с большими золотисто-желтыми рогами. Когда поднимался Нил и одновременно на юге появлялся Сет, большая звезда, тогда на востоке золотой бык приближался к смерти. И некоторые жители страны у Нила решили, что Осирис, лунный бык, должен был умереть, потому что появлялся Сет, который отбирал у него жизнь. Другие думали, что золотой бык добровольно шел навстречу смерти, чтобы вода жизни напоила Египет.

Египет сохранил все: корабль мертвых, быка, большую звезду Сет и утреннюю звезду Гор. И когда животворные воды Нила не приходили вовремя, сначала лишь некоторые жители Египта, а потом и все остальные стали воспроизводить смерть золотого небесного быка, убивая быка на земле.

Пришли к Нилу другие люди, которые считали, что умирающая луна в небесном океане, конечно, была не быком, а рыбой. По их мнению, быки не жили в небесном океане, где плавают совсем не корабли мертвых, а рыбы. Поэтому они в определенное время ловили и убивали рыбу с тем, чтобы Нил приносил им воду.

И снова пришли к Нилу люди, которые говорили уже не о рыбе или быке, а о других рогатых животных: баранах, козах и каменных козлах, даже о золотых кабанах и, наконец, о рогатых змеях, которые были похожи на рыб, точнее на угрей.

Египтяне оставили и это; они уважали всех животных, которые хоть чем-нибудь напоминали серп луны.

Но потом случилось так, что пришли чужеземцы. Они стали утверждать, что не с юга идет благоволение небес. Что большие реки Индии и Месопотамии, так же как и Иордан в Ханаане, не текут с юга на север, а как раз наоборот — с севера на юг. Если Нил по неизвестным причинам делает исключение, то это ни в коем случае не дает повода к тому, чтобы поклоняться лишь югу. С тех пор египтяне обращали свои взоры и на север. Они узнали, что оттуда дует не знойный ветер пустыни юга, а ласковый освежающий ветер севера. И они увидели на небе, как мириады звезд, словно гигантское колесо, вращаются вокруг Северного полюса; они увидели среди неба сверкающее дерево, усыпанное звездами, и полную луну на его ветвях.

Когда полная луна передвигалась среди двух огромных ветвей прекрасного древа небес, тогда и приносил Нил свои воды. И это сохранили египтяне. Они возносили молитву огромному льву полнолуния, который появлялся среди ветвей дерева всегда в одно и то же время, когда летний зной на-

брасывался на иссушенную жаждой страну. Тогда люди молились и убивали животных, принося их в жертву новым водам Нила.

Правитель ада

Жители некоторых районов на побережье Нила начали ненавидеть Сета, большую звезду. Очевидно, вместо благодетельных вод Нила он приносил адский зной лета. Египтяне начали бояться его, имя Сета стало синонимом всего плохого вообще. Он стал символом красной пустыни и летнего зноя, правителем ада, не знающим милосердия, готовым убить жертвенного золотого быка. Он всегда приказывал убивать его, как только появлялся на утреннем небе, выходя из своего царства пустыни и ада, этот искушитель доброго, готового к жертве бога.

И опять пришли к Нилу новые люди, которые объяснили в конце концов, что на небе не живут ни быки, ни рыбы, потому что небо — это не луг и не океан, а воздушное море. Там живут птицы, большие священные птицы, когти и клювы которых также напоминают лунный серп. И страна у Нила начала почитать ибиса как бога Луны, сокола как Гора, коршуна как вечернюю звезду.

А потом произошел великий переворот: египтяне узнали, что все боги на небесах вовсе не похожи на обитающих на земле, в море или воздухе животных, что божества имеют человеческий облик. Старых богов в образе зверей стали изображать с телом человека. Только головы все еще напоминали о древних представлениях египтян. И, наконец, у богов и богинь лица тоже стали человеческими, лишь на лбу сохранились древние религиозные знаки.

Таким образом, независимо от желания египтян получилось так, что готовые к жертве золотой бык, рыба или баран превратились в богочеловека, смерть которого приносила животворную воду, новое время и новую жизнь.

И с этих пор Египет приносил в жертву людей — множество людей. На его алтарях текла человеческая кровь для того, чтобы поднялся Нил, чтобы земля опять стала плодородной, чтобы люди получили пищу, чтобы жизнь не погасла, а возродилась вновь. Египет сохранил все, не забыв ничего. Он сохранил старое наряду с новым, почитая и то и другое.

И сейчас, после попытки проникнуть в душу народа самой древней (наряду с шумерской) культуры и понять ее, —

сейчас стоит прийти в эту страну, которая ничего не забыла, все впитала в себя и которая в конце концов в необычайной святости своего собственного мира потеряла способность жить, но была слишком благочестивой, чтобы умереть.

Приключение начинается

Когда в середине XVIII века из-под пера путешественников по Африке появились первые описания египетских памятников, они встретили живой интерес на Западе как раз из-за того таинственного нимба, который окружал страну у берегов Нила. Это были сведения о пирамидах, переданные смелыми людьми, рассказы, полные романтики приключений. В них упоминалось — не без попытки слегка попугать читателя — и о Долине царей на среднем Ниле, неподалеку от развалин Фив.

Так, англичанин Ричард Покок в своей книге «A Description of the East» («Описание Востока»), вышедшей в 1743 г., рассказал об опасном путешествии верхом через горные пропасти на западе среднего Нила. Слева и справа от дороги он видел в скалах какие-то помещения, часть которых поддерживали колонны.

Вообще же по всей этой местности он не встречал следов каких-нибудь поселений. Все вымерло. Не росло никаких деревьев, не было ни одной травинки; даже птицы не пели, нигде не чувствовалось дыхания жизни.

После долгой езды верхом Покок и его спутники прибыли к открытой круглой площадке, напоминавшей амфитеатр. Там они сошли с лошадей и полезли вверх по узкому ступенчатому проходу, который, очевидно, был высечен в скале. Когда путешественники поднялись наверх, они увидели голые, словно покрытые ржавчиной горы и скалы и Долину царей между ними — еще более уединенную и унылую, чем пройденная ими до этого область; безмолвная и неподвижная, без всякой зелени, без дерева и кустика, как кратер вулкана после извержения, застыла она в тревожном одиночестве.

Покок нашел 14 царских могил, составив планы пяти из них. Он набросал также эскизы наружных галерей и камер четырех склепов. Остальные могилы, которые ему удалось определить, он назвал «замкнутыми». Очевидно, Покок не имел возможности спокойно завершить свои исследования. Его спутники торопились. Они якобы боялись нападения раз-

бойников, которые бродили по этой области. Но скорее всего, они просто не решались провести ночь в Долине царей. Казалось, что духи прошлого витают в этой долине мертвых фараонов.

Ровно через 25 лет, в 1768 году, свое счастье в Долине царей попытал один шотландец. Это был английский консул в Алжире Джеймс Брук, который страстно любил путешествовать по странам древних культур.

В своем пятитомном сочинении об экспедиции к истокам Нила (Лондон, 1790) Брук рассказал о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть. Его проводники, местные жители, так боялись провести ночь в Долине царей, что просто покинули путешественника, когда он решил остаться в таинственной долине.

Проводники Брука также говорили о бандах разбойников, делавших пребывание в долине небезопасным. Во всяком случае предприятие английского консула вскоре было завершено.

Когда Брук остался один среди гробниц фараонов, им неожиданно овладело странное чувство. Путешественник опрометью бросился бежать и вздохнул с облегчением, лишь увидев перед собой воды Нила. Однако в наступившей темноте он долго не мог успокоиться. Только когда Брук добрался до своей лодки и оттолкнулся от берега, он почувствовал себя человеком, вернувшимся к жизни.

*Розеттский камень*¹

В 1787 году Рим посетил Гете. Там поэт увидел весьма удививший его рисунок египетской пирамиды, привезенный с Нила одним французским путешественником. Гете оценил эту пирамиду как «самую значительную архитектурную идею», которую он когда-либо знал в своей жизни. Он считал, что превзойти ее невозможно.

Через несколько лет друг Гете — известный медик Карл Густав Карус предположил, что пирамиды говорят о какой-то забытой сейчас науке, науке очень древнего времени. Причем об этой науке можно сказать, что она легко вогнала бы в краску все современное человечество, уличив его в безграмотности.

В 1797 году Цоэга — датский Дарвин среди исследователей культуры, — будучи в Риме, также писал о египетских обелисках. Одновременно он со всей осторожностью попы-

тался «рассортировать» иероглифы. Но объяснить их он не решился.

Два года спустя, в 1799 году, случилось следующее: был найден Розеттский камень. Нашли его во время похода Наполеона I в Египет. И здесь возникает вопрос, не делаются ли такие великие исторические открытия всегда в рамках событий, которые своим мнимым величием прикрывают самое основное, хотя вначале оно представляется нам маленьким и незаметным. Не прячется ли оно, это основное, среди дыма и грома канонады, за сверкающими штыками, командами и распушенными парусами огромных военных кораблей. И кто в путанице современного мира сумеет поверить, что ожидаемое открытие должно обязательно явиться в назначенное для него время, ибо на это уже направлены мысли больших ученых, тот будет подготовлен к тому, чтобы понимать весь поход Наполеона на Египет как сверкающее обрамление, предназначенное лишь для открытия Розеттского камня. Потому что при этом создавал историю только камень из Розетты. Незабываемую историю.

Розетта — это небольшая египетская деревня в дельте Нила. Во время похода французского императора в Египет один из солдат Наполеона копал по приказу офицера окоп в районе Розетты. Неожиданно его лопата ударилась о плоский камень величиной примерно с крышку стола.

Когда этот удивительный камень осмотрели — имени нашедшего его солдата история не сохранила, но стало известно имя французского инженера Бушара, первым определившего его значение, — то сразу же выяснилось, что не хватает одного куска, который так и не смогли найти.

Но основное внимание обратили на другое: на поверхности камня разными знаками письменности были начертаны три текста. Самый нижний — оказался греческим. Приглашенные на место находки лингвисты сразу же склонились над этим текстом и прочли интересную историю. Надпись рассказывала о том, как жрецы из всего Египта собрались в городе Мемфисе, чтобы прославить царя. Жрецы решили в благодарность за благодеяния, оказанные храмам, и за поддержку жречества молодым царем Птолемеем V Эпифаном на девятом году его царствования (196 г. до н. э.) воздвигнуть ему статуи во всех святилищах страны. Помимо этого, решили также, что постановление египетского жречества должно быть высечено на мемориальном камне «священными, демотическими и эллинскими буквами».

Таким мемориальным камнем и был разбитый Розеттский камень, через 2000 лет после решения жрецов найденный французским солдатом в песчаной яме у западного рукава дельты Нила, в двух часах ходьбы от берега Средиземного моря.

Камень был из черного базальта. Верхняя часть текста, несомненно, написана иероглифами, «священными буквами», и она должна — как об этом говорится в греческом тексте — совпадать с нижней, греческой частью.

Текст средней части камня написан «демотическими» буквами, то есть египетским курсивом, наследником иероглифов. Он также еще не был известен ученым. Но теперь появилась реальная возможность проникнуть в тайну иероглифов путем расшифровки демотического письма. Надо было попробовать — надо! Но как это сделать, если неизвестно ни письмо, ни язык, который лежит в его основе?

И вот один французский ученый решил попытать свое счастье. Он стал сравнивать демотический текст с греческим. Этим ученым был Сильвестр де Саси, прославленный востоковед, член высокочтимой Академии надписей в Париже. Саси пришел к выводу, что иероглифы представляют собой лишь определенные символы и аллегии, расшифровать которые не представляется возможным, но что демотическое письмо — это письмо алфавитное, хотя определить значение отдельных его букв очень трудно. Во всяком случае он за это не взялся. Он смог выяснить значение только отдельных групп знаков, соответствующих определенным именам царей. Это был довольно жалкий результат, но все-таки какое-то начало.

В 1802 году шведский дипломат Окерблад сумел составить целый «алфавит» демотического письма. Это, правда, было продвижением вперед, но Окербладу удалось определить только буквы, звучание которых оставалось неизвестным: их невозможно было прочитать и перевести.

Прошло еще 12 лет, и лишь в 1814 году одному англичанину удалось сделать следующий важный шаг. Это был врач Томас Юнг. В 1815 году он опубликовал в Кембридже примерный перевод всего демотического текста Розеттского камня. Юнг расшифровал упомянутые там собственные имена и пытался объяснить также большое количество других слов. Но основная часть демотического текста все-таки осталась неп прочтенной. И Юнг решил, что многие слова демотическо-

го текста были написаны не по алфавитному принципу, а имели скорей символическое значение. Это происходило из-за сокращения отдельных слов или беглого написания старых иероглифов. Такое письмо называли иератическим, то есть священным.

Боже мой! Значит, мы имеем сейчас уже три системы египетского письма: иероглифическую, иератическую (которая отличается от иероглифов приблизительно так же, как наш печатный шрифт от рукописного) и, наконец, демотическую. Восхищения широкой общественности загадками египетских букв-знаков, отзвуков древнейшей, казалось, навсегда исчезнувшей культуры таинственного мира, за одну только ночь как не бывало.

И не случайно. Ведь тайна так и осталась нераскрытой. И ни один ученый, даже самый образованный языковед, не мог сказать, что скрывали бесчисленные надписи на стенах египетских храмов, на гигантских памятниках, на оружии и амулетах, стеблях папируса и надгробных камнях.

Никто! Если было так трудно расшифровать демотическое письмо, то казалось уже совсем невозможным понять иероглифы. Это, видимо, было бессмысленной задачей. И только глупцы могли еще пытаться решить ее! Глупцы, хотя и существовал камень из Розетты!

Появление новой звезды

На этом месте авторы, которые пишут о богах и гробницах, делают маленький экскурс, в начале которого саркастически утверждают, что стало уже обычным знакомить заинтересованного читателя с жизнью великих людей, привлекая массу не имеющих отношения к делу бытовых подробностей. При этом достойный уважения труд остается забытым, но зато тем подробнее описывают болезнь матери гения или смелые изречения пяти-семилетнего ребенка и по возможности какие-нибудь сенсационные или трагикомические моменты его жизни. По каким-то неясным причинам из него делают горячего сторонника республиканцев, несмотря на то что на самом деле он был фанатичным поклонником Наполеона. Может быть, причина в том, что именно это больше нравилось читателю республиканской Франции.

Короче говоря, нет никакого смысла драматизировать жизнь Жана Франсуа Шампольона, хотя, конечно, ему приходилось преодолевать серьезные препятствия. Но одно,

правда, можно утверждать точно: ради своей жизненной цели он трудился не разгибая спины до самой смерти. Шампольон родился — пусть астрологи примут это известие к сведению — 23 декабря 1790 года в небольшом местечке французского департамента Ло. На его счастье у него был двенадцатилетний брат, который впоследствии стал профессором греческого языка и как исследователь античности работал в Гренобле. По-видимому, брат и пробудил в маленьком Жане Франсуа Шампольоне овладевшую им в будущем страсть, а может быть, привил и ту упорную энергию, которой обладал сам.

Жан Франсуа Шампольон

Брат стал для Жана Франсуа отцом, примером, кумиром его души. В развитии политического мировоззрения юноши место брата впоследствии занял Наполеон, в котором он стал видеть своего покровителя и защитника; он обучал, воспитывал и направлял внимание Жана Франсуа на исследование тайн Египта. Правда, никто, конечно, не может точно сказать, когда в молодом сердце юноши зародилось горячее желание доказать великими делами, на что он способен.

Жан Франсуа Шампольон отдал свою жизнь науке и достиг успеха. А его старший брат, профессор, хотя и пережил Жана Франсуа на целых тридцать пять лет, так и не сделал себе имени в науке.

Перст судьбы

В 1807 году 17-летний юноша приезжает в Париж, где он усердно занимается. В 1809 году Жан Франсуа становится профессором истории в университете Гренобля. Этому, несомненно, содействовал Жак Жозеф Шампольон, который был очень привязан к младшему брату.

В течение шести лет все шло хорошо. Все это время Жан Франсуа упорно пишет свой трехтомный труд «Египет при фараонах» — смелое по тем масштабам предприятие, если учесть, что тогда не могли прочитать ни одной строчки из памятников египетской литературы. Естественно, что 24-летний профессор из Гренобля мог быть вполне доволен собой. Но это было не так.

В 1815 году Шампольон был уволен с кафедры как бонапартист. Он переехал в Париж. И вот здесь в душу молодого человека запало то, чему он посвятил всю свою жизнь. Он сам поставил перед собой такие барьеры, которые только мог придумать уволенный профессор древней истории, — Шампольон решил расшифровать иероглифы. Он хотел перещеголять всех: де Саси, Окерבלада, Юнга. Ради этого он голодал, ради этого он ломал голову.

И опять в мире случилось нечто, что было для упрямого Жана Франсуа Шампольона как бы указанием свыше: на Нильском острове Филэ, далеко на юге Верхнего Египта, в 1815 году нашли обелиск с двуязычной надписью — иероглифической и греческой. Греческая надпись содержала только два царских имени: Птолемея и Клеопатры.

Оба имени в иероглифической надписи были заключены в «картуши» — овалы, окружавшие царские имена, — и поэтому сразу бросались в глаза. А имя Птолемея, кроме того, уже встречалось на Розеттском камне. Надо было только сравнить группы иероглифов, заключенные в картуши, и доказать, что царские имена всегда писались в овалах. Отсюда и следовало начинать!

Ибо только так можно было доказать, по какому принципу написаны имена Птолемея и Клеопатры в иероглифическом тексте. А оба этих имени было нетрудно отличить друг от друга.

Несмотря на это, прошло еще семь лет.

В 1817 году Шампольон вернулся в Гренобль. Он снова принял профессию. В дешифровке иероглифов он не видел еще никакого просвета. Шампольону было 27 лет — это еще слишком мало для славы.

Бельцони выуживает из Нила обелиск

О Джованни Баттиста Бельцони из Падуй (Италия) благочестивая легенда рассказывает, что его уважаемая и патриархальная семья прочила Джованни духовную карье-

ру. Но вместо этого молодой человек занимался какими-то основанными на гидравлике и граничащими с волшебством фокусами, которые он пытался показывать на рыночных площадях любопытной толпе.

Однако эти занятия не спасали его от нужды, и он был вынужден уйти в монастырь. Но вскоре этот красивый 22-летний мужчина покинул монастырь и уехал за границу. В Испании и Англии Бельцони меньше всего занимался катехизисом; чаще он выступал как атлет в цирке. Этим он, очевидно, производил исключительно сильное впечатление на некоторых женщин.

Из Англии и Испании судьба привела его, наконец, в Египет. Там в возрасте 37 лет он испытал самое большое приключение в своей жизни, и без того полной приключениями.

Вообще Бельцони хотел лишь заинтересовать египтян своими новыми методами добычи воды — при помощи любимой гидравлики. Но здесь он потерпел поражение. Консервативных жителей долины Нила совсем не интересовали какие-то новые методы. И Бельцони вынужден был искать себе новую профессию. Но на этот раз он не пошел в монастырь.

Совершенно случайно он встретился с немецким путешественником по Африке Буркхартом, который в свою очередь познакомил его с английским генеральным консулом Солтом. Этот англичанин заключил договор с сильным и, очевидно, мужественным Бельцони, который готов был без зазрения совести браться за любую работу. Бельцони должен был перевезти «колоссальную статую Мемнона» (имелась в виду огромная голова фараона Рамзеса) из Фив-Луксора на среднем Ниле в средиземноморский порт Александрию. Оттуда этот колоссальный памятник хотели переправить в лондонский Британский музей.

И Бельцони удалось это. Он и на самом деле привез в Александрию голову фараона, которая весила несколько тонн. С тех пор он выполнял работы или по заданию Британского музея, или по собственной инициативе.

В течение пяти лет этот человек собирал для Лондона древние памятники везде, где только ему удавалось их обнаружить; памятники, начиная от маленького амулета и кончая обелиском длиной 25 метров, весившим несколько центнеров. Бельцони собирал все. Конкурируя с Дроветти, который работал по поручению французского консула для музеев Франции, Бельцони часто присваивал себе все египетские древности, казавшиеся ему и его музеям интересными

и ценными, даже если их приходилось добывать с оружием в руках. Это была жизнь разбойника, возможная на берегах Нила лишь в начале XIX века.

В 1819 году Бельцони вернулся в Англию. Там он написал книгу о своих приключениях у Нила. В 1821 году она вышла в свет, а через сто лет Г. Картер² считал ее самой увлекательной приключенческой книгой из всей литературы по истории древнего Египта. Рассказ о ссорах с египтянами и трудностях, с которыми сталкивался Бельцони (например, у него упал в Нил обелиск весом в несколько тонн и он сумел его вновь выловить), открывает, так сказать, первую главу египтологии, которая находилась тогда в самой зачаточной стадии своего развития.

Однако все то, о чем написал Бельцони, могло лишь возмутить ученых-египтологов, работающих на университетских кафедрах Запада. Потому что у Бельцони отсутствовало всякое уважение к произведениям древнейшего искусства и надгробным памятникам. Он использовал, например, таран, чтобы в Долине царей проникать через замурованные входы гробниц.

Таким путем ему удалось то, что до сих пор не могли сделать спокойные и неторопливые египтяне: вскрыть несколько царских гробниц. Из гробницы фараона Сети I он извлек прекрасный алебастровый гроб, который теперь стоит в лондонском музее.

Когда Бельцони как победитель появился в Лондоне, он устроил там выставку своей коллекции. Одновременно он заявил, что в Долине царей больше ничего не удастся найти. Всякий интерес Бельцони к Египту после этого неожиданно пропал. Он больше не вернулся к Нилу. Вместо этого в конце 1822 года он предпринял путешествие в Западную Африку, чтобы найти там истоки реки Нигер. По дороге, в возрасте 44 лет, он умер.

На этом окончилась первая глава изучения древнего Египта. Началась новая. Спустя год после выхода в свет книги Бельцони, в 1822 году, Шампольон заявил, что он уже может читать некоторые иероглифы.

Первая кафедра египтологии

В 1821 году Жан Франсуа Шампольон издал свою первую книгу о египетских иероглифах. Это произошло после того, как в 1817 году он вернулся в Гренобль и вновь занял

там должность профессора истории. Но в этом же 1821 году его опять уволили. Шампольон был бонапартистом и отнюдь не поклонником правящего императорского дома. Он вновь переезжает в Париж. Там в 1822 году Шампольон пишет свое широко известное письмо барону Дасье, постоянному секретарю Академии надписей. В этом письме Шампольон объяснял, как он прочитал греческие и римские царские имена и вывел из них иероглифические алфавитные знаки. Хотя это открытие и не было бесспорным, но, как выяснилось позже, в основном оказалось правильным.

Мир пока еще молчал. Пока еще этот уволенный с должности профессор должен был голодать в Париже и ожидать оценки корифеев французских академий. В это время Шампольон продолжал усердно работать над своими рукописями. В 1824 году вышла его книга «Очерк иероглифической системы древних египтян», в которой он доказал, что алфавитные иероглифические знаки, выведенные им из царских имен, могут быть использованы и для прочтения других слов.

1824 год стал поворотным в судьбе Шампольона. Ибо вся Франция с восторгом встретила новую звезду, появившуюся на небе науки. В этом же году он получил поручение императора отправиться на 2—3 года в Италию для проведения там некоторых важных исследований. Французская академия, однако, заняла выжидательную позицию. «Бессмертные»³ умы Франции пока еще не были убеждены в том, что этот упрямый бонапартист способен на самом деле расшифровать египетские иероглифы.

Многое говорит в пользу этого. Но надо посмотреть. Нельзя спешить. Но, конечно же, невозможно допустить, чтобы будущая знаменитость, человек, который сможет увеличить научную славу Франции, умрет с голода. И нельзя его доводить до отчаяния, надо дать ему работу, пусть это будет и не так близко — в Италии.

В 1826 году Шампольон возвращается. В возрасте 36 лет он занимает в Париже должность хранителя египетской коллекции. Там Шампольон почувствовал себя в родной стихии. Печатались его новые книги: о божествах египтян, о его исследованиях в египетском музее Турина. У Шампольона было много дел, и он был счастлив. В 1828 году его судьбу озарил первый счастливый луч. Шампольона направили в Египет. В сопровождении художников и архитекторов он отправляется к берегам Нила. Это было прекраснейшее путешествие в его жизни. И он сумел блестяще отблагодарить за это Францию.

Корабль доставил Шампольона и его спутников на юг — в разрушенный город храмов на среднем Ниле, Луксор-Карнак, который египтяне называли «Везет», Библия — «Но», а греки — «Фивы».

Ученый предчувствовал, что его ждет, ведь уже Гомер восхищался в Илиаде стовратными Фивами. Его сердце готово было выскочить из груди, когда он увидел на восточном берегу Нила огромный храм Луксор. Белый мрамор и прекрасные портики с колоннами, гигантские ворота — пилоны, 14-метровые статуи сидящего фараона Рамзеса II, гранитный обелиск (второй такой же стоит в Париже на площади Согласия), рельефы и надписи на стенах храмов, статуи из красного и черного гранита, настенные изображения, показывающие церемонию жертвоприношения и другие торжества.

Среди холмов щебня и развалин Шампольон познакомился с невероятным чудом древней культуры, которая расцвела здесь более трех тысячелетий назад, за тысячелетие или даже больше до времени древних греков.

Шампольон шел по улице бедной арабской деревеньки, которая раскинулась близ развалин храма Луксор. Уже издали увидел он величайшее чудо — Эль-Карнак.

Он не узнавал пока аллею вырубленных из камня сфинксов, которая вела в Карнак. Некоторые памятники были занесены песком пустыни, как будто они лежали под саваном, скрывающим их от солнца, сияющего на вечно голубом небе.

Но вот показался величественный Карнак во всем своем великолепии и таинственной роскоши, свидетельствующей о древней славе царя всех египетских городов. Перед Шампольоном лежал весь город.

Пилоны — гигантские ворота — приветствовали его, колоннады и залы с колоннами вели мимо прекрасных рельефов, статуй царей, стенной живописи, изображающей сцены из жизни царей, жертвоприношения и войны, мимо разрушенных построек, храмов и молелен. Это было нечто неописуемое!

Когда Шампольон прошел через огромные ворота (почти 44 метра высотой и 113 метров шириной), чьи гигантские каменные блоки пятнадцатиметровой толщины защищали святилище, он оказался в величайшем дворе из всех больших храмов Египта.

В центре двора и по сторонам расположились колоннады, справа возвышался храм Амона, построенный фараоном Рамзесом III, повсюду валялись отколовшиеся куски колоссальных статуй. Хотя Шампольон и увидел горы развалин, но он сразу почувствовал то величие, которое заключалось в этих постройках. Через другие ворота, почти 30-метровой высоты, ученый вошел в большой зал с колоннами.

Все, что он до сих пор увидел, было лишь интродукцией к блестящему аккорду. Шампольон с волнением всматривался в открывшуюся ему чудесную картину. На площади приблизительно 5000 квадратных метров возвышался целый лес исполинских колонн из песчаника. Рядами, по шестнадцати колонн, стояли перед ним 134 колонны, из которых каждая в отдельности производила глубокое впечатление. В середине поднимались двенадцать «папирусных колонн» высотой в 21 метр, каждая более 10 метров в окружности. Остальные 122 колонны были высотой 13 и около 9 метров в окружности. Стволы колонн и стены зала были покрыты рельефами, изображающими культовые церемонии, иероглифами и царскими картушами. На наружных стенах можно было увидеть различные военные сцены.

Шампольон вновь прошел через большие ворота, мимо различных построек, памятников и обелисков, и снова вошел в зал с колоннами. Слева он увидел самый большой обелиск Египта из красного гранита. Необычайно гармоничные формы гранитного монумента (почти 30 метров высотой, весом около 350 тонн) четко выделялись на фоне голубого неба.

Одиноко и задумчиво стоял Шампольон среди гигантских построек, среди молчаливой красоты далекого прошлого.

Невероятно! При этом он не знал еще папируса Гарриса, где было сказано, что в священном Карнаке стояло когда-то 86 000 статуй. Шампольон и так уже был потрясен открывшимся перед ним величием.

Обелиск царицы

Там впереди возвышался гигантский обелиск. Кто велел воздвигнуть его? Наверное, один из могущественных фараонов. Он подошел поближе. На обелиске должно быть имя; конечно, в картуше.

Шампольон чуть не упал. У него закружилась голова. Это, наверно, от того счастливого чувства, что он умеет читать. И он прочитал картуш с царским именем: Хатшепсут.

Хатшепсут?

Не была ли эта женщина царицей?

Он остановился, попытался читать дальше — ах, как это было трудно!

Нет, он лишь уловил смысл того, что там написано: «Эти обелиски из твердого гранита с южных каменоломен. Их вершины из чистого золота, самого лучшего, что можно найти во всех чужих странах. Их можно увидеть у реки издалека; свет их лучей наполняет обе стороны, и когда солнце стоит между ними, поистине кажется, что оно поднимается к краю (?) неба...

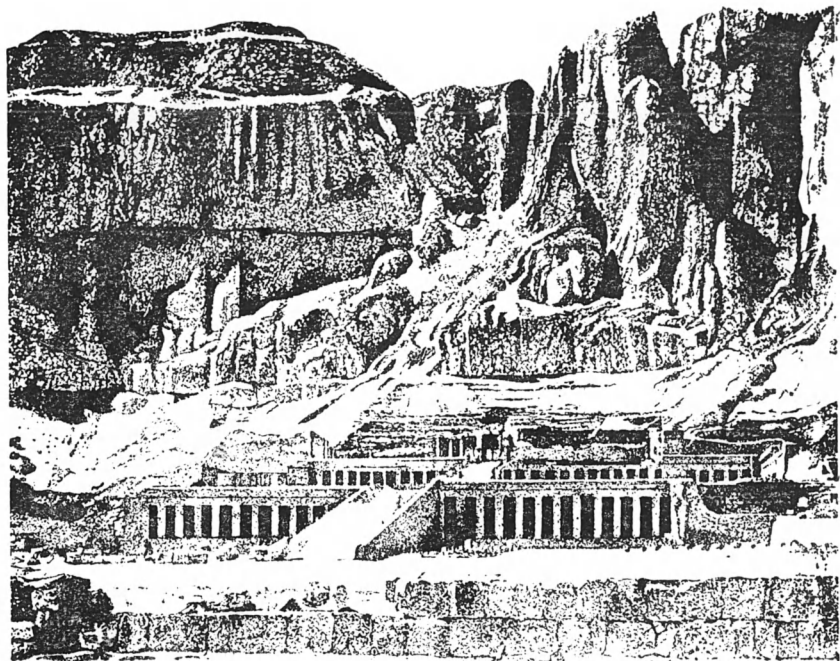
Чтобы позолотить их, я выдала золото, которое измеряли шеффелями, словно это были мешки зерна... Потому что я знала, что Карнак — это небесная граница мира».

Как странно!

Хатшепсут?

Шампольон опять прошел мимо здания с воротами, мимо ниш со статуями бога Осириса, мимо колонн с 16 гранями, мимо колоссальных статуй богов и богинь, мимо рельефов, изображающих процессии жрецов, которые несут священную барку — лунный корабль, мимо дворцовых помещений, в которых когда-то жила царица Хатшепсут, мимо маленьких святилищ, через разрушенные дворцы, через парадный зал, 20 колонн и 32 столба которого (по числу 52 недель одного года) расположились в пяти нефах, мимо храмов, посвященных усопшим, и обширных дворцов. Оставались позади стены, надписи, рисунки, вновь целые районы храмов, частично совсем разрушенных, опять памятники, пилоны, барельефы, надписи. Просто невероятно! Нет, разум отказывался понять все это.

Шампольон был глубоко потрясен, он чуть не плакал. Такое огромное количество надписей! Бог мой, откуда взять силу и время, знание и опыт, чтобы перевести их когда-нибудь? Это могло бы быть задачей целой жизни для многих людей. Он один не сможет совершить такой подвиг — нет, он не верил, что может проделать этот труд, никогда! И он писал впоследствии своим друзьям в далекую Францию: «Я, наконец, попал во дворец или скорее в город дворцов — Карнак. Там я увидел всю роскошь, в которой жили фараоны, все, что люди смогли выдумать и создать в гигантских размерах... Ни один народ мира, ни древний и ни современный, не понял искусства архитектуры и не осуществил его в таком грандиозном масштабе, как это сделали древние египтяне. Они сделали это как люди ростом в 100 футов».

Руины ступенчатого храма в Дейр-эль-Бахри

Как гиганты!

Шампольон не мог заснуть, так захватило его все, что он увидел. Ученый предчувствовал, что никогда не сможет довести до конца задачу прочтения всех этих надписей; она была слишком велика, слишком огромна для него.

Ступенчатый храм царицы Хатшепсут

Шампольон попросил переправить его на западный берег Нила, к царским могилам. Там, у западного берега, глубоко потрясенный ученый остановился перед развалинами самого красивого храма, который когда-либо был создан в Египте: перед храмом мертвых той же царицы Хатшепсут, обелиском которой он так восхищался в Карнаке.

Это был храм с террасами в Дейр-эль-Бахри.

Храм прилегает к поднимающимся круто вверх скалам, которые возвышаются над долиной. Перед фронтоном стоя-

ли стройные колонны, достойные древних греков. Фундамент, заложенный перед храмом, переходил в пандус, ведущий к центру следующего этажа.

Отсюда начиналась вся постройка из трех террас с залами, опирающимися на столбы. В скале было высечено помещение для святилища.

С какой болью воспринимал Шампольон разрушения, коснувшиеся прекрасного здания! Но он все-таки смог еще ясно представить себе его былую красоту.

Хотя Шампольон не знал, что террасы когда-то были обсажены деревьями, он все-таки чувствовал присутствие здесь тонкого женского вкуса, грациозность и гармонию.

Хатшепсут?

Когда это было?

Кто она такая?

Ему предстояла огромная работа.

Он умер

Многое, что увидел в Египте Шампольон, было восхитительным и грандиозным. И он собирал, рисовал, копировал надписи, искал и раскапывал. Ученый работал как одержимый.

В 1830 году он вернулся в Париж. Египет держал его в своей власти еще почти два года. Шампольон был опьянен вечным солнцем и голубым небом, опьянен познанным им, любимым, невероятным...

И Франция трогательно обнимала своего великого сына. Шампольона приняли в Академию надписей. Следующий год принес ему новый успех. Франция создала специально для него первую кафедру египтологии при Коллеж де Франс — для него, Шампольона!

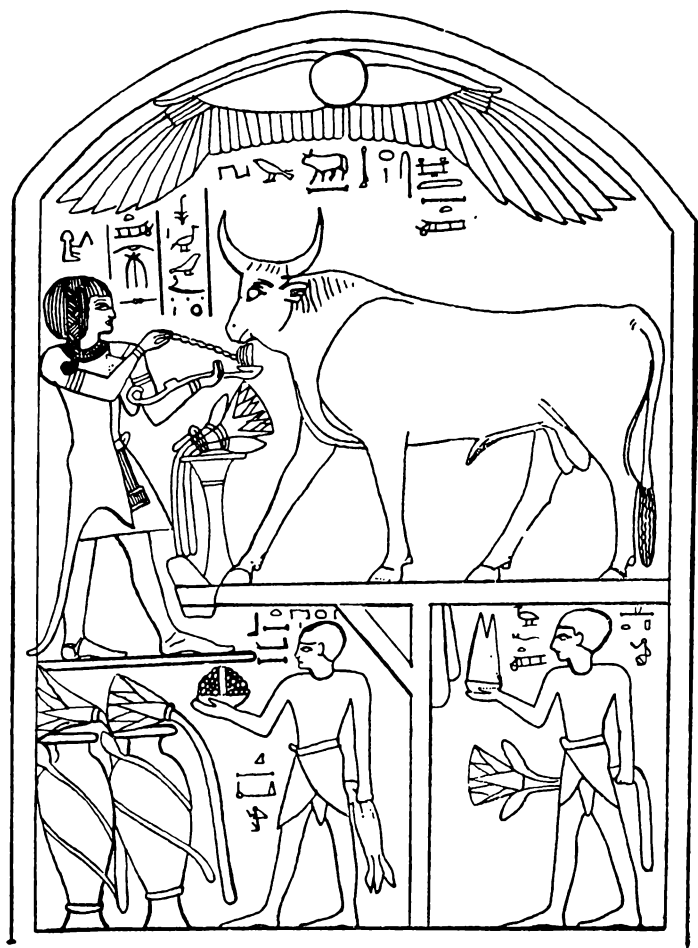
Спустя несколько месяцев, 4 марта 1832 года, смерть вырвала из его рук еще не законченную работу. Усталый и изнуренный, закрыл он навсегда глаза в возрасте всего лишь 41 года.

Предполагал ли он это? Наверное, предполагал. Только из его наследия стало известно, как работал Шампольон. Все богатство познаний, которое он усвоил, все, чего он добился тяжелым трудом, открылось только после его неожиданной смерти. Из этого наследства Франция приобрела две тысячи страниц рукописей за огромную в то время сумму — 50 000 золотых франков. Потом они составили три тома

«Египетской грамматики» (1836—1841) и «Египетский словарь» в нескольких томах (1842—1844).

Эти посмертные труды Шампольона попали в руки все еще сомневающимся и нерешительных ученых как в самой Франции, так и вне ее, которые хотя и готовы были признать, что можно прочесть имена египетских царей, но не верили в возможность расшифровки множества текстов на памятниках и папирусе.

Должен ли был появиться новый Шампольон, чтобы убедить этих неисправимых?

Бык Мневис из Гелиополиса

НАСЛЕДНИК

Ты поместил Нил на небо, чтобы он опустился к нам... Как великолепны твои мысли, ты господин вечности!

Из гимна фараона Эхнатона

Что же случилось, когда умер гений, когда он — еще молодой, в расцвете творческих сил, прилежный, как пчела, — неожиданно покинул мир?

Подхватили ли другие факел, который выпал из рук умирающего? Или сперва должно было подрасти новое поколение, чтобы продолжить начатое?

Представителем этого поколения был Ипполито Розеллини, итальянец, родившийся в Пизе. Будучи на десять лет моложе Шампольона, он так же рано, как и Шампольон, стал профессором восточных языков при Пизанском университете. Молодой ученый изучал Египет с таким же восторгом, как и Шампольон, которому Розеллини помогал в его египтологических работах в Италии. Вместе они направились в Египет во главе Тосканской исследовательской группы. Вместе они восторгались чудом у Нила, вместе они собирали, рисовали, копировали и вместе трудились некоторое время над расшифровкой тайн египетской письменности и языка.

Розеллини, без сомнения, был достойным наследником Шампольона. Он издал в девяти томах и трех атласах великолепную работу о Египте и Нубии, написал весьма авторитетные статьи о египетском языке и египетско-коптскую грамматику, составленную по наброскам Шампольона.

Итак, Розеллини — наследник!

Но он тоже умер очень рано. Как и Шампольон, Розеллини дожил только до 42 лет. Он умер в июне 1843 года, то есть приблизительно через десять лет после смерти Шампольона. Как свеча, погасла жизнь одного из самых надежных претендентов на опустевший престол Шампольона. Был еще один талантливый ученый, который также сопровождал Шампольона в его знаменитом путешествии в Египет, — Шарль Ленорман. Будучи студентом юридического факуль-

тета, он неожиданно стал заниматься археологией. Потом работал в Парижской библиотеке и в Лувре и наконец стал профессором археологии.

Дальнейшие шаги по дешифровке иероглифов пока так и не были предприняты. Методы Шампольона не получили еще окончательного признания; чаши весов все еще колебались между славой и забвением. Тайны Египта пытались раскрыть другие исследователи в Средней и Восточной Европе, но иным путем.

Шарль Ленорман — профессор египтологии в Париже — ничего не смог добиться сам. Ведь он не был гением, ему не хватало того фанатизма, той одухотворенной энергии, которой обладал Шампольон. Нет, Ленорман не стал наследником Шампольона перед судом истории.

Но кто же тогда стал им?

Случилось что-то странное.

И хотя мы не принадлежим к сторонникам туманной мистики и тем более астрологии, но происходящие события были на самом деле окутаны какой-то таинственностью. Может быть, это и была случайность, но во всяком случае какая-то необыкновенная, удивительная случайность. Дело в том, что наследник Шампольона родился в тот же самый день, что и Жан Франсуа, — 23 декабря — только на 20 лет позже Шампольона и не во французском провинциальном местечке, а в Средней Германии.

Декрет из Канопы

В 1842 году пруссаки решили действовать подобно французам и итальянцам и тоже предприняли экспедицию к Нилу. Ими руководил молодой филолог Карл Рихард Лепсиус. Организованная на государственные средства экспедиция ставила перед собой задачу провести систематические исследования в Египте, Нубии, Судане и на Синайском полуострове. К этому времени Египет — особенно Фивы на среднем Ниле — был уже наводнен исследователями из самых различных стран, особенно из Англии. Пруссак с характерной для них педантичностью обмерили всю Долину царей, раскопав при этом могилу фараона Рамзеса II и частично еще одно погребение. Исследования пруссаков в Египте и соседних областях в общем продолжались три года. Их следствием был изданный в Германии за государственный счет превосходный труд под названием «Памятника Египта и Эфио-

пии» в 12 томах большого формата с приложением почти 1000 художественно выполненных таблиц (Берлин, 1849—1860). Затем появились еще четыре тома текстов.

А Шампольон? Что же общего имело это прусское предприятие с Шампольоном? Правда, Карл Рихард Лепсиус написал через несколько лет после безвременной смерти Шампольона статью об иероглифическом алфавите и в 1837 году направил ее Розеллини. Лепсиус опубликовал также первое солидное собрание древнеегипетских текстов и принес все еще сомневающимся языковедам доказательство того, что Шампольон шел к расшифровке египетской письменности по правильному, единственно возможному пути.

Однако доказательство это Лепсиус сумел обосновать только в 1866 году, во время своего второго путешествия в Египет, находясь среди развалин Сана (Танис) в дельте Нила. Там, в библейском городе Цоане, где сыны Израиля когда-то томились под гнетом Египта, Лепсиус нашел новый камень с иероглифами.

Этот камень уж безусловно доказывал правоту Шампольона. На нем был «Декрет из Канопы» — надпись 239 года до н. э., созданная в египетском городе Канопе египетскими жрецами в честь царя Птолемея Эвергета. Эта трехязычная надпись, полностью сохранившаяся, представляла собой самое блестящее подтверждение идей Шампольона.

Теперь уже с полной определенностью можно было сказать, что родившийся 23 декабря 1810 года в Наумбурге Карл Рихард Лепсиус, сын историка, самым небом был избран наследником слишком рано умершего француза.

Лепсиус преодолел барьер заблуждений и сомнений, убедительно изложив сущность египетской иероглифики. Этим он заложил те основы египтологии, о которых еще не мог знать Шампольон.

И карьера берлинского профессора Лепсиуса — наследника покойного Шампольона, подтвердившего его теорию находкой камня на одном из холмов в дельте Нила и закрепившего этим самую научную славу своего предшественника, — сразу же пошла в гору: он был избран членом Берлинской академии наук, стал директором берлинских музеев, издателем «Журнала по египетскому языку и археологии», автором многих книг и научных статей о языке и алфавите Египта, его культуре и летоисчислении. Под конец своей полной почета и уважения жизни Лепсиус был возведен в ранг действительного тайного советника Пруссии, стал светочем развивающейся египтологии. Когда Карл Рихард Лепси-

ус 10 июля 1884 года в возрасте 74 лет навеки закрыл глаза, дальнейшая судьба дешифровки египетской письменности уже была решена. Противники Шампольона молчали, а восхищенные представители многих цивилизованных наций шли по пути Шампольона и Лепсиуса к одной и той же великой цели.

Юристы, торговцы, филологи

В это время нашлись смелые люди, попытавшиеся перевести некоторые египетские надписи на памятниках и тексты на папирусе. Профессионалы-лингвисты не взяли на себя такую задачу (это могло бы повредить их репутации специалистов).

Наоборот, посторонние языкознанию лица стали заниматься столь трудным и неблагодарным делом. Скорее из любопытства, но в ходе этих занятий незаметно для самих себя они стали авторитетными египтологами.

Было бы вообще небезынтересно путем тщательного исследования выяснить, сколько «посторонних» лиц, особенно юристов, внесли свой вклад в развитие новой науки. Во Франции это был виконт Эммануэль де Руже, который изучал юриспруденцию, а в 33 года увлекся египтологией. Незадолго до того как ему исполнилось 50 лет, он даже стал профессором египетской археологии в известном Коллеж де Франс в Париже.

Одновременно изучением египетских иероглифов заинтересовался 34-летний коммерсант Франсуа Шаба. В 1856 г. он уже опубликовал важную работу — перевод египетской надписи; она рассказывала об эксплуатации древними египтянами золотых рудников в Нубии. Шаба выпускает одну работу за другой, почти каждый год из-под его пера выходит новая книга. Многочисленные статьи Шаба в специальных журналах доказали всем сомневающимся современникам, как много могут открыть египетские иероглифы; надо только уметь их читать.

В Лондоне иероглификой занимался юрист Чарльз Вайклиф Гудвин. Он тоже вписал свое имя в анналы молодой науки египтологии как автор переводов египетских текстов. В это же самое время ломал голову над египетскими иероглифами Самуэль Берч — самоучка, влюбленный в египтологию. В течение почти двух десятилетий он занимал должность помощника хранителя отдела древностей Британского музея, а хранителем он стал лишь в 42-летнем возрасте.

И этот человек, который всю свою жизнь провел среди коллекций Британского музея, откуда он черпал материал для своих исследований, не одну ночь просидел над клинописными текстами и иероглифами. Лишь много лет спустя Берч добился признания и ученые стали прислушиваться к его мнению.

Как иногда странно, как несправедливо поступает с человеком судьба. Этот Самуэль Берч так никогда и не побывал в стране своей мечты. Несмотря на его многочисленные сочинения и научные книги, никто не послал его в экспедицию к Нилу. Никогда не видел он оазисов и пальм, красной пустыни, голубого неба, храмов, обелисков и пирамид. Ничто в Лондоне не напоминало ему пылающего солнца Африки, и висящий над Темзой туман не имел ничего общего с жарким сверкающим воздухом, нависшим над Нилом. И все же Берч писал о Египте. 27 декабря 1885 г. он умер в возрасте 72 лет. Египтология, без сомнения, была обогащена его драгоценными познаниями.

Как можно стать пашой

В то время когда Самуэль Берч работал в скромной должности помощника хранителя древностей в Лондоне, берлинец Карл Бругш был еще 17-летним гимназистиком с горящими щеками и живыми глазами — это было пока все, что он смог получить от известий и научных докладов, сообщаящих о таинственном Египте. В 1848 году из-под пера Бругша (ему тогда был 21 год) на удивление всего научного мира выходит статья «*Scriptura Aegyptiorum demotica*», в которой молодой студент показал свои знания древнеегипетского народного языка и иероглифики. В следующем году вышла новая его книга, а через год еще одна: «Собрание демотических документов». Она была написана уже по-немецки. Закончив учение, Бругш едет в Париж, затем в Лондон, Турин и Лейден (где голландец К. Лееман составил себе имя как египтолог) и изучает египетские коллекции больших европейских музеев.

В 1853 году наконец наступило и его время: 27-летний Генрих Карл Бругш был направлен за государственный счет в долину Нила. С бьющимся сердцем вступил он в страну, которая имела такое большое значение для всей его жизни. На берегах Нила он повстречался с французом Огюстом Мариэттом из Булонь-сюр-Мер, который был на шесть лет

старше Бругша. Мариэтт, по профессии школьный учитель, в 1849 году перешел на работу в Парижский египтологический музей. По поручению этого музея он в течение трех лет работал в Египте.

Мариэтт нашел в Мемфисе на нижнем Ниле могилы священного быка Аписа. В длинных пробитых в скалах ходах стояли 24 огромных каменных склепа для священных животных. Каждая гробница была высечена из единой гранитной глыбы — 4 метра шириной, более 3 метров высотой и около 60 тонн весом.

Могилы Аписа разграбили еще в глубокой древности. Трупы быков были когда-то убраны роскошными драгоценностями: золотом, амулетами и благородными камнями. Так почитали египетские жрецы в Мемфисе некоторых символических животных и земных представителей бога небес Пта.

Итак, Мариэтт и Бругш стояли у склепов этих небесных быков и пытались постигнуть представления и верования древнеегипетской религии. Оба они вернулись в Европу полные впечатлений: Мариэтт — в свой музей в Париж, Бругш — в Берлин, где он стал приват-доцентом и ассистентом Египетского музея.

В 1855 году Бругш опубликовал помимо официального отчета о поездке грамматику демотического письма.

В 1857—1858 годах обоих ученых опять потянуло к Нилу. Бругш едет для дальнейших исследований, а Мариэтт — чтобы принять руководство раскопками развалин храмов в Абидосе и Эдфу, начатыми египетским правительством.

Мариэтт оставался в Египте много лет. Он организовал в Каире Музей египетских древностей и долгие годы руководил им. Одновременно он печатал многочисленные статьи в европейских специальных журналах, а также опубликовал несколько книг. В 1867 году Франция пожаловала ему звание кавалера Почетного легиона, а в 1879 году в Египте же ему был присвоен титул паши.

Генрих Бругш основал в 1863 году «Журнал по египетскому языку и археологии», позже издававшийся Лепсиусом.

*Череп египетского
священного быка Аписа из
Гизы с рогами,
напоминающими серп луны*

В 1864 году Берлин назначает его консулом в Каире, где он использовал каждую свободную минуту для подготовки своей большой работы «Иероглифо-демотический словарь». Она вышла в 7 томах в 1867—1882 годах. Некоторое время Бругш был профессором египтологии в Геттингене. Потом возглавил в Каире вновь созданную Школу египтологии, а в год смерти Августа Мариэтта, в 1881 году, вице-король Египта также пожаловал ему титул паши.

Становится светлее

Новое поколение приняло все еще не оконченный труд из рук своих предшественников. Теперь это были уже не двое или трое ученых, которые показали себя превосходными египтологами, — это были многочисленные английские, немецкие, итальянские, австрийские, голландские, русские и швейцарские ученые. К началу XX столетия составители одного немецкого словаря назвали уже не меньше 37 заслуженных египтологов, которые почти во всех странах мира трудились над изучением древнего Египта⁴.

С 1878 года в течение пяти десятилетий в Берлине работал над своей древнеегипетской грамматикой Адольф Эрман. Его труд явился беспримерным памятником немецкой филологии. Последователями его стала целая плеяда талантливых учеников, опубликовавших блестящие работы по египетской истории, языку и культуре.

В 1904 году француз Пьер Лакье издал первые точные переводы египетских надгробных текстов.

В 1908 году Курт Зете в Германии начал публиковать переводы текстов пирамид. Вскоре появился новый капитальный труд: пятитомный словарь древнеегипетского языка. Его подготовил Адольф Эрман в сотрудничестве с крупнейшими учеными всего мира.

В США была создана пятитомная хрестоматия, включившая переводы почти всех надписей и текстов, которые были найдены к началу XX века в Египте. В 1927 году Джеймс Генри Брестед переиздал ее в Чикаго.

Итак, они уже могли читать!

Глубокую древность осветил луч света. Он озарил склепы и внутренние помещения пирамид, саркофаги, закопанные и замурованные убежища, маски покойников, свитки с изречениями и амулеты, огромные залы с колоннами, шахты и ложные погребальные камеры, строительные документы, со-

общения о победах и гимны богам — разные тайны, которые были скрыты в земле Египта.

Но все ли теперь знали ученые?

Понимали ли они то, что можно было лишь бегло прочитывать?

Соответствовало ли действительности гордое заявление Леонарда Вулли о том, что в наше время больше известно о каждодневной жизни Египта середины II тысячелетия до н. э., чем о жизни Англии на три тысячелетия позднее?

Как они писали?

Нет, на самом деле все было гораздо сложнее.

Египетское письмо содержало около 800 знаков. Эти знаки-рисунки не возникли все сразу; их число постепенно увеличивалось. При этом некоторые знаки выходили из употребления, другими пользовались только в определенное время, появлялись новые знаки.

Это обстоятельство иногда может служить точкой опоры для определения возраста документа, если он точно не датирован в самом тексте.

Из рисуночных знаков, которые вначале изображали конкретные вещи из мира природы, религиозных культов и техники, возникали обозначения для абстрактных представлений. Чтобы выразить слово «властвовать», изображали царский скипетр. Чтобы раскрыть понятие «писать», рисовали инструменты для письма. Но потом становилось все труднее находить письменное выражение слов. Тогда слова, которые не имели собственного знака, стали выражаться знаком, сходным по звучанию. Один знак получил несколько значений, подобно тому как, например, немецкое слово *Tor* обозначает одновременно и ворота и глупого человека, а слово *Arm* — как часть тела, так и состояние (нищета). Таких примеров можно привести много. Иными словами, египтяне перешли на звуковое письмо. При этом обозначение звука часто отходило от первоначального значения рисунка.

Так постепенно возникли отдельные согласные — «буквы». Гласных в египетском письме вообще не было (их начали употреблять только греки). Иногда возникали группы согласных, состоящие из 2—3 согласных звуков.

Чтобы легче понять написанное, египтяне добавили пояснительные знаки — детерминативы, определители понятий.

В конечном счете из смешения рисуночной и звуковой

письменности возникла египетская система письма, которая, правда, как уже было сказано выше, с течением времени претерпела серьезные изменения. Но эта система письменности на протяжении всей истории древнего Египта так и не стала полностью алфавитной⁵.

Нераскрытые тайны

К не раскрытым пока еще тайнам относится тот факт, что уже у истоков исторической жизни Египта III тысячелетия до н. э. появляются удивительные следы курсивных письменных знаков, следы непрерывного письма. Это письмо пока остается тайной Египта и позволяет сделать заключение, что письменность могла быть создана еще до начала египетской истории.

Но кто были эти таинственные писцы, пришли ли они в Египет из неизвестных краев и погибли там, унеся в могилу свою систему курсивной письменности, или странствовали близ Египта, зарождая идеи создания письменности среди живущих у берегов Нила, — все это пока загадка египетского сфинкса.

Во всяком случае, возникшая впоследствии на берегах Нила рисуночная письменность, вероятно, имела иное происхождение. Почти одновременно с появлением письменности шумеров у Персидского залива на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. возникла и письменность египтян. Первые знаки-слова изображались чернилами на горшках, черепках и т. д.

В период правления первых двух династий эти знаки-слова умножались; они стали фиксировать различные хозяйственные отношения, торжественные события и военные походы.

Известно, что звуковые комбинации появились довольно давно. Они были перемешаны с рисуночной письменностью. Изображение чисел встречается уже в самом начале египетской истории. Из этого можно сделать вывод, что человек сперва научился считать и лишь потом писать.

Но всякий язык живет; это не раз навсегда данное, статичное образование. Какой немец смог бы сегодня разговаривать с херусками — германцами времени Арминия⁶? Мы почти совсем не смогли бы понять наших предков. Так же и египетский язык в течение времени значительно изменился. Неутомимая работа египтологов раскрыла нам картину древнеегипетской письменности, которая на протяжении двух

тысячелетий выливалась в формы среднеегипетского, ново-египетского, демотического и коптского письма.

Кроме того, египетский язык впитал в себя местные диалекты и различные профессионализмы, пришедшие из языка солдат, врачей, жрецов.

Магические буквы

Итак, египетский язык при таком большом количестве иероглифов представлял собой в достаточной мере сложную систему и требовал длительного обучения писцов. Они не всегда следовали правилам письма и применяли различные формы написания для одного и того же выражения. При этом от способности и увлечения писца своим делом зависело, сумеет ли он придать рисуночному письму необходимую ясность. Чтобы уяснить смысл написанного, писцы добавляли в отступление от всяких правил новые иероглифы в качестве пояснительных знаков. Упорядоченные правила правописания появились, очевидно, много позднее.

Таким образом, письмо было великим искусством жителей берегов Нила. И владели им лишь очень сведущие люди. Эти люди вышли из школ писцов, находившихся в районе храмов⁷. Для основной же массы египетского народа письмо и счет оставались тайной. Это способствовало появлению чувства священного трепета перед иероглифами, выросшего до абсурдных пределов, что привело в конечном счете к магическим манипуляциям буквами. С этим явлением мы сталкиваемся и до сих пор.

В то же время — это тоже относится к истории духовной жизни — египетские жрецы поняли, что можно достигнуть превосходства перед необразованными людьми не только путем манипуляций с иероглифами, будто бы позволяющими лечить больных или убивать врагов, но и подделывая надписи и мемориальные камни, чтобы присвоить себе принадлежащее им якобы с давних времен имущество.

Они попытались имитировать письменность предков, чтобы оспаривать старые права на землю и т. д., но они не могли, конечно, и предполагать, что египтологи нашего времени с беспощадной точностью обнаружат эту фальсификацию. Египтологи вовсе не собирались выступать в роли судей, разоблачающих фальсификаторов, но поскольку жрецы были очень плохими фальсификаторами, их действия шокировали всякого языковеда и филолога.

Библиотеки и архивы, которые в Малой Азии, Сирии и Месопотамии попадали в руки археологов как драгоценнейший дар, отсутствовали в Египте. У берегов Нила они более не существовали.

Хотя в отдельных храмах особые помещения и были предназначены для хранения свитков папируса (на их стенах можно даже обнаружить перечни находившихся там когда-то документов), но помещения эти были пусты.

Однако известно, что на рубеже нашей эры в Александрии появились многочисленные свитки папируса, но они сгорели в этом многострадальном городе. То ли их уничтожили во время многочисленных войн, то ли они стали жертвой фанатизма приверженцев новой веры.

С возникновением ислама последние из уцелевших свитков были изъяты фанатичными мусульманами из храмовых архивов Египта и уничтожены. Все, что после этого еще осталось, погибло где-то в условиях влажного климата Востока или Запада, в Риме или Византии, в средневековых кабинетах ученых или за стенами монастырей. Во всяком случае, исчезло.

И все-таки находки папирусов в Египте не были редкостью. Правда, они происходили не из древних храмовых архивов, а из погребений и склепов. Иногда это были исписанные в древности листы папируса, которые лежали в саркофагах с мумиями и лишь сравнительно недавно были открыты как источники древней литературы.

Могины, гробницы, высеченные в скалах, и пирамиды, надписи на потолках и стенах, колоннах и стелах, в ходах и склепах призваны заменить ограбленные архивы и тем самым восстановить историю и культуру древних египтян.

Действительно, она была беспримерно богата памятниками письменности! Это явилось потрясающим вкладом народа в культурную историю человечества.

МОГИЛА ОСИРИСА

На западе есть страна — страна сна и тьмы... спят они там в образе мумий и никогда больше не проснутся...

*Из надгробной надписи середины
III тысячелетия до н. э.*

На западном берегу среднего Нила, севернее Фив, расположено одно из самых древних поселений Египта — Абидос.

Во время грабительских раскопок XIX века француз Амелино разыскивал там древнейшие царские могилы. В трех часах пути от берега реки — далеко в пустыне, где скалы неожиданно обрываются в высохшей долине («вади») и начинается подъем на пустынное плато, — Амелино нашел таинственный холм щебня, который местные жители называли «Ум-эль-Гааб» — «Мать горшков».

По мнению жителей Нила, в древности здесь была своего рода гончарная мастерская, потому что вокруг валялось множество черепков. Но ничто не указывало на царские погребения. Куда бы Амелино ни смотрел, везде он видел только песок, пустыню, скалы, лежащие среди мертвой тишины.

Но огромные кучи черепков привлекли его. Несчетное число людей приносили сюда, наверное, свою посуду или ее обломки.

И француз копал. После него копали другие в поисках золота, украшений и прекрасных древних изделий. И, наконец, археологи взяли в руки лопаты, потому что они уже знали, что Амелино на самом деле нашел самые древние могилы египетских фараонов.

Египтологи хотели знать не только, как хоронили первых фараонов у берегов Нила в III тысячелетии до н. э., но и как их звали; особенно их интересовал таинственный бог Осирис, рыба-Абидос, «владыка кладбищ» и царства мертвых на западе.

Почему на западе? Потому что там заходит солнце?

Или потому что там появляется новая луна, молодой месяц, новый серп и новая ладья, золотой телец? Конечно, там, на западе, заходит солнце, луна и звезды, но там же и вос-

кресает Осирис. Поэтому-то Абидос со священной могилой Осириса был местом паломничества знати древнего Египта. Там хоронили знатных лиц или по крайней мере ставили им памятники, чтобы Осирис вспоминал их в день воскресения.

Похороненные заживо

Постепенно вокруг Абидоса становилось все больше могил. Здесь были царские могилы, хотя сначала, в первый период истории Египта, они еще не походили на те роскошные постройки, которые создавались в более позднее время. В основном это были большие ямы, вымощенные кирпичом и когда-то обшитые деревом. В небольших соседних помещениях находилась посуда и чаши всех видов из камня, глины и металла. Среди этой посуды стояли большие глиняные кувшины, в которых приблизительно пять тысячелетий назад было вино. На них можно заметить иероглифы. На пробки сосудов наносились имена фараонов или знаки царских виноградарей.

Почти все могилы фараонов в Абидосе были неоднократно ограблены и разрушены уже несколько тысячелетий назад. Исчезли даже трупы из царских погребальных камер. Если бы в склепах не сохранилось больших сосудов из-под вина с именами царей или больших обелисков у входа, на которых также были написаны их имена, тогда, конечно, уже не представилось бы никакой возможности определить назначение этих перерытых и обшаренных сооружений.

Показательно также число трупов, окружающих каждую царскую могилу в Абидосе. Английский археолог сэр Флиндерс Петри, основоположник научного метода раскопок в Египте, точно установил, что по крайней мере часть найденных мумифицированных покойников, если даже не все, когда-то была похоронена заживо. Эти трупы лежали вокруг прямоугольного помещения, которое ранее, наверное, служило могилой фараону. Для сравнения здесь можно вспомнить царские могилы Шумера, относящиеся приблизительно к тому же времени.

Египтологи подсчитали число трупов и могил в Абидосе. Таким путем они установили, сколько людей сопровождали в могилу царя I династии в первой половине III тысячелетия до н. э., на пороге исторического времени. У одного из фараонов Дера насчитали 326 спутников в загробный мир; у другого было уже только 174. Число их постоянно умень-

шалось — меньше их становилось и у цариц, которые сначала брали с собой на тот свет несколько дюжин персон, призванных обслуживать их и развлекать.

Черепки и рыба

Через тысячу лет после появления первых царских погребений в Абидосе могила одного из самых древних фараонов стала называться могилой Осириса. Земной фараон заменил небесного бога Осириса, который перевоплощался то в быка, то в рыбу или змею. Согласно позднейшей надписи Рамзеса IV в Абидосе, Осирис был луной, Нилом и таинственным богом царства мертвых на западе. Поэтому-то царские могилы Абидоса и были расположены на западном берегу Нила.

Осирис — «двурогий владыка» и «владыка вечности» — к началу исторического времени Египта, очевидно, был уже не просто луной, а луной определенной, именно той ущербной луной, которая один раз в году показывалась у берега небесного Нила (Млечного пути, бывшего также и деревом). Тогда кончался старый и начинался новый год. Умиравший Осирис, погибая, давал Нилу воду. Его не повесили — он утонул в небесной реке. Так сообщали древние тексты на пирамидах.

Почти в это же время на утреннем небе, незадолго до восхода солнца, впервые появлялся Сириус — Сет, который, согласно египетским текстам, считался убийцей Осириса. Сета сопровождали животные — гиена, шакал и, наконец, собака, — то есть именно те, которые поедают трупы. Сириус вообще известен как звезда собаки. А собака и сегодня считается в Египте одним из самых презренных животных.

В то же время Луна, Осирис — погибающий в небесной реке бык, рыба или баран — все больше и больше соединялась с Орионом — звездой, которая западнее Млечного пути указывала место смерти бога. С этих пор представление о божественном лунном Осирисе постоянно менялось, пока наконец его происхождение не стало различимым лишь в отдельных чертах.

Плач по умершему богу

Торжественные процессии в Абидосе посвящались умирающему Осирису. Его тело переносили в могилу. Множество мемориальных табличек из Абидоса содержит покорную

просьбу к умершему богу помнить на том свете их составителей. В абидосском храме Осириса плач по умершему богу разрешался только в святилище. Никто из участников процессии не смел к нему присоединиться. Повсюду царило глубокое молчание, когда два особо избранных жреца начинали сетовать по умершему Осирису.

Земного царя, как и небесного бога, после смерти относили в гробницу. Мумию мертвеца из царского рода, которого отождествляли с Осирисом, иногда изображали в виде спеленатой рыбы-Абидос; ее пеленали с помощью кусков материи. «Братом» этой рыбы был Гор — утренняя звезда. Он сопровождал рыбу-Абидос на тот свет, суля ей воскресение.

Чтобы способствовать этому воскресению, египтяне складывали черепки сначала на могиле Осириса, а потом и на других могилах. Потому что черепки приносят новую жизнь. Это было одно из многочисленных представлений и верований, связанных с луной. Причем мы встречаемся с ними не только у могил раннеисторического и доисторического времени и не только в Абидосе на Ниле; эти суеверия еще и сегодня сохраняются во всем мире. В Центральной Европе, например, есть народная примета, по которой тот, кто долго смотрит на луну, вскоре начнет бить посуду.

Своими черепками Абидос говорит о силе древней веры в луну, которая распространилась по всему миру. В наше время об этом почти никто не знает, хотя в самой Центральной Европе вера в луну исчезла всего лишь несколько веков назад. Во всяком случае известно, что в XV веке н. э. рыцари и князья, простые крестьяне и монахи, образованные и необразованные люди — все считали своим долгом преклонять колени или обнажать головы при восходе луны — нового света, золотого тельца. Понадобилась упорная тысячелетняя борьба христианской церкви, чтобы уничтожить следы языческой религии по крайней мере в цивилизованных странах. В Абидосе у берегов Нила глубокий траур по погибшему богу продолжался до тех пор, пока жрецы не приносили ликующей толпе радостную весть о том, что «царь» воскрес.

Храм Сети I

В 1859 году в Абидосе начали освобождать от щебня полузасыпанный храм фараона Сети I (XIV век до н. э.). Он был построен примерно через полторы тысячи лет после появления первых царских погребений в Абидосе.

Среди сильно разрушенных построек открылись великолепные порталы, залы с колоннами и прекрасные рельефы с изображением фараона и его божеств. Минувя семь ворот, можно было пройти в зал, потолок которого поддерживало 24 колонны. Остальные 36 колонн украшали следующий зал, в котором находилось 7 маленьких молелен-святилищ.

Потолки молелен были усыпаны звездами. На стенах изображены культовые церемонии. Дальше расположен еще один зал с десятью колоннами. Там находилось три святилища: Гора, Осириса и Исиды.

К залам примыкало множество вспомогательных помещений. На стене одной из галерей был найден замечательный исторический документ — перечень имен 76 фараонов, начиная с первого, мифического фараона Менеса и кончая Сети I, который построил этот роскошный храм.

На заднем плане этого комплекса храмов была расположена священная область «Осирион» с могилой Осириса на искусственно насыпанном и засаженном деревьями холме. Вокруг этого холма был прорыт ров, который наполнялся водой. Здесь, в этой «святая святых» храмового комплекса, проводились торжественные церемонии в честь бога Осириса и его земного представителя Сети I, который, покинув землю, вновь соединился с небесным богом.

Лавина памятников

Это был лишь первый слабый луч!

Слабый луч света, озаривший работу египтологов, растянувшуюся на целый век. Как часто исследователи первого и второго поколения ученых оставались одинокими и предоставленными лишь самим себе среди безжизненной пустыни, крутых скал и таинственных холмов. Часто они были вынуждены действовать наперекор сынам пустыни, которые никогда и не слыхали о научной работе и верили в колдовство и привидения. Часто им приходилось испытывать необыкновенные приключения среди этих людей, которые хотели получить от них золото.

Но они уже были влюблены в свое дело, интерес к которому зачастую превращал ученых в искателей приключений; дело, требовавшее от них большого мужества и выносливости. Нередко они рисковали своей жизнью, чтобы исследовать и описать с необходимой научной тщательностью какую-либо находку.

Вокруг Абидоса — вокруг Среднего Египта с царем всех городов Фивами, на территории, очерченной огромным эллипсом, — из зольников, скал и песка пустыни постепенно вырастал целый лес памятников, храмов, гробниц, маленьких и больших пирамид, сфинксов, колонн и столбов.

Исследователи раскопали древние города: Дендера, Копт, Нагадэ, Гермонтис, Эсне, Элькаб, Эдфу, Иераконполис, Омбос. На берегах среднего и нижнего Нила нашли Амарну, Гермополис, Танис, Мендес, Бубастис, Буто, Гелиополис, Мемфис.

Храмы, кладбища и города пирамид лежали перед учеными. И бессчетное число надписей!

Исследователи начали дешифровку и перевод этой сокровищницы надписей, найденных на стенах раскопанных храмов и пирамид, во дворцах и гробницах, на колоннах и цоколях, на пластинках из шифера и слоновой кости, на дощечках из эбенового дерева, на черепках и надгробных плитах, печатях и листах папируса, статуях, оружии и украшениях.

И они поняли, что древние египтяне больше всех народов мира любили писать.

ЗАКРОМА ИОСИФА

Как это прекрасно, когда руки людей создают пирамиды, строят каналы и сажают рощи для богов.

Из предсказаний жреца

На западном берегу нижнего Нила, недалеко от Каира, тянется от Абу-Роаш через Гизу (Гизэ), Абу-Сир, Саккара до Дашура поле пирамид Нижнего Египта. Там, на протяжении приблизительно 30 километров расположились вдоль реки целые группы больших и малых пирамид, которые были созданы в самые выдающиеся периоды истории Египта. Библейское предание о Иосифе рассказывает, что пирамиды были возведены тяжелым подневольным трудом детей Израеля во время их пребывания у берегов Нила. Это характерный пример абсолютного незнания истории человечества на пороге нашей эры. Потому что египетские пирамиды были построены намного раньше времени Авраама и Моисея. Задолго до того как Иосиф был продан братьями в Египет, фараоны уже перестали возводить подобные сооружения.

В первые века нашей эры распространилась благочестивая мысль (может быть, благодаря греку Стефаносу из Византии), что в пирамидах хранились большие запасы пшеницы. Поэтому на Западе пирамиды стали называть «закромами Иосифа». По Ветхому завету, Иосиф возвысился в Египте в результате своих успешных предсказаний, когда семь тощих и семь тучных коров он истолковал как семь грядущих голодных и семь урожайных лет. На Западе в конце концов стали думать, что Иосиф сохранял зерно этих семи урожайных лет в пирамидах-закромах, чтобы народ не страдал от голода в течение последующих семи голодных лет.

Пирамиды и всемирный потоп

Это представление христиан о пирамидах у берегов Нила, которого с такой глубокой верой придерживались еще в средневековье, в какой-то мере совпадает со взглядом араб-

ских авторов, обращавших все свои помыслы к Аллаху и его пророкам. Они считали, что пирамиды — это постройки, при помощи которых человечество спаслось от всемирного потопа. На смену этому безобидному мнению, широко распространенному еще в IX веке н. э., в IX—X веках н. э. пришло другое: что эти таинственные и зачастую труднодоступные пирамиды служили хранилищами драгоценных украшений и вещей, что они были до самого верха набиты драгоценностями.

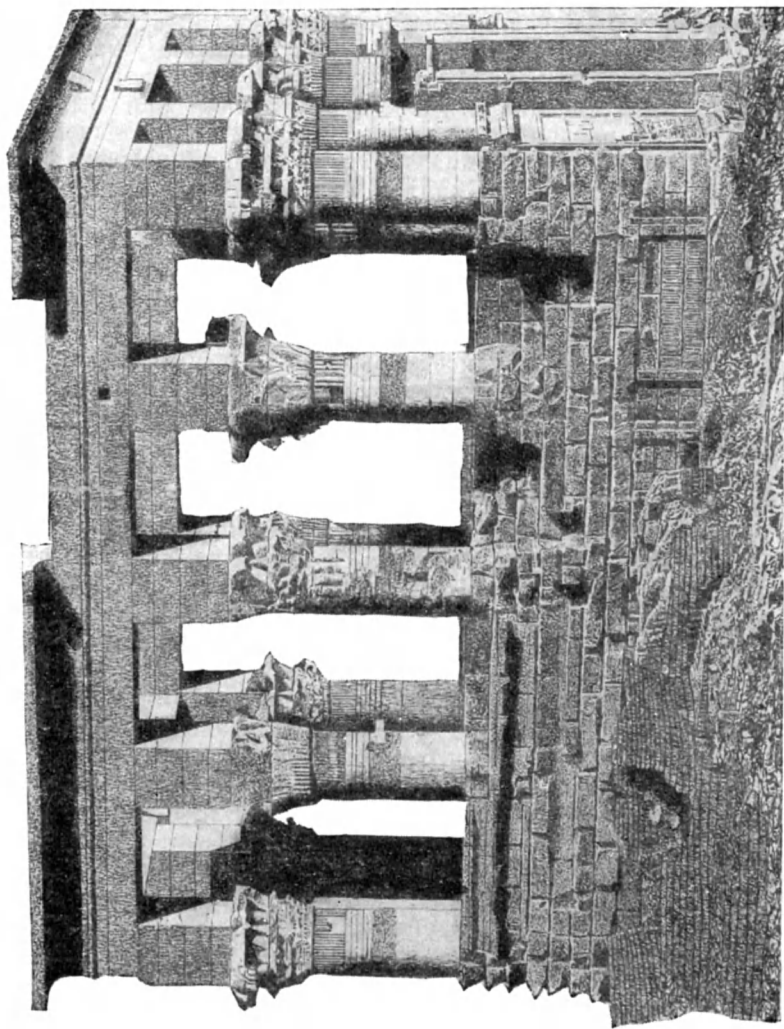
Может быть, подобные представления возникали в связи с тем, что верхушки некоторых пирамид, как это удалось установить исследователям, на самом деле были позолочены.

Неизбежным следствием таких легенд были попытки ограбления пирамид могущественными халифами, которые среди бела дня пытались с помощью своих солдат проникнуть внутрь самых больших пирамид.

Так, в IX веке н. э. халиф аль-Мамун сделал попытку ограбить огромную пирамиду Хеопса в Гизе. Так как аль-Мамуну и его солдатам не был известен тайный вход — пирамида была облицована гладкими камнями, скрывавшими его, — рабочие халифа стали пробивать искусственное отверстие; они били до тех пор, пока падающие внутрь пирамиды камни не указали им правильный путь. Этим так называемым «входом грабителей» еще и сегодня пользуются туристы.

Приблизительно в 1200 году н. э. султан Али-Мухаммед ограбил соседнюю пирамиду Хефрена. Когда в 1818 году, уже в новое время, Бельцони впервые проник в эту пирамиду, он нашел лишь пустую гробницу фараона. Рядом лежала крышка гробницы, разбитая на две части.

Ограбленные пирамиды, лишенные драгоценностей, использовались как каменоломни. Так, облицовку пирамиды Хеопса в XIV—XV веках н. э. снимали и использовали на стройках в Каире. С соседними пирамидами обходились подобным же образом. Сравнительно недавно, всего лишь в начале XIX века н. э., тогдашние властители Египта, мамелюки, спокойно разрушали пирамиду Микерина в Гизе. Они надеялись подобными действиями обеспечить себе доступ к предполагаемым сокровищам. В 1817 году европеец по имени Кавилья обнаружил вход в пирамиду Микерина. В 1837—1838 годах в нее проник другой европеец — Виз. Найденный там базальтовый саркофаг хотели переправить на корабле в Лондон. Однако во время бури корабль затонул у испанских

Часть храма, сохранившаяся на египетском острове Филэ у Верхнего Нила

берегов. И по сей день в Атлантическом океане лежит никем не тронутый базальтовый гроб фараона Микерина III тысячелетия до н. э.

В течение пяти тысячелетий египетские пирамиды не знали покоя. Некоторые из них уже в древнем Египте использовались как удобные каменоломни. Есть пирамиды, разрушенные до такой степени, что современные египтологи затрудняются даже сказать, из какого материала они были созданы. О месте постройки некоторых пирамид даже ничего не известно. Они исчезли с лица земли, и нет ни одного жалкого холма, который напоминал бы о их существовании. Египтологи еще и сегодня их ищут.

Бедствия в Гизе

Три пирамиды, которые и теперь стоят на поле в Гизе, поражая своей величественностью, принадлежали фараонам Хеопсу, Хефрену и Микерину из IV династии, царствовавшей в середине III тысячелетия до н. э. Эти пирамиды и прежде всего всемирно-известная пирамида Хеопса так велики, что некоторые писатели Европы первых веков нашей эры (например, Гигин) беззастенчиво доказывали своим падким до всяких чудес читателям, что из-за своей величины пирамиды не имеют тени.

В то же время «отец истории» Геродот сообщал еще в V веке до н. э., что Хеопс во время строительства пирамиды «поверг Египет во всевозможные беды». «Он запер все храмы и воспретил египтянам приношение жертв, потом заставил всех египтян работать на него. Они обязаны были таскать камни из каменоломен, что в Аравийском хребте, к Нилу; по перевозке камней через реку на судах их должны были принимать другие египтяне и тащить к хребту, называемому Ливийским. Таким образом работало непрерывно в течение каждого трех месяцев по сто тысяч человек. Народ томился десять лет над проведением дороги, по которой таскали камни... Постройка этой дороги и подземных помещений в холме, на котором стоят пирамиды, продолжалась десять лет; помещения эти Хеопс сооружал для себя на острове как усыпальницу... Сооружение самой пирамиды продолжалось двадцать лет...»⁸.

Далее Геродот писал, что этот «Хеопс царствовал пятьдесят лет, а по смерти его власть перешла к брату его Хефрену», который царствовал пятьдесят шесть лет. «Насчитывают

сто шесть лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды, и запертые храмы их не открывались. Из ненависти к этим (двум) царям египтяне неохотно называют имена их, а пирамиды приписывают пастуху Филитису, который в этих местах пас в то время свои стада».

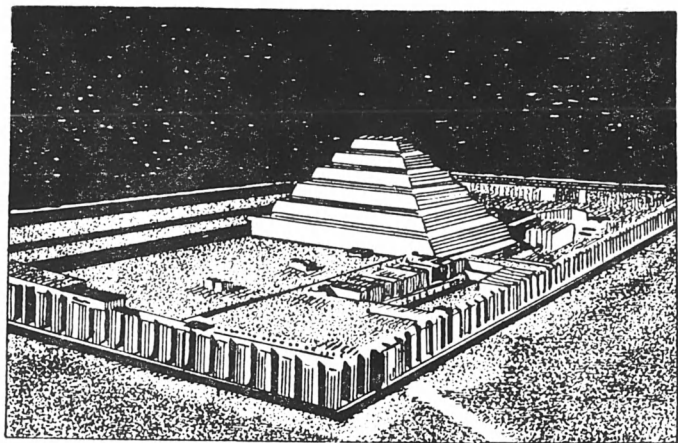
Согласно сообщению Геродота, строителя третьей пирамиды в Гизе, Микерина, египетское предание считало наиболее справедливым. Именно Микерин снова открыл храмы — так писал Геродот со слов египетских жрецов — и «дозволял угнетенному до крайности» народу «вернуться к своим занятиям и празднествам». Микерин был вообще справедливым и мягким фараоном. И все равно его постигло большое несчастье: единственная дочь фараона неожиданно умерла. И если нам покажется даже, что печальная история о дочери Микерина отвлечет наше внимание от пирамид в Гизе, то все-таки ее надо здесь рассказать. Потому что она снова приведет нас к закромам Иосифа.

Коровы Иосифа

Геродот писал, опираясь на сведения жрецов: «Несчастье повергло царя в тяжкую скорбь и, желая похоронить дочь необыкновенным способом, он (Микерин) велел сделать из дерева пустую корову, позолотил ее снаружи и в ней похоронил умершую дочь».

Но «эта корова, — продолжал Геродот, — не была зарыта в землю; она стояла открыто еще в мое время (следовательно, почти на две тысячи лет позднее) в городе Саисе и помещалась в царском дворце, в прекрасно отделанном покое. Ежедневно сжигаются перед нею всевозможные благовония, и каждую ночь горит лампада от вечера до утра... Корова закрыта пурпурным покрывалом, только шея и голова ее обложены толстой золотой бляхой, между рогами помещено золотое изображение солнца. Корова не стоит прямо, но полулежит на коленях, величина ее почти натуральная. Ежегодно корову выносят из ее помещения в то время, когда египтяне оплакивают божество, которого нельзя мне назвать в этом повествовании (Осирис). Тогда-то и корову выносят на свет, причем рассказывают, что дочь перед смертью просила отца своего — Микерина — дать ей возможность однажды в год видеть солнце».

Несомненно, что Геродот, услышав от жрецов эту красивую легенду приблизительно через две тысячи лет после по-

*Реконструкция ступенчатой пирамиды Джосера в Саккара
(III династия, III тысячелетие до н. э.)*

стройки большой пирамиды в Гизе, уже не понял ее. Но когда внимательный читатель с растущим чувством досады стремится сопоставить одну из самых невероятных египетских историй — о золотой корове, в которой лежит труп дочери Микерина и которую один раз в году (когда оплакивают Осириса) выносят на свежий воздух, чтобы она смогла увидеть солнце, — ему приходят на ум закрома Иосифа и его предсказание по поводу умирающей и воскресающей коровы. Он начинает понимать, откуда произошли эти семь коров Иосифа, истолковавшего сон фараона. Ведь семь тучных и семь тощих коров, по толкованию Иосифа, это семь урожайных и семь неурожайных лет.

Луна как бог года выступает то в образе быка, то в образе коровы — вот подлинное ядро египетской легенды. Очевидно, это знал каждый ребенок во времена Микерина и почти каждый жрец во времена Геродота.

Рассказчики библейских легенд тоже должны были об этом хорошо знать, так же как и о золотом тельце. Но если в те времена не составляло труда истолковать семь коров как семь лет, то что же тогда способствовало удивительному возвышению Иосифа?

И это один из многих вопросов, на которые пока еще нет ответа, если, конечно, всерьез говорить о «золотой корове» фараона Микерина и правнуке Авраама — Иосифе.

А пирамиды?

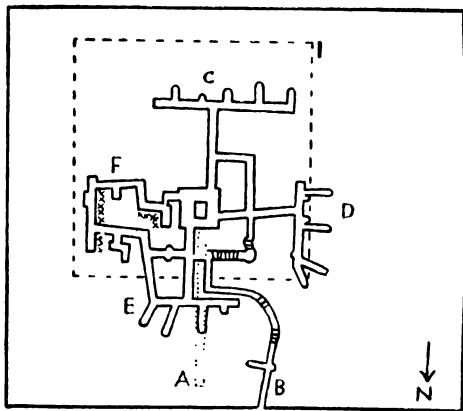
Не много есть, однако, событий на свете, история которых столь интересна, как история пирамид⁹.

Мир затаил дыхание

В горной долине Саккара¹⁰, южнее Гизы, у давно погибшего Мемфиса, напротив Хелуана, расположена пирамида фараона Джосера, которая в настоящее время считается наиболее древней. Она принадлежит основоположнику III династии, и возраст ее приблизительно 4600 лет. Очевидно, эта пирамида — первая крупная постройка в мире из каменных блоков. Она была создана после того, как последние цари II династии сооружали свои могилы в Абидосе.

Тайны этой первой пирамиды — как она была построена, какие идеи заложены в ней — возбуждают египтологов, заставляя их исследовать и анализировать ее до мельчайших подробностей. Поэтому в 1924 году английские, американские и французские ученые Ферс, Ганн, Лауэр, Квибелл и Жекье взялись за работу в Саккара, которая растянулась на многие годы. Раскопки принесли разнообразные сюрпризы.

Вокруг пирамиды Джосера, возведенной на скалистом грунте, был обнаружен огромный фундамент приблизительно 544 метра длиной (в направлении с севера на юг) и около 277 метров шириной (с запада на восток). Все пространство, в середине которого стоит пирамида, первоначально было окружено гигантской оградой высотой более 10 метров. На наружной стороне ее стен чередовались выступы, подобные бастионам, и глубокие ниши.

Погребальная камера с лабиринтом многочисленных ходов и четырьмя галереями (C, D, E, F) пирамиды Джосера в Саккара. Вдоль галерей стоит множество каменных ваз, очевидно извлеченных из подземных складов или культовых помещений. Стены их (XXX) частично покрыты зелеными фаянсовыми изразцами и украшены цинковками

Вход на территорию пирамиды Джосера находился в юго-восточной части стены. Он ведет мимо колоннады во двор, который на севере ограничен пирамидой, а на юге — стеной. Среди лабиринта галерей, пробитых в скалистом грунте у пирамиды, вертикально вниз спускается шахта глубиной 29 метров и 7 квадратных метров в сечении. Там находилась небольшая усыпальница, выложенная гранитом. Ее прикрывали огромные каменные плиты. В одной из них пробито отверстие, через которое, очевидно, можно было спустить мумию царя в усыпальницу. Отверстие в плите было забито гранитной пробкой весом не менее 3 тонн.

Когда исследователи открыли спрятанную глубоко в скалистом грунте усыпальницу фараона Джосера III тысячелетия до н. э., их охватило странное чувство: усыпальница египетского фараона оказалась пуста.

Загадочная архитектура

За оградой гробницы Джосера находился небольшой, сейчас уже полностью разрушенный храм. В 1925 году были найдены остатки его колонн. Восточнее него расположен продолговатый зал, крышу которого некогда поддерживало 40 колонн из известняка. Колонны как бы имитируют связи стеблей тростника.

К северной части зала примыкает большой парадный храм с молельнями и усыпальницами царских дочерей. Архитектурный стиль храма — особенно если принимать во внимание его древний возраст — совершенно необычен: имитация из камня деревянных столбов и сводчатой крыши. У фасада храма стоят колонны с каннелюрами и пилястры в виде связок стеблей тростника, напоминающие греческие. И все это в III тысячелетии до нашей эры!

Некоторые ученые искренне удивлялись: этот огромный парадный зал, эта базилика с тремя нефами, средний из которых выше боковых, — просто прообраз греческого зала и христианской базилики, возникших на Западе лишь три тысячи лет спустя! Новое чудо!

Кто построил эти огромные парадные залы у Нила почти пять тысячелетий назад?

Что это были за люди? Откуда они пришли?

В 1926 году в маленькой каменной камере, окруженной стеной с двумя небольшими отверстиями, нашли сидящую на троне фигуру фараона в натуральную величину. Пока это

самая древняя скульптура египетского царя. Больше всего бросается в глаза при знакомстве с усыпальницей Джосера полное овладение техникой и ничем не объяснимое умение использовать гигантские каменные плиты, до того времени неизвестные на Ниле. Создатели подобных сооружений — пусть даже и гениальные — нуждались в прототипах, к которым бы восходило последующее развитие такой техники: сооружение сводчатых крыш, секреты облицовки глазурованными плитками, вырубки ниш и т. д. До Джосера таких прототипов не находили в земле долины Нила.

Какие загадки предстоит еще решить здесь исследователю?

*Статуя фараона Джосера
(III династия, III тысячелетие
до н. э.) в Саккара. Каирский музей*

Позолоченный череп

Точно доказано, что пирамида Джосера была ограблена еще в древнеегипетское время — может быть, спустя полтысячелетия после ее сооружения. Грабители двигались в направлении к усыпальнице уже около 4000 лет назад, проделывая исключительно тяжелую работу. Они пробивали ходы через массивные скалы при помощи примитивных орудий.

Когда в 1821 году итальянец Мену фон Минутולי, находившийся на прусской службе, вместе с немецкой экспедицией обследовал пирамиду Джосера, он обнаружил в одном из многочисленных ходов позолоченный человеческий череп и позолоченную ступню. Может быть, это и были останки

фараона Джосера, брошенные грабителями четыре тысячи лет назад при паническом бегстве.

Но даже и эти золотые останки могущественного фараона раннединастического периода окончательно исчезли из поля зрения египтологов. Они утонули в море вместе с другими находками немцев во время кораблекрушения, и никто больше не сможет уже восхищаться золотым черепом, который, очевидно, принадлежал одному из самых древних и могущественных на свете царей.

Вблизи пирамиды Джосера нашли усыпальницу одного из правителей первой династии фараонов; его звали Хемака. Вместе с ним было захоронено огромное количество погребальной утвари: более 2000 кувшинов заполняло 42 погребальные камеры этого человека.

42 камеры!

Это невероятно! В одной из могил правителя Мегиддона в Палестине Шумахер нашел 42 кувшина. Усыпальница в Саккара, которая была по крайней мере на тысячу лет старше, имела 42 камеры.

Случайность? Или символика цифр?

Золото в лабиринте Саккара

Земля в Саккара скрывает еще много тайн.

Расположенные там гробницы вельмож Мерерука и Ти относятся к концу Древнего царства, к V или VI династиям, и говорят о каком-то едва нам понятном погребальном культе.

Погребение Мерерука состоит из 32 погребальных камер со связывающими их ходами, стены которых украшены изображениями домашних животных, лодок, плакальщиц, сценами похорон и жертвоприношений.

Еще более удивительной является гробница — мастаба¹¹ Ти. В нее входят через маленькое переднее помещение с двумя столбами; за ним следует большой зал, свод которого поддерживают 12 столбов. Отсюда лестница ведет в гробницу, где стоит пустой саркофаг. Из противоположного конца зала через коридоры можно пройти в другие помещения. Стены гробницы опять-таки украшены самыми различными изображениями. Интересен рельеф, на котором показано, как владелец гробницы Ти едет на лодке сквозь заросли тростника; впереди лодки вельможи плывет другая, сидящие в ней люди вонзают свои гарпуны в спины гиппопотамов.

Саккара заключает в себе и подлинные тайны. С 1951 года здесь, в нескольких сотнях метров юго-западнее пирамиды Джосера, проводил раскопки египетский археолог Мохаммед Закария Гонейм¹². За три года упорных поисков он обнаружил мощную стену длиной 550 метров и незаконченную ступенчатую пирамиду, сильно напоминающую пирамиду Джосера, с галереями, вазами, сосудами из гранита и листьями папируса.

Потом Гонейм нашел украшения: 21 золотой браслет, золотые бусы и золотую двустворчатую раковину тончайшей ювелирной работы. И, наконец, он обнаружил не менее 120 подземных помещений, целый лабиринт III тысячелетия до н. э.

В 1954 году Гонейм нашел другой подземный ход. В течение тысячелетий он был вместе с остатками пирамиды покрыт песком пустыни. Прошли месяцы, прежде чем удалось его освободить. Во время этой работы произошел несчастный случай. Один из каменных блоков потолка неожиданно обвалился и похоронил под собой рабочего. Удалось откопать только труп. Среди местных жителей и суеверных рабочих начались волнения. Гонейм пытался успокоить людей. Он убеждал их в том, что такой несчастный случай может произойти и при постройке моста или дома и, следовательно, ничего общего не имеет с разгневанным фараоном или местью обеспокоенных духов.

Гробница оказалась пустой

В гробнице на глубине 40 метров Гонейм нашел печать с именем фараона Сехемхета. Гробнице было приблизительно пять тысяч лет, возможно, это была самая древняя каменная царская гробница подобного типа.

Теперь Гонейм стоял в раскрытой усыпальнице. Здесь находился тяжелый саркофаг из золотисто-желтого алебастра. Он возвышался среди многочисленной погребальной утвари: ваз, чаш, сосудов. Нетронутыми лежали остатки каких-то трав или веток кустарника на крышке гроба. Это была лечебная трава. Все выглядело так, как будто пять тысяч лет назад любящий человек возложил ее туда как последнюю дань.

Гонейм стоял, затаив дыхание. Итак, совсем нетронутая царская усыпальница. Могила фараона, на которой еще лежит печать гуманности и любви — древнейшей, пятитысяче-

летней давности, но все равно нестираемой, несомненной, человеческой любви.

Гонейм информировал о своей находке правительственных чиновников Египта. Он призвал специалистов-археологов и ввел их в таинственную царскую усыпальницу, расположенную на 40-метровой глубине под скалой.

Телеграф, телефон и телетайп принесли в мир сенсационное известие: новая гробница фараона — прекрасный алебастровый саркофаг на глубине 40 метров в скале — самая древняя усыпальница в Саккара — трогательный прощальный венок на крышке гроба. И мир снова затаил дыхание.

В присутствии многих ученых, друзей и правительственных чиновников Гонейм вскрывает саркофаг. Осторожно поднимает он крышку красного гроба.

Но саркофаг был пуст.

Почему он оказался пустым?

Где был погребен владелец пирамиды?

Никто не мог дать ответа. В течение многих лет таинственную пирамиду, скрытую под песком пустыни, подвергали тщательному обследованию. Работы пока еще не окончены и ответ так и не найден.

Правда, было найдено золотое женское украшение, принадлежавшее царице или принцессе. Удалось расшифровать ее имя. Потом нашли пластинку, на которой описан гардероб женщины из царского дома. Была обнаружена женская одежда; она лежала, небрежно брошенная, у входа в подземные помещения.

И все. Это не ответ на многие вопросы, которые напрашиваются в связи с пирамидой в Саккара.

Падающие камни и пустые саркофаги

После III династии, основатель которой — Джосер — строил свои пирамиды в Саккара, царствовали фараоны IV династии. Их пирамиды находятся в Гизе.

Уже десятки лет немецкие, австрийские, итальянские, американские и египетские исследователи раскапывают огромную площадь с многочисленными лабиринтами, переходами, камерами, храмами и таинственными шахтами вокруг трех гигантских пирамид в Гизе.

Среди египетских пирамид самым большим и крупным архитектурным сооружением древнего мира, несомненно, яв-

ляется пирамида Хеопса (Хуфу, Кхуфу). Египтяне называли ее «Акхет-Кхуфу», то есть «могила Кхуфу».

На квадратной площадке размером 52 900 квадратных метров — длина боковой стороны 230 метров — поднимается гора из 2 300 000 каменных блоков, каждый из которых весит 2,5 тонны.

Большинство этих блоков привозили из Мокаттама — каменоломни на восточном берегу нижнего Нила.

Когда-то высота этой пирамиды достигала 146, сегодня — всего 137 метров. Как и у большинства других пирамид, вход в пирамиду Хеопса расположен на северной стороне. Внутри гигантского сооружения низкие наклонные коридоры ведут наверх, в зал, высота которого 8,5, а длина 47 метров; наклонный пол зала тоже поднимается вверх. Из этого зала коридор ведет в царскую усыпальницу, где стоит саркофаг Хеопса из цельной гранитной глыбы. Он пуст. Исчезла даже крышка саркофага. До сих пор не найдена и мумия фараона.

На гладких стенах из черного гранита нет ни рисунков, ни надписей. Потолок царской погребальной камеры, достигающий почти 6 метров высоты, состоит из 9 гранитных блоков, над которыми расположено еще пять разгрузочных камер¹³.

Вход в усыпальницу завален тремя тяжелыми блоками. Они должны были уберечь мумию Хеопса от поношений и ограбления.

Для рабочих, задача которых состояла в том, чтобы столкнуть камни в наклонную галерею, была оставлена тесная, идущая почти вертикально вверх шахта, через которую они могли выбраться из могилы.

Время строительства — 20 лет

Сообщение Геродота о том, что пирамиду Хеопса строили 20 лет, звучит вполне правдоподобно. Обращает на себя внимание его замечание о том, что фараоны Древнего царства каждые один-два года строительства повышали налоги.

Как строили пирамиды, этого египетские жрецы времен Геродота, жившие двумя тысячелетиями позднее, по-видимому, уже не знали. Вероятно, разъяснения Геродота, что строители поднимали эти тяжелые каменные блоки при помощи рычагов, неверны.

В 1928 году немец Людвиг Борхардт нашел сооружения, которые могут дать представление о способах постройки пирамид.

Строители, видимо, сооружали на восточной стороне строительной площадки, то есть в направлении к Нилу, громадную платформу по всей длине пирамиды. На деревянных полозах отдельные каменные блоки, видимо, доставляли на платформу. Как только заканчивалась кладка одного ряда блоков, платформу приходилось поднимать. В конце строительства пирамиду облицовывали плитами из белого известняка от верха до самого основания.

Чтобы уложить 2 300 000 каменных блоков в течение 20 лет строительства, надо было каждый год класть до 115 000 блоков. 100 000 человек работали ежегодно на строительстве в течение трех месяцев, они, видимо, занимались в основном транспортировкой камня, в то время как множество каменотесов и камнеломов трудились, вероятно, в течение круглого года.

В среднем рабочая группа из восьми человек за неделю доставляла одну каменную глыбу весом в 2,5 тонны от берегов Нила, из каменоломни, до пирамиды. Вопрос о том, испытывали ли феллахи непомерные страдания от этой работы, остается спорным. Ведь их жизнь, жизнь крестьян, в те времена была тоже очень тяжела. Притом работа над сооружением пирамид считалась делом, угодным богу, и была обязательна для всего народа.

Царские барки Хеопса

Пирамиду Хеопса окружало множество усыпальниц членов царской семьи и их приближенных. Египетские археологи раскапывали их начиная с 1948 года.

При дорожных работах, связанных с раскопками, которые потребовали перепланировки местности и строительства подъездов к пирамиде, весной 1954 года египетский инженер Камаль-эль-Маллах натолкнулся на массивные плиты из известняка. Они лежали сложенными в два ряда, протянувшись в длину почти на 40 метров.

Египтологи пробили в одном из блоков отверстие размером с голову человека, чтобы посмотреть, что скрывается под ним. Поднять хотя бы один блок было просто невозможно, ибо каждый из них имел 4 метра в длину и 2 метра в ширину.

Из проделанного отверстия пошел теплый воздух, и присутствующие ощутили аромат ладана и дерева сикомора. Поспешно просверлили второе отверстие и приложили зеркало. Отраженный луч выхватил из глубины контуры большой лодки.

В конце 1954 года в присутствии восьми известных египтологов с восточной подземной камеры сняли один из 20-тонных блоков.

И действительно, появилась лодка тридцатиметровой длины и трехметровой ширины. Это была барка с пятиметровыми веслами. Хотя она, разумеется, пришла в негодность за четыре с половиной тысячи лет, но ее внешний облик можно было легко восстановить.

Подобные барки уже встречались раньше в некоторых пирамидах, но все они были ограблены. Барка же Хеопса оказалась нетронутой, что вполне понятно, если учесть необычайно тяжелые блоки, закрывавшие камеру. Сохранившаяся барка, безусловно, представляет большой интерес для науки.

Древние египтяне считали, что по небу плавают два корабля: дневная и ночная барка.

Ночная барка шла с запада на восток, так же как и убывающий серп луны, который в конце месяца исчезает на востоке — там, где утром восходит солнце.

Дневная барка совершала обратный путь с востока на запад, так же как солнце, луна и звезды, ежедневно появляющиеся на небе.

Таким образом, за религиозным представлением о двух барках скрывается примитивная космогония, где, разумеется, довлеют определенные идеи, хотя, конечно, несколько преобразованные. Ибо два лунных серпа, которые появляются то справа, то слева от солнца, символизируют смерть и воскресение. Оба серпа перемещаются в суточном движении звезд с востока на запад, а в течение месяца — с запада на восток.

Где находится потусторонний мир?

Египтяне считали луну «солнечным кораблем» потому, что «небесные корабли» всегда появлялись вблизи солнца. «Ночная ладья» проплывает перед восходом солнца прямо около него, «дневная ладья» в свою очередь видна вечером у солнца.

Понятно, что для египетской религии место около солнца, где исчезала одна ладья и появлялась другая, приобретало особое значение. Сверкающее под лучами солнца наиболее светлое место — потусторонний мир (это пока еще не само солнце) — и было гаванью «солнечных кораблей».

Египетская религия не была религией солнца, но она признавала существование потустороннего мира. Это не нуждается в доказательствах. Пирамиды, могилы, «книги мертвых» и вообще весь заупокойный культ служит этому достаточным подтверждением. Небесный потусторонний мир лежал в золотом солнечном венце, а не в темном подземном царстве, как это утверждало созданное позднее религиозное учение.

Отсюда становится понятным, почему египтяне изображали солнечный диск всегда между двумя рогами, двумя змеями или двумя ладьями, то есть между двумя лунными серпами. Какое бы место ни находила египетская религия для вечного покоя мертвых, вечного сна у Осириса, всюду оно обязательно утопало в сверкающих лучах солнца.

Но это далеко еще не религия солнца. Кому египтяне покажутся солнцепоклонниками, тот неизбежно допустит ошибку, что в общем-то и естественно при сложном лабиринте представлений, характерном для религии древнего Египта.

В текстах пирамид встречаются обе солнечные ладьи — «сверкающие золотом барки длиной в 770 локтей». Одна из них называлась «Манецет». В ней по утрам появляется невинный солнечный бог. Но Манецет — это ладья «захода», корабль мертвых, ущербный серп луны, который направляется, по представлениям египтян, в сверкающий потусторонний мир и плывет перед солнцем или за ним.

Вечерняя ладья, или «Месектет», наоборот, — корабль «восхода», полная луна. Правда, древнеегипетские тексты часто бывают удивительно неясными. Это могло происходить по разным причинам. Здесь, возможно, сказывалось влияние жрецов-солнцепоклонников из Гелиополиса. В том, что тексты часто извращались, немалую роль играло примитивное мышление древних египтян, которые не могли себе представить небесные явления иначе, как по аналогии с происходящим на земле — борьбой, страданиями, смертью и обновлением.

И лишь солнечные корабли занимали здесь особое место. Это была первая попытка древних египтян объективно представить себе общую картину мира.

Можно предположить, что египтяне ненавидели Хеопса, как об этом сообщает Геродот, говоря о происхождении фараонов IV династии.

Бронзовые мечи северного типа, относящиеся к ранней истории Египта, которые находят в земле, черепа необычной формы, встречающиеся в некоторых погребениях, и другие признаки подтверждают существующее мнение о том, что фараоны первых династий вели свой род от чужеземных властителей. Блондинкой была, очевидно, и супруга Хеопса. В ее гробнице нашли изображение матери царя — Хетепхерес. У нее белокурые волосы и светлые глаза. Она, если это соответствует действительности, была родоначальницей фараонов, построивших себе в Гизе три громадные пирамиды, — матерью фараона Хеопса.

Жизнь этой женщины долгое время волновала египтологию.

Чтобы выяснить все эти обстоятельства, лучше всего познакомиться с открытиями американского ученого Г. Рейзнера из Гарвардского университета в Бостоне.

В 1923—1924 годах Рейзнер исследовал монументальные гробницы царской семьи, расположенные на восточной стороне пирамиды Хеопса. Между усыпальницами проходили вымощенные улицы. Эти улицы были изучены археологами буквально с помощью лупы. Рейзнер даже поднимал известковые плиты, чтобы проверить, не лежит ли что-нибудь под ними.

В начале 1925 года Рейзнер натолкнулся на слой гипса. Это навело его на мысль, что здесь что-то есть. И действительно, под штукатуркой оказалась кирпичная кладка. Когда ее разобрали, показалась лестница, спускавшаяся к короткому тоннелю.

Ступеньки кончались у отвесной шахты, прорытой в скалистом грунте. Она была забита галькой и тяжелыми каменными глыбами. Началась кропотливая работа по расчистке шахты. Наконец, на глубине 25 метров появился вход в погребальную камеру. Подойдя к входу, Рейзнер остановился перед нагромождением мусора. Небольшая камера была завалена прогнившими кусочками дерева, черепками, кусками меди. Вокруг царил ужасный беспорядок. На полу были рассыпаны крохотные золотые фигурки и отдельные значки. Это были остатки иероглифов, которые когда-то составляли часть деревянных табличек и высыпались, после того как де-

рево сгнило. В одном углу стоял огромный алебастровый саркофаг.

Что же здесь произошло? Кто привел все это в такой страшный хаос? Были ли это грабители?

Вскоре Рейзнер понял, что хаос в камере — лишь следствие безжалостного времени. В течение четырех с половиной тысяч лет все вещи, которые здесь были, разрушились, сломались и распались, превратившись в обломки и прах.

Реконструкция из пыли

Рейзнер решил восстановить это помещение. Для реконструкции требовалось провести тщательную, кропотливую работу.

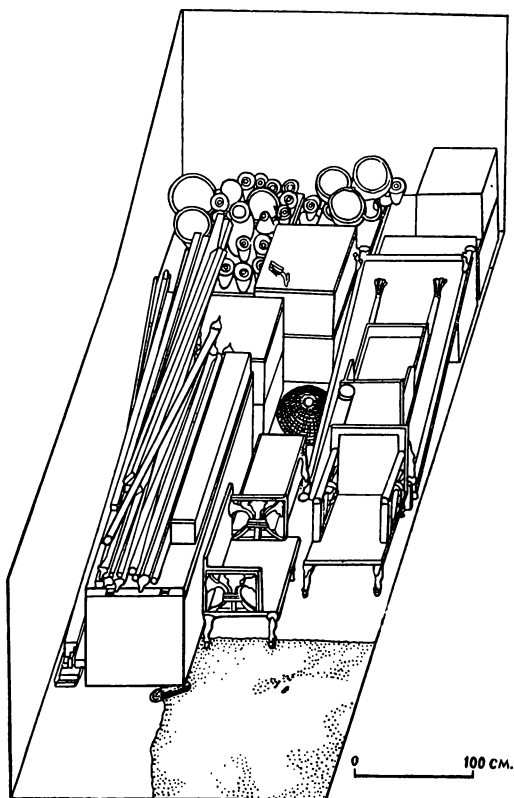
Началось длительное и почти невероятное предприятие: фотографирование каждого осколка точно в таком же положении, в каком он лежал, описание его и измерение. Это была действительно одна из самых необыкновенных археологических работ, хотя археология вообще-то богата различными невероятными случаями, характерными для всего процесса реконструкции.

Приблизительно за 300 рабочих дней удалось сделать тысячу фотографий и заполнить многочисленные тетради необходимыми записями. Сгнившее дерево заменяли новым.

Медленно, очень медленно, при помощи всех этих средств восстанавливали паланкин царицы Хетепхерес, кушетку, два кресла и другие вещи. Спинка одного из кресел была очень красиво отделана цветами папируса.

Потом оказалось, что мать Хеопса была здесь же похоронена. Нашли ее дорогие вещи, серебряные, отделанные полудрагоценными камнями ножные обручи. В этой погребальной камере стояли также кубки и чаши из чистого золота. В ящичках хранились маникюрные приборы, лезвия из меди и золота, а в ларце, служившем когда-то туалетным столиком царице, большое количество прекрасных сосудов из алебаstra. На крышках этих дорогих сосудов сохранились названия тех благовонных масел, которые употребляла царица.

Над обшитым золотом ложем позолоченные столбы держали прекрасный балдахин. На ложе можно было разобрать надпись, из которой следовало, что этот балдахин фараон Снофру подарил своей супруге. Снофру был предшественником Хеопса.

*Мебель из погребальной камеры царицы
Хетепхерес (III тысячелетие до н. э.)*

В усыпальнице царицы лежало также множество глиняных черепков — обычные добрые пожелания воскресения.

Время шло. Только в начале марта 1927 года погребальная камера была приведена в такое состояние, что можно было начать исследование саркофага. На нем золотыми иероглифами были написаны слова: «Мать царей Верхнего и Нижнего Египта, почитательница Гора, советчица повелителя, владычица, находящаяся в высокой милости, каждое слово которой — повеление, дочь бога — Хетепхерес...».

Никакого сомнения не могло быть — здесь покоилась

мать того фараона, который создал для себя в Гизе величайшее сооружение, мать самого Хеопса.

В присутствии избранной публики — представителей науки, политических деятелей и общественности — Рейзнер поднял тяжелую крышку саркофага. С волнением ожидают гости и корреспонденты появления лица одной из самых значительных женщин в истории человечества и в то же время одной из самых древних цариц мира, белокурой прародительницы IV династии фараонов.

Но саркофаг был пуст.

ТАЙНЫ ПИРАМИД

Унас — это змея На'у, бык, который властвует;
Она проглотила семь своих змей-уреев.

*Из заключительных строк надписи
на пирамиде Унаса*

Сын и прямой наследник Хеопса — Джедефра — построил свою пирамиду не в Гизе, а в 8 километрах от усыпальницы своего отца, у современной деревни Абу-Роаш. Он назвал ее «звездным шатром Джедефра», что говорит о том, какой смысл придавался всем пирамидам — шатер, каменный звездный шатер.

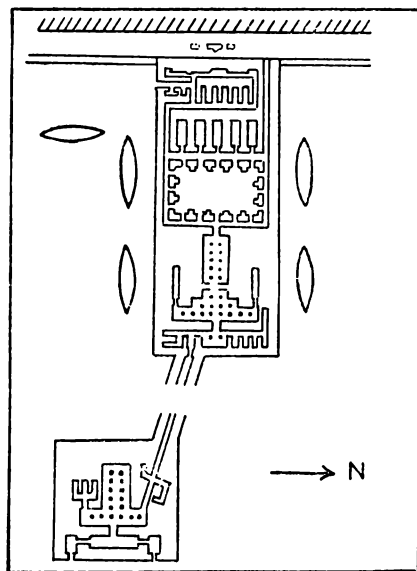
По-видимому, звездный шатер Джедефра так и остался недостроенным. Остатки пирамиды сейчас совершенно разрушены, так как еще в XIX веке н. э. множество каменных плит этой пирамиды было использовано египтянами для своих построек.

В 1901 году восточнее этих руин, ближе к Нилу, начали раскапывать остатки так называемого «храма жертв и статуй». От него когда-то спускалась прекрасная улица, доходившая до границ обработанных полей. Там, по всей вероятности, находился второй храм — «храм долины». Он был построен близ поселений в долине, чтобы для совершения жертвенных церемоний, посвященных умершему фараону, не нужно было подниматься на скалистое плато в пустыне.

Как сама пирамида, так и находившийся около нее жертвенный храм спешно достраивались с использованием материала, получаемого из нильского ила. Все это говорит о том, что Джедефра умер неожиданно, еще до того как его усыпальница была закончена.

После него престол занял его брат Хефрен. Он построил себе в Гизе вторую по величине пирамиду. Ее погребальная камера была ограблена еще до того, как в 1818 году сюда впервые проник Бельзони.

И перед пирамидой Хефрена был «храм жертв и статуй». Его называли так по пяти камерам, особым помещениям или молельням со статуями, и сидящей фигурой фараона в про-

«Храм жертв и статуй» фараона Хефрена в Гизе; слева и справа — пять шахт для священных барок

ходе между колоннами. Громадные 12-метровые известковые блоки храма были отделаны красным гранитом и желтыми алебастровыми плитами. Стены колоннады украшали пестрые рельефы. Большой двор, два зала с колоннами — один удлиненный, другой широкий — дополняют картину этого храма близ пирамиды Хефрена в Гизе.

Около храма было вырыто 5 шахт, предназначенных для хранения священных барок. Оттуда потайной ход вел в долину Нила, где находился «храм долины». Этот ход еще в 1853 году был обнаружен Мариэттом.

Крупные раскопки и широкие научные исследования проводила с 1903 года до

начала первой мировой войны немецкая экспедиция под руководством Георга Штейндорфа и архитектора Уве Хольшера. Немецкая концессия на раскопки в 1911 году перешла к Венской академии наук. Принимал участие в финансировании раскопок крупный немецкий коммерсант, имевший торговые связи с Египтом, Вильгельм Пелицеус, который передал в дар свою долю находок родному городу Хильдесхайму, где был создан один из прекраснейших египетских музеев.

Вена, Хильдесхайм и Лейпциг проводят наконец совместные раскопки, которые возглавил ученый Герман Юнкер. Эти раскопки были поддержаны Обществом содействия германской науке.

В четырех больших экспедициях, в течение многих лет проводивших раскопки в Гизе, работали в среднем 300 человек. В 1926—1929 годах здесь находят много статуй — как сохранившихся полностью, так и разбитых. Среди них есть шедевры древнеегипетского искусства.

Бросается в глаза, что Хефрен первым из египетских фараонов называется «сыном Ра», то есть «сыном солнца». Севернее его «храма долины» лежит известный сфинкс из Гизы, названный арабами «отцом страха». У него тело огромного льва и голова фараона. Весьма возможно, что здесь изображен сам фараон Хефрен.

В 1925—1926 годах эта самая громадная скульптура в истории человечества (74 метра длиной и 20 метров высотой) была извлечена из песка пустыни, в который она погрузилась уже наполовину.

Третью и наименьшую из всех пирамид построил себе в Гизе фараон Микерин (Менкаура), сын и наследник Хефрена и внук Хеопса. Он занял трон своего отца после междоусобицы — результата борьбы за власть двух сыновей Хеопса, которые позднее были объявлены вне закона.

С 1905 по 1927 год Рейзнер по поручению Бостонского музея изящных искусств произвел исследование пирамиды Микерина в Гизе. Пирамида и сооружения вокруг нее не были закончены при жизни фараона. Уже его сын наспех достраивал культовые постройки. При этом и внутренней части пирамиды коснулись, видимо, некоторые перемены.

Египтологи предполагают, что это связано с изменением религиозных взглядов, сложившихся после смерти фараона.

Этот перелом в мировоззрении можно наглядно проследить по усыпальнице наследника Микерина — Шепсескафа. Шепсескаф уже не строил себе пирамиды. Его погребение представляет собой лишь колоссальный саркофаг.

В 1924—1926 годах саркофаг Шепсескафа раскопал француз Жекье. И в этом случае можно, по-видимому, заметить происшедшие изменения в религиозном культе. Ибо склеп Шепсескафа не содержит никакой погребальной утвари. Правда, не исключено, что позднее, при жизни следующих поколений, эту могилу ограбили так, что от погребальной утвари не осталось и следа, но уже сам отказ от постройки пирамиды говорит о победе новых религиозных представлений, которые можно назвать прямо-таки революционными. Мертвый фараон не живет уже в каменном пирамидальном склепе на скалистом плато у западного берега Нила или в каменном звездном шатре на земле — фараон живет теперь уже на небе.

У солнца!

Там лежит светлый потусторонний мир, который посещают золотые быки, бараны с золотым руном, ладьи мертвых и золотые рыбы.

Религия солнца

Отказ от строительства пирамид был явлением временным. Сахура, основатель V династии, снова строит себе у Абусира, южнее Гизы, пирамиду — «появление души Сахура». Можно думать, что по новому представлению душа древнеегипетских фараонов была отделена от тела. Пирамида уже не так важна, и тело не так священо. В отличие от громадной, воздвигнутой как будто бы навечно пирамиды Хеопса пирамида Сахура была построена крайне небрежно и из плохого материала. Внутренние помещения чрезвычайно просты. 33-метровый проход в погребальную камеру был отделан скромными плитами из известняка и по традиции заперт тремя каменными пробками. Стены погребальной камеры, также из простого известняка, совсем не были украшены.

Нет, пирамида уже не имела теперь большого значения. Воздвигнутый перед ней «храм жертв и статуй» — вот что постепенно становится центром культа. Здесь формировалась новая традиция. Дворы и коридоры были богато украшены рельефами, которые изображали трофеи военных походов в Азию и Ливию, «расправу с врагами», триумфальные шествия, охоту, сцены на скотобойне и, наконец, процессии во главе с мертвым фараоном, идущим навстречу небесным богам.

Покрытый базальтовыми плитами двор, длинные вестибюли, залы с колоннами, украшенными пальмовыми листьями из базальта, сокровищницы и склады — все это относилось к храму. Отсюда ладан и облака дыма от костров на жертвенных алтарях поднимались к небу — туда, где покоилась душа мертвого фараона. На одной из колонн высечены слова: «Гор, владыка короны (диадемы) Сахура, царь Сахура, которому дана навечно вся жизнь, все здоровье и все радости!» Нет, уже не в погребальной камере пирамиды с ее массивными каменными стенами — не там, а на небе, у солнца, где находится светлое царство потустороннего мира, — получает Сахура всю жизнь, все здоровье и все радости. И впервые на одной из перекладин этого великолепного храма в честь мертвого Сахура появляется изображение солнеч-

ного диска с двумя... нет, не с рогами и не с ладьями, а с двумя змеями: солнечный диск с двумя змеями, одна — справа от него, другая — слева.

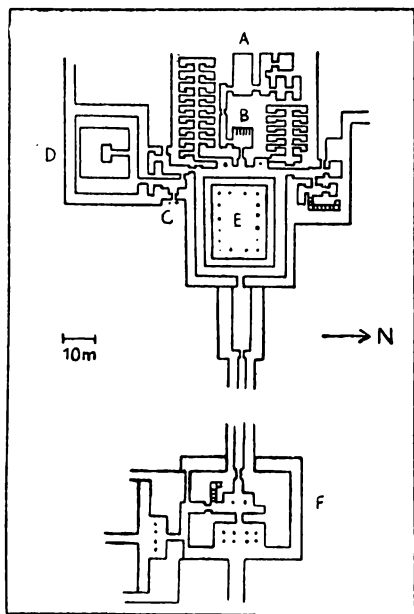
Чудотворный образ

В 1902—1908 годах Людвиг Борхардт по заданию Германского восточного общества раскапывал гробницу Сахура. Общая площадь всех найденных там рельефов составила около 10 000 квадратных метров, но сохранились из них далеко не все. Целые рельефы занимали площадь всего лишь около 150 квадратных метров.

От «храма мертвых» Сахура по скалистому плато вниз в долину Нила ведет ход длиной 4 километра, защищенный от песка перекрытием. Этот ход также украшен рельефами.

По странной закономерности, в силу действия которой в одном месте гигантские сооружения разрушаются, а в другом — сохраняются, «храм долины» Сахура стоял нетронутым две тысячи лет, вплоть до времени греков. В то время как все святилища в этом районе разрушались и разграблялись, в последний период древнеегипетской истории перед одним из рельефов в «храме долины» фараона расцвел трогательный местный культ.

Рельеф, находившийся на южной стене коридора, изображал богиню Бастет-Сахмет со львиной головой. Она считалась владычицей смерти и болезней, которую боялись, но которой в то же время и молились, так как она была и повелительницей врачей. Ее целительная сила притягивала к себе больных, которые приезжали сюда, не

План подземных помещений пирамиды Сахура (V династия) в Абусире: А — жертвенник; В — пять молелен со статуями; С — вход; D — соседняя пирамида; E — двор; F — «храм долины»

надеясь на мудреную теологию египетских жрецов, а рассчитывая на исцеление с помощью небесной милости.

Перед рельефом этой богини в «храме долины» древнейшего фараона когда-то, наверное, происходили чудесные исцеления. На украшенных рельефами стенах были развешаны многочисленные votивные (жертвенные) таблички того времени. Там же были найдены и жертвенные подношения.

Только со времени утверждения ислама, когда «Аллах и его пророк» властвовали над Египтом, прекрасные известковые рельефы пережгли на известь, а колонны сломали. Очевидно, из-за этого разрушился весь зал, что привело в ужас феллахов. Они не осмеливались даже подойти к развалинам храма, колонны так и остались лежать на месте.

При раскопках, проводившихся в начале нашего века, эти колонны были увезены, как и последние сохранившиеся еще рельефы фараона Сахура. В европейских музеях и собраниях они должны были послужить для людей XX века примером художественных и архитектурных достижений эпохи, отстоявшей от них на четыре с половиной тысячелетия. Сегодня, однако, и эти памятники в большей своей части разрушены. Мировая война, небрежное обращение и неподходящий климат довершили наконец то, что не удалось даже вора́м и грабителям с Нила: остатки усыпальницы фараона Сахура, основателя V династии, исчезли с лица земли.

Святы́лища солнца

В то время как Людвиг Борхардт исследовал царские могилы в Абусире, главным образом усыпальницу Сахура, барон В. фон Биссинг по поручению берлинских музеев раскопал по соседству святилище солнца фараона Неусерра V династии.

В течение многих лет святилища солнца привлекали к себе внимание немецких и швейцарских ученых. С 1955 года третью археологическую экспедицию в этом районе проводили Швейцарский институт археологических исследований Египта и античных древностей и Германский археологический институт. Возглавил экспедицию Герберт Рике, который привлек к участию в ней многих швейцарских и немецких ученых. Они занялись исследованием святилища солнца фараона Усеркафа V династии, которое, наверное, было самым древним солнечным святилищем Египта. Это не храм в традиционном смысле слова, а весьма своеобразное сооружение.

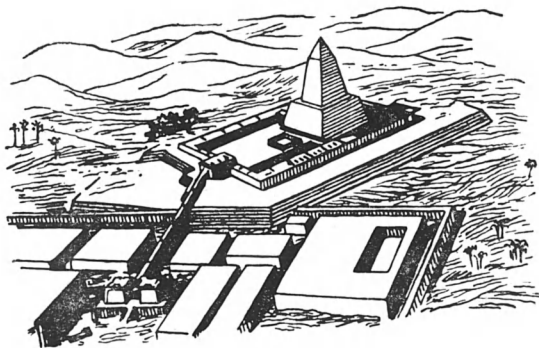
От долины Нила вверх, к скалистому массиву, ведет перекрытый сверху ход. Там, на южной стороне, внутри стен ограды берет свое начало темный проход, который приблизительно на середине поворачивает к центру святилища и ведет через лестничный переход к цоколю приземистого обелиска. У этого обелиска стоит громадный алтарь. Только там снова виден дневной свет; он появляется с востока, откуда каждое утро поднимается солнце.

Стены ведущего вверх перекрытого перехода и прохода к обелиску украшены рельефами. Они изображают победоносные походы фараона. На рельефах в так называемых «камерах времен года» показана обработка земли, сев и уборка урожая, а также различные животные. Здесь не заметно никакой склонности египтян к мистике.

Тем сильнее бросается в глаза полное разрушение этого святилища. Из числа предполагаемых шести святилищ солнца V династии до сих пор найдены только два — в Абусире. Видимо, смена веры привела к их полному уничтожению.

Нельзя сказать, что солнце не играло какой-либо роли в древнеегипетской религии, ибо бог солнца Ра был известен уже во времена царствования первых двух династий, но центрального места в культах оно, безусловно, не занимало. Даже в древнем учении, сложившемся в Гелиополисе, бог Ра не имеет еще определенного значения, да и вообще не числится в древнейших списках богов.

Только фараоны IV династии присвоили себе титул «сынов Ра». Этот титул стоял на пятом месте среди других цар-

*Святилище солнца из Абу-Гураба
(реконструкция)*

ских титулов. Старые боги стали терять свое прежнее значение, но еще не исчезли окончательно.

Уже начиная с фараона Неусерра V династии культ Осириса выступает на передний план. Пирамида этого фараона, раскопанная в 1904 году Борхардтом, оказалась сильно разрушенной. Проход в нее опять был закрыт тремя каменными глыбами, но погребальная камера и находящееся перед ней помещение были почти полностью уничтожены. Пирамида уже с древнеегипетских времен использовалась в качестве каменоломни: в период арабского владычества из нее также продолжали выбирать камни.

В титуле следующего фараона на месте Ра стоит уже Гор (утренняя звезда), что говорит об отрицательном отношении фараона к культу солнца.

Культе древнеегипетской религии солнца длился в III тысячелетии до н. э. лишь одно столетие. Но он привел к одной из величайших катастроф в истории Египта.

Признаки наступающей бури

Катастрофы редко возникают только по одной причине. Многие обстоятельства должны соединиться в одном пункте, чтобы их вызвать. И часто состояние равновесия длится долгое время, пока заложенные в нем силы не вырвутся наружу. И тогда может показаться, что наступает конец света среди грохочущего грома и сверкающих молний.

Таковыми обстоятельствами были: во-первых, владычество некоторых фараонов, белая кожа которых указывала на то, что они не вели своего происхождения с Нила. Во-вторых, тяжелый, бесконечный подневольный труд на строительстве пирамид, «храмов мертвых» и «храмов долины», усыпальниц придворных, знати и богачей.

Признаком грядущей бури можно считать также и тяжелые каменные пробки, появившиеся почти во всех пирамидах, по-видимому, для того, чтобы как-то защитить священные могилы фараонов. Страхом перед возможными грабежами, очевидно, объясняется и казнь всех строителей, которые во время работы узнали проходы к пирамидам.

Ни один народ не забывает легко такие вещи¹⁴.

Потом появился новый солнечный культ. Может быть, это было попыткой навязать народу чуждого ему бога — солнце. Вероятно, и учение о воскресении оказалось в опасности. Традиционные верования таким образом были поколеблены.

Древнеегипетские фараоны носили много титулов, связанных с древнейшими преданиями. Титулы «посвященный быку», «сын Осириса» и «могучий бык» говорили о вере в луну. Фараоны считались земными представителями лунного бога. В противоположность владыкам других стран, которые носили на голове бычьи рога, фараоны прикрепляли к своему царскому облачению бычий хвост. Со временем они как будто заменили хвост быка хвостом льва или собаки. На лбу была укреплена голова змеи, а на затылке иногда изображалась утренняя звезда Гор в виде сокола.

Египтология многое знает о фараонах, например, знает, как возникло само это слово. Оно ведет свое происхождение от «пер-аа», что означает «высокий дом». По своему значению это выражение приближается к выражению «Белый дом», принятому в США. То место, где находится президент США, и есть «Белый дом», даже и тогда, когда президент отсутствует. Там, где находился египетский царь, был и «высокий дом» — «фараон». Таким образом, понятия «царь» и «фараон» наконец слились воедино.

Каждый фараон считался земным богом, наместником небесного бога на земле. Как только изменился небесный бог, сразу же были поколеблены основы веры в царскую власть. Это легче всего понять при помощи открытия, которое сделал Гастон Масперо.

Тексты пирамид

Гастон Масперо — француз итальянского происхождения. В 1881 году в возрасте 35 лет профессор Масперо основал в Каире французскую школу египетской археологии. Потом он как наследник Мариэтта принимает руководство раскопками в Египте и заведование египетским музеем в Каире.

В 1881 году Масперо исследовал пирамиду фараона Унаса (Онноса), последнего царя солнечной династии. Пирамида — от 44-метрового сооружения осталась лишь груда развалин высотой 18 метров — находилась также в Саккара. Масперо открывает три каменные пробки в проходе. Он проникает в переднее помещение, а потом в погребальную камеру. Саркофаг оказался пустым — он ограблен. Крышка лежит рядом.

Но затем Масперо увидел нечто такое, что заставило его сердце забиться быстрее. Ему понадобился свет, много света, чтобы развеять все сомнения: стены усыпальницы были покрыты иероглифами!

Проходы, передняя и погребальная камеры — все покрыто иероглифами. До этого никто даже не предполагал, что в пирамидах можно обнаружить иероглифы. Все пирамиды, исследованные ранее, не содержали никаких надписей. И вот теперь стены усыпальницы последнего фараона солнечной династии заговорили. Надпись за надписью покрывают их тексты — тексты пирамид!

Все это богатство надо было скопировать, перевести и передать миру. Мариэтту довелось уже на ложе смерти узнать, что не все пирамиды немые — среди них есть такие, которые говорят.

С тех пор прошло более 80 лет. И все они были заполнены интенсивным изучением этих текстов пирамид. И если когда-либо и существовал язык религии, который очень трудно понять, то таким языком оказался как раз язык текстов пирамид. Они содержат изречения, которые, вероятно, произносились во время похоронных церемоний. Формы выражения были очень древними, но к какому времени и к каким обрядам относятся изречения — неизвестно.

Ясно только, что эти тексты связывали «поездку на небо» фараона и его обожествление с церемонией похорон. Магические слова должны были спасти мертвого фараона от голода и жажды, защитить от свирепых зверей. Сложная жертвенная литургия была призвана оберегать его на пути в потусторонний мир. Пирамиды, исследованные позднее, также содержат подобные тексты на стенах переходов передней и погребальной камер. Но они полностью не совпадают. Изречения постоянно изменялись. При этом отзвуки древних и древнейших представлений встречаются наряду с более поздними. Так, мотивы восхождения к богу Солнца перемежаются с представлением о превращении мертвого фараона в Осириса — владыку потустороннего мира.

Поднимается буря

В той же пирамиде фараона Унаса в Саккара были найдены рельефы, с явной тенденциозностью изображающие голодных, исхудавших людей, от которых остались одни скелеты, — это жертвы «преступления господ». Из надписей мы узнаем нечто страшное, своеобразный атавизм. Это ритуальные описания церемоний, которые напоминают каннибализм. Казалось, что эти картины людоедства нарочито возбуждали людей, порождали у них чувство ненависти; картины

«предания огню» стариков, мясо которых жестко и негодно в пищу, вываривания костного мозга у убитых, поедания легких и сердца врагов.

Создается впечатление, что произошло нечто, отбросившее человечество на сто тысяч лет назад в его развитии; так во всяком случае можно думать, судя по этим сюжетам на рельефах, которые распространились теперь по всей стране. Где бы ни проводили археологи свои раскопки, стремясь определить характер конца V династии, они не нашли ни одного изображения фараона времени «солнечной династии», кроме головы разбитой статуи фараона Усеркафа и второго, едва достойного упоминания обломка. Все статуи фараонов V династии стали жертвами этого переломного периода, были уничтожены восставшим народом.

Время, которое, выражая силу новой веры, создало святилища солнца,— памятники его через четыре с половиной тысячи лет медленно и робко только еще появляются из песка пустыни, а большинство из них вообще остаются неизвестными,— это время хотя и оставило много статуй из гранита и дерева, но оно не сохранило ни одного целого изображения фараона V династии.

Только огромная 70-сантиметровая голова фараона Усеркафа дает известное представление о тех людях, которые во славу религии солнца попытались повести страну на Ниле к новым высотам культуры.

Лишь в 1957 году участники немецко-швейцарской экспедиции обнаружили среди развалин святилища солнца в Абу-сире, которое позднее было превращено в дешевую каменоломню, мало поврежденную голову натуральной величины, вероятно, принадлежавшую какому-то фараону V династии. Она была из черного сланца и изображала нежное юношеское лицо. Кто это был — неизвестно. Нет никаких возможностей сравнить эту скульптуру с другими изображениями.

Раскопки пирамид в Гизе установили, что многие усыпальницы фараонов IV династии были варварски разрушены. Статуи выброшены из храмов и разбиты на мелкие куски. Могилы придворных, жрецов, вельмож, принцев и принцесс опустошены. Из стен усыпальниц вырваны плиты с рельефами, которые были затем использованы в качестве строительного материала.

Перевероты и восстания, последствия их и события, с ними связанные, нашли свое отражение не только в материалах археологических раскопок, но и в письменных источни-

ках того времени. Лейденский папирус рассказывает, что Нил был полон трупов, простолюдины сделались владельцами драгоценностей, а строители гробниц — земледельцами. Детей вельмож разбивали о стены.

Забитые и темные люди поднимали головы.

Конец Древнего царства

В 1881 году, следовательно, в том году, когда Масперо проник в пирамиду Унаса в Саккара и нашел там первые тексты пирамид, ему удалось найти вход и в пирамиду фараона Пиопи I (VI династия).

Она была разрушена полностью. Базальтовый саркофаг ограблен. Сохранился только один ларь с тремя канопскими вазами¹⁵, где хранились внутренности мертвого фараона.

Между тем город этого фараона VI династии со складами, вельможами, служителями, жрецами, принимающими жертвоприношения, стражами и ремесленниками продолжал жить. Несколькими веками позднее он превратился в крупный центр, который затем вместе с древним городом-крепостью «Белая стена» и его храмом быкоподобного бога Пта образовал один из крупнейших городов Египта — Мемфис.

Правда, в конце правления VI династии пока еще не чувствуется подобного подъема. Наоборот, казалось, что один удар может сразу же прекратить всякую жизнь. Больше уже не ухаживали за пирамидами и всеми их жертвенными и погребальными сооружениями, не обслуживали многочисленные усыпальницы принцев и принцесс, военачальников, советников и высших жрецов. Гробницы были опустошены, пирамиды ограблены и осквернены. Мумии валялись на твердом скалистом грунте пустыни, брошенные без всякой защиты, коршунам и гиенам на съедение.

Оставшиеся в живых кончали жизнь самоубийством. Они входили в воды Нила, добровольно отдавая себя на съедение крокодилам. Но крокодилы уже пресытились, они не могли поглотить всех этих предлагавших себя людей — с разбитыми сердцами, истощенными телами и ничего не выражающими лицами.

Все кончено! Никакой фараон больше уже не защитит их. Старые порядки сломлены. Если крокодилы уже отказывались пожирать их, безумцы искали смерть в огне. Они шли в огонь так, как луна входила в кольцо золотистых лу-

чей потустороннего мира. Ничто на земле их более не задерживало.

Темнее и темнее становилась картина истории. Волнения вновь потрясают Египет после смерти Пиопи II. Фараоны меняются один за другим. Сын Пиопи II не может даже достойно похоронить свою мать: ее хоронят в каком-то складе.

«Золото и ляпис-лазурь... висят на шее рабынь, — сказал вельможа по имени Ипувер. — Благородные женщины (скинутся) по стране. Владычицы дома говорят: «О, если бы мы имели, что поесть»... Смотрите: владельцы ложа спят на земле. Тот, который проводил ночь в грязи, готовится себе кожаное ложе!».

Одновременно меняется и вера. Если до того времени только умерший фараон отождествлялся с Осирисом, то теперь им становится каждый покойник, будь то бедняк или богач, занимая он высокое положение или низкое. Безграмотные вводят демократию в религию.

Поистине наступило новое время!

ГИБЕЛЬ БОГОВ

Ты живешь там (в царстве мертвых)
беззаботно...

Я даю просветление вместо воды,
радости и удовлетворения страстей
и безмятежность вместо хлеба и пива.

*Из разговора между Атумом и Осирисом
о потустороннем мире*

В последние века III тысячелетия до н. э. глубокая ночь легла над Египтом. Кончается строительство пирамид; покинуты святилища солнца; почти нет надписей.

В период правления IX и X династий архитектурные памятники становятся такой редкостью, что не представляется даже возможным восстановить списки фараонов.

Только с начала Среднего царства, с наступлением II тысячелетия до н. э. египетская история приобретает более ясные очертания.

В это время египетские фараоны опять начинают строить пирамиды.

Однако теперь они значительно изменились, постройки стали гораздо легче. Кирпичи из нильского ила заменяют тяжелые каменные блоки, и только нечто подобное опорам поддерживает все сооружение.

В 1882 году Масперо находит у Лишта в Нижнем Египте два 20-метровых холма щебня, которые в дальнейшем оказались пирамидами фараонов Аменемхета I и Сенусерта I XII династии (оба правили в XX веке до н. э.). Но проникнуть в подземные погребальные камеры оказалось невозможным, так как они постоянно лежали под грунтовыми водами. И все-таки в 1894 году обе пирамиды были раскопаны французами Жотье и Жекье и в 1906—1934 годах тщательно исследованы американскими археологами (Лутго, Мейком и Ленсингом) по заданию Нью-Йоркского музея.

Продолжали ли фараоны XII династии поклоняться солнцу? Сенусерт I созвал совет номархов с определенной целью сообщить о своем намерении восстановить район храмов солнечного бога Ра в Гелиополисе. Ра снова должен был занять место среди египетских богов — о большем это сооб-

щение не говорило. Во всяком случае, речь не шла об особой роли солнечного бога.

В 1894—1895 годах француз де Морган исследует «Белую пирамиду» Аменемхета II, наследника Сенусерта I. Она названа так потому, что ее внутренние опорные стены были сооружены из белого известняка. Пирамида полностью разрушена.

В 1887 году англичанин Флиндерс Петри приступил к раскопкам пирамиды фараона Сенусерта II в Иллахуне. И эта пирамида имела опорные стены из известняка и кирпичи из нильского ила, но сооружена была на 12-метровом каменном фундаменте,

У Петри сложилось впечатление, что в новое время еще никто не входил в эту пирамиду. По привычке он ищет тайный вход на северной стороне. Но не находит его. Он продолжает здесь свои поиски еще несколько недель, но, ничего не добившись, начинает искать вход на восточной стороне. Однако и там не находит его. Пирамида без входа? Существовала ли такая?

Таинственная пирамида Сенусерта II настолько заинтриговала англичан, что они снова и снова (с 1887 по 1913 г.) возвращаются к ней. Работать здесь пришлось столь долго потому, что пирамида оказалась самым хитрым пирамидальным сооружением во всем Египте. По взглядам ее строителей, каждая попытка проникнуть внутрь пирамиды должна была потерпеть неудачу из-за запутанного лабиринта, состоящего из многочисленных подземных переходов.

Но они не могли предвидеть опыта английских археологов.

Блуждание по лабиринту

Проследить систему ложных ходов пирамиды Сенусерта II можно лишь при помощи прилагаемого рисунка.

Вход лежал в 25 метрах от цоколя постройки на юго-восточной стороне. Это шахта (А) девятиметровой глубины, которая через короткий наклонный проход (В) ведет в подземное помещение (С), оборудованное как погребальная камера; к нему примыкает небольшой вестибюль (Е) и ниша (D), где по древнему обычаю помещались сосуды с внутренностями мертвого фараона.

Но это хорошо продуманный обман. Фиктивная могила должна была ввести грабителей в заблуждение, заставив их

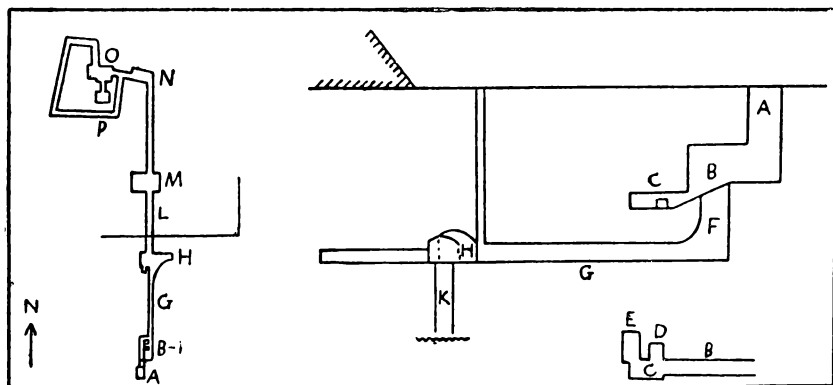
подумать, что она уже ограблена ранее и нет смысла продолжать дальнейшие поиски.

На самом же деле именно здесь и открывался вход в пирамиду. В наклонном проходе (В) прорыта глубокая трехметровая шахта (F). Спускаясь по ней, можно дойти до длинного хода (G), который заканчивается помещением (H), напоминающим зал. Здесь находится шахта (K), которая ведет еще глубже под землю. Однако эта шахта залита водой, и найти ее конца пока не удалось; по всей вероятности, дальше находится еще один ложный ход. Ибо от зала (H) начинается поднимающийся вверх проход (L), ведущий в конце концов под пирамиду. Этот проход достигает камеры (M), минует ее и далее ведет в вестибюль (N). К югу поворачивает новый ход (P), который меняет свое направление несколько раз. Он идет, так сказать, по кругу. Если все время идти этим ходом, то снова окажешься у исходного пункта, а именно в вестибюле (N). В центре этого образованного ходом круга находится погребальная камера (O).

Она сооружена из гранита и имеет остроконечную (двускатную) крышу. Саркофаг также изваян из гранита. Перед ним лежала жертвенная чаша из известняка.

Саркофаг был пуст!

Англичане остались довольны. Итак, значит в XIX веке до н. э. строили пирамиды. Сложнейший лабиринт для пустого гранитного саркофага. Вот это загадка! Может быть, многие саркофаги египетских фараонов пусты только потому, что не только душа, но и тело отправились на небо?

Лабиринт пирамиды Сенусерта II (XIX в. до н. э.)

Служили ли пустые погребальные камеры с пустыми саркофагами доказательством такого вознесения?

Французские археологи решили приобрести свой собственный опыт на раскопках пирамиды наследника Сенусерта II. В 1894—1895 годах Жак де Морган исследует близ Дашура гору щебня, оставшуюся от пирамиды фараона Сенусерта III, жившего в XIX веке до н. э.

Вход в нее находился на западной стороне. И здесь ложные ходы должны были защитить могилу от проникновения грабителей. Но напрасно!

Только надписи на стенах пирамиды представляли какую-то ценность. Храмовый дневник фараона говорит о существовании в этот период ярко выраженного лунного календаря с целым рядом праздников в честь луны. Впервые появляются пять добавочных дней к 360-дневному году. 22-й день первого месяца отмечался фараоном Сенусертом III как «великий выход» — плач по Осирису.

Но Осирис редко помогал своим царственным почитателям охранять пирамиды от грабежа. Лабиринты, лестницы, шахты, передвигающиеся полы и каменные пробки требовались во все возрастающем количестве, чтобы защитить священные погребальные камеры от чужеземных захватчиков.

Напрасным трудом оказалась и постройка двух пирамид фараоном Аменемхетом III (конец XII династии): одной — около Дашура и другой — у Хавара в Фаюме.

Пирамида в Дашуре находится рядом с пирамидами фараонов Аменемхета II и Сенусерта III. Когда-то она имела довольно солидную 81-метровую высоту, но теперь от нее остались лишь горы щебня. Ее уже в давние времена стали использовать как каменоломню. Раскопки Моргана обнаружили под этой пирамидой множество лабиринтов и заканчивающихся тупиками ходов.

Вторая пирамида Аменемхета III, в Хаваре, также разрушилась. Известковая облицовка была снята.

Здесь англичане снова попытались свое счастье.

*Сенусерт III (XIX в. до н. э.)
с головой змеи на лбу*

Когда Флиндерс Петри исследовал этот холм щебня, он не нашел входа ни на севере, ни на востоке, ни где-либо еще; Петри решил поэтому прекратить поиски, которые и так уже затянулись на много недель, а вместо этого подвести под пирамиду туннель.

Прошло еще несколько недель. Наконец, Петри оказался перед какой-то камерой. Полный надежд, пробивает он стену. Но это не погребальная камера фараона. Перед Петри в полу зияла дыра. Ниже лежала какая-то камера. Он смотрит в темную глубину, откуда идет ужасное зловоние. Что находится там внизу?

Болото? Ил? Или вода?

При свете свечи Петри по веревочной лестнице спускается вниз. И вот он стоит в воде выше колен, в грунтовой воде, из которой поднимается этот гнилостный запах. Руки Петри нащупали под водой два саркофага. Рядом лежали, очевидно, черепки и посуда. И Петри решается нырнуть в эту зловонную воду. Может быть, на черепках или на посуде удастся обнаружить какое-либо имя. И в самом деле, на вынутых из воды маленьких чашах стоит имя: Аменемхет.

Петри поднимается наверх. Теперь он старается найти проход из погребальной камеры наружу. С большим трудом это ему удастся. Но сначала Петри пришлось основательно полазить по переходам, наполненным вонючим илом.

Выход лежал на южной стороне, в юго-западном углу пирамиды. Только сейчас смелый англичанин, которого не могли удержать ни страшное зловоние тысячелетнего ила, ни опасность утонуть или задохнуться в темных переплетениях ходов, смог наконец разгадать хитроумную конструкцию этой постройки.

Ступеньки, расположенные в юго-западном углу пирамиды, неподалеку от ее основания, ведут в переднюю камеру. От нее вправо начинается ход, но, чтобы пройти по нему дальше, необходимо сдвинуть крышу камеры. Через образовавшееся отверстие в крыше можно продолжать путь по переходу, идущему в восточном направлении. Он вновь заканчивается камерой, откуда ход ведет уже на север. Однако последний оказывается тупиком; приходится возвращаться.

Та камера, мимо которой проходят по лабиринту ложных ходов, также имеет передвигающуюся крышу. За ней снова находится проход, ведущий на север. Наконец, появляется третья камера — снова с такой же крышей. Через эту кры-

шу ход ведет на запад, то есть под прямым углом к проходу, расположенному ниже и идущему в северном направлении. По этому последнему переходу, ведущему на запад, можно наконец достичь погребальной камеры фараона. Однако она лишена двери. Камера состоит из огромного полого кварцитового блока. В этом 110-тонном монолите находится царская гробница. Она 7 метров длиной и 2,5 метров шириной. В гробницу можно проникнуть только через отверстие в потолке. Но и оно закрыто тремя тяжелыми каменными глыбами. Над погребальной камерой расположены две разгрузочные камеры.

Когда Петри сумел осмыслить эту остроумную конструкцию, он раскрыл загадку двух саркофагов: один из них принадлежал фараону Аменемхету III (XIX век до н. э.), а второй — его дочери Птанеферти. Рядом с ними стоял драгоценный жертвенный алтарь из алебаstra, который вознаграждал англичанина за его старания. Но раскрыть до конца загадку пирамиды Петри так и не удалось, ибо оба саркофага даже в такой защищенной погребальной камере оказались все-таки пустыми.

Есть мнение, что обе мумии еще в те давние времена были вытащены грабителями из саркофагов и сожжены. Но не слишком ли современны подобные объяснения истории древнего Египта и его верований? Кто знает!

Новый распад египетского государства

Южнее пирамиды Аменемхета III находился, по-видимому, храм, который еще греки считали знаменитым египетским лабиринтом. Однако сейчас, кроме остатков колонн, никаких следов от храма не сохранилось. Согласно Страбону¹⁶, храм представлял собой прекрасную постройку — три ряда молелен (по 12 в каждом) окружали двор с 27 колоннами. Так, наверное, выглядел «храм мертвых» фараона Аменемхета III, мумия которого отсутствовала в громадном саркофаге из кварцита.

На самом ли деле мумия была украдена из саркофага и потом сожжена?

Действовали ли тут грабители или вожди восстаний?

Так или иначе, но темный занавес вновь опускается над историей древнего Египта после смерти Аменемхета III. Как будто бы внезапно погас свет и с ним прекратилось строительство пирамид.

И на этот раз окончательно!

Царство на Ниле вновь распадается. В отдельных областях власть берут в свои руки номархи. Как ни старается египтология осветить этот мрак, но о времени по крайней мере двух веков после смерти Аменемхета III выяснить ничего не удается.

Нет полной ясности в освещении событий, касающихся вторжения на территорию Египта азиатского народа — гиксосов. О них почти ничего не известно, даже само их имя осталось загадкой. Может быть, оно обозначает просто — «властители чужеземных нагорий»? Вероятнее всего, это были кочевые народы, пришедшие из глубин Малой Азии и Сирии.

В течение целого века или даже больше жили они в дельте Нила в Нижнем Египте и допускали потомков побежденных фараонов к власти лишь в качестве царьков-вассалов — например, в Фивах, где с началом XVIII династии (на рубеже XVI века до н. э.) египетская история вновь несколько проясняется.

Но события, происходившие до этого времени, полны загадок.

Гиксосы принесли в Египет не только железо и верховых лошадей, но также и бога, которого хорошо знали и хетты, — Сотеха, или Сотиса.

Египтяне отождествили его со своим Сетом.

Здесь нам кажется уместным снова обратиться к Библии, которая рассказывает о том, как Авраам именно в то время отправился в Египет, потому что в его стране жить стало трудно.

Можно, однако, лишь пожалеть, что в Библии эти события переданы уж слишком в легендарной форме. В противном случае она могла бы быть самым ценным источником по исследованию египетской истории того времени. Ибо вполне возможно, что Авраам действительно во времена гиксосов был в Египте. И его внук Иаков, который позднее сменил свое имя на «Израиль», также отправился со всеми своими чадами и домочадцами и всем своим скарбом в Египет, в Госен в Нижнем Египте — туда, где правили цари гиксосов. Сын Иакова — Иосиф был, как говорит Библия, самым могущественным в стране после фараона.

Здесь соприкасаются, хотя и не очень близко, египетская и библейская история. Ибо среди имен царей гиксосов фигурирует и имя царя Иакова. Не библейский ли это Иаков? Неизвестно.

Итак, остается только выяснить, что дала археологам их кропотливая работа по исследованию Египта времен гиксов. Гиксосы молились Сету, звезде и небесному богу (этой звездой, вероятно, был Сириус). И в Библии упоминается Сет (Сиф). Он был третьим сыном Адама и Евы, которые на языке звезд, по всей вероятности, обозначали Луну и Венеру. Итак, их третьим сыном был Сет.

«Тогда начали призывать имя Господа» (1 кн. Моисея, 4, 26). Так говорится в четвертой главе Бытия, хотя нет как будто бы никаких оснований отождествлять имя Сета (Сифа) и имя бога. И все же это можно понять именно так, как будто господа называли именно Сет.

Гиксосы, их царь Иаков и звездный бог Сет. Случайно ли все это, и как это сочетать с тем, что имя господа начало широко распространяться, когда Сет уже стал взрослым?

Царица и отец богов

Когда фараоны-вассалы из Фив покончили со строительством пирамид и перенесли свои погребения в скалистую Долину царей и продолжающую ее на юге Долину цариц, они начали молиться новому богу по имени Амон. Наверно, Амон не отождествлялся уже с луной, но он пока еще носил рога: рога барана.

Об истории появления Амона не существует единого мнения, что связано с неясностью всего этого периода истории Египта, но одно примечательно: Амон был богом бедняков. В истории богоподобных фараонов еще никогда не встречался бог бедных — теперь он появляется наконец в Фивах, как новое удивительное проявление демократической теологии: она отдает себе, по-видимому, отчет в том, что бедным бог может понадобиться больше, чем царям и людям имущим.

Амон — это владыка потустороннего мира, мира тишины и молчания. «Ты, Амон, господин молчания, приходящий на голос бедных», — говорится на одном из памятников. Другая надпись повествует: «Амон, защитник тихих, спаситель бедных».

Знак барана, божественного барашка возвещает почти за две тысячи лет до рождения Христа появление религии бедняков.

В религии, связанной с потусторонним миром, Амон неизбежно должен был быть связан с солнцем. Ибо у солнца, а не во мраке, лежит светлое царство блаженства. Отсю-

да становится понятным, почему этот бог вскоре стал называться «Амон-Ра».

Амон-Ра, как народный бог, знал, чем увлечь души своих приверженцев: ведь этот бог имел дочь от земной царицы.

В египетских документах она выступает как дочь фараона Тутмоса I. Однако сообщения о ее зачатии и рождении говорят, что отцом ее был не фараон Тутмос I, а Амон-Ра. Эта дочь — будущая царица Хатшепсут.

Согласно египетским надписям, первой жене фараона Тутмоса I Амос было предназначено богами родить будущую царицу Египта. Хотя читателю вся эта история, может быть, хорошо известна по более поздним греческим или каким-либо иным преданиям, следует все же напомнить, что Амон-Ра после этого божественного предназначения навещал царицу, чтобы оплодотворить ее. При этом он принимал образ земного фараона Тутмоса I. В этом образе он и возлежал с ней: «этот великий бог сделал с ней все, чего он желал».

Прежде всего Амон-Ра поставил мать только что родившейся дочери в известность о ее главном имени среди других имен — «Хатшепсут», что означает «Первая из прекраснейших». Итак, «Хатшепсут, — сказал бог этой земной женщине, — имя моей дочери, которую я вложил в твое тело... она должна царствовать в этой стране».

Когда Хатшепсут подросла, ее выдали замуж за сводного брата Тутмоса II, сына другой жены Тутмоса I. Но супруг ее умер рано, и царица Хатшепсут правила много лет одна как настоящий фараон. После 15-летнего правления она воздвигла два обелиска с позолоченными вершинами в Фивах-Карнаке и на западном берегу Нила в Дейр-эль-Бахри — прекрасный храм мертвых, перед руинами которого стоял восхищенный Шампольон.

И на этом месте, у Нила, археологи тоже проводили свои раскопки.

Ненавистная

По поручению щедрого, не останавливающегося ни перед какими затратами Метрополитен-музея в Нью-Йорке американская экспедиция под руководством египтолога Герберта Е. Уинлока начала систематическое исследование ступенчатого храма Дейр-эль-Бахри с целью его реконструкции.

В 1927—1928 годах экспедиция обнаружила близ этого храма какую-то каменоломню, наполненную обломками скульп-

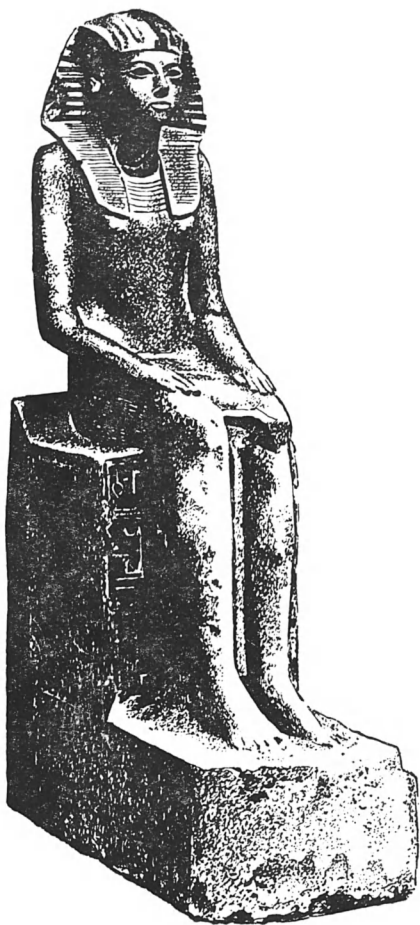
птур. Нагромождение кусков известняка и розового гранита натолкнуло на мысль о том, что здесь находились прекраснейшие и ценнейшие произведения древнеегипетской культуры. Но эти сокровища искусства систематически разрушались и уничтожались огнем и водой. Обломки их потом бросали в каменоломню.

В результате кропотливой работы Уинлок соединил все эти куски. О тех частях, которых не хватало, Уинлок запросил все музеи мира. Так, из Берлина ему доставили найденную в 1845 году Лепсиусом часть торса, восполняющую скульптуру.

Таким образом возродилось много прекрасных статуй царицы Хатшепсут. Одна из них изображает ее коленопреклоненной с чашей для жертвоприношений в руках. Другая — в натуральную величину — в виде сидящей стройной женщины с нежной грудью.

На ее своевольном лице — большие глаза с красивым разрезом, прямой узкий нос и маленький подбородок. Предполагают, что эта статуя стояла когда-то в храме мертвых царицы в Дейр-эль-Бахри. Сегодня ее можно увидеть в Нью-Йоркском Метрополитен-музее.

Другие статуи царицы Хатшепсут изображают ее в виде мужчины-фараона с традиционной бородкой. Хатшепсут носила все обычные титулы египетских фараонов. Только от ти-

Статуя царицы Хатшепсут

Сфинкс из гранита, которому приданы черты царицы Хатшепсут

тула «могучий бык» отказалась в надписях на своих памятниках эта очаровательная царица, хотя он и считался наиболее древним среди египетских царских титулов.

Но кто же разрушил статуи Хатшепсут? Кто так ненавидел эту царицу, что уничтожил все ее изображения? Откуда возникла такая ненависть, продолжающаяся и после ее смерти, никогда не успокаивающаяся; ненависть, ядовитым дыханием которой еще и сегодня несет из руин тысячетней давности?

И прекрасный храм мертвых царицы с его террасами и залами также запечатлел на себе следы этой ненависти. Повсюду выломаны, выброшены или изуродованы все изображения, надпи-

си и рельефы, которые имели отношение к царице. Правда, само здание осталось нетронутым, но все, что напоминало его владелицу, было уничтожено.

Нет никаких сомнений, все эти разрушения исходили от ее наследника — Тутмоса III. Этот человек, который был либо вторым мужем царицы и ее сводным братом, либо племянником и пасынком¹⁷, вероятно, при жизни Хатшепсут страдал от ее равнодушия и жестокости. Многие годы он был простым жрецом храма Амона в Фивах.

Этому человеку, который позднее стал одним из самых могущественных и удачливых фараонов, казалось, что царица Хатшепсут постоянно унижала и отталкивала его. Отсюда понятно, почему его недовольство превратилось в ненависть, которую он распространил не только на мертвую царицу, но и на ее семью и приближенных. Ни в чем не повинная ее дочь также должна была умереть, как и любимец царицы зодчий Сененмут; он был умерщвлен вместе с семьей.

Куда исчез труп царицы, никто не знает. В ее храме мертвых найден лишь ящичек с набальзамированной печенью.

Может быть, ее труп лежит среди безымянных женских мумий, найденных в Долине царей? Может быть! Но никому это не известно, и, наверное, никто уже не узнает этого.

В ДОЛИНЕ ЦАРЕЙ

Дай мне твои руки, что держат твой дух,
чтобы я смог принять его и жить им.

Из надписи на могиле в Долине царей

Исполненный ненависти наследник Хатшепсут, фараон Тутмос III, построил свой гигантский склеп в Долине царей. Укрытый среди скалистых ущелий, стоит он за глубоким потайным колодцем, к которому в глубине скалы пробит длинный переход. Склеп украшен колоннами и сотнями разнообразных изображений.

Но этот склеп лишь одна из многочисленных усыпальниц, укрытых в скалах, которые с большой роскошью отстраивали себе последующие поколения фараонов в Долине царей.

Большинство этих царских погребений построено по единой схеме. Чаще всего в погребальную камеру ведут три последовательно расположенных коридора. К коридорам примыкали небольшие помещения, предназначенные для погребальной утвари или для проведения жертвенных церемоний. Их стены и колонны покрыты многочисленными рельефами религиозного содержания и надписями. Часть цветных рельефов была исполнена с большим мастерством и хорошо сохранилась, поражая удивительной свежестью цветовой гаммы.

Рельефы изображали большей частью египетских богов и их священных животных. Они сопровождались пространственными гимнами и описаниями потустороннего мира. Было ясно видно, как бесчисленные местные культы или религиозные представления из многих эпох, бессистемно перемешиваясь, образовывали непроходимые джунгли религиозных верований.

Без всякой системы были приведены также и тексты, заимствованные из надписей на различных пирамидах. Гимны для мертвых, в которых их умоляют принять жертвы; монологи усопших; диалоги душ и демонов, которые грозят запереть вход для умерших в царство блаженства; магические тексты и заклинания и т. п. — вот что осталось от религии потустороннего мира, рациональная основа которой была забыта.

*Голова статуи Тутмоса III
(XVIII династия)*

Из множества таких текстов возникла на свитках папируса «Книга мертвых». Смысл изречений, изложенных древнейшим языком, не доходил зачастую даже до посвященных, о чем говорят дополнительные пояснения. Постоянно умножающиеся ошибки при переписке привели в ряде случаев к полной бессмыслице, что с изумлением констатировали современные египтологи, сравнивая эти тексты с надписями на пирамидах.

Запутавшись в лабиринте искаженных религиозных представлений, один из фараонов отвернулся от старой веры в богов и пришел к поклонению солнцу. Из его последующего горького опыта видно, однако, что даже египетский фараон не мог безнаказанно нарушать традицию.

Таблички из Эль-Амарны

Эта драма лишь постепенно раскрывалась перед глазами египтологов. Собственно говоря, она началась с современной трагикомедии.

В 1887 году женщина из маленькой деревни Телль-эль-Амарна на Среднем Ниле случайно нашла несколько глиняных табличек с текстом на вавилонском языке. Разумеется, эта женщина не знала, что она нашла; она знала только, что речь идет о «древностях», которыми интересуются чужие саибы.

Количество подобных «древностей» можно легко увеличить, если разломать их и продавать каждую часть отдельно. Объект коммерции таким образом многократно повторялся. Следуя мудрому совету своих домашних, женщина так и поступила, предложив торговцам поломанные таблички. Последние отнеслись к ним весьма скептически и оценили большую часть фрагментов крайне низко. Только один из них понял, что таблички покрыты какой-то письменностью. Он предложил их различным музеям Европы.

Однако ученые, с течением времени испытывавшие многочисленные разочарования в связи со все увеличивающимися подделками, поступавшими с Востока, отнеслись к находке более чем недоверчиво. И в самом деле, как вавилонские письменные таблички могли попасть в Египет? Кроме того, части текста, подвергшиеся предварительному чтению, оказались противоречивыми с точки зрения как их грамматического построения, так и орудий письма, что всегда служит достаточным основанием для того, чтобы филологи отнеслись к табличкам настороженно.

Казалось, не было уже никакого сомнения, что и на этот раз они имели дело с ультрасовременной подделкой опытных жуликов. Покупка поломанных кусочков была решительно отвергнута.

Тем самым цена находок из Телль-эль-Амарны свелась к нулю. Иногда, правда, ее поднимали наивные туристы. Многие из этих кусочков потерялись, оставшись у путешественников со всех концов света. Большая же часть сохранилась у торговцев как неходовой товар. И все же несколько кусочков попало в руки ассириологов берлинских музеев. И сразу же свершилось чудо. Берлин — в то время ведущий город в дешифровке ассирио-вавилонской письменности — не только установил подлинность фрагментов, но и дал поручение немедленно скупить все письменные таблички из Телль-эль-Амарны.

С этого времени за вавилонскими табличками началась охота всех музеев и научно-исследовательских институтов. Метрополии Старого света покупали у изумленных торговцев на Ниле все, что только возможно. Это послужило для восточных торговцев древностями лишним доказательством того, что этих европейцев и американцев им все равно не понять.

В результате охоты за табличками несколько фрагментов одной из них оказывались в европейском музее, другие — в США.

Но международная ассириология вскоре преодолела все трудности, связанные с документом, который оказался разбитым на множество частей, разбросанных по всему миру, и с возрастающим интересом приступила к изучению большей части писем из Амарны, сумев при этом преодолеть еще барьеры частной собственности и огромные пространства. В ходе этой работы раскрылась связь месопотамских, хеттских и других царей Передней Азии с фараонами династии, правившей в XIV веке до н. э. Речь идет о фараонах XVIII династии — Аменхотепе III и его сыне Аменхотепе IV (Эхнатоне).

Все переговоры, которые вели между собой цари в предпоследнем тысячелетии до н. э., отразились в этих письмах: борьба за золото, за соглашения или за женщин. Воссоздалась ничем не приукрашенная живая история.

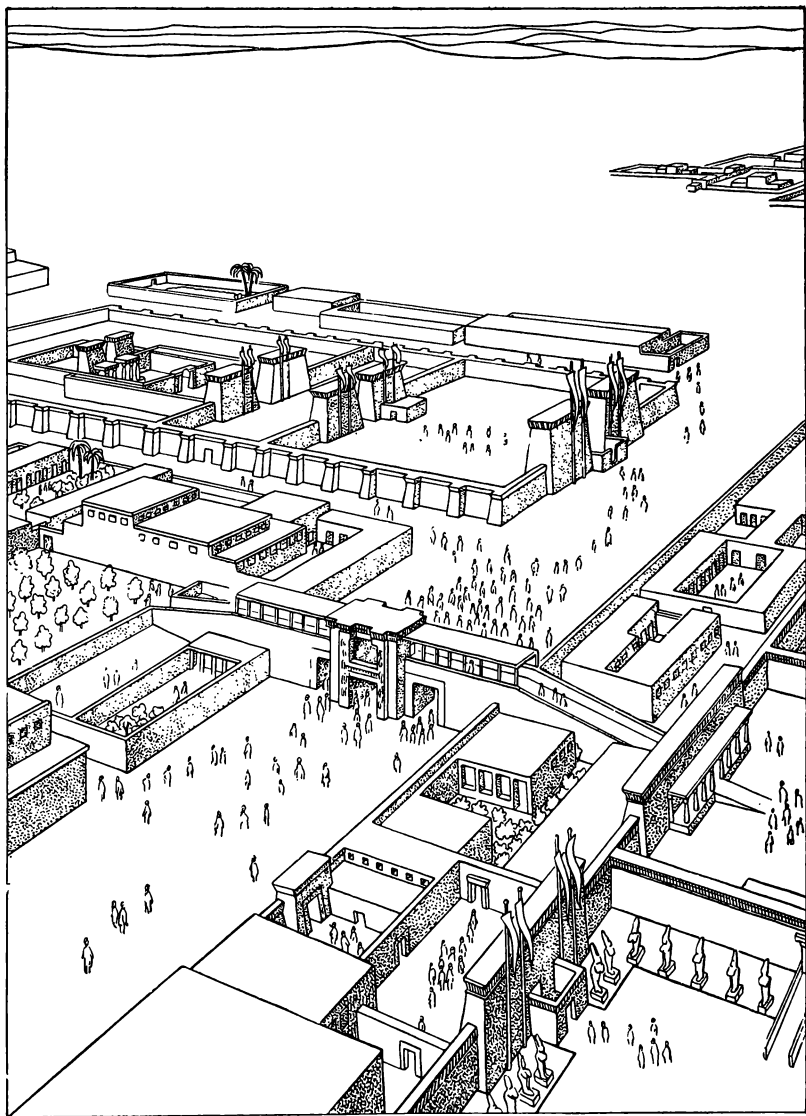
Возможно, что место на Ниле, где нашли эти интереснейшие глиняные таблички, скрывало еще и другие источники. Может быть, они имеют большое историческое значение? И надо искать их там, где были обнаружены таблички с письменами.

Ахетатон

В 1891—1892 годах Флиндерс Петри, которому удалось открыть уже много интереснейших памятников египетской истории, начал разведывательные раскопки в Амарне, примерно в двух километрах от восточного берега Нила. Но вскоре он потерял к этим работам всякий интерес; загадка так и осталась неразгаданной.

Прошло еще 16 лет — за это время письма из Амарны вызывали все более живой обмен мнениями среди ученых — пока, наконец, Германское восточное общество в 1907 году не решилось взяться за раскопки таинственных холмов близ Амарны. Эти раскопки планировались на несколько лет; руководил ими Людвиг Борхардт.

За семь лет раскопок, продолжавшихся вплоть до начала первой мировой войны, начали постепенно вырисовываться остатки резиденции фараона Аменхотепа IV — того царя, который хотел поклоняться только солнцу и навсегда покончить с древней религией Египта¹⁸. В честь бога-солнца, одно из имен которого было «Атон», молодой фараон и себя стал называть по-новому — «Эхнатон» (букв. «угодный Атону»).

Центр города Ахетатона (реконструкция)

Он закрыл жреческие школы, объявил жрецов лживыми учителями, не почитавшими истинного бога, провозгласил все культы старых богов незаконными. Он запретил даже изображать каких-либо богов, в том числе и Атона, ибо, по его мнению, истинный бог не имеет формы. «Мужчины Фив! — говорил он. — Наш народ служил многим богам и молился владыке над богами — Амону... Но я объясняю вам, что не существует бога, который хотел бы, чтобы его прославляли кровью и жертвами (этим фараон намекал на человеческие жертвоприношения, характерные для того времени). Отвернитесь от культа богов!»

Вслед за этим он декларирует свою веру: «Существует только один бог, который стоит над всеми и который властвует над нашей судьбой. Наш бог — Атон! Бог-Солнце, само Солнце, которое все создало!»

Он запретил всем падать на колени перед ним, фараоном: «Пусть будем мы все едины перед смертью, которая одинакова для всех!»

Он стирал и соскабливал со стен храмов имена старых богов; лишил жречество их золота и имущества, а тем самым и его экономической власти. После этого он покинул столицу Фивы, чтобы в честь солнечного бога Атона построить себе в Амарне новую резиденцию — «Ахетатон» — «Горизонт Атона».

Первая мировая война прервала исследования в Амарне, они были затем продолжены английским Фондом исследования Египта. Вулли, раскопавший Ур, также некоторое время работал здесь; другой участник этих раскопок — Ф. Г. Ньютон в 1924 году заболел и умер.

Постепенно, по частям складывалась короткая история солнечного города Эхнатона, который в надписи на одной из гробниц прославлялся как «могущественный город лучезарного Атона, великий в своем очаровании... полный богатств, с жертвенником Атона в центре его».

Сегодня большую часть огромной резиденции Эхнатона уже можно представить себе хотя бы в общих чертах: это широкие главные улицы с домами знати и богачей и узкие переулки с лачугами солдат и ремесленников в тех кварталах города, которые можно считать первыми на свете кварталами бедняков. Выложенные в домах кирпичные очаги, уборные и специальные помещения для скота — все это было необычайно прогрессивным для того времени.

Известен теперь также громадный район, где обитало «солнечное» жречество, с роскошными порталами и улицами

для процессий, с молельнями, украшенными колоннами, и складами, со скульптурами, рельефами и символами веры в вечное солнце. Почти ничего от этого сейчас не осталось. Однако удалось рассчитать, что район храма Атона, расположенный в центре города, имел в длину 730 и в ширину 275 метров. Наконец помимо множества скульптур и фресок, изображающих молодого фараона Эхнатона со своей семьей в совершенно новой, свободной манере, был найден знаменитый бюст Нефертити, созданный в мастерской неизвестного скульптора из Амарны.

В близлежащих горах нашли 24 каменные усыпальницы. Многие из них остались недостроенными. Эти усыпальницы благодаря своим прекрасным рельефам, фрескам и надписям дают нам возможность получить представление об Эхнатоне и его времени, а также о церемониях жертвоприношений в честь бога Солнца.

Проклятый

Громадные алтари и сосуды для пожертвований из Амарны, наполнявшиеся ранее цветами и фруктами, были разрушены и разбиты после внезапной смерти «преступника» и «еретика». Даже земля, на которой стояли эти жертвенники, посвященные солнцу, казалось, была проклята и поругана так, что тут больше не выросло ни одной травинки.

Жители покинули город солнца; он был объявлен вне закона. В загонах и хлевах фараона археологи нашли останки лишь тех животных, которых по какой-то причине нельзя было взять с собой.

Все указывало на то, что в Амарне больше никогда уже никто не селился. Проклятая жрецами старой религии многобожья и объявленная обиталищем демонов Амарна использовалась последующими фараонами лишь как каменоломня. Так сложилась судьба солнечного города Эхнатона. Постепенно песок пустыни засыпал одинокие руины и великодушно похоронил под собой остатки новой веры египетского фараона в единовластие солнца.

Амарна останется для нас памятником истории древнего Египта, судьба которого тесно связана с судьбой, постигшей тысячелетие назад фараонов солнечной династии.

Ведь еще основатели V династии вызвали подлинную революцию, когда они начали поклоняться солнцу. А Эхнатон, по всей вероятности, был свергнут с престола, а может быть

даже и отравлен. Во всяком случае точно известно, что он был проклят сразу же после своей преждевременной смерти.

Оба этих независимых друг от друга события, разделенных тысячелетием, объединяются здесь на единой почве поклонения солнцу.

Темные силы консервативной религии звезд победили прогресс. Нил не освещало уже теперь «царство солнца», лишь «царство звезд» мерцало над ним во мраке ночи.

Таинственная гробница

В 1907 году, когда немецкая экспедиция начинала свои предварительные раскопки в Амарне, далеко на юге, в Долине царей около Фив, была обнаружена таинственная гробница.

Там, в Долине царей, американец Теодор Деви, начиная с 1902 года, продолжал исследования найденных ранее в скалах гробниц фараонов. До него уже обнаружили 62 такие гробницы, но большинство из них оказалось сильно разрушенным.

В 1903 и последующие годы из гробниц предков Эхнатона извлекли роскошные кресла и лари, прекрасные, дорогие вазы и различную утварь. Только от гробницы Эхнатона не осталось и следа. В каком же месте Долины царей был похоронен фараон Аменхотеп IV — Эхнатон? И вообще был ли он достойным образом похоронен?

В 1907 году удалось обнаружить проход в одну из расселин скалы, в одну из тех многочисленных расселин, которые и ранее уже были обследованы с большим или меньшим успехом. И на этот раз новый проход ничего особенного не обещал. Неожиданно появились ступеньки. Там, где они кончались, начались ходы, заваленные землей и камнями. Надо было сначала расчистить эти завалы.

Теперь археологи оказались перед ходами, идущими еще глубже в толщу горы, но их загораживала огромная стена из тяжелых нагроможденных друг на друга блоков. Пришлось снести и эту стену. За ней начинался мрачный проход, тоже заваленный камнями.

Среди камней нашли деревянную стенку роскошного гроба. Создавалось впечатление, что все происходившее здесь делалось в большой спешке. Как будто гробницу спешно вскрыли и потом замуровали вновь.

Лишь после тщательной расчистки ходов, устранив последние препятствия, археологи добрались до погребальной камеры.

Здесь находились остальные части гроба. Стенки его были сделаны из кедрового дерева и покрыты золотом. Скрепляли их золотые гвозди. Нет сомнения, что этот гроб был извлечен из саркофага, принадлежащего знатному лицу.

Но кто же это?

На стенке гроба нашли надпись: «Он сделал это для своей матери». Сравнение с другими надписями показало, что речь идет о какой-то царице Тэ́йе.

Это была мать Эхнатона,

Многое говорит о том, что она была не египтянкой, а происходила от какого-то другого азиатского народа. Бабушка Эхнатона была дочерью месопотамского царя Митанни. Может быть, подобное происхождение и объясняет странные с точки зрения того времени действия и воззрения фараона-реформатора Эхнатона.

Значит, Тэ́йе — мать Эхнатона — была здесь похоронена. Но где же тогда ее саркофаг? Где ее мумия?

Саркофаг царицы Тэ́йе не был найден.

Кроме разбитого гроба, стоявшего когда-то в саркофаге, в этой погребальной камере лежала лишь дорогая посуда из алебастра и фаянса, сосуды для косметики, цветные чаши и т. п. Итак, это не грабители?

Нет, здесь, по-видимому, случилось что-то другое. Трудно только сказать, что именно в этой погребальной камере происходило и когда.

Мерцающий свет факелов осветил в задней части камеры нечто новое. Он осветил — всего лишь в нескольких метрах от залитой солнцем поверхности земли и все-таки бесконечно далеко от голубого неба — зловещее лицо смерти. Это была камера, где когда-то стоял саркофаг Тэ́йе. И в нем находился еще один, сделанный по форме человеческого тела гроб.

Прекрасный властелин

Крышка гроба — на гнилой коробке, богато украшенной драгоценными камнями, со светящимися стеклянными ножками — сдвинулась с места, потянув за собой голову покойника. Пустыми глазами впадин череп мумии пронизательно оглядывает входящих. На одной впадине лежит амулет в

виде золотого орла: по-видимому, он свалился туда с груди мумии, когда крышка соскользнула с гроба.

Труп гниет и разлагается, хотя он и был обернут тонкими золотыми пластинками и набальзамирован. Влага, сохранявшаяся здесь несколько тысячелетий, в конце концов справилась с бальзамом. Потребуется применить высокое искусство реставраторов, чтобы сохранить хотя бы то немногое, что осталось от трупа. Пройдут месяцы кропотливой работы — консервация и медицинское освидетельствование, — пока ученые сумеют получить хотя бы весьма общие представления о возрасте и конституции тела покойного.

Состояние, в котором оказалась мумия — сорванные золотые пластинки, распеленатая часть головы, — говорит о том, что здесь происходили какие-то странные события. На верхней части крышки гроба сохранились иероглифы: «Прекрасный властелин, единственный избранник Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, живущий в правде, господин обоих царств... Прекрасное дитя здравствующего Атона, имя которого будет жить всегда и вечно».

Атон! Бог Эхнатона! Его прославлял этот текст. И лежит там фараон, царь Нижнего и Верхнего Египта. А уж не сам ли это Эхнатон?

На саркофаге нет никаких надписей. Из золотых кусочков, которые крест-накрест лежали на груди покойника, были вырезаны иероглифы выгравированного когда-то имени.

И на четырех кувшинах из алебаstra, которые стоят в нише стены у саркофага и содержат внутренности трупа, также нет его имени. Видны лишь следы какой-то надписи, но она старательно стерта. Только на четырех кирпичах фундамента сохранилось имя. Это было имя фараона Аменхотепа IV — Эхнатона.

Неразгаданные загадки

Остатки царской мумии, обнаруженные археологами, породили уйму вопросов, на которые специалисты и по сей день не нашли еще окончательного ответа. Сомнения, различные аргументы и опровержения возникали по поводу того, действительно ли эта недостойная фараона гробница содержала мумию Аменхотепа — Эхнатона из XVIII династии XIV века до н. э.¹⁹

С тех пор прошло более 50 лет. Египтологи раскопали горы произведений искусства, рельефов и статуй времени

правления Эхнатона. Этот фараон и его супруга Нефертити стали более известными в широких кругах общества, чем другие цари трехтысячелетней истории Египта. Миллионы наших современников любовались очаровательной головкой Нефертити.

Без сомнения, археология знает значительно больше о времени Эхнатона, чем о более близких периодах истории, но она все же не может с уверенностью сказать, принадлежат ли действительно остатки мумии из гробницы Эхнатона фараону Аменхотепу IV, то есть тому царю, который, будучи молодым человеком, с высокого трона фараона разрушил мир прежних верований Египта, заменив его религией солнца.

Но Эхнатон потерпел поражение, так же как и фараоны V династии за тысячелетие до него, хотя они и действовали совсем в других политических условиях.

Что же касается Эхнатона, то его враги, вероятно, хотели, чтобы его судьба навечно осталась загадкой. Сразу после смерти фараона было запрещено произносить даже его имя. Время его правления вычеркнули из анналов истории. В списке фараонов в храме в Абидоса, составленном два века спустя, имя Аменхотепа — Эхнатона уже не значится. Таким образом, царь солнца исчез из мира.

Поступили ли так же и с его трупом?

Это был не Эхнатон

Позднее, когда была предпринята новая проверка мумии, выяснилось, что она не может быть телом Эхнатона, ибо он, хотя и умер совсем молодым, все же был старше того человека, чья мумия найдена в этом гробу.

Предполагают, что Эхнатон был похоронен со всеми почестями. Не пришло тогда еще время, когда враги могли бы уничтожить его труп. Его молодой наследник — зять Сменхкара — был слишком тесно связан с Эхнатоном, что не позволяло противникам фараона завершить начатое дело. Наследник правил всего лишь три года. И после его смерти на-

*Маска Аменхотепа IV
(Эхнатона) из Амарны*

чалась контрреформация XIV века до н. э. под знаменами рогатого барана — Амона.

Все больше и больше складывалось впечатление, что в тот гроб, который, наверное, и был по повелению Атона гробом Эхнатона, несколькими годами позднее вложили мумию его зятя. При этом, наверное, саркофаг с мумией матери Тэе вынесли из погребальной камеры, оттуда, где она должна была лежать вместе со своим сыном Эхнатоном.

Что же случилось с вытащенной из гроба мумией Эхнатона, неизвестно и останется, по всей вероятности, загадкой. Известно, однако, что гранитный саркофаг одной из дочерей Эхнатона был варварски разбит.

Известно далее, что даже имя супруги Эхнатона, царицы Нефертити, было выскоблено на всех памятниках. И ее могила до сих пор не найдена. Конец этой царицы, облик которой сегодня всем так хорошо известен, тоже скрыт во мраке.

Эхнатон мертв. Но вопреки воле противников он остался жить на многочисленных рельефах из Амарны на вечные времена — жить в истории культуры и религии.

И еще одно осталось нам в качестве воспоминания о жиз-

Головка царицы Нефертити

ни Эхнатона-человека — лирические любовные строки, выгравированные на золотом покрытии нижней части гроба:

Я ловлю сладкое дыхание твоего рта.
Я каждый день восторгаюсь твоей красотой.
Мое желание — слышать твой прекрасный голос,
Звучащий, словно шелест северного ветра.
Молодость возвращается ко мне от любви к тебе.
Дай мне твои руки, что держат твой дух,
Чтобы я смог принять его и жить им.
Называй меня моим именем вечно — а мне
без тебя всегда [что-нибудь] не будет хватать.

Может быть, Эхнатон сам сочинил эти стихи?
А может быть, здесь имелась в виду Нефертити?

К солнцу!

Египет не сохранил учения Эхнатона об Атоне. Религия солнца оказалась чуждой и непонятной народу. Некоторые ученые предполагают, что большой гимн Эхнатона солнцу послужил в позднейшее время источником 104-го псалма Ветхого завета, который славит дела и творения господя. Конечно, этот псалом не отождествлял образ солнца с богом.

Разбитые блоки святилища солнца использовались для постройки храмов Амона в Фивах и лунного бога Тота в Гермополисе. Целые леса колонн с надписями и бесчисленными гимнами говорили, как и прежде, о власти и величии старых богов, а имя солнца навсегда слилось с именами других богов Египта. Чтобы подчеркнуть это еще раз, солнце заняло в египетском учении о потустороннем мире особое место. На бесчисленных изображениях его располагают между рогами или змеями, символизирующими два серпа луны.

Постепенно имя солнца, Ра, настолько слилось с именами таких богов, как Амон, Гор, Осирис и Атум, что у египтологов создалось впечатление, будто бы в религии Египта солнце занимало главенствующее место. Но это только кажется.

Даже сегодня многие южные племена — а именно те, которые еще сажают своих покойников в лодки, а потом выпускают в море, — на вопрос, куда эта лодка идет, дают ответ, известный древним египтянам: «К солнцу».

Ибо в блеске солнечных лучей, появляющихся на востоке перед восходом солнца, находится остров блаженных — «тростниковая равнина» египтян, эдемский сад Библии, возвещающий «наступление утра».

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГОВ

Боги отвернулись от этой страны,
и когда [жители ее] возносили моления
богам,
чтобы получить предзнаменование,
то боги молчали...

Запись на памятнике из Фив-Карнака

5 ноября 1922 года в Долине царей нашли погребение, которое по времени связано с Эхнатомом, да и вообще, можно сказать, без него в некоторых отношениях было бы немыслимо.

После восьми лет безуспешных поисков англичанин Говард Картер на скалистом склоне, несколько ниже гробницы Рамзеса IV, напал на какой-то след²⁰. Под фундаментом одной из хижин, где жили рабочие, неожиданно открылись первые ступеньки уходящей вниз лестницы. Поспешно освободили всю лестницу. Путь преградила затем каменная стена. На ней нашли уже известную ранее надгробную печать, обычную в царских гробницах: шакал и девять фигур. Печать оказалась нетронутой.

Затаив дыхание, пробивают защитную стенку. За ней открылся длинный наклонный ход, забитый галькой и тяжелыми камнями.

После того как проход освободили, Картер остановился перед второй стеной. И на ней была печать царских усыпальниц, но поврежденная. Должно быть, эта гробница один раз уже вскрывалась, а потом ее вновь замуровали.

За этой второй стеной открылась камера шириной 8 метров и глубиной 3 метра 60 сантиметров. Она оказалась наполненной многочисленными вещами: ларцами, сундуками, ложами, креслами, вазами, короче говоря, различными предметами царского дворцового обихода. Здесь было золото, драгоценные камни, роскошная керамика и посуда из алебаstra — богатства, не поддающиеся никакой материальной оценке.

В камере находился также громадный паланкин. Одна его сторона украшена львиной головой, другая — бычьей. Однако самой повозки от паланкина не было. Лишь части

ее валялись в углу: дышло, рама, колеса. Все позолоченное. (Картер, естественно, не мог провести сопоставление с инвентарем царских погребений в Уре, так как они были обнаружены лишь пятью годами позднее.)

Из приоткрытой крышки черного сундука выглянула большая золотая змея.

Самым дорогим из всех вещей был трон. Вся его богато отделанная поверхность облицована золотом и стеклом, фаянсом и драгоценными камнями. Ножки трона сделаны в форме львиных лап, а на спинке вырезаны две львиные головы. Змеи в коронах и с крыльями образуют подлокотники трона. Между планками спинки из дерева вырезано еще шесть змей, покрытых золотом.

Обнаружили и вторую камеру. Она находилась за первой и была приблизительно вполовину меньше. И ее охраняла царская печать и наполняла масса предметов. Казалось, в этих подземных скальных камерах спрятано все имущество целого дворца фараона. Повсюду встречаются имена и титулы его владельца: фараон Тутанхамон.

Однако радость Картера была несколько омрачена. Следы показывали, что эти камеры уже были когда-то вскрыты. Все выглядело так, как будто много лет назад их разыскали, а потом спешно засыпали.

И вообще гробница ли это фараона?

Или это только подземный склад?

Большую часть зимы 1922—1923 годов Картер был занят расчисткой обеих камер. Находящуюся поблизости пустую усыпальницу какого-то царя превращают в лабораторию для реставрации всех найденных вещей, которые многие тысячелетия пролежали в скальных камерах.

Только после этого Картер смог продолжить исследование таинственных камер.

Вновь и вновь рассматривает он северную стену первой камеры. Там стоят две статуи из черного дерева в натуральную величину. Их головы, пояса, браслеты на руках и сандалии позолочены. Почему они стоят там?

Может быть это стражи? Что же они охраняют?

Эксперты, пилигримы и репортеры

Картер мобилизует общественность, информирует египетское правительство, науку, своих друзей. Начались сенсационные поиски среди гробниц фараонов в Долине царей —

где-то здесь находилась таинственная царская гробница — наверняка единственная, которая еще не была ограблена.

Картер нуждается в советах и помощи. Он чувствует, что самое великое открытие еще впереди и что один он с ним не справится.

Американские исследователи из нью-йоркского Метрополитен-музея бросили свои работы на Ниле и поспешили на помощь. В действие вступили специалисты по химии, по консервации трупов, по надписям, искусству и истории. В Европе и Америке египтологи поспешили к кораблям, чтобы отправиться в Египет, в Долину царей.

На Картера обрушился поток телеграмм, писем, пожеланий, предупреждений, предложений помощи и советов. К Нилу устремились корреспонденты всех крупнейших агентств печати и газет. Используя свои связи с состоятельным англичанином лордом Карнарвоном, который в течение многих лет финансировал раскопки Картера, газета «Таймс» добилась предоставления ей права первой информации. Началось волнение во всей мировой печати, а также в правительственных кругах Египта.

Поток туристов направился в Фивы и расположился лагерем у входа в таинственную гробницу Долины царей, осложняя жизнь ученым.

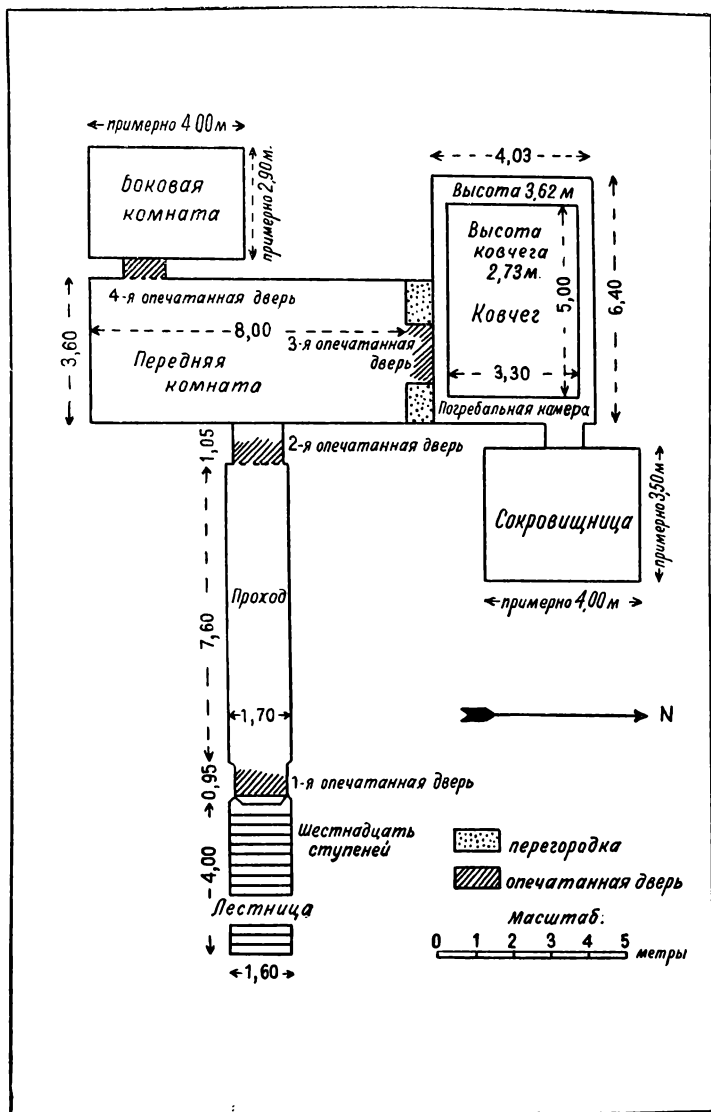
Что же это такое? Интерес международной общественности к археологическим исследованиям или всего лишь праздное любопытство, вызванное чудом, тайной, отстоящей от нас на тысячу лет? Или же это только тщеславное желание присутствовать «при том моменте», когда Картер вместе с другими археологами раскроет гробницу с сокровищами?

В ряде случаев это даже нечто большее!

Время от времени в некоторых кругах общества раздавались голоса о том, что нарушать покой царственного мертвеца — кощунство.

Но найдут ли вообще его труп в скальной гробнице?

В феврале 1923 года Картер с бьющимся сердцем стоит перед стеной усыпальницы, которую охраняют фигуры двух черных стражей с позолоченными головами. Вокруг него собралось множество людей. Ученые и политики, затаив дыхание, наблюдают за тем, как Картер с величайшими предосторожностями пробивает отверстие в стене. На расстоянии менее метра находилось нечто, напоминающее стену из массивного золота.

План гробницы Тутанхамона в Долине царей у Фив

По мере того как сносили защитную стену, открывался гигантский ковчег. По своим размерам (5 на 3 метра при высоте 2,73 метра) он заполнял почти всю кубатуру усыпальницы. Его крыша приближалась к потолку. Между стеной усыпальницы и скалой оставалось лишь узкое простран-

Алебастровая лампа из гробницы Тутанхамона

ство, покрытое пестрыми изображениями и надписями. Здесь лежали и стояли различные предметы ценнейшей погребальной утвари. Перед ковчегом стояла великолепная лампа с тремя лотосообразными чашечками со стеблями и листьями лотоса, вырезанная из одного куска алебастра. В углу лежал большой погребальный букет, составленный из ветвей и листьев персеи и оливы.

Итак, сюда, в этот ковчег, ставился саркофаг с мумией фараона. В тот самый момент, когда Картер понял это, он испытал глубочайшее разочарование: печать от двери с царским знаком Тутанхамона оказалась нарушенной.

Картеру уже совершенно ясно, что ковчег вскрыт и обворован. «Горя нетерпением, мы отодвинули задвижки, — сообщает он, — и распахнули створки двери так, словно их только вчера закрыли».

Но там не оказалось саркофага. Вместо него Картер увидел второй ковчег, очень похожий на внешний. Частично он был еще прикрыт полотняным покровом. Потемневшее от времени полотно украшали золотые звезды. Между ними сверкали золотые цветы, прикрепленные к ткани с помощью этих звезд. От тяжести многочисленных золотых украшений обветшавшее полотно во многих местах порвалось. Чтобы осмотреть второй ковчег, требовалось прежде всего снять покров. Как и первый ковчег, второй также сверкал золотом и был почти сходен с ним, если не считать отсутствия инкрустаций из синего фаянса. Зато его украшали великолепные рельефы, передающие сцены из жизни загробного мира.

И тут Картер открывает для себя самое главное: почти не веря своим глазам, смотрит он на печать. Она нетронута.

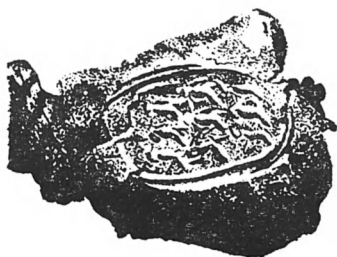
Это печать с тронным именем фараона Тутанхамона — единственная целая печать во всей Долине царей.

Золотые ковчеги

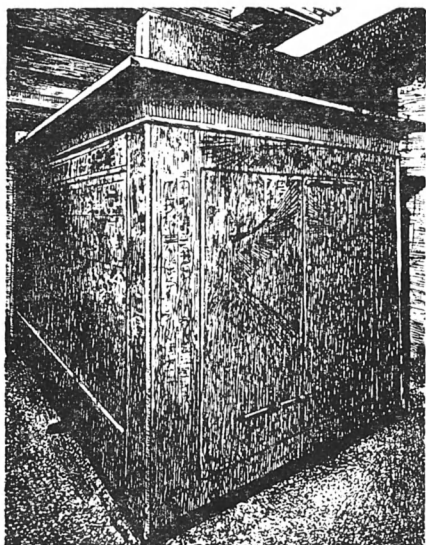
В присутствии удивленных и взволнованных гостей Картер вновь опечатывает ковчег. Теперь он знает — и вместе с ним знает весь мир, — что за опечатанной стеной второго ковчега он найдет мумию фараона Тутанхамона.

И все же Картер не меняет своего решения вскрыть внутренний ковчег. Но сначала нужно с соблюдением всех предосторожностей вытащить из погребальной камеры внешний ковчег: узкое помещение не позволяло поступить иначе.

Прежде всего Картер обнаружил позади усыпальницы еще одно, более обширное помещение. Это сокровищница. Картер

*Две глиняные печати
из гробницы Тутанхамона*

*Внутренний ковчег из гробницы
Тутанхамона. Дуб, покрытый
золотом*

сразу же увидел, что здесь хранятся ценнейшие сокровища гробницы. У задней стены сокровищницы стоял огромный обшитый золотом ящик, сделанный в форме ковчега. Вокруг него свободно стоят изваяния богинь — хранительниц мертвых. Раскинув руки в охранительном жесте, они абсолютно естественно с сочувственным выражением лица устремляют свой взгляд на вход, словно уже видят перед собой вторгшегося чужеземца. Кэртер предчувствовал, что в этом драгоценном ящике находятся каноны мертвого фараона. Словно пораженные громом, исследователи остановились перед эмблемами и сокровищами времени, отстоящего от нас почти на

три с половиной тысячи лет. У самого входа, на постаменте, установленном на салазках, лежало изваяние бога-шакала Анубиса, а за ним на подставке виднелась голова быка. Рядом с ними и вдоль стен сокровищницы стояло множество черных ковчегов и ящиков. Все они, за исключением одного, были закрыты и запечатаны. В центре комнаты находилась группа великолепных шкатулок из слоновой кости и дерева, инкрустированных золотом и синим фаянсом. Здесь же стояли модели лодок с парусами и полным оснащением, а у северной стороны — колесница.

Прошло много месяцев, прежде чем усыпальница была расчищена настолько, что Кэртер снова мог заняться исследованием большого ковчега. И как раз в это время произошло событие, которое потрясло многочисленных читателей газет больше, чем все публиковавшиеся ранее сообщения о бесценной гробнице Тутанхамона. Лорд Карнарвон, человек, в течение многих лет оказывавший Кэртеру финансовую поддержку, скончался.

Он умер в начале апреля 1923 года в Каире от приступа

жестокой лихорадки. По-видимому, причиной ее был укус москита. Жизнь лорда Карнарвона оборвалась в каирской гостинице в ненастную ночь, которая редко бывает в Египте. От удара молнии, видимо, погас свет в гостинице, и лихорадивший больной, напуганный последовавшим вслед за молнией ударом грома, в течение нескольких минут в темноте безуспешно звал сиделку, укрывшуюся в подвале. Врачи констатировали сердечный удар. Но весь мир внезапно решил, что он умнее медицины, и безапелляционно заявил: это проклятие фараонов.

Проклятие фараонов

Лифтеры в гостинице, суеверные жители долины Нила, продавцы газет и чистильщики сапог, прачки и лакеи, кучера и разносчики овощей — все они стали шептать о том, что фараон отомстил нарушителям своего покоя.

Мировая пресса подхватила благодатную тему. Может быть, египетские фараоны повелели окропить свои усыпальницы ядом? Или здесь действовала энергия атома? А может быть, к смерти лорда Карнарвона приложили свою руку привидения? Спириты и знатоки оккультных сил с достоинством предложили свою помощь. Они установят связь с покойным лордом, чтобы тот из потустороннего мира сообщил, какова же настоящая причина его внезапной кончины. Умерли еще и другие люди: сначала друзья лорда Карнарвона, затем ученые, которые когда-либо входили в гробницу фараона. Правда, умерли и многие из тех, кто окружал лорда, но никогда не видел гробницу Тутанхамона. Один умер на пароходе, другой — в Лондоне. Остальных смерть настигла в иных местах.

Мировая печать тщательно отмечает все смертельные случаи, добросовестно описывая обстоятельства смерти, возраст каждого покойного, указывает, отчего именно он скончался и где это произошло. Умирает и сиделка, которая в ненастную ночь оставила больного лорда одного в номере каирской гостиницы. Правда, она умерла от родильной горячки.

Правда, другие знакомые Карнарвона доживали в Англии до благословенного возраста — 70 или 80 лет. Они умирают от гриппа, от воспаления легких, от рака и от других заболеваний, свойственных столь почтенному возрасту. Но оживившееся общественное мнение всего мира не может удовлетвориться такими вульгарными объяснениями. Оно во всем усматри-

ваает сверхъестественные силы, которые накажут каждого, кто когда-либо посмел войти в гробницу Тутанхамона или даже просто был знаком с лордом Карнарвоном. И вот мир с часами в руках ожидает неизбежной в самое ближайшее время кончины человека, который открыл гробницу фараона и более года почти постоянно в ней находился. Смерти Картера и его ближайших сотрудников. Но как ни странно, они тогда не умерли. Картер, в течение 10 лет работавший у гроба Тутанхамона, умирает в преклонном возрасте.

Всюду твердят, что человеку, переступившему порог гробницы Тутанхамона, угрожает смерть. Тайнственные силы подстерегают нарушителей покоя мертвого фараона и всегда готовы отомстить им. Что за бессмыслица, утверждает Картер. На самом деле нет на свете более безопасного места, чем эта гробница. Когда она была вскрыта, исследователи не обнаружили в ней никаких микробов. «Недоброжелатели, — уверяет Картер всех окружающих и всю мировую печать, — вопреки истине приписывают все болезни, все несчастные и смертельные случаи каким-то таинственным силам, якобы действующим здесь. Непростительно лживые сведения такого рода публикуются и повторяются с неприязненным удовлетворением. Мне трудно, говоря о клеветнических утверждениях подобного рода, сохранять спокойствие». Ученый полагал, что здравый смысл должен с презрением отвергнуть подобные вымыслы, но тут же высказал предположение, что мы, очевидно, не так далеко ушли от седой старины, как это думают некоторые «хорошие люди».

Золотые гробы

Проходят месяцы. Взволнованный мир все еще занимается смертью лорда Карнарвона. А в погребальной камере Тутанхамона осторожно разбирают на части внешний ковчег. Это очень трудная работа. Тяжелые дубовые доски, толщиной 5,5 сантиметров, покрытые золотом и фаянсом, за много лет ссохлись, а покровы, наоборот, растянулись. Между досками и их покрытием возникли пустоты. При малейшем прикосновении возникала опасность, что кусочек золота будет вдавлен внутрь или совсем оторвется.

В невыносимой жаре узкого помещения нужно с величайшими предосторожностями отделить и вынести отдельные части ковчега. А ведь только одна его внешняя сторона весила больше 7 центнеров.

Наконец дело сделано. Второй ковчег высвобожден. На его печатях неповрежденные царские эмблемы. Этот ковчег также необычайно велик — двухметровой высоты и примерно четырехметровой длины.

В течение нескольких минут Картер колеблется. Он должен собраться с мыслями, решить, что следует делать дальше.

Но вот двери внутреннего ковчега распахиваются. Картер сломал единственную неповрежденную в Долине царей печать фараона. То, к чему стремились в погоне за золотом сотни грабителей могил с незапамятных времен, Картер совершает во имя науки.

В раскрытых дверях показался третий ковчег. В пространстве между ним и вторым ковчегом снова лежит многочисленная погребальная утварь. Это роскошные скипетры, оружие, булавы и луки. Третий ковчег также позолочен, украшен надписями и изображениями. Он заперт; на засовах висит неповрежденная царская печать Тутанхамона.

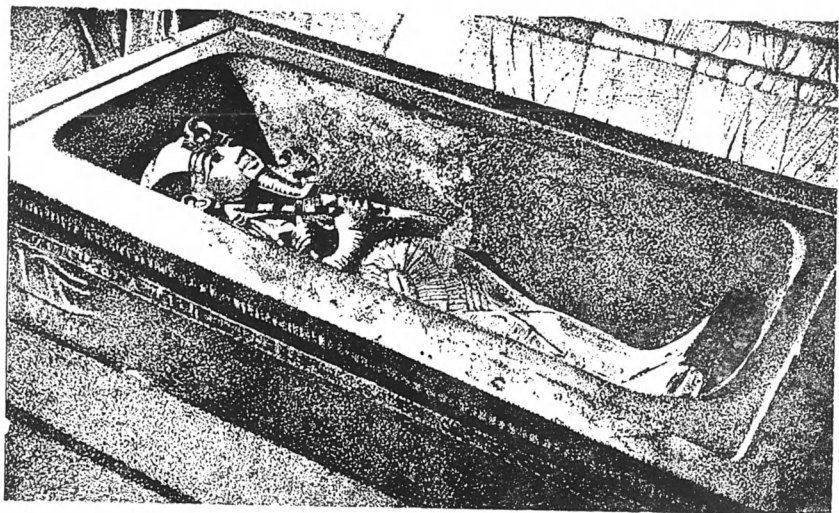
Стараясь подавить волнение, Картер открывает и этот ковчег: «Я устранил драгоценную печать, отодвинул засовы и открыл дверцы. И тогда я обнаружил четвертый ковчег!»

Этот ковчег еще более прекрасен, чем все предыдущие. Он тоже сделан из дубовых досок и покрыт золотом. Но его украшали еще и прелестные барельефы, иероглифы и изображения богов. На углах ковчега изваяны богини-хранительницы с огромными крыльями.

Теперь Картер уже более не в силах владеть собой. «В крайнем возбуждении» он отодвинул засовы незапечатанных дверей четвертого ковчега и они медленно раскрылись. Перед археологом сияет саркофаг: «поистине ни с чем не сравнимый огромный желтый кварцитовый саркофаг». Он стоит перед Картером, и ученому кажется, что «благочестивые руки только что прикасались к нему».

Саркофаг имеет 2,75 метра в длину и 1,5 метра в высоту. Он вырезан из монолитного блока. У карниза богиня распростерла протянутые вперед руки и крылья, как бы защищая мертвого от покушений живых.

По всем четырем углам саркофага стоят такие же богини-хранительницы. Их раскинутые крылья окружают весь саркофаг. Он закрыт тяжелой плитой из полированного розового гранита. Посредине эта плита треснула. Чтобы поднять тяжелую крышку саркофага, понадобилось прибегнуть к помощи специальных приспособлений. Прежде всего нужно было удалить из усыпальницы все части ковчега. Прохо-

*Открытый саркофаг из желтого кварцита с первым из золотых гробов
Тутанхамона*

дят недели, прежде чем закончились подготовительные работы и можно было начать подъем.

Торжественно настроенное собрание — губернаторы, министры, профессора из самых различных стран, известные археологи, анатомы, историки искусства и культуры, директора музеев, — затаив дыхание, наблюдают, как 12-тонная гранитная плита поднимается вверх. В глубочайшем молчании собравшиеся смотрят в открытый саркофаг. Но пока видны только лишь покровы. Это тонкая полотняная ткань, прикрывающая содержание саркофага. Их осторожно снимают. Открывается золотой гроб. Верхняя часть этого изумительного гроба выполнена в форме мумии. Золотой гроб имеет около 2,5 метра в длину. Он сделан из твердого дерева и покрыт позолотой. Форма гроба (антропоидная) передавала образ Осириса. Голова и руки его изваяны из массивного золота, лоб украшен двумя эмблемами — это коршун и кобра, выполненные из стекла и фаянса; брови и веки сделаны из искусственного лазурита, глазные яблоки — из арагонита, зрачки — из обсидиана. В руках бог сжимает царскую эмблему, инкрустированную толстым слоем темносинего фаянса. На лбу лежит маленький венок из цветов.

Кто положил его туда?

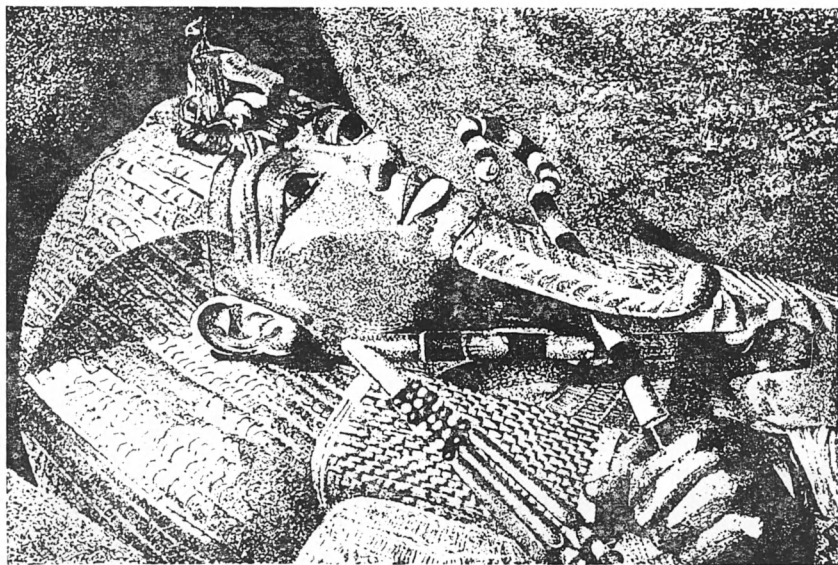
«О мать Нут! — начертано на гробе. — Да будут распростерты надо мною твои крылья, как извечные звезды».

Перед лицом фараона

С огромным нервным возбуждением мир ожидал вскрытия золотого гроба, а оно все откладывалось.

Возникли неожиданные недоразумения между английским и египетским правительствами, имеющие политическую окраску. Египтяне хотят взять дело в свои руки. Картер отправляется читать лекции. Гробницу официально закрывают. Лишь в январе 1925 г. все заинтересованные стороны наконец приходят к соглашению. Усыпальницу снова открывают, работы могут продолжаться.

В «золотом зале» — так древние египтяне называли подобного рода усыпальницы — Картер открывает наконец золотой гроб Тутанхамона. В нем лежал второй золотой гроб — шедевр древнеегипетского художественного ремесла. Он имел 2 метра в длину и также был выполнен из тяжело-

Верхняя часть внутреннего гроба Тутанхамона, изваянного из чистого золота

го дерева, покрыт инкрустациями и золотом. Форма его тоже антропoidная. Голова бога украшена венцом фараона.

Когда открыли и этот, второй золотой гроб, в нем оказался третий, целиком состоящий из массивного золота. Он весил 4,5 центнера.

Этот единственный в своем роде гроб имеет в длину 1,85 метра. Он изображает молодого Тутанхамона в образе Осириса. Лицо, шея и руки блестят полированным золотом. Вокруг шеи лежит двойная цепь больших бус, сделанных из красного и желтого золота и синего фаянса. Тело и ноги опять-таки прикрывают четыре богини-хранительницы. Весь гроб инкрустирован полудрагоценными камнями и цветным стеклом. В этом, третьем гробу лежит сам Тутанхамон.

Богато убранный драгоценными камнями, золотом и всеми возможными украшениями покоится он в своем золотом гробу. Семь браслетов украшают его правую руку от локтя до запястья, шесть браслетов — левую руку. Браслеты, золотые и серебряные, инкрустированы различными полудрагоценными камнями и разноцветным стеклом.

Грудь царя покрыта многочисленными амулетами и священными эмблемами. 35 предметов были расположены 17 группами на 13 слоях полотняных полос, в которые была запелената мумия. Здесь, конечно, священные числа играют особую роль. В бинтах, обвивающих грудь и живот, лежат две группы колец, рядом с правой кистью — пять, рядом с левой — восемь. Пять и восемь! Как в Ханаане, как в нордической Эдде и как в Библии, когда Авраам приносил жертву, — так же и в царском гробу Тутанхамона.

А сам Тутанхамон?

Богато украшенная, обуглившаяся почти до неузнаваемости, едва напоминающая человека фигура, нечто почти совершенно разложившееся лежало перед глазами ученых.

Измеренный и оцененный

Большое количество благовонного масла было разлито во всех гробах царя, в золотом гробу и около мумии. В ходе времени масло почернело и превратилось в смолистую массу. Эта масса склеила мумию, а также золотую маску в саркофаге так плотно, что, несмотря на все усилия, не удавалось сдвинуть ее с места. Масло впиталось в бинты мумии, им был пропитан также весь труп. И что еще хуже: жирная кислота, содержащаяся в благовониях, действуя на протяже-

нии тысячелетий, вызвала полное обугливание трупа фараона.

Разочарованные исследователи установили, что в саркофаг было залито почти два ведра жирового битума. Это способствовало дальнейшему разрушению мумии.

Было принято решение не перевозить мумию фараона Тутанхамона в музей Каира, а оставить ее в погребальной камере Долины царей. Но его одежда, личное имущество, золотые гробы и ковчеги, его дворцовая мебель — все это сегодня уже вывезено из Долины царей и в большей своей части находится в Музее египетских древностей Каира.

Десять лет Картер тщательно проверяет и упаковывает сокровища усыпальницы. В течение этого времени множество туристов, преимущественно из Америки и Англии, приезжают в Долину царей. Многие из них жаловались на медленное прохождение работ по реставрации. Но не в интересах дела, а лишь с целью удовлетворить свое любопытство и в погоне за сенсациями. Исследования Картера стали модными. Эта мода на гробницу Тутанхамона особенно в англосаксонских странах расцвела как пышный цветок. «Маленький Тут» на протяжении целого года был наиболее популярной фигурой в Англии. Шелк «Тутанхамон» становится самым модным. В Германии шелк «маска Тутанхамона» также был выброшен на рынок, и светские дамы хватали его, не обращая, конечно, никакого внимания на то, что бесцеремонные торговцы расцветили ткани бессмысленными иероглифами, лишь отдаленно напоминающими египетские.

Но какое это имело значение! Ведь все носили платья из шелка «маска Тутанхамона»!

Воск в руках жрецов

Тутанхамону было девять лет, когда его возвели на трон фараона. Он был наследником фараона Сменхкара (Сахкра), который царствовал всего лишь три года после смерти Эхнатона.

Какое он имел отношение к династии фараонов, пока неизвестно. В детстве его нарекли именем «Тутанхатон», прожил он свои первые годы в солнечном городе Ахетатоне, пока жрецы не уговорили его вернуться в Фивы. Он изменил свое имя на Тутанхамон и отрекся таким образом от объявленного вне закона солнечного бога Атона. Молодой фараон вновь стал царствовать в старой столице — Фивах.

Там он и умер в цветущем возрасте, в 18 лет.

Надпись в Фивах-Карнаке подтверждает, что этого отречения и следовало ожидать: «Когда я (Тутанхамон) пришел к власти, храмы от Элефантины на юге до Дельты на севере опустели; их молельни развалились, а священных ларей как будто бы и не было; двор, где они когда-то стояли, стал (площадью) для прогулок».

Во время царствования Тутанхамона египетские жрецы вернулись к прежней египетской религии. Это и объясняет ту роскошь, с которой был похоронен Тутанхамон. Египетские жрецы отблагодарили таким образом рано умершего фараона.

Он, который в египетской истории не играл, собственно говоря, никакой роли, так как пришел к власти совсем ребенком и умер молодым человеком, был мягким воском в руках жрецов. До него страна пережила «болезнь», как об этом говорится на стеле в Фивах-Карнаке. «Боги повернулись к этой стране спиной». Именно поэтому и потерпели поражение войска, посланные в Сирию. Им не покровительствовали боги.

Зато мертвый Тутанхамон получил благоволение богов. В его погребальной камере стояло не только 40 кувшинов вина, 116 корзин с пищей, 43 сосуда с маслом и мазями, 22 маленьких кораблика и барки — все, направленные носом на запад, — но и 413 так называемых фигурок «ушебти» («ответчиков»). Они заменяли живых людей, ранее приносившихся в жертву фараону, и должны были в потустороннем мире служить ему в качестве слуг, стражей и жен.

Итак, еще раз восторжествовала традиция. И еще много поколений археологов смогут писать диссертации на темы о символах и культах чисел из гробницы молодого Тутанхамона. Бык и лев появляются здесь рядом со змеей и золотыми корабликами.

На восточной стене погребальной камеры изображена похоронная процессия. Царственная мумия лежит в своем саркофаге на носилках с изображениями львов; саркофаг стоит в ковчеге, который придворные тащат на санях к гробнице.

Сани в Египте?

Снова вспоминается та гробница из Ура, которая была старше на тысячу лет. И там были сани, и там лодки, львы и быки. В гробнице Тутанхамона рядом с другими предметами обнаружили голову коровы. Рога были сделаны из меди, глаза — из стекла, украшение на шее — из золота.

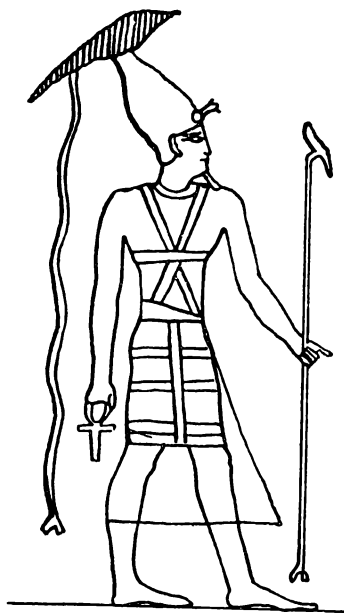
Откуда такое у египтян?

Был ли Авраам тем, которому традиция приписывает создание астрономии?

О нет! Когда Авраам жил на земле, то религиозная звездная астрономия уже давно существовала. Задолго до письменности, задолго до исторического времени.

Но что связало Египет с остальными странами Востока, начиная от Кавказа и до Аравии и от Ханаана через Сирию и Месопотамию до Индии, — это общее мировоззрение и частично даже общий мир символов и представлений. Неужели Авраам и его потомки ничего об этом не знали?

Знали, — отвечает Библия. Ведь все они танцевали вокруг «золотого тельца» еще во времена Моисея, через столетия после Тутанхамона.

*Египетский бог Сети с крестом
и скипетром на мемориальном
(XIII в. до н. э.)
камне из Таниса — Сана*

ТАЙНИКИ МУМИЙ

Амон вершит правосудие над страной с помощью своих пальцев; его слова принадлежат сердцу. Он выделяет несправедливого и посылает его в пышущее жаром место, а справедливого — на запад.

Из египетского папируса

В начале XX века итальянские археологи под руководством Е. Скиапарелли исследуют Долину цариц (Бибан-эль-Харим), которая находится южнее Долины царей. Здесь обнаружено около 70 погребений цариц, принцев и принцесс XIX и XX династий. Это эпоха, которая наступила после смерти последних фараонов XVIII династии, в том числе Эхнатона и Тутанхамона.

Гробницы в Долине цариц в большей своей части остались незаконченными, а некоторые из них не имели никаких украшений. Только изредка попадались отдельные рельефы. Но в целом вид этой долины создает впечатление, что душа Египта умерла после смерти Тутанхамона, то есть после контрреформации. Казалось, что Египет уже не сможет вернуться к своему созидательному творчеству. Это то время, в которое, согласно Библии, родился Моисей, величайший пророк Израиля. Но это время имеет свои, особенные загадки. И казалось, что археология их никогда не разрешит.

Однажды Гастон Масперо, директор Музея египетских древностей в Каире, получил странное письмо. Оно пришло в 1881 г. из США. Американский египтолог, который преподавал некогда в Каире, конфиденциально сообщил, что из Египта через таможенный и полицейский контроль был вывезен в США хорошо сохранившийся папирус. Он, этот американец, сам прочитал его, когда был приглашен в качестве специалиста для оценки папируса. Но самое интересное в этой контрабанде, говорилось в письме, состояло в том, что папирус, очевидно, относился к XXI династии, то есть датировался приблизительно XI веком до н. э. и, по всей вероятности, был извлечен прямо из гробницы одного из фараонов этой династии.

Масперо читает письмо с большим удивлением.

Откуда получил американец этот ценный папирус? Из могилы фараона? Может быть, из Фив?

Из Фив вообще приходили странные известия, над которыми ломал голову Масперо. Многие туристы подтверждали, что им в Фивах прямо на улице продавали красивые статуэтки, вазы и тому подобные предметы, а в одном случае даже целый гроб с мумией!

Кто же предлагает эти древности, когда такая торговля строго запрещена законом? Может быть, это современные грабители могил, которые обокрали царскую гробницу и сейчас постепенно распродают ее содержимое на черном рынке?

Масперо посылает молодого ассистента в Фивы, чтобы он на месте проверил, что болтают туристы. Ассистент должен был вести себя так, как будто бы он богатый турист, который интересуется древностями. Молодой человек едет в Фивы с тем, чтобы приобрести здесь для дома какую-либо память о фараонах. Он посещает базары и покупает за хорошие деньги и без сдачи несколько древностей. Не удивительно, что молодой, очевидно богатый, человек вскоре привлекает внимание торговцев черного рынка. Они видят, что он не довольствуется тем, что получает.

В общем в один прекрасный день они подходят к ассистенту Каирского музея и из-под полы вручают ему маленькую статуэтку какого-то бога. Она подлинная. Молодой ученый из Каира старается не обнаружить свою радость. По надписи он узнает, что статуэтка относится к ХХI династии, то есть именно к той эпохе, откуда происходил папирус американца.

Немного поторговавшись, ассистент покупает это произведение искусства. Он готов уже был считать, что контакт с бандой грабителей могил, которые обращали в деньги на черном рынке содержимое какой-то неизвестной гробницы фараона, уже им найден. Но для обеспечения успеха ему приходится вести двойную игру и не показывать своих знаний по поводу того или другого предмета. Рыба должна попасться на крючок, и важно, чтобы в последний момент она с него не сорвалась. Итак, осторожность и терпение!

Однако он в конце концов турист, молодой и богатый иностранец, которому нельзя слишком долго оставаться в Фивах, близ Долины царей, не привлекая к себе особого внимания. Следовательно, ему надо скорее достигнуть цели.

Ассистент объясняет торговцам, что его интересуют более крупные вещи — древности более высокой стоимости, например красивый саркофаг или хорошо сохранившаяся мумия. Он должен хоть раз взглянуть на подобные вещи. Не могут ли они это сделать?

Феллахи перешептываются. Аллах акбар! Аллах велик! Все возможно, только нужно терпение. Молодой господин должен потерпеть, тогда будет видно, что делать, — иншалла!

И вот появляется старый высокий феллах, которого называют Абд-эль-Расул.

Ассистент вызывает охрану. Наконец-то найден подпольный торговец. Но молодой человек из Каира просчитался. Абд-эль-Расул отрицает все. Все его родственники появляются у мудира, окружного комиссара Фив, и подтверждают его невиновность, клянясь бородой пророка. Ничего не поделаешь. Доказательств нет, и приходится отпустить феллаха.

Так молодой ассистент разочаровался в своих надеждах да, кроме того, еще и очутился на больничной койке в Фивах.

В это время брат известного Генриха Бругша и заместитель Масперо — Эмиль Бругш получил телеграмму из Фив. Он решает, обдумав сложившуюся ситуацию, выехать в Фивы и на месте выяснить все дело. Эмиль Бругш и совместно с ним Египетское окружное управление отправляются по той дороге, которая всегда сулила наибольший успех: они предлагают высокое вознаграждение. Кто в состоянии указать источник подпольной торговли, пусть придет, так как в этом случае он не только обогатится, но и облегчит свою совесть. Вся эта игра оставалась неизвестной широкой общественности, ведь европейские ученые в этом все равно не смогли бы разобраться.

Соблазн оказался слишком велик. Да, успех был таков, что даже Абд-эль-Расул, глава семьи, прекрасно знающий всех своих родственников, не очень скоро, но откровенно признался Эмилю Бругшу: вот уже шесть лет его семья является владельцем тайника, полного саркофагов и мумий. На продажу некоторых отдельных вещей из этого тайника они и кормились последние годы. Итак, он надеется, что ему, Абд-эль-Расулу, старейшине семьи, господин из Каира по справедливости должен выплатить какой-либо «бакшиш», если он откроет ему семейное сокровище.

«Где? Где находится тайник?» — спрашивает Бругш. .

И получает довольно неожиданный ответ: «В Дейр-эль-Бахри».

Совсем близко от ступенчатого храма царицы Хатшепсут!

Тайник

Бругш воспринял это известие с недоверием. Ведь там, у храма Хатшепсут, скалы слишком рыхлые и мягкие. Вряд ли какому-нибудь фараону пришло бы в голову соорудить на этом месте свою гробницу. И так, неужели же там находится тайник с мумиями?

Феллах ведет его туда.

Скрыто под камнями была прорыта шахта 12 метров глубиной. С помощью веревок они спускаются вниз. На дне шахты начинается 60-метровый ход. В конце его, глубоко под скалой, находилась камера 8-метровой глубины. В этой узкой, грубо высеченной гробнице лежат мумии многих фараонов от XVIII до XXI династии: такие тщательно спеленатые фараоны, как Тутмос III, Рамзес II и III.

Однако лежат в этом тайнике и мумии, имена которых уже невозможно определить. Может быть, здесь и великие фараоны, прославившиеся в истории древнего Египта. Это неизвестно и, по всей вероятности, так и не станет известным. Ограбленные до нитки, лишенные своих бинтов и имен, растерзанные и беззащитные, без гробов и саркофагов, скипетров и посохов лежали они здесь. В трогательной нищете предстала перед Бругшем мумифицированная человеческая жизнь.

Сегодня уже известно, каким образом фараоны попали в этот тайник у храма Дейр-эль-Бахри. Известно и имя того жреца-царя — Херихор (XI век до н. э.), — который построил тайник, чтобы сохранить с его помощью мумии древних уважаемых фараонов от алчности ненасытных египетских грабителей. Государственная и жреческая власть уже не в состоянии была защитить их от кощунства в Долине царей.

Папирусы, которые рассказывают о судебных делах против грабителей, говорят о падении морали, пренебрежении к порядку и религии.

Пунктуальные заметки египетских жрецов на многочисленных бинтах, в которые завертывали мумии, дают возможность понять, какие сложные пути приходилось выбирать, чтобы спасти дорогих им покойников.

Так, например, труп Рамзеса II, прозванного Великим, перенесли в неповрежденную могилу его отца Сети I. Когда и эту гробницу обворовали, жрецы срочно перенесли бесценную мумию в гробницу царицы Имхапи. Оттуда ее вновь извлекли и вместе с другими мумиями поместили в могилу Аменхотепа I. Наконец, Херихор приказал построить тайник у ступенчатого храма.

Мертвые фараоны вынуждены были оставить Долину царей. Темной ночью их привезли в Дейр-эль-Бахри верные жрецы.

Второй тайник

Но не всех!

В 1898 году нашли второй тайник. Раскапывая могилы фараонов в Долине царей, М. Лоре, генеральный директор египетской Службы древностей, натолкнулся на скальную гробницу Аменхотепа II из XVIII династии.

Она относится к наиболее замечательным гробницам и сохранилась в наилучшем состоянии. Вниз, в гробницу ведут крутые лестницы. В ходе вырыта глубокая «волчья яма», призванная охранять погребальную камеру от грабителей. Позади этой шахты начинается коридор, заканчивающийся простой, ничем не украшенной камерой. Отсюда еще одна лестница и ход ведут в самую гробницу. Шесть колонн поддерживают голубой с золотисто-желтыми звездами расписной потолок. Стены украшены надписями и рисунками. В глубине погребальной камеры, в молельне, стоит тяжелый саркофаг фараона Аменхотепа II.

Когда Лоре осматривал гробницу, он натолкнулся на тайную камеру, отделенную от первой защитной стеной. Ученые были удивлены: в камере перед ними лежало девять мумий фараонов XVIII и XIX династий. Среди них мумия Тутмоса IV и его сына Аменхотепа III, отца Эхнатона. Сохранились, однако, только мумии; от их богатого убранства, колец и амулетов, ничего не осталось, саркофаги и даже гробы отсутствовали.

Только Аменхотеп II, хозяин гробницы, лежал так, как его похоронили. Лоре решил не трогать гробницу. Ее снова почтительно закрывают. Египетское правительство дает указание установить постоянную охрану царской гробницы. Но все напрасно. Годом или двумя позже грабители проникают в гробницу и вытаскивают мумию фараона из саркофага. Оказалось, что и в начале XX века невозможно избавиться

от грабителей, от подобного рода кошунства. Итак, и эта мумия должна была покинуть Долину царей и обрести покой в Каирском музее.

Таким образом закончились странствования фараонов, начавшиеся три с половиной тысячелетия тому назад, когда у одного из них возникла мысль построить себе незаметную скальную гробницу в Долине царей, ибо пирамиды показались ему слишком ненадежными, чтобы сохранить его тело до возвращения Осириса.

Таинственные сфинксы

Как же поступали в те времена с пойманными грабителями могил? Какова была судьба рабочих, ремесленников и художников, которые, будучи изолированными, в строжайшей тайне должны были строить гробницу своему фараону, сооружать ходы, колонны, саркофаги, украшать стены и создавать художественные рельефы? Точно нам это неизвестно. Но чем больше фараоны опасались за свои гробницы, тем с большим рвением старались они избавиться от людей, хорошо знакомых с подземными ходами и архитектурой скальных гробниц, тайна которых тщательно охранялась.

Не использовали ли на таких работах преимущественно пленных или рабов и не убивали ли их после окончания постройки?

На такие вопросы в состоянии, может быть, ответить открытие, сделанное в 1943 году. В зарытом под землей сундуке нашли папирус, который содержал секретный текст. В нем речь шла о шести таинственных рабах-сфинксах.

Но только в 1952 году удалось сделать новое открытие, после которого содержание этого папируса стало более понятным. Однажды торговый караван в пустыне Южной Нубии застигла страшная песчаная буря. Он нашел себе защиту в тени близлежащих гор, где погонщики обнаружили каменную человеческую голову, которая выглядывала из песчаной дюны. В тени этого громадного древнего монумента из красного песчаника караван укрывался до тех пор, пока буря не утихла.

Вернувшись к Нилу, проводник каравана сообщил в египетскую Службу древностей об этой находке, обозначив точное местонахождение статуи 20-метровой высоты и 80-метровой длины. Экспедиция египетских археологов раскрыла неожиданную тайну этого сфинкса: громадная фигура оказа-

лась полый. Внутри ее находилось несколько помещений. Проникнуть в этот высоченный 20-метровый колосс можно было, только поднявшись на высоту около 15 метров по каменной лестнице.

Перед глазами ученых возникла страшная картина. С потолка еще свисали кожаные ремни, в узлах которых сохранились останки человеческих ног. Пол покрыт сотнями человеческих черепов и различными костями.

Очевидно, этот колосс с телом льва и человеческой головой издавна был местом казни. Приговоренных к смерти подвешивали за ноги и выдерживали так до тех пор, пока распадавшееся тело не обрушивалось на пол.

Вешали ли здесь грабителей?

Или это были рабочие, сооружавшие гробницы фараонов, тайну которых они должны сохранить ценой своей жизни? А может быть, те и другие?

С тех пор нашли еще пять таких сфинксов. И все они были местом казни.

Может быть, однако, преждевременно говорить о них, как о местах казни. Вполне возможно, что здесь совершались человеческие жертвоприношения. А может быть, одно связано с другим: создатели гробниц фараонов после окончания своей работы приносились в жертву богам.

Подвешенные вниз головой на кожаных ремнях — так кончали они свою жизнь в священном чреве колосса-сфинкса, чтобы поспешить в потусторонний мир и достойно принять там своего фараона.

У КРАСНОГО МОРЯ

И подарила она царю сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценные камни: никогда еще не приходило такого множества благовоний, какое подарила царица Савская царю Соломону.

III кн. Царей, 10, 10

Напротив Египта, на другой стороне Красного моря, лежит Аравия.

Эта страна сказок не могла не привлечь к себе внимания археологов.

Но Аравия в большей своей части — это пустыни и горы. Только по ее «окраинам» и прежде всего по берегу Красного моря расцветала, видимо длительное время, человеческая культура. Расцветала именно там, где господствовала Балкис, царица Савская.

Ее царство лежало на территории Йемена, в южной части западного побережья Аравии, в «счастливой Аравии», где обильные дожди на равнинном берегу, поросшем пальмами, и в горах, покрытых лесом, способствовали бурному росту тропической растительности, распространяющей аромат бальзама и пряностей. И даже ладана. Через владения царицы Савской, мимо Мекки и Медины, в Палестину и Сирию ведет древняя караванная дорога, поросшая благоухающим кустарником.

Близ этой благовонной дороги лежала столица царства — Мариб. Второй по величине город назывался Сана.

В 1761 году Карстен Нибур, известный специалист по дешифровке клинописи, выехал с четырьмя сопровождающими по поручению Дании в Йемен. Там в течение нескольких месяцев погибли два члена этой экспедиции. Не доехав всего лишь 100 километров до столицы, экспедиция вынуждена была вернуться. Ее участники отплыли в Индию. В пути умирает третий, а в Бомбее — четвертый исследователь. Карстен Нибур остался один. Однако он считал, что никого не должно пугать смерть товарищей и не следует отказываться от мысли об экспедиции в Аравию.

В 1802 году 35-летний ольденбуржец Ульрих Яспер Зеетзен, медик и естествоиспытатель, совершает путешествие через Сирию и Палестину в Аравию. В 1809 году он посетил Мекку и Медину. В 1810 году держит путь из гавани Моха в центр внутреннего района Йемена — Сана. Но по пути в Сану Зеетзен умер. Возможно, что он был отравлен.

В те времена казалось совершенно невозможным, чтобы иноземец, безбожник мог посетить без риска для жизни эти места, а в особенности что-либо искать и копать там.

В 1843 году фармацевт, француз Том Арно, интересующийся пряностями царицы Савской, первым из европейцев проник в ее столицу Мариб. Возможно, что бесхитростность цели спасла ему жизнь.

Отважные приключения

В 1869 году французский ученый Жозеф Алеви, специалист по языкам и письменности, отправился в Йемен. Парижская академия наук поручила ему изучить там сабейские надписи. Но Алеви прибыл туда не как европеец. Переодетый в одежду бедуина, он тайно проник в эту страну. После утомительного 300-километрового путешествия пешком под жгучим солнцем он достиг наконец Мариба. Там он успел скопировать около 700 надписей на руинах различных построек. Это были не только сабейские надписи, но и образцы до того времени неизвестного минейского языка. (Несколькими десятками лет позже Олбрайт указал на сходство южноаравийских языков с языком Библии, то есть языком Моисея и Синая).

В 1872 году Жозеф Алеви сообщил пораженным ученым о своем путешествии в Мариб. О царице Савской он ничего не знал.

Пример Алеви натолкнул Эдуарда Глазера из Богемии на мысль повторить его поездку. Сначала Глазер изучает в Праге арабский язык. В 1883 году и он в одежде бедуина достигает Саны, расположенной на юго-западе от Мариба. Начав свое путешествие в Сане, он в течение нескольких лет осматривал руины таинственных городов Южной Аравии и прибыл наконец в Мариб.

Глазер — человек необыкновенный, искусный в обращении с бедуинами, умеющий проявлять мужество при всех опасностях, часто встречающихся в Аравии, — сумел завоевать доверие сынов пустыни, которые по натуре своей осто-

рожны, недоверчивы и фанатичны, и отправить их в Сану и Мариб на поиски надписей. После четырех длительных поездок — в 1883, 1885—1886, 1887—1888 и 1892 годах — Глазер вернулся в ошеломленную им Европу с богатым собранием надписей, древних арабских манускриптов и отрывков из текстов на различных диалектах.

Загадочный Йемен, загадочная Аравия!

В 1927—1928 годах немецкий археолог и этнограф Карл Рафьенс вместе со своими коллегами совершает первую поездку в Южную Аравию. Вторая поездка, 1931 года, приводит его в Сану, где за два поколения до него побывал Глазер. В 1934 году состоялась третья, а в 1937 году — четвертая поездка Рафьенса. С необычайно богатыми археологическими трофеями возвращается он домой. Его обширные строго научные доклады были опубликованы в Гамбурге в «Сообщениях Музея этнографии» — «Sabaëica» («Sabaëica»).

Карл Рафьенс сообщил о знаменитой плотине Мариба — одном из чудес древности. Построенная в VIII веке до н. э., плотина сохраняла воду, поступавшую из системы рек, и тем самым превратила пустыню вокруг Мариба в цветущий сад. Однако несколькими веками позже плотина разрушилась, и Мариб снова превратился в пустыню. Сегодня Мариб — бедная деревня в пустынной степи, обиталище нищих полукочевников.

Рафьенс описал также наиболее распространенные орнаменты, изображенные на крышках и кувшинах южноаравийской посуды самой различной формы. Это, например, глиняная фигурка отпрянувшего назад быка, символ рогатого небесного бога — Луны.

Во всех древних южноаравийских царствах луна была главным богом наряду со звездой Венерой. Большие головы быков, встречающиеся в аравийских святилищах, говорят о древнем культе, но попадают там и орнаменты, изображающие другое священное животное — козерога. Повсюду в Южной Аравии козерог связан с быком (а в Месопотамии иногда и с рыбой) и соответственно с лунным серпом и звездой Венерой. Иногда рога на головах быков переплетаются с рогами козеров, и постепенно оба животных сливаются друг с другом, становясь, наконец, деталями растительного (виноградные лозы) или змеино-го орнамента.

Как и во всем мире, так и в Аравии, бесчисленные символы лунной религии сливаются в трудно различимый конгломерат.

В 1936 году сирийский ученый Нахиб Мохаммад-эль-Азм получает разрешение правителя Йемена скопировать в Марибе надписи. В 1947 году там побывал египетский археолог Ахмед Факри.

В 1949 году американские ученые из «Американского фонда по изучению истории человечества» попытались получить разрешение правительства Йемена на проведение археологических исследований и раскопок в Марибе. И чудо свершилось: такое разрешение было дано. Соседние с Йеменом государства также разрешили раскопки. Американцы готовились. Они намеревались превзойти все имевшие здесь место ранее археологические открытия.

Руководителю экспедиции молодому ученому Уенделю Филиппсу большую научную поддержку оказал президент фонда Уильям Ф. Олбрайт — известный языковед, руководитель восточного семинара в Джон-Хопкинс-университете. Уендель Филиппс за короткое время сумел получить необходимые финансовые средства и снаряжение для экспедиции, каким только могла ее снабдить щедрая американская индустрия.

В феврале 1950 года американцы с тринадцатью доверху нагруженными грузовиками прибыли в южноаравийский порт Мукалла и начали свою поездку по Аравии. Никто из них не знал, что им предстояло.

Первое их впечатление о стране — это пауки.

Пауки от 19 до 22 сантиметров длины, круглые, толстые, с волосатым телом и ногами, толстыми, как спички, но почти вдвое длиннее. «Они нападали на нас стаями», — рассказывал Филиппс, который видел, как такой паук разорвал на части огромную саранчу. «Против таких громадин обыкновенные хлопущки оказались бесполезными, — продолжал Филиппс. — Я всегда боялся, что они просто-напросто вырвут у меня из рук хлопущку и ударят по моей же голове». Единственным возможным оружием против таких огромных пауков, по его мнению, был только револьвер. Их можно только застрелить!

Конечно, здесь он несколько преувеличивал. Однако огромное количество насекомых в Южной Аравии объясняет, например, почти полное исчезновение там папируса. «Здесь нельзя даже положить книгу, — пояснял Олбрайт, — без того, чтобы в течение нескольких дней на ее страницах не появилось больших дырок».

К этому следует добавить полное равнодушие арабов ко всей древней письменности из «времен неведения», то есть до появления Корана. Даже великие арабские ученые средневековья мало занимались рукописями своих предков или надписями на памятниках.

Город царицы

Мариб, расположенный на высоте 2000 метров над уровнем моря, виден издалека, словно фата-моргана американского города с многочисленными небоскребами. Сегодняшняя деревня стоит на образующей ступенчатые уступы горе, к которой прилепились жилища. Большая часть бывшей резиденции царицы Савской не исследована.

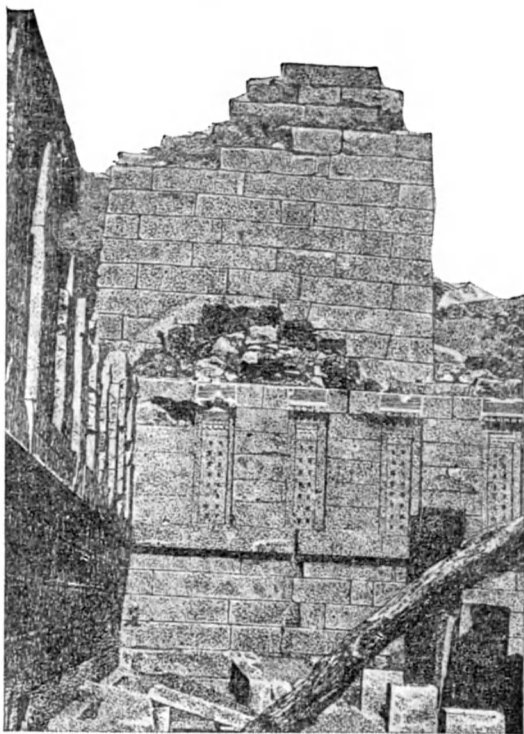
Впечатляющую панораму Мариба дополняют поднимающиеся слева от него 12-метровые опоры, частично засыпанные песком пустыни. Они относятся к руинам храма лунного бога. Там была обнаружена небольшая надпись, содержащая указание на название святилища и его бога: «Бараану, богу Илумкуху, посвященный». Под богом здесь имеется в виду луна.

Американцы нашли в Марибе многочисленные каменные изваяния голов быка с углублениями для стока жертвенной крови.

Справа от Мариба лежит второй храм — круглое святилище Балкис, царицы Савской.

В течение всего июля 1951 года грузовики американцев приходили в Мариб. Они привезли целую мастерскую для ремонта автомобилей, генераторы для электростанции, полевой лазарет, оборудование для кино- и фотолаборатории, холодильники, медикаменты и питание. Поездки через пустыню и по горам далеко не простое дело, зачастую напоминающее азартную игру. Сначала Филиппс посылает в Мариб только крайне необходимых людей: специалиста по надписям доктора Джамме; врача, переводчика, фотографа и кинооператора, а также шоферов для грузовиков. Известные археологи из Чикагского, Балтиморского и Оклахомского университетов должны были выехать позже.

Американцы смело взялись за работу и с помощью рабочих, нанятых среди местного населения, в течение нескольких месяцев раскопали в песках недалеко от Мариба храм овальной формы 350 метров в окружности — храм Балкис. Откопали остатки изящного зала с колоннами и обширной

Часть развалин храма Аввам близ Мариба

постройки с восемью высокими пилястрами. На внутренней стене храма обнаружили расположенные в один ряд 64 вырезанных в нише ложных окна, украшенных решетками. Восемь и шестьдесят четыре — это числа небесной богини Венеры, а не числа луны. Очевидно, уже у древних арабов образ небесной богини Венеры слился с образом царицы Савской — Балкис. Так же точно в религиозной символике сливаются образы луны и Венеры.

Американские раскопки доказывают, что и святилище Балкис было посвящено лунному богу.

И здесь, когда углубляешься в сложное переплетение представлений древних арабов об Аллахе и его пророках, неизбежно возникает вопрос, какое же значение имел для них храм Балкис, если у арабов луна и утренняя звезда — мужского рода?²¹

Иными словами: не было ли у южноаравийской Балкис, царицы Савской, когда она посетила в Иерусалиме царя Соломона, каких-либо признаков рогатого животного? И не была ли она, тем самым, лунной богиней, известной под многочисленными именами древним египтянам?

Были ли у царицы Савской козлиные ноги?

Когда царь Соломон в середине X века до н. э. закончил свой знаменитый храм в Иерусалиме, слухи о его славе дошли до царицы Савской. Тогда она, как рассказывает Библия, пришла, чтобы «испытать Соломона загадками».

Сущность этих загадок мы сегодня почти не понимаем. Для того чтобы понять и прочувствовать их юмор, потребовался бы целый аппарат научных сотрудников, в то время как раньше их поняли бы даже дети, не умеющие еще ни читать, ни писать.

Нигде в Южной Аравии, сообщает Филиппс, не было найдено ни одной надписи царицы Савской; даже в Марибе, столице ее царства, не удалось обнаружить ничего подобного. В связи с этим, естественно, встает вопрос, кто, собственно, посещал царя Соломона в Иерусалиме, чтобы восхититься его мудростью и задать одну или несколько загадок?

Библейская история о мудром Соломоне и очарованной им прекрасной царице Савской, само посещение царя которой было загадкой, становится понятной из одной южноаравийской легенды. Эта легенда сообщает, что Соломон через несколько дней после приезда Балкис в Иерусалим узнал нечто ужасное: будто бы у царицы Савской козлиные ноги.

Соломон не мог, конечно, поставить Балкис в неудобное положение, просто попросив ее поднять платье и продемонстрировать свои ноги. Но, будучи наделен мудростью, он придумал нечто особое: повелел изготовить прозрачный хрустальный пол, в котором все отражалось, словно в воде или в небесном океане. Однажды Соломон, пригласив к себе царицу Савскую, остановился в конце этого хрустального пола и вежливо попросил ее подойти к нему. Решив, что ей придется идти через воду, царица, как и всякая женщина, приподняла свои юбки и вступила на хрустальный пол. Этого было достаточно, чтобы Соломон увидел ее ноги. К своему большому облегчению он убедился в том, что у царицы были нормальные ноги.

Следовательно Балкис из Южной Аравии не имела ниче-

го общего с козлом. У нее не было ни рогов, ни козлиных ног. Правда, как небесную царицу ее сопровождают золотые быки или козероги, козлы или бараны, рыбы или змеи, которые служат ей «пальцами», но сама она не принимает их образа, не принимает она и образа луны. Она в большей степени Венера — библейская Ашират (Астарта). И это, наверное, не случайно, так как в последней главе Библии подчеркивается, что Соломон «стал служить Астарте, божеству Сидонскому».

Это она была той самой, которая «посещала» его, которая появилась как околдовавшая всех людей Венера, прекрасная небесная богиня, с восхищением взиравшая на земные творения Соломона. Ее посещение и есть та самая загадка, которую надо было разгадать.

Все это и еще многое другое легко разгадали бы бедуины Аравии, так же как и дети Израиля, три тысячи лет назад, без всяких комментариев, так как для них сказки были еще сказками, а не глупой действительностью ²².

*Арабские золотые бусы с изображением
лунного серпа и головы тельца*

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

И сказал Господь Моисею... внуши народу (тайно), чтобы каждый у ближнего своего и каждая женщина у ближней своей просили вещей серебряных и вещей золотых (и одежд).

II кн. Моисея, 11, 1, 2

С конца XIII века до н. э. для Египта начинается новое время. Фараоны и прежде всего знаменитый, правивший в течение 67 лет Рамзес II переносят свою резиденцию в Нижний Египет, чтобы облегчить себе защиту от вторжений, которые грозили стране прежде всего со стороны хеттов, затем от «морских народов» и филистимлян. Они стремились организовать оборону Египта не у весьма отдаленных Фив, а у дельты Нила, непосредственно у ворот Египта. Из-за этого Фивы теряют свое прежнее значение. Амон с бараньей головой постепенно также теряет свое прежнее главенствующее место.

Однако здесь действовали не только политические и стратегические причины. Рамзес II создает в Мемфисе кладбище священных быков.

Далеко на юге, близ границы с Суданом, у Абу-Симбела, глубоко в скале сооружает он святилище. Перед его фронтоном поднимаются четыре сидящих великана — 20-метровые фигуры, которым приданы черты царя. В самой горе находится несколько следующих один за другим огромных залов.

Первый из них поддерживают восемь десятиметровых статуй, изображающих бога Осириса. Росписи на потолке — звезды и крылатые грифы, великолепные фрески на стенах со сценами, изображающими знаменитую битву с хеттами при Кадеше,— все в Абу-Симбеле говорит о власти и славе царя. В самом святилище он стоит как один из четырех находящихся там изображений богов.

Хотя имя солнечного бога все чаще встречается на стенах храмов, но Египет все-таки дальше, чем когда-либо раньше, стоял от религии солнца. Амарна, солнечный город Эхнатона, продолжает использоваться в качестве каменоломни. Ты-

сочи известковых блоков спускали оттуда по течению Нила к западному берегу реки в Гермополис. Там их использовали для постройки храма, посвященного лунному богу Тоту.

Лунный бог из Гермополиса

В течение 1930—1939 годов, за семь раскопочных сезонов, немецкая экспедиция в Гермополисе пыталась проникнуть в тайну лунного бога Тота. Многочисленные немецкие археологи, историки древности и архитекторы поставили своей задачей исследовать руины стен, ворота и храмы Гермополиса.

Древняя земля раскрывала перед ними одну строительную эпоху за другой. То, что не могут рассказать ученым разбитые камни и кирпичи, говорят надписи на памятниках многочисленных фараонов. Рамзес III заявил: «Я оказал много милостей в Гезрете (Гермополис) моему отцу Тоту. Я построил ему новый дом на переднем дворе»; это была тайная молельня.

Этот же фараон превращает лунное святилище Тота в крепость со стенами 15-метровой высоты, башнями и переходами, чтобы «задержать жителей пустыни и Ливии, которые переходят через свои границы уже с давних времен».

«Отец Тот» — «отец Луна» — вот какова была форма обращения к богу в течение многих веков и даже в IV веке н. э. Нектанебус I говорит: «Великий соорудил дом для своего отца Тота, дважды великого, бога из Шимуна (Гермополис), великого бога, который вышел из носа Ра (т. е. солнца), создателя его красоты».

Под Гермополисом сохранился целый подземный город. Египтянин Сами Габра исследовал эти таинственные постройки в течение 20 лет на площади в 15 гектаров. У входа в подземные коридоры с ответвлениями и перекрестками сохранились остатки каких-то кирпичных сооружений. Эти помещения некогда использовались жрецами для своих архивов. Кроме того, были обнаружены особые помещения для бальзамирования трупов священных птиц, посвященных Тоту, — ибисов.

Нет, это уже были не рога, змеи или рыбы — для Тота предназначались птицы, которые каждый год прилетали в Египет, когда вода в Ниле поднималась. И, как сообщает Геродот, ибисы были как раз врагами змей. Но тем не менее они считались сейчас более священными, чем когда-либо

раньше. Кто убьет ибиса, «будь то намеренно или случайно, — отмечает отец истории, — тот неизбежно будет обречен на смерть».

Египетские катакомбы

Габра, египетский исследователь, в течение многих лет раскапывал бесконечные низкие и узкие ходы, которые были построены, вероятно, в середине II тысячелетия до н. э. и с тех пор постоянно строились дальше. Они напоминали римские катакомбы и, разветвляясь в разных направлениях, образовывали целый подземный лабиринт. В стенах этих ходов повсюду были пробиты ниши, где стояли кувшины и гробы с мумиями священных ибисов. Второе священное животное, которое хоронили в катакомбах Гермополиса, оказалось павианом — обезьяной с собачьей головой.

Страшен был этот город мертвых, и особенно страшна сила религии, которая сначала нашла лишь внешние связи между небесными и земными животными — в изображении рогатых быков и других подобных существ. В дальнейшем эти представления все более усложнялись, как показывает пример с ибисами.

Еще более зловеща та упорная последовательность, с которой хоронили трупы этих священных птиц в подземных ходах Гермополиса. Там насчитали более четырех миллионов погребальных сосудов.

О культе животных в древнем Египте говорят также кладбища кошек в Бубастисе и Саккара, обезьян — в Фивах, крокодилов и особенно священного быка Аписа — в Мемфисе с громадными каменными саркофагами.

Поэтому, видимо, оставила свой след в древней звездной религии Египта и легенда о золотом быке, которого почитали в городе Гелиополисе, в 8 километрах от Каира, потому что Атум, бог этого города, когда-то принимал образ быка.

Из Гелиополиса, как говорит Библия, пришел не только Моисей, но и дочь жреца, которую Иосиф взял себе в жены. Близ руин города расположилась сегодня деревня Матария, где растет сикомор, под которым отдыхал другой Иосиф, земной отец Иисуса, со своей женой Марией и сыном. «Так старое сливается с новым, ибо история всегда в какой-то степени присутствует в мифе, и с ним она остается в памяти человеческой», — отмечал Л. Ранке²³.

Мифу, а не сухой истории больше доверяет сердце верующего, и в нем он обретает большую уверенность.

В 1896 году Флиндерс Петри обнаружил в руинах храма мертвых в Фивах памятник, который сегодня находится в Каирском музее.

Когда египтологи дешифровали иероглифы, они оказались перед лицом новой сенсации. На памятнике в честь победы фараона Мернептах впервые в истории Египта появилось имя Израиль: «захвачен Ханаан со (?) всеми врагами, пленен Аскалон, разрушен Гезер и Иеноам, уничтожен Израиль, там не осталось (более) ни одного семени...»

Когда? Немного есть фараонов, правление которых изучалось бы с таким интересом, как правление Мернептах, вырезавшего эту надпись в память победы на пятый год своего царствования — около 1200 года до н. э. Но как связать утверждение о том, что израильский народ был уничтожен в 1220 году до н. э. с данными Библии?

С тех пор предприняты многочисленные попытки воссоздать историческую картину, которая отвечала бы обоим источникам. Так, например, считают исторически возможным, что Иосиф, которого, как известно, его братья продали в Египет, был взят в плен, когда Мернептах и его победоносное египетское войско отправили в Египет множество пленных из Ханаана.

В Египте после этого образовались целые семитские объединения и семейные союзы. Некоторые из этих людей жили там уже со времен Авраама и господства гиксосов, когда египетское государство на время осталось неуправляемым. При этом вполне возможно, что эти дети Израиля были обречены на подневольный труд.

Библия и папирус Гарриса

В руинах города Танис-Аварис, города фараона Рамзеса, в 650 километрах юго-западнее Порт-Саида, у современной деревни Сан (библейский Цоан), начиная с 1932 года вели раскопки французские ученые под руководством Пьера Монте. Там, наверное, дети Израиля сгибались под непосильным трудом. Исследователи обнаружили множество памятных камней с именем Рамзеса II. Зимой 1938/39 года в этих местах была найдена могила фараона Шешонка I (X в. до н. э.). Его мумия лежала в серебряном гробу, украшенном головой сокола. Голову трупа покрывала золотая маска.

Так называемая «стела Израиля» из «храма мертвых» в Фивах

Это был тот фараон, которого Библия называла — «Сусаким». Он напал в 926 году до н. э. на Иерусалим и разгромил храм умершего царя Соломона. «Он все взял,— сообщает Библия,— взял и все золотые щиты, которые сделал Соломон» (III кн. Царей, 14, 26).

Может быть, золото, найденное в гробнице фараона, было взято из храма Соломона. Ведь история часто обладает большей фантазией, чем миф. Там, в Танисе, где дети Израиля жаждали получить свободу, по-видимому, господствовал несколько лет некий Ирсу. О нем рассказывает 39-метровый папирус Гарриса. Ирсу приехал из Сирии и вступил на трон примерно в 1202—1200 гг. до н. э. Но ведь и Иосиф прибыл, хоть и не прямо из Сирии, а из Ханаана и по воле какого-то неизвестного фараона был наделен властью.

Библия говорит, что Иосиф семь лет наполнял житницы страны. Папирус Гарриса сообщает, что Ирсу вынудил всю страну выплачивать ему дань.

Папирус сообщает далее, что сириец объединил своих сообщников для грабежа. Библия описывает, как Иосиф пригласил своих братьев и обогатил их. Она не забывает отметить и тот факт, что, когда дети Израиля вышли из Египта, они отобрали у египтян серебряные и золотые изделия и одежду (II кн. Моисея, 12).

В египетском папирусе далее сообщается, что сириец обращался с богами, как с людьми, и прекратил жертвоприношения в храмах.

Это действительно довольно туманное место. Но не можем ли мы отождествить Сета, главного бога Танис-Авариса, с третьим сыном Адама из Библии?

И не напоминает ли сам Адам, первый человек на земле, согласно Ветхому завету, того бога из Гелиополиса, который назывался Атумом и изображался в виде быка?

Если извлеченный из гробницы фараона папирус действительно имел в виду, что сириец Ирсу очеловечил египетских богов, то первыми библейскими людьми были, очевидно, египетские боги!

Возможно, что образ молодого быка — Иосифа, самого рогатого среди своих братьев, мать которого — Рахиль — умерла в Вифлееме, по времени стоит близко к другой известной фигуре Израиля, который решительно выступал против золотого тельца — к Моисею.

В папирусе Гарриса сказано, что время анархии, наступившей в конце XII века до н. э., было характерно не только необычайной дороговизной, о которой сообщает и Библия, но и годами, когда «один убивал другого, будь то среди знати, будь то среди простых людей».

И опять удивительное сходство с сообщением Библии, которое говорит об упоминаемом Моисеем убийстве египтянина, а также рассказывает о том, как Моисей напрасно пытался примирить двух поспоривших между собой евреев.

Кто хорошо знаком с сочным, веским языком Библии, тот понимает, что такие параллели не возникают от случайно услышанных от кого-то сообщений, а характеризуют реальные исторические события: в Египте действительно господствовала анархия; о ней упоминает и папирус Гарриса.

Во время этих раздоров дети Израиля покинули страну на Ниле. Они взяли с собой останки умершего Иосифа, положив их в священный ларец. Нет смысла рассуждать о том, был ли это действительно весь народ Израиля или только часть его, которая позднее, уже в Ханаане, консолидаризовалась в израильский народ, важнее найти подтверждение уходу из Египта в древней культуре, истории, туманной религиозной мысли. Так, библейская история о детстве Моисея непосредственно приближается к вавилонскому рассказу о юности великого аккадского царя Саргона III тысячелетия до н. э. «Моя мать, — говорит рассказ, — была жрицей («невестой бога»), своего отца я никогда не знал... Меня родила моя мать, жрица; она тайно произвела меня на свет, она положила меня в корзину из камыша и залила отверстие смолой. Она предала меня реке (Евфрату), которая не погубила меня. Река унесла меня...».

Итак, этот древний вавилонский миф, связанный, видимо, с религией звезд, напоминает нам историю детства Моисея, воспитанного в Гелиополисе, городе быка Атума, «всей мудростью египтян», после того как царская дочь нашла его в залитой смолой корзине, плавающей по воде.

Было бы неправильно, однако, сделать при этом вывод о недостоверности сообщения Библии. Если иметь в виду особенности мышления того времени, то Ветхий завет, видимо, тоже не отступает от истины. И когда Библия говорит, что Моисей по повелению господина не мог войти в славную страну, в которую он привел детей Израиля (он должен был умереть), а некоторые специалисты-теологи утверждают, что

Моисей вместе со всей своей семьей был убит в Хиттуме, что против Иерихона, когда он в период борьбы за золотого тельца оказал сопротивление древнему культу, то в этих фактах нет серьезного противоречия.

У Синая

Существует мнение, что название Синай происходит от имени вавилонского лунного бога Син. Отсюда становится ясно, почему в библейском рассказе гора законов Синай так тесно связана с событиями, касающимися золотого тельца.

Золотого тельца создали еще у горы Синай из золотых даяний народа: «И сказал им Аарон: выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите мне. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих и принес к Аарону. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!» (II кн. Моисея, 32, 2—4).

Сияние лунного диска вывело народ Израиля из Египта. В 1927 г. Британская школа египетской археологии одной из первых начинает раскопки на Синайском полуострове. Некоторое время спустя американский языковед Олбрайт поднимается на крутые скалы Серабит-эль-Хадема, чтобы исследовать древнейшие египетские шахты для добычи бирюзы, на стенах которых сохранились надписи. За несколько десятилетий до этой экспедиции их обнаружил Петри. Олбрайт доказывал, что обнаруженные знаки относятся к одному из языков ханаанской группы, на котором, вероятно, говорили Авраам и Иосиф или Моисей.

Сама гора Синай задает много загадок ученым, так как Библия считает, например, что она представляла собой время от времени просыпающийся вулкан. В то же время на Синайском полуострове во времена Моисея уже не было действующих вулканов. К моменту открытия надписей уже не существовало ни одной горы, начиная от Южной Палестины и до Египта, которую не считали бы той самой горой, на которой израильтяне получили свои законы. Религия, конечно, придерживается предания и считает — правда, с уверенностью начиная лишь с IV века, — что гора, на которой Моисей получил десять законов, — гора Моисея — это Джебел Муза, расположенная между Суэцем и Акабой.

	Египетские иероглифы	Синайские	Северо-семитские	Южно-семитские	Еврейские названия и значения отдельных знаков
(Бык)					āʿef (Бык)
(Дом)					bēth (Палатка; Дом)
(Угол)					gimel
(Дверь)					dāleth (Дверь)
(Радоваться, высокий)					hē hēth
(Опора)					wāw (Крюк; Гвоздь)
(Сани)					zayin (Оружие?)
?					tēth
(Рука)					yōdh (Рука)
(Растение)					kaf (Раскрытая рука)
(Веревка)					lamed или labad (Колычка или шерсть?)
(Вода)					mēm (Вода)
(Змея)					sūdsem, nahās (Змея)
(Рыба)					sāmekh (Рыба)
(Глаз)					ayin (Глаз)
(Рот)					pē (Рот)
(?)					sādē
(?)					gof (Затылок?)
(Голова)					rēš (Голова)
(Гора)					šīn (Зуб)
(Крест)					tāw (Знак)

Развитие семитского буквенного письма

Современный турист уже не добирается до Синая с караванами в течение нескольких недель, как бывало еще в начале нашего века, а мчится на протяжении всех 400 километров из Каира по шоссейной дороге в комфортабельном автомобиле, чтобы затем со стонами и оханьем подняться вверх, отсчитав 2000 ступеней.

Здесь, на вершине, стоит сегодня рядом с мусульманской мечетью молельня Моисея. Отсюда туристов обычно ведут в пещеру, где Моисей, согласно библейской легенде, провел 40 дней. Это как раз то среднее время, которое, по мнению древних, нужно было звездам, чтобы снова появиться в лучах солнца.

Но современный человек этого уже не может понять. Он смотрит в пещеру и всему удивляется.

Что же написано в Библии?

Ах да, — «моего лица ты не должен увидеть».

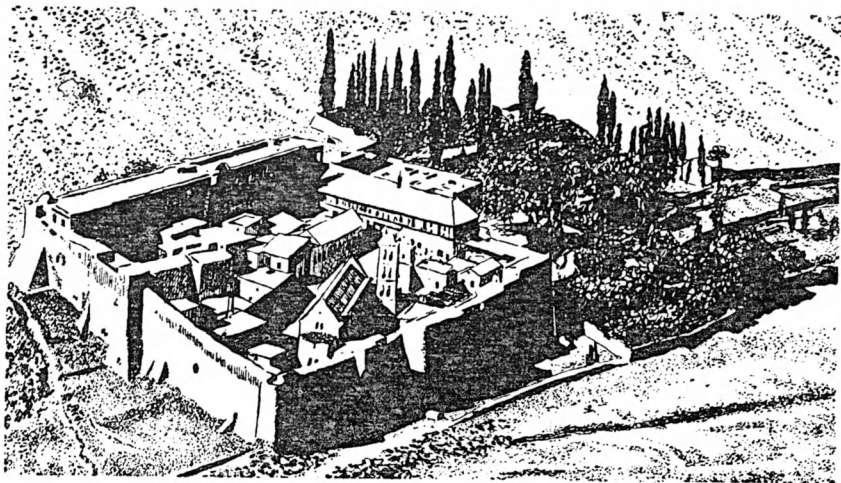
Как интересно! И как жаль!

С некоторым недоумением туристы спускаются по этим 2000 ступеней. Здесь, в одном из ущелий, расположился монастырь св. Екатерины. Это целый комплекс зданий IV века н. э., напоминающий крепость. Монастырь стоит якобы на том самом месте, где рос пылающий терновник, откуда «Господь говорил с Моисеем». Там же показывают священное дерево, которое будто бы выросло из волшебного жезла Аарона (его можно было превратить в змею).

Короче: язык звездной религии, который был когда-то языком Библии и имел в первую очередь в виду небо и его чудеса, изменился. Он стал светским, стал рассказывать о подлинных, вполне земных событиях, которые можно понять и прочувствовать без особого умственного напряжения.

Монастырь

Он получил свое имя от святой Екатерины. Во времена преследования христиан, как говорит легенда, она вела диспут о сущности христианской веры с пятьюдесятью самыми образованными философами-язычниками, переубедила их и обратила в верующих христиан. Император Максенций приговорил ее за это к смерти. Екатерину привязали к колесу; но здесь свершилось чудо — колесо распалось. Тогда ей отрубили голову. Перед смертью она просила Господа сделать так, чтобы ее тела не смогли найти. И эта молитва была услышана. Ангелы унесли убитую святую на гору Моисея.

Монастырь св. Екатерины

Несколькими веками позднее там нашли ее тело. Монахи монастыря каким-то внутренним чувством опознали «святую».

Ее череп и одну руку в серебряной шкатулке, богато украшенной драгоценными камнями, еще и сегодня в особых случаях показывают туристам.

В монастыре сохранилась богатая коллекция библейских рукописей. Группа ученых (18 человек) из США, Европы и Передней Азии в течение одного года исследовала, каталогизировала и фотографировала их.

Так современный человек встречается с человеком прошлого. Они почти не понимают друг друга. Но понять человека прошлого — это действительно нелегко. Ибо его язык чаще всего представляет собой искусственный набор слов, содержащий древние символы и загадки. Можно достичь совершенства, изучив все правила грамматики и орфографию этого языка, но его духа мы все равно не постигнем.

В монастыре св. Екатерины еще чувствуется присутствие этого духа. Там живут сейчас две дюжины монахов (раньше их было 400). Их жизнь проходит в глубоком прошлом; каждое утро в 3 часа 45 минут поднимает их звон большого монастырского колокола. Их души откликаются на него. 33 раза звонит колокол — по одному удару за каждый год жизни Христа.

Поняв, что и человеческий разум имеет свою историю — молодость, бурное развитие, приносящее поразительные успехи, с которыми чаще всего сталкивается археология, и старость, — поняв все это, мы можем покинуть наконец исследующих Передний Восток и копающих там археологов.

Невозможно рассказать обо всем. Не обязательно рассказывать и о гареме Рамзеса III в Мединет Абу, о внутренних помещениях этого громадного крепостного и храмового сооружения на левом берегу Нила против Фив. Их построили в те времена, когда дети Израиля уже покинули Египет и нашли себе нового бога у горы Синай. Интересно все же отметить, что каждое помещение для дамы из гарема в Мединет Абу, построенное три тысячелетия назад на Ниле, состояло из двух комнат с ванной и проточной водой. И как все современно!

А сейчас тысячи феллахов, выкапывающих из 20-метровой глубины песка пустыни близ Фив древнего сфинкса, уже не привлекают особенного внимания.

Конечно, найти можно еще очень много, например до сих пор не обнаруженную гробницу Клеопатры. Какая это будет сенсация, если ее найдут!

И все же мы приближаемся к какому-то концу. Постепенно исчезнут храмы в Филэ, затопленные Нилом, и множество дворцов древних фараонов навсегда скроется под водой сооружаемых водохранилищ. И туристу, желающему пополнить свое образование, нельзя будет уже прочитать на стенах в Филэ, что «этот храм построен тогда, когда ничего еще не было построено и земля лежала во тьме!».

Скоро он, одетый в элегантный тропический костюм, уже не сможет с легкой дрожью в сердце осматривать камни, на которых вплоть до времен Юстиниана приносили в жертву людей.

Хорошо еще, что в Среднем и Нижнем Египте можно многое раскопать и обнаружить. В течение двух лет (1949—1951) американские институты сфотографировали все рельефы и надписи в скальной гробнице Рамзеса VI из Долины царей, издав их затем в превосходно оформленных книгах. Но кого это теперь интересует?

В 1946—1947 годах Цаки Саад находит несколько сотен могил на одном из кладбищ южнее Каира, которые, видимо, относятся к древнейшей истории Египта. В 1953 году англи-

чанин Вальтер В. Эмери нашел гробницу древнейшего царя Вадъёета и 60 одиночных могил, примыкающих к ней.

Но все это почти ничего уже не решает. Дальнейшая судьба predetermined. В один прекрасный день последний ученый закончит свою работу в Египте, потому что там уже ничего нельзя будет найти.

Прощание с духом

И все-таки это было нужно!

В наше время немыслимо понять историю человечества без использования всех достижений археологии. Ибо она обратила наше внимание не только на каменных свидетелей истории, но и на огромные усилия того духа, который их создал.

Этот дух бессмертен!

«На верхнем Ниле,— говорит В. Г. Хильде²⁴,— еще и сегодня живут люди, которые очень напоминают древних египтян строением своего тела, размерами черепа, сходством языка и одежды. Над ними властвуют волшебники и обоже- ствленные цари, которым до недавнего времени приносили жертвы...»

В своем гигантском развитии человеческий дух на протяжении всего лишь нескольких поколений поднялся на недосягаемую высоту. На Евфрате и Тигре, в Малой Азии и Сирии создал он для себя новый мир и далеко ушел от человека с примитивным мышлением. Он начал изучать язык небес и понял его так ясно и быстро, как будто до него дотронулись волшебной палочкой. Из поколения в поколение, из века в век, применив титанические усилия, возводил он величественные обелиски, прекрасные храмы и грандиозные царские гробницы. Не следует, однако, преувеличивать тот факт, что он быстро растратил при этом всю свою могучую силу, что он устал, как устали народы Месопотамии, Малой Азии и Сирии.

Нет, это как раз не так уж важно!

Пусть мы, изучая погребальные надписи, начинаем замечать неуверенность, падение жизнерадостности, отупение страждущего человека, его фанатичность, его самоуверенную обособленность и, наконец, его слепую веру в чудеса, оракулов и призраков, к которой он пришел, когда его разум не находил иного выхода. Нет, все это еще не было окончательным и решающим!

Бедность, убожество и отсталость, которые и сегодня властвуют над миром, ничего еще не решают. Хотя оценка уважаемых египтологов, пытающихся определить позднеегипетскую культуру как важнейшую во всем развитии страны, раскрывает перед нами убогую картину жизни мертвого, неспособного уже к созиданию народа и выглядит уничтожающе, но все-таки исторически доказано, что человек даже и при таких условиях может обладать богатырской силой.

Какую же роль играют заблуждения в многовековой культурной истории человечества? Их все можно легко преодолевать до тех пор, пока человек уверен в своих силах! Осознать эту силу — одна из основных проблем и задач археологии нашего времени!

Тогда можно делать вывод о том, что египетские произведения искусства приходят в упадок, что они разрушаются или уничтожаются. Почти 30 000 предметов египетского искусства, как сообщила одна парижская газета, гибнут в подвалах Лувра.

В то же время в ряде современных музеев Америки и Европы египетские древности хранятся исключительно бережно. В мраморных залах, где поддерживается постоянная температура, они предстают перед человеком нашей эпохи как знаки вечного поиска в жизни. Древности, вырванные из враждебного, покрывающего все вокруг песка долины Нила, песка, который, как говорил Вилль Дюрант, «знойный ветер разносит по пустыне и со свирепой решительностью в конце концов хоронит все под собой».

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Рильке, Райнер Мария (1875—1926) — австрийский поэт; автор сб. стихов «Книга часов» (1905, русск. пер. 1913) и др.

² Ной — мифический библейский патриарх. Согласно легенде, во время всемирного потопа погибло все человечество, кроме Ноя и его семьи, спасшихся в ковчеге.

³ Авраам (букв. «отец высок») — мифический родоначальник еврейского и ряда других народов, упоминаемый в Библии.

⁴ «Обетованная» земля — Библия понимает под ней Палестину (страну Ханаан), куда, согласно легенде, бог привел евреев после их скитания в пустыне.

⁵ Иосиф — в Библии сын Иакова, проданный своими братьями в Египет и ставший там одним из приближенных фараона.

⁶ Иаков — библейский персонаж, внук Авраама, позднее принявший имя Израиль.

⁷ Моисей — мифический пророк, законодатель, который вывел евреев из Египта.

⁸ Синай — гора, где, согласно библейской легенде, бог Яхве вручил Моисею десять заповедей.

I. НА ЕВФРАТЕ И ТИГРЕ

¹ Автор имеет здесь в виду К. Керама и его книгу «Боги, гробницы, ученые», в 1960 г. вышедшую в русском переводе.

² Дур-Шаррукин (аккад. «крепость Саргона»). Саргон II объяснял свое имя как Шарру-кену — «царь законный», отсюда Шаррукин.

³ Аккадский (иначе вавилоно-ассирийский) язык — ныне мертвый язык трех древних вымерших или ассимилировавшихся семитских народностей: аккадцев, вавилонян и ассирийцев. Подробнее о нем см. Л. А. Липин, *Аккадский язык*, М., 1964.

⁴ Издавались аккадские клинописные тексты, хранившиеся и в русских музеях. Следует упомянуть большой труд русского ассириолога М. В. Никольского (1848—1917) *Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н. П. Лихачева эпохи династии Агаде и эпохи династии Ура* («Древности Восточные. Труды Восточной комиссии

Московского археологического общества», т. V, М., 1915); издание так называемых каппадокийских текстов В. С. Голенищева (1856—1947); работу М. В. Никольского *Ассирийские клинообразные тексты с транскрипцией и подстрочным русским переводом*, М., 1883, и др.

Подробнее о дешифровке клинописи см. Л. А. Липин и А. И. Белов, *Глиняные книги*, Л., 1956; И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, М., 1961.

⁵ Миф о потопе из эпоса о Гильгамеше в переводе на русский язык Л. А. Липина опубликован в книге «Хрестоматия по истории Древнего Востока» (М., 1963).

⁶ Эламиты — жители древнего государства, граничившего на востоке с Вавилонией и Ассирией; неоднократно нападали на Ассирию.

⁷ Законы Хаммурапи — кодекс вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), отражающий структуру раннерабовладельческого общества. Опубликован в русском переводе в книге «Хрестоматия по истории древнего Востока» (М., 1963).

⁸ Зиккурат — ступенчатая башня или пирамида, характерная для Вавилонии и Ассирии.

⁹ Синкретические существа — слитные, нерасчлененные образы легендарных животных, возникающие в результате слияния различных верований, характерных для древней религии.

¹⁰ Стратиграфия — в археологии порядок расположения культурных слоев и древних погребений по отношению к геологическим напластованиям и друг к другу.

¹¹ Халдеи — семитская народность, обитавшая южнее Вавилонии. В первом тысячелетии до н. э. они неоднократно вторгались в Южное Двуречье. В 626 г. до н. э. халдеец Набуполасар захватил вавилонский трон; в связи с этим вавилонян часто называют халдеями.

¹² Историей Лагаша много и плодотворно занимался в СССР академик В. В. Струве (см. *Государство Лагаш XXV—XXIV вв. до нашей эры*, М., 1961).

¹³ Данное сравнение не выдерживает критики. Не следует забывать, что «пионеры Америки» расправились с индейцами «огнем и мечом», загнав их в конце концов в резервации, а не «ублажали» их способами, «которые пришлось им по вкусу».

¹⁴ Большой вклад в исследование истории Двуречья Евфрата и Тигра внесли советские шумерологи: акад. В. В. Струве, акад. А. И. Тюменев, проф. Н. М. Никольский, доктор ист. наук И. М. Дьяконов, занимавшиеся главным образом социально-экономическим изучением истории Шумера. Так, И. М. Дьяконов, в 1959 г. опубликовал труд «Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер», получивший широкое признание советских и зарубежных ученых.

¹⁵ Подробнее о школах в древнем Шумере см. в чрезвычайно интересной книге американского профессора С. Крамера, *История начинается в Шумере* (рус. пер. под ред. акад. В. В. Струве, М., 1965).

¹⁶ Пиктографическое письмо — тип письма, в котором для передачи речи применяются рисунки (пиктограммы), обозначающие не отдельные слова, а целые сообщения.

¹⁷ Раскопки в Уре халдейском проводил английский ученый Леонард Вулли. Его книга «Ур халдеев» в 1961 г. опубликована в русском переводе. Здесь и далее Э. Церен цитирует эту книгу.

¹⁸ Лазурит, или ляпис-лазурь, — поделочный темно-синий минерал с фиолетовым или зеленоватым оттенком. Применяется для изготовления украшений.

¹⁹ Электрон — сплав золота и серебра.

²⁰ Согласно библейской легенде, золотого тельца сотворили себе израильтяне и возвели его в культ, за что их и «покарал господь».

²¹ Большой вклад в исследование шумерского языка внесли русский ученый Б. А. Тураев и советский ассириолог В. К. Шилейко. Эту работу в СССР продолжили В. В. Струве, Л. А. Липин, И. М. Дьяконов и др.

²² Это утверждение автора совершенно неверно; русские археологи исследовали памятники материальной культуры много раньше, еще с конца XVIII в.

II. ОТ ТРОИ К МЕРТВОМУ МОРЮ

¹ Последними исследованиями установлено, что в Трое было 12 слоев. Троя, описываемая в «Илиаде», лежала в VII слое. Подробнее об исследованиях Трои смотри работы советских ученых: С. И. Ковалев, *История античного общества*, ч. 1—2, Л., 1936—1937; В. С. Сергеев, *История Древней Греции*, изд. 3, под ред. Д. П. Каллистова и В. В. Струве, М., 1964; *Древняя Греция*, под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956; С. Я. Лурье, *История Греции*, ч. 1, Л., 1940; С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.—Л., 1957, и др.

² По мнению советских ученых, древнейшая область распространения племен, говоривших на индоевропейских диалектах, находилась в южной части Восточной Европы — к северу от Черного и Каспийского морей. Из этой области они продвинулись на юг, в Восточное Средиземноморье и Переднюю Азию. Здесь они испытали влияние древних культур Средиземноморья и Ближнего Востока. Последовательность перемещения хеттов в Малую Азию остается неизвестной, но языковые данные говорят о том, что в III—II тысячелетиях до н. э. они уже жили в Малой Азии. Подробнее об этом см. В. В. Иванов, *Очерки истории и культуры хеттов*, — в кн. К. Керам, *Узкое ущелье и черная гора*, М., 1962.

³ Стремление найти «обоснование» библейских сказаний, доказать историчность библейских персонажей начала I тысячелетия до н. э. пока не получило бесспорных научных подтверждений.

Предположения автора о проникновении в Египет племен, говорящих на индоевропейских языках, лишено всякого основания.

⁴ В СССР исследованием хеттского языка плодотворно занимается В. В. Иванов.

⁵ Десять заповедей — сформулированные в Ветхом завете (Библия) морально-религиозные предписания, начертанные богом Яхве на каменных скрижалях (плитах) и врученные Моисею на горе Синай.

⁶ Ваал — главный финикийский бог, властитель бури, грома, молнии, дождя. Культ Ваала связан с человеческими жертвоприношениями, поэтому он и считался «злым богом».

⁷ Ахав — израильский царь 876—854 гг. до н. э. В Библии — жестокий и, хитрый царь, насаждавший культ Ваала-Астарты и преследовавший «пророков». Был убит во время войны с сирийским царем Бенгадатом II.

⁸ Яхве — иудейский бог стихий, грозы, огня, воды. Он будто бы обитал на горе Синай. Первоначально древние евреи считали его одним из многочисленных богов, но с возникновением иудейского рабовладельческого государства он превращается в единственного небесного царя, освящавшего власть земных царей.

⁹ Эл — общесемитское обозначение понятия бог; один из наиболее почитаемых еврейских богов до установления монотеизма.

¹⁰ Царь Давид — по Библии второй израильский царь (X в. до н. э.). Библия изображает Давида вероломным и кровожадным правителем, но при этом прославляет его.

¹¹ Эдда — памятник древней скандинавской литературы, сборник мифологических и героических песен IX—XII вв., выдающийся образец народной поэзии.

¹² Гёrrес И. И. (1776—1848) — немецкий политический деятель и публицист, сторонник объединения Германии с представительным образом правления. Издавал произведения немецкой и персидской поэзии.

¹³ Константин Великий — римский император (306—337), предоставивший христианам свободу вероисповедания.

¹⁴ Бар-Кохба (букв. «сын звезды») — вождь восстания древних евреев в 132—135 гг. н. э. против римского господства в Палестине.

¹⁵ Авимелех — библейский персонаж, один из вождей древнего народа филистимлян, насадившего восточное побережье Средиземного моря, к югу от Финикии.

¹⁶ Мегалитические памятники — сооружения культового характера из огромных камней, восходящие в основном к III—II тысячелетиям до н. э. К ним относятся: дольмены — древние погребальные сооружения из нескольких каменных глыб и плит и менгиры — неотесанные продолговатые камни, поставленные вертикально.

¹⁷ «Книга мертвых» — в древнем Египте собрание заклинаний и словословий богам. По верованиям египтян, «Книга мертвых» якобы обеспечивала мертвецу выход из гробницы, безопасность и счастье на том свете.

¹⁸ Сети I — второй фараон XIX династии. По принятой советскими исследователями хронологии, царствовал примерно в 1337—1317 гг. до н. э., а не в 1317—1301 гг., как это утверждает автор.

¹⁹ Эллинизм — условное название периода античной истории с 334 до 30 г. до н. э. — от походов Александра Македонского до завоевания Египта римлянами. Характеризовался высоким уровнем развития рабовладельческого общества, а также синтезом древнегреческой и восточной культуры.

²⁰ Согласно библейской легенде, Содом и Гоморра — два города древней Палестины, разрушенные землетрясением и «огненным дождем» за грехи жителей. Господь решил спасти лишь наиболее праведного из них и его семью, но запретил им оглядываться на горящие города. Любопытная жена Лота оглянулась и превратилась в соляной столб.

²¹ Имеется в виду Саргон II.

²² Герод Великий (62 г. до н. э. — 4 г. н. э.) — царь Иудеи, вместе с Брутом и Кассием участвовал в заговоре против Юлия Цезаря. В 20 г. до н. э. восстановил дворец в Самарии, превратив его в одно из прекраснейших сооружений своего времени. В Новом завете — Ирод.

²³ Иисус Навин — по Библии сподвижник Моисея. Согласно легенде, привел древних евреев в Палестину.

²⁴ Моавиты и эдомиты — племена, обитавшие в древности к югу от Мертвого моря.

²⁵ «Книга Иисуса Навина» и «Книга Судей» — части Ветхого завета.

²⁶ Э. Церен имеет здесь в виду оформление новой религии — иудаизма. В связи с формированием монархии в Израиле и Иудее начался процесс постепенного выделения из множества богов одного главного, племенного бога Яхве. Был окончательно установлен текст приписываемого божественному внушению закона (торы), якобы написанного мифическим Моисеем, куда вошли мифы и легенды, признанные «правоверными». Всякое отступ-

ление от тора и тем более поклонение другим богам были объявлены несовместимыми с истинной верой — иудаизмом. Израильтяне же и их цари не были приверженцами единобожия вплоть до окончательного оформления догматов иудаизма.

Учение иудаизма соответствовало интересам господствующего класса и служило орудием порабощения народа.

²⁷ Хизкия (Езекия) — царь Иудеи (8 в. до н. э.), возглавивший восстание против ассирийского царя Санхериба. Будучи осажден в Иерусалиме, потерпел поражение.

²⁸ Иевусеи — ханаанское горное племя, владевшее укрепленной крепостью в Палестине. Согласно Библии, было покорено Иисусом Навином, однако, сумело сохранить свою независимость. Только царь Давид смог окончательно разгромить их и взять крепость Иевус, которую он сделал столицей своего царства, назвав ее Иерусалимом.

²⁹ В 66 г. н. э. в Иудее вспыхнуло восстание евреев, направленное против Рима. Восстание было жестоко подавлено будущим императором Титом, который в 70 г. взял Иерусалим, разрушил его и продал в рабство около 70 тысяч человек.

³⁰ Каиафа — в Евангелии первосвященник.

³¹ Пилат (Понтий Пилат) — римский наместник провинции Иудеи в 26—36 гг. н. э., известный своей жестокостью. Согласно Евангелию при нем был распят Иисус Христос.

³² Гордон, Чарльз Джордж (1833—1885) — английский генерал, активно проводивший захватническую колониальную политику Англии. Был убит повстанцами во время подавления восстания в Судане.

³³ Историческая и археологическая науки не находят никаких подтверждений находки «яслей» или «поля пастухов». Не случайно Э. Церен говорит о противоречивости различных вымыслов по поводу их местонахождения.

³⁴ «Здесь дева Мария родила Иисуса Христа» (лат.).

³⁵ Это утверждение автора (также как на стр. 299) неверно. В результате археологических исследований последних лет на территории Палестины было найдено много древних памятников и документов.

³⁶ Подробнее о находке и исследованиях кумранских рукописей см. переведенную на русский язык научно-популярную работу немецкого писателя Г. Д. Штоля, *Пещера у Мертвого моря*, под ред. И. Д. Амусина, М., 1965. Первое сообщение в печати о кумранских рукописях появилось в 1948, а не в 1949 г.

³⁷ Кроме «Кодекса Кайренсиса» из известных нам до кумранских находок самых ранних древнееврейских рукописей Ветхого завета следует назвать рукопись Ветхого завета из Алеппо (X век) и «Кодекс Петрополитанус» (хранится в Ленинграде, 916 г.).

³⁸ В 1960—1961 гг. комплексная археологическая экспедиция Иерусалимского университета, Департамента древностей и Израильского археологического общества произвела систематическое исследование и раскопки пещер на западном побережье Мертвого моря. Всего было обследовано около 40 пещер. Наиболее ценные находки рукописей, относящиеся к восстанию Бар-Кохбы, были обнаружены в четырех пещерах. В 1963 г. новая комплексная экспедиция во главе с профессором И. Ядином начала раскопки в Масаде — крепости на западном побережье Мертвого моря. Было обнаружено много документов, связанных с осадой Масады римлянами после взятия ими Иерусалима в 70 г., в том числе рукопись кумранского происхождения.

С 1948 г. началась публикация кумранских рукописей как в официальном издании серии «Discoveries in the Judean Desert» («Открытия в Иу-

дейской пустыне»), так и в отдельных трудах. Полностью изданы все фрагменты девяти пещер (1—3 и 5—10), продолжается публикация документов самой богатой, четвертой пещеры. Подробнее об этом см. в работах советского ученого-кумрановеда И. Д. Амусина: *Рукописи Мертвого моря*, изд. 2, М., 1961; *Находки у Мертвого моря*, М., 1964. «Устав» кумранской общины и дополнения к нему переведены на русский язык с обширным историко-филологическим комментарием К. Б. Старковой («Палестинский сборник», вып. 4 и 5 (67, 68), 1959, 1960 и др).

³⁹ Ессеи — иудейская секта, возникшая во II в. до н. э. Ессеи принимали участие в антиримском восстании; идеология их сыграла большую роль при последующем формировании христианства.

⁴⁰ Плиний Старший (23—79) — древнеримский писатель и ученый, известный своим трудом «Естественная история» в 37 книгах.

⁴¹ Метод С-14 стал широко применяться за последнее время в археологии для датировки различных находок. Он основан на том явлении, что все живые организмы как растительные, так и животные поглощают радиоактивный углерод С-14. После смерти организма содержащийся в нем углерод подвергается медленному распаду, происходящему в неизменной пропорции. Если точно измерить количество С-14 в органическом веществе, можно вычислить время, когда в организм животного или растения перестал поступать тяжелый углерод и с известным приближением датировать ту или иную находку.

⁴² С точки зрения советских ученых (И. Д. Амусина и др.) изучение уже опубликованных кумранских рукописей позволяет установить многочисленные черты сходства кумранской общины с раннехристианскими общинами, но наряду с этим и существенные отличия, заключающиеся прежде всего в том, что в кумранской общине нет даже намека на основные догматы христианства. Окончательно решить этот вопрос можно будет, однако, только после опубликования всех документов.

III. НА НИЛЕ

¹ Подробнее о находке Розеттского камня и дешифровке египетских иероглифов см. переведенную на русский язык книгу немецкого писателя Э. Добельхофера, *Знаки и чудеса*, под ред. акад. В. В. Струве, М., 1963, а также работу К. Керама, *Боги, гробницы, ученые*, пер. с нем., М., 1960.

² Картер, Говард (1873—1939) — известный английский археолог, открывший гробницу Тутанхамона (подробнее о нем см. далее у автора).

³ «Бессмертные» Франции — члены Французской академии наук.

⁴ Среди русских ученых, внесших большой вклад в развитие египтологии, необходимо отметить В. С. Голенишева (1856—1947), открывшего для науки ценнейшие тексты папирусов Эрмитажа, и Б. А. Тураева (1868—1920), автора «Истории Древнего Востока» в двух томах (изд. 3, М., 1936) и работы «Египетская литература» (М., 1920). Их работу продолжили советские египтологи акад. В. В. Струве, впервые доказавший принадлежность древнеегипетского общества к рабовладельческой формации; Ю. Я. Перепелкин, исследовавший реформу Аменхотепа IV (Эхнатона); В. И. Авдиев, написавший работу по социально-экономическим отношениям и классовой борьбе в Египте; М. А. Коростовцев и Н. С. Петровский, занимающиеся египетской филологией; Д. Г. Редер, исследующий вопросы сельского хозяйства Египта, и др.

⁵ Этот вопрос автор трактует недостаточно четко. Как известно, египетское письмо содержит три вида знаков: слова-знаки, звуковые знаки

(буквы) и немые пояснительные знаки (детерминативы). Слова-знаки — передают понятие определенного предмета и действия; звуковые знаки — передают с помощью знаков одновременно и слово, благодаря существованию в египетском языке многочисленных омонимов — слов, имеющих одинаковые согласные, одинаковое звучание, но различное значение. Таким образом возникли «одногласные» звуковые знаки, появление которых знаменовало создание буквенного письма; пояснительные знаки (детерминативы) — добавочные знаки, предназначенные для четкого различения слов, звучащих по-разному, но писавшихся одинаково.

⁶ Арминий (17 до н. э.—21 н. э.) — предводитель германского племени херусков. Во главе группы германских племен вел упорную борьбу с римлянами, нанеся им в 9 г. н. э. поражение в Тевтобургском лесу.

⁷ Подробнее о египетских писцах см. работу М. А. Коростовцева, *Писцы Древнего Египта*, М., 1964.

⁸ Здесь и далее цитаты из Геродота даются по книге: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, т. I, II, М., 1888.

⁹ Читателю, желающему подробнее познакомиться с историей строительства пирамид и их загадками, рекомендуем обратиться к книге Ж. Ф. Лауэра, *Загадки египетских пирамид*, пер. с франц. М., 1966.

¹⁰ Название «Сакара» происходит от имени бога Пта-Сокар, покровителя некрополей.

¹¹ Мастаба (араб., букв. — «каменная скамья») — тип древнеегипетской гробницы представителей знати.

¹² См. его книгу «Потерянная пирамида», изданную в русском переводе под ред. И. С. Кацнельсона (М., 1959). М. З. Гонейм трагически погиб в 1959 г., утонув в Ниле.

¹³ Разгрузочные камеры — полые помещения, высеченные над основной погребальной камерой пирамиды для того, чтобы тяжелая кровля всего комплекса не обрушилась.

¹⁴ Здесь и далее автор говорит о восстании низов египетского общества. Причиной такого восстания было, конечно, не владычество фараонов «с белой кожей», как об этом пишет Э. Церен. Причины восстания кроются в социально-экономических отношениях того времени, когда на сцену выступает местная, нестоличная знать. Уже при IV династии областные правители занимают высшие должности в Египте вплоть до верховного сановника. К концу VI династии власть фараонов окончательно падает, обнажая резкие противоречия в египетском обществе. Фараоны не могли уже удержать в повиновении поработенные народные массы. К этому периоду относится первый распад Египта (2250—2050 до н. э.). Но вот когда началось восстание, пока неизвестно. Во всяком случае, по мнению акад. В. В. Струве, его можно отнести скорее всего к концу XIII династии, то есть уже к Среднему царству, а не к концу Древнего царства, как это утверждает автор.

¹⁵ Канопские вазы, или канопы, — специальные сосуды, в которые помещались при бальзамировании мозг и внутренности покойника.

¹⁶ Страбон (ок. 63 до н. э. — ок. 20 н. э.) — древнегреческий географ и историк; путешествовал по Греции, Малой Азии, Италии и Египту, создав труд «География» в 17 книгах.

¹⁷ Хатшепсут была мачехой и тещей Тутмоса III.

¹⁸ Дело здесь, конечно, не просто в религиозной реформе. Это была неудачная попытка служилой знати и мелких рабовладельцев полностью отеснить потомственную знать от власти и источников богатства.

¹⁹ По принятой советскими египтологами хронологии Аменхотеп IV

(Эхнатон) правил приблизительно в 1419—1400 гг. до н. э., то есть в XV, а не в XIV в. до н. э., как это утверждает автор.

²⁰ Подробнее о раскопках см. Г. Картер, *Гробница Тутанхамона*, М., 1959, в русском переводе под ред. И. С. Кацнельсона. Автор далее цитирует отрывки из этой книги.

²¹ Это неверно. Венера у арабов персонифицировалась в женском образе («прекрасная музыкантша»).

²² Легенда о царе Соломоне и Балкис известна и по еврейским письменным источникам, с которыми европейцы познакомились намного раньше, чем с «южноаравийской легендой». По еврейскому варианту, Соломон убедился как раз в обратном — у царицы Савской были «волосатые ноги».

Утверждения Церена о том, что три тысячи лет назад сказки «были еще сказками, а не глупой действительностью», неверно с точки зрения истории религии.

²³ Ранке Л. (1795—1886) — немецкий реакционный историк; занимался преимущественно историей Западной Европы XVI—XVII вв.

²⁴ Хильде В. Г. (р. 1892) — австралийский историк древнего мира. В 1927—1946 гг. — профессор древней истории и археологии Эдинбургского университета (Англия). Автор труда «События истории» (1942 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5

ВВЕДЕНИЕ

«Наука лопаты»	19
Черепки, надписи и историки. Загадки и игра слов. Разорвано на тысячу кусков. За ними стоит хотя бы раз проследить.	
Сын сапожника	35
И денег нет и спать приходится мало. Фаворит кардиналов. Почему его не забыли? Дарвин исследователей культуры. Отклик. Грамматика делает историю. Романтика.	

I. НА ЕВФРАТЕ И ТИГРЕ

Сказочная страна	49
Ботта ищет Ниневию. Версаль ассирийских царей. Дур-Шаррукин.	
Где была Ниневия?	61
Калах, город Нимрода. Иона, рыба и Ниневия. Тайна открывается. Как герой. Библиотека Ашшурбанапала. Увлечение кладоискательством.	
Как научиться читать?	75
Первые известия. Помощник учителя из Геттингена. Индогерманисты. Бехистун. Семитский язык. Что мы можем прочесть?	
Смит и всемирный потоп	88
Открытие Смита.	
Холмы врат божьих	93
Мене-текем на стене. Поручение. Подготовка. Царская крепость Навуходоносора. Ворота богини. В районе храма. Вавилонская башня. Несчастный Вавилон. Религиозный Вавилон. Его звезда опускается.	
Ашшур	109
В лунном краю. Ничто так не долговечно, как яма. В склепах царей Ашшура. Город храмов.	
Развивающаяся наука	121
Тепе-Гаура. Новые открытия. Вера в воскресение. Четверть миллиона документов. Мари и Библия. Семья Авраама.	

К истокам культуры	135
Почему Авраам покинул Ур? Рога из Суз. Консул из Басры. Правители Лагаша. Напрасные поиски. Рим шумеров. Библиотека в тростнике.	
Урук, город девственницы	151
Жизнь археолога. Город. На пороге цивилизации. Знаки бесписьменного времени. Символы из Урука. Лунные быки из Урука. Святыня Инанны.	
Смоляной холм	160
Семьдесят лет колебаний. Эль-Обейд. Бог Луны и его супруга. Башня Ура. Невесты бога. Богиня змей из Ура. Царские погребения Ура. Ларь. Шествие мертвецов. Корабли мертвецов. Усыпальница царицы. Шуб-ад. Царские похороны. Царский склеп PG/1237. Сводчатая усыпальница Мес-калам-дуга. Самое главное открытие Вулли.	
После всемирного потопа	190
О письменности. Творцы культуры. Поиски. Напали ли они на след? Индия — Китай — Южная Америка. С Кавказа?	

II. ОТ ТРОИ К МЕРТВОМУ МОРЮ

Сокровище Приама	203
Враги поднимают голову. Троянская война продолжается.	
Телль-Халаф	241
Не на жизнь, а на смерть. В аду лихорадки. Сфинкс из Телль-Халафа. Последние раскопки. Замыкается ли круг.	
Поиски «сынов Хетовых»	224
Иероглифы из Каркемиша. Как железнодорожник открыл Пергам. Змеи из Зинджирли. Царская крепость. Высоко в горах Анатолии. Клинописные таблички с берегов Нила. Винклер искал напрасно. Открытие. Город назывался Хаттусас. Жизнь, прожившая не зря. Большой сюрприз. Из Европы. Насколько близки жители Гессена и хетты? Таинственная рисуночная письменность. Как же в конце концов назывались хетты? За одно тысячелетие до основания Рима. Дальнейшие поиски.	
«Холм жажды»	253
Каменные глыбы в храме. Слой VII. «Укропный холм». Новые клинописные таблички. Язык Библии. Библейские боги.	
Археологи в «обетованной» земле	263
Подаренный город. Таинственный Гезер. Дети, принесенные в жертву. Пальцы Ашираты. Восемь золотых колец. Дуб Авраама. Башня из Сихема. Колодцы из Беер-Шева. Что связывает Палестину с Западной Европой?	
Филистимляне	280
Царь Саул.	
Иерихонские трубы	286
Обезглавленные скелеты. Были ли это Содом или Гоморра?	
Клинописные таблички из Самарии	294
Страстные поиски. Золотой телец. Пыль и нищета.	
Иерусалим	300
Голгофа. Вифлеем. «Его город».	
Рукописи	308
Забальзамированная рукопись. Как козы помогли сделать открытие. Монахи, торговцы, профессора. Один миллион золотом. Охота продолжается. Холм кумранских черепков. Современные лингвисты. Так ли?	

III. НА НИЛЕ

Надпись со «словом божьим»	329
Корабль мертвых. Правитель ада. Приключение начинается. Розеттский камень. Попытки дешифровки. Появление новой звезды. Перст судьбы. Бельзони выуживает из Нила обелиск. Первая кафедра египтологии. Сенсационные Фивы. Обелиск царицы. Ступенчатый храм царицы Хатшепсут. Он умер.	
Наследник	350
Декрет из Канопы. Юристы, торговцы, филологи. Как можно стать пашой. Становится светлее. Как они писали? Нераскрытые тайны. Магические буквы. Опустошенные архивы.	
Могила Осириса	361
Похороненные заживо. Черепки и рыба. Плач по умершему богу. Храм Сети I. Лавина памятников.	
Закрома Иосифа	367
Пирамиды и всемирный потоп. Бедствия в Гизе. Коровы Иосифа. Мир затаил дыхание. Загадочная архитектура. Позолоченный череп. Золото в лабиринте Саккара. Гробница оказалась пустой. Падающие камни и пустые саркофаги. Время строительства — 20 лет. Царские барки Хеопса. Где находится потусторонний мир? Белокурая царица. Реконструкция из пыли.	
Тайны пирамид	387
Религия меняется. Религия солнца. Чудотворный образ. Святилища солнца. Признаки наступающей бури. Тексты пирамид. Поднимается буря. Конец Древнего царства.	
Гибель богов	400
Блуждание по лабиринту. Ил и передвигающаяся крыша. Новый распад египетского государства. Царица и отец богов. Ненавистная.	
В Долине царей	411
Таблички из Эль-Амарны. Ахетатон. Проклятый. Тайнственная гробница. Прекрасный властелин. Неразгаданные загадки. Это был не Эхнатон. К солнцу!	
Возвращение богов	424
Эксперты, пилигримы и репортеры. Золотой зал. Золотые ковчеги. Проклятие фараонов. Золотые гробы. Перед лицом фараона. Измеренный и оцененный. Воск в руках жрецов.	
Тайники мумий	440
По следу. Тайник. Второй тайник. Тайнственные сфинксы.	
У Красного моря	447
Отважные приключения. Пауки, книги и ученые. Город царицы. Были ли у царицы Савской козлиные ноги?	
Возвращение и взгляд в будущее	455
Лунный бог из Гермополиса. Египетские катакомбы. Израильская стела. Библия и папирус Гарриса. Моисей. У Синая. Монастырь Конец виднеется. Прощание с духом.	
Примечания	469

ЭРИХ ЦЕРЕН
БИБЛЕЙСКИЕ ХОЛМЫ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*

Редактор *Н. Н. Водинская*
Художник *Т. Заливаха*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *С. М. Павлович* и *Г. В. Стругова*

*

Сдано в набор 28/VI 1965 г.
Подписано к печати 3/III 1966 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 30+0,375 вкл.
Уч.-изд. л. 26,53. Тираж 35 000 экз.
Изд. № 1416 Зак. № 593

Индекс $\frac{1-6-2}{1159-65}$

Цена 1 р. 63 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Отпечатано с набора 2-й типографии
издательства «Наука» в типографии
«Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16
Заказ № 4145

Лр. 63к

БИБЛЕЙСКИЕ ХОЛМЫ